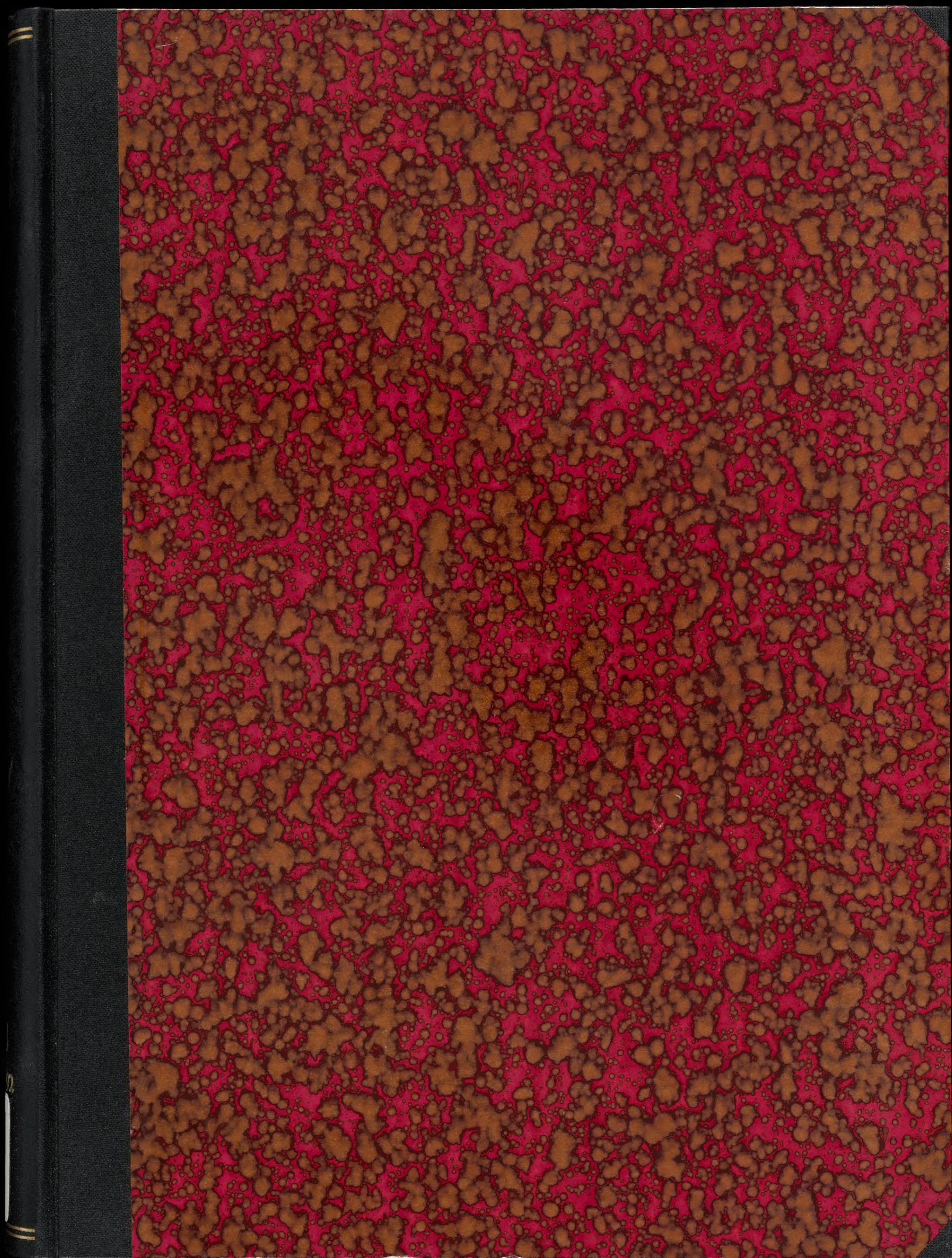

THE GETTY CENTER LIBRARY
Why ask for the moon
when we have the stars?
AS

4 – 8

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique, № 4. Antiquités du Nord-Ouest de la Russie, livraison 1-re. St.-Pétersbourg. 1890. 4°.

Sommaire.

A. Recherches de Mr N. Avénarius sur les antiquités de Droguitchine (sur le Boug), district de Bielsk, au gouvernement de Grodno. I). Aperçu historique (pag. 1 — 6). II — III) Objets antiques trouvés à Droguitchine: instruments de pierre; haches, couteaux, boucles, anneaux, briquets, pointes de flèches et de lances en fer; anneaux, boucles et spirales en bronze; fusaïoles; perles; bagues et bracelets en verre; pierres à aiguiser; peignes, épingles, aiguilles et différents ornements en os; poterie; plaquettes en plomb ornées de lettres et de figures etc. (pag. 6—18). IV) Anciens tombeaux et tumuli au district de Bielsk et résultats de quelques fouilles (pag. 18—24). V—VI) Considérations sur les anciens habitants de ces lieux (pag. 24—37). VII) Monuments du Droguitchine russe (pag. 37—42).

B. Description de quelques objets antiques trouvés au gouvernement de Vitebsk, dans les districts de Lutzine (pag. 48—50) et de Dunabourg (pag. 50—60), précedée d'une liste bibliographique des travaux publiés sur les antiquités de cette province (pag. 45—48).

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

ДРЕВНОСТИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Томъ первый, выпускъ первый.

(=I/1)

СЪ КАРТОЮ, 7 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 28 ПОЛИТИПАЖАМИ.

=I–VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ДРОГИЧИНЪ НАДБУЖСКІЙ

И

ЕГО ДРЕВНОСТИ.

Н. П. АВЕНАРІУСА.

I.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, на правомъ берегу Западнаго Буга, лежитъ заштатный городъ Дрогичинъ, который, въ отличіе отъ другихъ селеній того-же имени (Кобринскаго и Холмскаго), называется Дрогичиномъ Бѣльскимъ, Надбужскимъ, Подляшскимъ или первымъ.

Время его основанія неизвѣстно. Польскій историкъ Ярошевичъ [1]) полагаетъ, что въ 1038 г. Великій Князь Ярославъ, вторично побѣдивъ Ятвяговъ, заселилъ ятвяжскую землю русскими колонистами и при этомъ случаѣ основалъ *Дрогичинъ*, Мельникъ, Брянскъ и Бѣльскъ. Это предположеніе не подтверждается ни русскими, ни польскими источниками. Лѣтописецъ говоритъ только: «иде Ярославъ на Ятвягы» и упоминаетъ о Дрогичинѣ въ первый разъ лишь въ 1142 г., да и то вскользь: «и рече Игорь: даеть ны (великій князь) по городу, Берестий и *Дорогычинъ*, Черторыескъ и Кльчскъ» [2]). Затѣмъ почти до половины 13-го вѣка лѣтопись не упоминаетъ о Дрогичинѣ. Но изъ хроники Кадлубка [3]) мы видимъ, что въ концѣ 12-го вѣка здѣсь сидѣлъ какой-то русскій князь (Ruthenorum Drohiciensis Princeps), съ которымъ воевалъ польскій король Казимиръ Справедливый.

Въ 20-хъ, а можетъ быть и въ 30-хъ годахъ 13-го столѣтія Дрогичинъ на короткое время попалъ въ руки Поляковъ. То было, по словамъ лѣтописца, время «бесчисленныхъ ратей, и великихъ трудовъ, и частыхъ войнъ, и многихъ крамолъ, и частыхъ возстаній» [4]). Даніилъ Романовичъ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, не могъ воспрепятствовать захвату Дрогичина Конрадомъ Мазовецкимъ, который поселилъ въ немъ такъ называемыхъ Добрынскихъ рыцарей, первыхъ крестоносцевъ въ языческой Пруссіи, предшественниковъ Тевтонскаго ордена. Разбитые Пруссами, эти рыцари удалились сначала подъ защиту польскаго герцога въ замокъ Добрынъ на Вислѣ, а потомъ въ Дрогичинъ, для защиты Мазовіи отъ Ятвяговъ. Тутъ они пробыли всего нѣсколько лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что когда Даніилъ, послѣ татарскаго погрома въ 1240 г., возвращался изъ Польши домой, то *держатель* Дрогичина не впустилъ его въ городъ. Мы не знаемъ, кто былъ этотъ держатель, нѣмецкій-ли рыцарь или мятежный бояринъ самого Даніила. Во всякомъ случаѣ Даніилъ вскорѣ снова овладѣлъ Дрогичиномъ. Замѣчательно, что,

---

[1]) Obraz Litwy. T. I. стр. 17. [2]) Ипат. лѣтоп. стр. 222.
[3]) Mag. Vincentii Chron. Polonorum. Изд. Пшездецкаго, стр. 201. [4]) Ип. лѣт. стр. 501.

требуя отъ *держателя* выдачи города, Даніилъ говоритъ: «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ». Отсюда слѣдуетъ, что великіе князья издревле причисляли Дрогичинъ къ своей вотчинѣ. Не менѣе важно и продолженіе этого лѣтописнаго извѣстія, хотя редакція его, вѣроятно по винѣ переписчика, нѣсколько сбивчива. По нашему мнѣнію смыслъ его слѣдующій: Даніилъ рѣшилъ отомстить держателю (коменданту) города, и когда городъ снова попалъ въ его руки, то онъ *обновилъ и создалъ* прекрасную церковь Пресвятой Богородицы и сказалъ: «это городъ мой, потому что я завоевалъ его». Отсюда мы узнаёмъ, что въ Дрогичинѣ уже ранѣе была православная церковь во имя Пресвятой Богородицы, потому что Даніилу пришлось возобновить ее.

Въ 1246 г. Ятвяги, пользуясь отсутствіемъ Даніила, напали на его стольный городъ Владиміръ. Но братъ его Василько разбилъ ихъ и въ теченіи трехъ дней гналъ отъ Владиміра до *Дрогичина*. У воротъ этого города произошла рѣшительная битва, кончившаяся пораженіемъ непріятеля. Съ этого времени Дрогичинъ дѣлается передовымъ постомъ и сборнымъ пунктомъ русскихъ князей въ ихъ походахъ противъ Ятвяговъ [1]). Предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ распространяться объ этихъ походахъ, чрезвычайно подробно и драматично описанныхъ лѣтописцемъ-очевидцемъ. Желающихъ познакомиться съ ними въ болѣе популярной формѣ мы отсылаемъ къ превосходному пересказу проф. Иловайскаго [2]).

Въ Дрогичинѣ совершилось въ 1253 г. вѣнчаніе Даніила Романовича королевскою короною. Папа уже давно предлагалъ ему эту корону въ надеждѣ привлечь его къ уніи. «Древле бо того прислалъ к нему пискупа Береньского и Каменецького, река ему: прими вѣнѣцъ королевьства. Он же в то время не приялъ бѣ, рѣка: рать Татарьская не престаеть злѣ живущи с нами, то како могу прияти вѣнѣць, бес помощи твоей» [3]). Вторая встрѣча Даніила съ папскими легатами была въ Краковѣ въ 1253 г., когда онъ возвращался изъ своего безплоднаго похода въ Чехію. Но и тутъ отвѣтъ Даніила былъ уклончивый: «не подобаеть ми видитися с вами в чюжой земли» [4]). Наконецъ, побуждаемый частью политическими соображеніями, частью настойчивыми просьбами Болеслава, Семовита, бояръ и родной матери, Даніилъ согласился принять королевскую корону. Обрядъ совершился въ томъ-же 1253 г. въ Дрогичинѣ. Лѣтописецъ не говоритъ, въ какомъ именно храмѣ, но нужно полагать, что въ той именно церкви Пречистой Богородицы, которую Даніилъ *обновилъ и создалъ*. Въ концѣ концовъ папа не прислалъ обѣщанной помощи противъ Татаръ, а Даніилъ остался вѣрнымъ православію.

Послѣ смерти Даніила Дрогичинъ вошелъ въ удѣлъ Шварна Даніиловича. Неизвѣстно, жилъ-ли онъ въ этомъ городѣ, но похороненъ онъ во Львовѣ. Въ 1274 (вѣрнѣе въ 1272) году, уже послѣ смерти Шварна, литовскій князь «Тройдений, забывъ любви Лвовы (Льва Даніиловича), послав Городняны, велѣ взяти *Дорогичинъ*, и Тридъ с ними же бяшеть. Се же вѣдашеть о городѣ, како моцно взяти, излѣзъ же и ночью и тако взяша и на самы великъ день (Праздн. Св. Пасхи) *избиша и всѣ отъ мала и до велика*» [5]). Понятно, что раззоренный до тла городъ, достав-

---

[1]) По Ипат. списку дрогичинская битва происходила въ 1248 г. Но такъ какъ лѣтописецъ здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ событіяхъ, постоянно опаздываетъ на 1—3 года, то мы при обозначеніи годовъ пользуемся исправленною хронологическою таблицею, составленною г. Боннелемъ, на основаніи изслѣдованія Шёгрена «Ueber die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen».

[2]) Исторія Россіи. Т. II, стр. 474 и слѣд.

[3]) Ип. лѣт. стр. 548. Хотя это событіе обозначается въ лѣтописи 1255 (читай 1253) годомъ, но происходило оно вѣроятно гораздо ранѣе.

[4]) Ип. лѣт. 548. [5]) Ип. лѣт. стр. 575.

шись по наслѣдству внуку Даніила, Юрію Львовичу, не понравился послѣднему. Юрій то и дѣло просилъ, хотя и безуспѣшно, великаго князя Владиміра Васильевича дать ему вмѣсто Дрогичина какой-нибудь другой городъ, хоть бы Брестъ. Вѣроятно Дрогичинъ послѣ Тройденова погрома не скоро поправился; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ уже не упоминаетъ объ немъ [1]). За неимѣніемъ источниковъ мы не знаемъ, кому изъ волынскихъ князей принадлежала дрогицкая земля послѣ погрома, Владиміру-ли Волынскому или Льву Луцкому, но въ 1310 г. она была завоевана литовскимъ княземъ Гедиминомъ.

По пресѣченіи династіи Романовичей, Дрогичинъ въ 1351 г. вошелъ въ составъ владѣній Кейстута Гедиминовича [2]). Въ 1383 г. Янушъ, князь мазовецкій, зять Кейстута, занялъ Дрогичинъ, но не долго пользовался имъ. Въ томъ-же году Ягелло обложилъ Дрогичинъ и, не смотря на храброе сопротивленіе коменданта Сасина, взялъ его штурмомъ, причемъ русскіе, бывшіе въ замкѣ, (по словамъ Стрыйковскаго) ночью подложили въ нѣсколькихъ мѣстахъ огонь подъ деревянными пряслами, изъ которыхъ были составлены городскія стѣны, и бѣжали въ непріятельскій лагерь. Сасинъ-же, видя, что всякое сопротивленіе напрасно, ушелъ съ остаткомъ своей рати по тайному ходу къ рѣкѣ Бугу, гдѣ были приготовлены лодки къ отступленію въ Мазовію.

До 1569 г. Дрогичинъ входилъ въ составъ вел. княжества Литовскаго, а затѣмъ былъ присоединенъ къ польской коронѣ. Еще въ 1498 г. вел. князь Александръ далъ ему такъ называемое Магдебургское право, а въ 1520 онъ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ воеводства подляшскаго. Съ 17-го вѣка начинается постепенный упадокъ Дрогичина. Въ 1631 и 1637 гг. онъ страшно пострадалъ отъ пожаровъ; въ послѣдовавшія затѣмъ войны Польши съ Россіей и Швеціей онъ подвергся еще большему раззоренію; наконецъ въ 1637 г. семиградскій воевода Ракочи превратилъ его въ груду развалинъ; уцѣлѣли лишь фарный костелъ и нѣсколько каменныхъ домовъ. Въ 18-мъ столѣтіи Дрогичинъ уже не подвергался подобнымъ бѣдствіямъ, но обновленіе его шло чрезвычайно медленно. Въ 1713 г. въ цѣломъ городѣ считалось 117 домовъ, то есть на 65% менѣе противъ 1585 года. Въ числѣ домовъ люстрація показала не малое число лачугъ, построенныхъ изъ глины. Только церкви, училища и присутственныя мѣста придавали ему значеніе какъ бы города [3]).

Въ настоящее время въ Дрогичинѣ числится около 1000 жителей, на половину христіанъ и евреевъ. Собственно говоря, весь городъ состоитъ изъ непомѣрно большой рыночной площади, окаймленной еврейскими лавками и шинками, и нѣсколькихъ расходящихся отъ площади переулковъ, въ которыхъ живутъ крестьяне и мѣщане, занимающіеся исключительно земледѣліемъ и огородничествомъ. Среди этихъ лачугъ высятся мрачныя громады упраздненныхъ францисканскаго и бенедиктинскаго монастырей, іезуитской коллегіи и піарскаго училища. Изъ этихъ зданій шла когда-то польская пропаганда, на столько успѣшная, что мало по малу значительная часть жителей этого кореннаго русскаго города перешла въ католичество, а остальная, сохранивъ православную вѣру, перестала считать русскій языкъ своимъ [4]).

---

[1]) Впрочемъ Ип. лѣт. и прерывается на 1292 году.

[2]) Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы придерживаемся «Описанія Гродн. губ.» Бобровскаго (II, стр. 955 и слѣд.), который пользовался польскими источниками.

[3]) Бобровскій, II, 968.

[4]) Явленіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ какихъ нибудь 5—8 верстахъ отъ Дрогичина, въ деревняхъ, вверхъ по Бугу, малорусское нарѣчіе сохранилось и по теперь (см. послѣднюю главу этой статьи).

На площади стоитъ привославная приходская, бывшая уніатская церковь Св. Николая. О древнихъ православныхъ храмахъ по обѣ стороны Буга [1]), изъ которыхъ сохранилась только маленькая троицкая церковь во имя Св. Варвары, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

На юго-западной сторонѣ города виднѣется изъ-за домовъ рыночной площади зеленый холмъ, повидимому очень небольшой. Въ дѣйствительности же высота его, отъ рѣки до вершины, простирается до 150 футовъ. Эта, такъ называемая замковая, гора отдѣляется отъ города глубокимъ рвомъ, который въ теченіи вѣковъ отъ стока весеннихъ водъ превратился въ крутой, изрытый оврагъ. Съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, замковая гора представляетъ почти отвѣсныя, постепенно обвалившіяся стѣны. На одной изъ этихъ стѣнъ, обращенной къ рѣкѣ бокомъ, виднѣется на высотѣ 10 саженъ двойное отверстіе. Тутъ былъ подземный ходъ, чрезъ который въ 1383 г. спасся русскій гарнизонъ замка. Другая, обращенная лицомъ къ рѣкѣ, сторона замковой горы, перерѣзанная на $^1/_3$ высоты искусственнымъ оврагомъ, постепенно понижается по направленію теченія рѣки и наконецъ обращается въ горизонтальный высокій берегъ.

II.

Я былъ въ Дрогичинѣ три раза. Въ 1886 г. я открылъ дрогичинское городище и произвелъ нѣсколько пробныхъ раскопокъ въ ближайшихъ курганахъ. Въ 1887 и 88 годахъ я продолжалъ изслѣдованіе городища и нанесъ на составленную мною археологическую карту Бѣльскаго уѣзда (см. табл. I) до 40 могильниковъ съ нѣсколькими тысячами могилъ, изъ которыхъ болѣе ста раскопаны подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ [2]). Вещественные результаты и отчеты о моихъ изслѣдованіяхъ я препроводилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, съ разрѣшенія и отчасти на средства которой я производилъ мои работы.

Приступая къ описанію дрогичинскаго городища, я долженъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ я разумѣю подъ словомъ *городище* не остатки укрѣпленнаго селенія, а вообще всѣ подземные остатки древняго города, независимо отъ наружныхъ признаковъ (земляныхъ валовъ), которые въ Дрогичинѣ не сохранились. Открытіемъ этого городища я обязанъ случайности. Узнавъ, что пріобрѣтенная мною у одного мальчика пряслица найдена на берегу Буга, гдѣ, по его словамъ, валяется еще много негодныхъ вещей, я спустился по поперечному оврагу къ самой рѣкѣ, а именно къ песчаной отмели, простирающейся между лѣтнимъ русломъ рѣки и отвѣснымъ берегомъ. На этой отмели я въ теченіи нѣсколькихъ часовъ собралъ до сотни мелкихъ древнихъ предметовъ — черепковъ, бусъ, желѣзныхъ ножей, бронзовыхъ колецъ и т. под. Затѣмъ, повернувшись къ берегу, я тутъ-же нашелъ и разгадку. Начиная отъ подножія замковой горы, вплоть до сада бывшаго піарскаго училища, на протяженіи 100—150 саж., поперечный разрѣзъ берега Буга представляется въ видѣ трехъ, рѣзко обозначающихся пластовъ: верхній пластъ наносный,

---

[1]) Замѣчательно, что городъ Дрогичинъ, стоящій на правомъ, восточномъ берегу Буга, называется Лядскимъ (Польскимъ), а посадъ Дрогичинъ, находящійся противъ него, въ предѣлахъ царства Польскаго,—русскимъ. Это объясняется тѣмъ, что посадъ сохранилъ православіе, а городъ значительно окатоличился.

[2]) Во всѣхъ этихъ работахъ принималъ участіе мой сынъ, студентъ университета.

новый; нижній — сѣрая материковая глина; средній — толщиною въ 2—3 арш. — прожженная свѣтло-сѣрая земля или, точнѣе, выгорѣвшій мусоръ, изъ котораго торчатъ гнѣзда древеснаго угля, почернѣлые отъ огня камни, выжженныя до красна глыбы глины, кости, безчисленные черепки и т. под. Этотъ мусорный слой до того слабъ, что при малѣйшемъ прикосновеніи осыпается, увлекая за собою верхній черноземный слой. Тѣ-же три формаціи, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, нашелъ я на всѣхъ городскихъ обрывахъ, на замковой горѣ и въ оврагахъ. Зап. Бугъ, заливая весною луговой берегъ на нѣсколько верстъ, поднимается по нагорному на 1—2 сажени и подмываетъ его. Иногда разливъ едва доходитъ до мусорнаго слоя; зато въ другой разъ, какъ напр. въ 1888 г., вода, достигая верхняго, черноземнаго слоя, срываетъ громадныя, саженныя глыбы и, унося съ собой размельченныя земляныя частицы, оставляетъ, послѣ упада, на песчаной отмели часть предметовъ, находившихся въ мусорномъ слоѣ. Вслѣдствіе этого болѣе или менѣе обильный сборъ этихъ предметовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ высоты весенняго разлива.

По сдѣланнымъ мною въ разное время пробнымъ раскопкамъ я убѣдился, что сожженный слой или, другими словами, дрогичинское городище, занимаетъ не только всю площадь нынѣшняго города, но вверхъ по рѣкѣ и отчасти по бѣльскому тракту простирается далеко за предѣлы его. Кромѣ того имѣются ясныя указанія, что немалая часть древняго Дрогичина лежитъ въ нынѣшнемъ руслѣ Буга, измѣнившаго, въ теченіи вѣковъ, свое русло на многія сотни саженъ. Самое старое русло лежитъ приблизительно за $1\frac{1}{2}$ версты за новымъ и обозначается рядомъ мелкихъ озеръ и болотъ; другое (принадлежащее, вѣроятно, уже историческому періоду) находится за посадомъ Русскій Дрогичинъ и представляетъ собою песчаную ложбину; наконецъ, по сравненіи карты 1789 года, найденной мною въ дрогичинскомъ городскомъ управленіи, съ нынѣшнею, оказывается, что въ теченіи послѣдняго столѣтія лука́, образуемая Бугомъ подъ Дрогичиномъ, значительно увеличилась. Вотъ почему и на луговой сторонѣ, на отмеляхъ Русскаго Дрогичина, попадается не мало вещицъ, тождественныхъ съ правобережными.

Большая часть собранныхъ мною въ Дрогичинѣ предметовъ принадлежитъ къ числу находокъ и только весьма немногіе къ числу раскопокъ. Не разъ случалось мнѣ находить почти рядомъ вещи, очевидно принадлежащія разнымъ эпохамъ и, безъ сомнѣнія, размытыя рѣкою. Затѣмъ многія вещи приносились мнѣ мѣстными жителями, которые, на вопросъ о мѣстѣ нахожденія предмета, могли лишь указать на берегъ, русло рѣки, оврагъ, картофельную яму. Наконецъ, пробныя раскопки, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ городища, дали предметы, годные лишь для провѣрки — кости, черепки и металлическіе обломки. Такимъ образомъ о точной классификаціи моей дрогичинской коллекціи не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, благодаря разнообразію и числу найденныхъ вещей (болѣе 1000 экземпляровъ), можно многія изъ нихъ, съ нѣкоторою достовѣрностью, отнести къ той или другой эпохѣ.

Въ числѣ этихъ предметовъ занимаютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, первое мѣсто такіе, которые по своей древности выходятъ за предѣлы археологіи, именно довольно большіе куски янта́ря, голенныя мамонтовыя кости и рога допотопнаго оленя. Предметы эти были выловлены изъ Буга лоцманами, очищающими фарватеръ рѣки.

Затѣмъ слѣдуютъ каменные топоры, которые, судя по тщательной выдѣлкѣ, могутъ быть отнесены къ такъ называемой неолитической эпохѣ, а можетъ быть уже и ко времени введенія желѣзныхъ издѣлій, когда каменныя орудія еще не вышли изъ употребленія. Одинъ необыкновенно большой топоръ, вполнѣ сохранившійся, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, былъ найденъ на ново-

образовавшейся мели противъ Дрогичина; другой, кремневый, также хорошо отшлифованный, но видимо бывшій уже въ употребленіи, поднятъ на берегу между Русскимъ Дрогичиномъ и деревней Бужиско. Вообще каменные топоры не составляютъ особенной рѣдкости въ окрестностяхъ Дрогичина. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ у помѣщика деревни Кореневки, г. Еленскаго, выпаханный у него въ полѣ необыкновенно изящный топорикъ изъ свѣтлаго мелкозернистаго камня, весьма схожій по формѣ съ топорами, найденными проф. Самоквасовымъ въ окрестностяхъ Пятигорска. Такой-же топорикъ былъ, по разсказамъ, у помѣщика Юндзилла, но затерянъ имъ.

Мелкихъ каменныхъ или кремневыхъ орудій — стрѣлокъ, ножей и т. п. я не встрѣчалъ ни въ Дрогичинѣ, ни въ его окрестностяхъ.

Затѣмъ, сортируя найденные предметы по ихъ матеріалу, мы замѣчаемъ, что всѣ бронзовыя вещи принадлежатъ къ числу украшеній; напротивъ, всѣ безъ исключенія металлическія орудія, — топоры, ножи, оконечники копій и стрѣлъ, выдѣланы изъ желѣза.

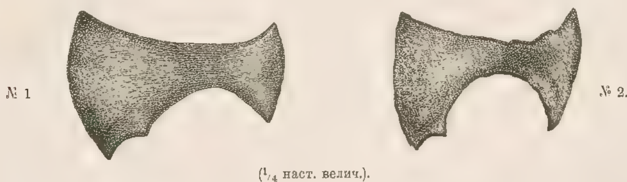
Продолжая нашу сортировку, мы дѣлаемъ попытку отдѣлить дохристіанскіе предметы отъ позднѣйшихъ. Къ первымъ относимъ прежде всего стекляную «*слезницу*», найденную мѣщаниномъ при копаніи ямы близъ францисканскаго монастыря (см. табл. II, рис. 3). Она лежала въ ногахъ разложившагося скелета, въ головахъ котораго стоялъ глиняный горшокъ, къ сожалѣнію, разбитый тѣмъ-же мѣщаниномъ.

Потомъ слѣдуетъ куфическій диргемъ, случайно найденный при рытіи ямы въ центрѣ города. По опредѣленію В. Г. Тизенгаузена, монета эта выбита въ г. Махи (древнемъ Хамаданѣ) въ 129-мъ году гиджры (соотвѣтствующемъ 746—747 году нашего лѣточисленія [1]). Въ верхней части продѣлана круглая дырочка; отсюда можно заключить, что этотъ диргемъ служилъ привѣскою; судя по его превосходной сохранности, нужно полагать, что онъ весьма недолго былъ въ употребленіи и еще въ томъ же 8-мъ столѣтіи схороненъ въ землѣ.

Для опредѣленія древности другихъ предметовъ мы, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, въ родѣ даты, способа погребенія и т. п., пользуемся прежде всего методомъ сравненія и находимъ, что весьма многія изъ найденныхъ въ Дрогичинѣ вещей очень сходны, чуть не тождественны, съ вещами, открытыми нами въ языческихъ могилахъ Бѣльскаго уѣзда.

Сюда, между прочимъ, относятся:

1) *Желѣзные топоры* со слѣдующими признаками: широкое лезвее съ выемкою въ нижней его части; сравнительно узкая шейка; широкое, выпуклое, но слабое и, слѣдовательно, негодное для удара тылье съ постепенно съуживающимися концами, (см. прилагаем. рис. № 1, топора изъ дрогичинскаго городища; рис. № 2, топора изъ каменной могилы въ Чарнѣ Великой).

(¼ наст. велич.).

---

[1]) Ср. его монографію о халифскихъ монетахъ, стр. 63, № 658, и стр. 301.

2) *Малые желѣзные ножи*, которые вѣроятно назначались для домашняго употребленія. (См. рис. на стр. 11, № 7).

3) *Кольца* изъ бронзовой проволоки, неспаянныя, витыя (см. табл. II, рис. 1, кольцо изъ дрогичин. городища; рис. 2, кольцо изъ каменной могилы близь уроч. Грабнякъ).

№ 3.

$^1/_4$ натур. велич.

4) *Бронзовыя массивныя пряжки* (см. табл. II, рис. 4, изъ дрогичин. городища, pendant къ найденной въ Чарнѣ Великой; см. слѣд. главу); разница только въ степени сохранности.

5) Желѣзныя кресала (см. прилаг. рис. № 3).

6) Пряслицы (см. табл. II, рис. 7).

7) Маленькіе точильные камни.

8) Нѣкоторыя изъ стекляныхъ и каменныхъ бусъ (см. табл. II, рис. 22).

9) Обломки стекляныхъ браслетовъ, сходныхъ съ найденными въ могилахъ Владиміро-Волынскаго уѣзда (см. табл. II, рис. 28).

Всѣ эти предметы, по близкому своему сходству съ найденными въ языческихъ могилахъ, должны быть отнесены къ дохристіанскому періоду.

Къ тому-же времени принадлежатъ, по всей вѣроятности, и слѣдующіе предметы, хотя и не повторяющіеся въ могилахъ Бѣльскаго уѣзда:

Бронзовыя спиральныя кольца (см. табл. II, рис. 5); витыя изъ тонкой бронзовой проволоки кольца или серьги (см. тамъ-же, рис. 6); нѣкоторыя костяныя украшенія (см. тамъ-же, рис. 8, 19, 20, 26); большой каменный брусокъ съ жолобомъ, на которомъ очевидно вытачивались пряслицы, и т. под.

При дальнѣйшемъ разборѣ нашего дрогичинскаго матеріала мы ставимъ себѣ слѣдующій вопросъ: если древнѣйшія вещи принадлежатъ дохристіанскому періоду, то къ какому времени относятся всѣ прочія?

Во 1-хъ, мы знаемъ изъ исторіи, что Дрогичинъ подвергался совершенному опустошенію въ 1240, 1272 и 1383 годахъ. Такимъ образомъ мусорный слой образовался не сразу, а по меньшей мѣрѣ въ три пріема; слѣдовательно и находящіяся въ немъ вещи принадлежатъ не одному времени.

Во 2-хъ, послѣ ягелловскаго погрома въ 1383 г. Дрогичинъ въ теченіи почти 3-хъ вѣковъ не видалъ непріятеля, а слѣдовательно и не подвергался опустошенію. Отсюда мы выводимъ, что новѣйшая часть мусорнаго слоя никакъ не моложе 14-го вѣка.

Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ слѣдующіе доводы: а) между тѣмъ, какъ въ наносномъ слоѣ, толщиною въ 2—3 аршина, зачастую попадаются монеты 14—17 вѣковъ [1]), въ мусорномъ слоѣ мы не нашли ни одной монеты этого времени; б) въ наносномъ слоѣ между прочимъ найдены: шведская сабля 17-го вѣка, старинныя ружейныя и пистолетныя части, картечное ядро, серебряный сабельный крюкъ, серебряная кунтушная застежка и другіе сравнительно

---

[1]) Въ моихъ рукахъ перебывало нѣсколько сотъ монетъ, найденныхъ мѣстными жителями. Древнѣйшія изъ западно-европейскихъ монетъ—пражскіе гроши короля Іоанна; изъ польскихъ—гроши Владислава Ягеллы; затѣмъ слѣдуютъ серебряные безъименные гроши первыхъ Ягеллоновъ; серебряныя-же монеты польскія, шведскія и бранденбургскія 16-го и 17-го столѣтій; чаще же всего встрѣчаются извѣстные мѣдные шеляги Яна Казимира. Между всѣми этими монетами, найденными, по большей части, въ огородахъ, я не встрѣчалъ ни одной интересной по своей рѣдкости.

новые предметы. Въ мусорномъ слоѣ не найдено никакихъ слѣдовъ огнестрѣльнаго оружія, вообще ни одной вещи, явно принадлежащей послѣднимъ четыремъ столѣтіямъ.

Конечно нѣтъ никакой возможности распредѣлить вещи мусорнаго слоя даже по столѣтіямъ; но форма, выдѣлка и степень сохранности однородныхъ предметовъ указываютъ на большую или меньшую ихъ древность. Такъ, напримѣръ, всѣ сильно окисленныя, почти безформенныя сулицы

№ 4.

(Наст. велич.).

№ 5.

(¼ наст. велич.).

и гвоздеобразные, одинаково заостренные съ обоихъ концовъ наконечники (см. прилаг. рис. № 4), по нашему мнѣнію, древнѣе, чѣмъ большія копья, правильно скованныя и порядочно сохранившіяся (см. прилаг. рис. № 5). Равнымъ образомъ всѣ грубо выдѣланные наконечники стрѣлъ и спиральныя кольца древнѣе изящныхъ наконечниковъ (изобр. на табл. II, рис. 25) и спаянныхъ колецъ и перстней.

№ 6.

(Наст. велич.).

Не имѣя возможности описать всѣ предметы дрогичинскаго городища, мы ограничимся перечнемъ ихъ по разрядамъ:

1) *Каменныя издѣлія*: топоры; точильные бруски; пряслицы (табл. II, рис. 7); бусы (тамъ-же, рис. 34); крестики (тамъ-же, рис. 10, 11, 14); граненые цвѣтные камешки безъ оправы; полукруглый шиферный миніатюрный ларчикъ съ остатками красной краски въ выдолбенной срединѣ и т. п.

2) *Стекляныя:* слезница (табл. II, рис. 3); обломки колецъ, перстней и браслетовъ (табл. II, рис. 28); бусы (тамъ-же, рис. 17, 18, 22).

3) *Глиняныя:* безчисленное количество черепковъ всякаго рода неполиванной посуды, начиная отъ грубѣйшей, ручной работы, до затѣйливой по формамъ и узорамъ. Тутъ встрѣчаются (въ обломкахъ) большіе и малые горшки, миски, блюда и блюдца, кувшины съ рыльцами, ушками и узкими горлышками и т. под. На донышкахъ я ни разу не встрѣчалъ оттисковъ (домовыхъ марокъ?), подобныхъ описаннымъ гр. Тышкевичемъ и проф. Котляревскимъ.

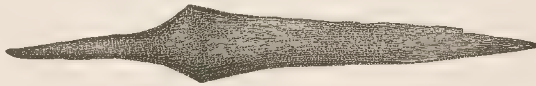
4) *Костяныя:* шпильки; иглы; обломки гребней; разнаго рода мелкія украшенія (табл. II, рис. № 8, 16, 19, 20, 26).

5) *Свинцовыя:* оттиски съ буквами и знаками (см. слѣд. главу и табл. III); крестики; привѣски къ серьгамъ; плоскіе круги; набалдашники; грузила; множество сплавленныхъ кусковъ.

6) *Бронзовыя и мѣдныя:* крестики (см. слѣд. главу и табл. II, рис. 9, 12, 13, 15); кольца спаянныя и не спаянныя (табл. II, рис. 1. 2, 5, 6); перстни; большія головныя булавки съ украшеніями (см. рис. на стр. 10-й, № 6); множество разныхъ пряжекъ и фибулъ (см. прилаг. рис. № 8 и табл. II, рис. 29, 32, 33); запонки (табл. II, рис. 31); скобки; крючекъ съ рѣзьбой; ручка отъ неизвѣстнаго предмета; разныя привѣски и украшенія съ рѣзьбой; сапожная подковка и т. п.

7) *Желѣзныя:* топоры (см. стр. 8); наконечники копій, стрѣлъ (см. табл. II, рис. 21, 23, 24, 25 и прилаг. рис. № 5 и 9); сулицы; обломки мечей; большой ножъ; малые ножи (болѣе 60; см. прилаг. рис. № 7); шпоры; конскіе приборы; огромный серпъ; мотыга; большіе и малые

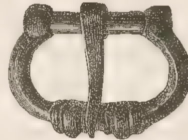
№ 7.

(Наст. велич.).

ключи; кресала; рыболовный крюкъ; кольца; цѣпочки; пряжки; орудіе неизвѣстнаго назначенія (см. прилаг. рис. № 10) и проч.

№ 8.

(Наст. велич.).

Изъ стекляныхъ и каменныхъ вещей первое мѣсто принадлежитъ бусамъ. Едва-ли найдется въ цѣломъ свѣтѣ предметъ болѣе распространенный и консервативный. Всегда и вездѣ, гдѣ цивилизація впервые сталкивалась съ первобытною жизнью, первымъ и главнымъ предметомъ ввоза является буса. Такъ было еще во времена Финикіянъ; тоже самое повторяется и въ наше время на австралійскихъ островахъ и на берегахъ Конго. Поэтому, при всей кажущейся маловажности этой невзрачной вещицы, присутствіе ея въ могилахъ и городищахъ всегда служитъ лучшимъ доказательствомъ сношеній мѣстныхъ жителей съ другими странами. Распространеніе бусы такъ повсемѣстно, что она могла-бы служить пре-

№ 9.

(1/4 наст. велич.).

№ 10.

(1/4 наст. велич.).

краснымъ матеріаломъ для карты народныхъ переселеній и сношеній въ доисторическій періодъ, если-бы не эта ея постоянная косность, неизмѣнность въ формѣ и составѣ. Впрочемъ въ исторіи встрѣчаются періоды, когда буса временно какъ-бы исчезаетъ изъ употребленія. Одинъ изъ составителей Ипатской лѣтописи (стр. 199) разсказываетъ, что когда онъ въ 1114 г. пришелъ въ Ладогу, то ему говорили жители, «гдѣ яко есть егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже вы-

поласкываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста; суть же различни». Когда монахъ выразилъ по этому случаю свое удивленіе, то ладожане ему сказали: это, молъ, еще ничего; а вотъ старики наши ходили за Югру и за Самоядь, такъ они видѣли тамъ, что какъ опустится туча, то изъ этой тучи падаетъ молодая вѣверица (бѣлка), едва родившаяся, и ростетъ и расходится по землѣ, а затѣмъ бываетъ другая туча, и падаютъ изъ нея молодые олени, и ростутъ и расходятся по землѣ. Этотъ наивный и характеристическій разсказъ доказываетъ, что ни представитель тогдашней цивилизаціи, монахъ-лѣтописецъ, ни жители Ладоги не имѣли понятія о бусахъ, найденныхъ на ладожскомъ городищѣ и вырванныхъ (выполосканныхъ, по выраженію лѣтописца) изъ него разливомъ Волхова, подобно тому, какъ дрогичинскія бусы размываются Бугомъ. Я собралъ на берегу Буга, въ самой рѣкѣ и въ различныхъ мѣстахъ дрогичинскаго городища, нѣсколько сотъ бусъ и бисеринокъ. Приблизительно третья часть изъ нихъ стеклянная, остальныя каменныя или, точнѣе, выжженныя изъ стекловидной массы. Эти послѣднія можно раздѣлить на разряды: одноцвѣтныя (по большей части свѣтлозеленыя), мозаиковыя, т. е. съ искусно влѣпленными узорами сквозь всю массу, и эмальированныя, т. е. съ наведенными на поверхности изъ той-же массы цвѣтными узорами. Стекляныя всѣ одноцвѣтныя: зеленыя, желтыя, бѣлыя и безцвѣтныя. Кромѣ того встрѣчается еще одинъ разрядъ, самый красивый, сдѣланный, повидимому, изъ жженной глины и покрытый стекляною поливою. Эти бусы, очень разнообразныя по формамъ и по выпуклымъ узорамъ, сходны съ найденными въ каменныхъ могилахъ близь деревни Кореневки.

Стекляные браслеты, найденные въ многочисленныхъ обломкахъ, подобно кольцамъ, бронзовымъ и стекляннымъ, не спаивались концами, что, по нашему мнѣнію, было очень практично. Гладкіе браслеты встрѣчаются рѣдко; чаще они имѣютъ видъ жгута, иногда двухцвѣтнаго. Одни изъ нихъ сохранили прозрачность; другіе, вслѣдствіе разложенія стекла, сдѣлались болѣе или менѣе тусклыми.

Такъ называемыхъ пряслицъ (см. табл. II, рис. 7) найдено нами въ дрогичинскомъ городищѣ болѣе сотни, слѣдовательно болѣе, чѣмъ гр. Уваровымъ въ 5000 мерянскихъ могилахъ. Найденный на берегу Буга оселокъ съ желобками, какъ разъ соотвѣтствующими поверхности пряслицъ, доказываетъ, что послѣднія выдѣлывались и обтачивались въ Дрогичинѣ. Форма пряслицъ довольно разнообразна, но цвѣта онѣ бываютъ различнаго, чаще всего сѣраго.

Изъ прочихъ предметовъ, добытыхъ изъ дрогичинскаго городища, заслуживаютъ особаго вниманія крестики и свинцовые оттиски.

III.

Нѣкоторые изъ крестиковъ можно вѣрнѣе назвать крестовидными украшеніями, такъ какъ они, по всей вѣроятности, не имѣли священнаго значенія и употреблялись еще до введенія христіанства. Къ такимъ украшеніямъ я отношу костяной однообразный предметъ съ вращающейся на шарнирѣ перекладиной (табл. II, рис. 16) и бронзовое украшеніе грубой выдѣлки въ формѣ цвѣтка съ расположенными крестообразно лепестками (табл. II, рис. 15). Каменные (табл. II, рис. 10, 11) и свинцовые (тамъ же, рис. 14) крестики, не смотря на грубость работы, очевидно принадлежатъ уже христіанскому періоду. Изъ бронзовыхъ я считаю древнѣйшими маленькіе крестики, состоящіе изъ тонкихъ цилиндрическихъ перекладинъ, оканчивающихся шарообразными

украшеніями и съ квадратнымъ щиткомъ на срединѣ (табл. II, рис. 13). Къ менѣе древнимъ принадлежатъ кресты съ распятіемъ на одной сторонѣ и изображеніемъ восьмиконечнаго креста на другой (табл. II, рис. 12), которые, судя по близкому ихъ сходству съ крестикомъ, найденнымъ въ Мстиславовомъ храмѣ во Владимірѣ-Волынскомъ, я отношу къ XII—XIII столѣтіямъ. Можетъ быть къ тому-же времени нужно отнести и другіе сходные съ нимъ крестики.

Къ древне-же русскому періоду исторіи Дрогичина нужно отнести единственныя въ своемъ родѣ и интересныя по своей загадочности *свинцовыя пластинки* съ оттисками церковно-славянскихъ буквъ и разныхъ украшеній.

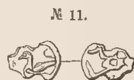
Пластинки эти встрѣчаются отдѣльными экземплярами, вмѣстѣ съ другими вещами у самого подножія городища, на протяженіи 100—150 саженъ, частью на береговой отмели, частью въ самой рѣкѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ. Въ теченіи 87 и 88 годовъ мною собрано около 900 штукъ, изъ которыхъ приблизительно 700 представлены въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а остальныя розданы разнымъ любителямъ. Величина пластинокъ различна, отъ маленькой великокняжеской деньги Іоанна IV до большой новгородской, псковской или рязанской деньги. Форма еще неправильнѣе и разнообразнѣе нашихъ древнихъ денегъ, но штемпель былъ, судя по его слѣдамъ, всегда круглый. Толщина отъ двухъ до трехъ миллиметровъ. На многихъ пластинкахъ не сохранилось никакихъ оттисковъ; на другихъ — посредственные, и только приблизительно на одной трети общаго числа болѣе или менѣе отчетливо видны или отдѣльныя церковно-славянскія буквы, или какія-нибудь изображенія.

Иногда на обѣихъ сторонахъ встрѣчаются разныя буквы (напр. часто повторяется **Т** съ одной и **И** съ другой стороны); въ другихъ экземплярахъ — на одной сторонѣ буква, на другой крестъ или какое-нибудь другое изображеніе; наконецъ въ третьей категоріи изображенія съ обѣихъ сторонъ.

По тщательной разсортировкѣ мы нашли слѣдующія буквы, повторяющіяся отъ 1 до 30 разъ: **Б, В, Д, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Є, Т, Ѹ, Ф, Ц, Ш, Щ, Ь, Ѣ, Ю** и **Ѧ** (табл. III, рис. 1—32). Встрѣчается еще нѣсколько другихъ буквъ, которыхъ мы объяснить не умѣемъ.

Изображенія встрѣчаются слѣдующія: четырехконечный крестъ; восьмиконечный крестъ ломаной линіей; крестъ схожій съ сегнеровымъ колесомъ; крестъ съ полумѣсяцами въ углахъ; крестъ въ кружкѣ (колесо?); крестъ съ якоремъ, рука (dextra Dei?); рука съ короткимъ мечемъ; человѣкъ во весь ростъ; лицо; голова въ шапкѣ; одноглавый орелъ; четвероногое съ загнутой назадъ головой и поднятымъ хвостомъ (табл. III, рис. 33—50); гусь (?); см. прил. рис. № 11.

№ 11.

Чаще прочихъ изображеній встрѣчается крестъ; другія, напр. человѣкъ впрямь, крестъ съ якоремъ, четвероногое и гусь найдены всего въ одномъ экземплярѣ.

Первый, обратившій вниманіе на дрогичинскія пластинки, былъ извѣстный литовскій археологъ графъ Константинъ Тышкевичъ. Получивъ въ 1864 г. отъ дрогичинскаго мѣщанина Амброжевскаго нѣсколько десятковъ экземпляровъ этихъ пластинокъ [1]), онъ помѣстилъ о нихъ

[1]) Гр. Тышкевичъ говоритъ о нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ. Между тѣмъ въ виленскомъ музеѣ хранится 175 штукъ такихъ-же пластинокъ, которыя, какъ значится въ каталогѣ музея, за № 409, доставлены г. Янушевичемъ. Вѣроятно эти пластинки получены музеемъ уже по напечатаніи статьи гр. Тышкевича, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что, имѣя подъ рукой такой богатый матеріалъ, онъ, можетъ быть, пришелъ-бы къ другимъ выводамъ.

статью на стр. 115—122 I тома «Трудовъ Имп. Моск. Археол. Общества», подъ заглавіемъ: «Свинцовые оттиски, найденные въ рѣкѣ Бугѣ у г. Дрогичина».

Изъ этой статьи мы видимъ, что Виленская Археол. Коммиссія, подвергнувъ свинцовыя пластинки ученому изслѣдованію, пришла къ догадкѣ, что онѣ, какъ найденныя въ древней землѣ ятвяговъ, близь главнаго ихъ города Дрогичина, могли быть *печатями*, привѣшиваемыми къ документамъ ятвяговъ, и что оттиснутые на нихъ знаки были вѣроятно *знаками достоинства* лицъ, обратившимися со временемъ въ родовые гербы.

Гр. Тышкевичъ, возводя догадку Вил. Археол. Комм. о ятвяжскомъ происхожденіи пластинокъ въ несомнѣнный фактъ, не нуждающійся въ критикѣ, говоритъ такъ: «по самому виду ихъ механической отдѣлки слѣдуетъ допустить, что ятвяги уже имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, а извѣстность свинца безспорно доказываетъ торговыя ихъ сношенія съ сосѣдними странами; по этому народъ, у котораго была своя промышленность и нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, не могъ уже быть тѣмъ, чѣмъ исторія представляетъ его, то есть кочевымъ и дикимъ». «Изъ этого», присовокупляетъ онъ, «не слѣдуетъ, однакоже, что эти вычеканенные изъ свинца кружки должны быть непремѣнно печатями, привѣшенными къ грамотамъ; ибо, если допустить, что ятвяги уже имѣли писанныя грамоты, служащія выраженіемъ политическихъ отношеній и упроченнаго гражданскаго порядка, то мы признали-бы за ними степень цивилизаціи гораздо выше той, какой они въ самомъ дѣлѣ достигли». Вслѣдствіе этого гр. Тышкевичъ, съ своей стороны, дѣлаетъ другое, не менѣе смѣлое предположеніе, а именно, «что эти оттиски, по всей вѣроятности, принадлежали къ предметамъ, посвященнымъ Божеству, и составляли какой-то *религіозный символъ* (стр. 121)....; они могли представлять *домашнія божества*, складывавшіяся куда нибудь на жертву, или-же носимыя съ собою; тѣ изъ нихъ, на которыхъ сохранились отверстія, могли быть какимъ нибудь *религіознымъ талисманомъ*, который, можетъ статься, вѣшали въ священныхъ рощахъ или носили на снуркахъ, подобно тому, какъ нынѣ въ христіанствѣ носятъ крестики или медаліоны святыхъ» (стр. 122).

Къ статьѣ гр. Тышкевича приложены двѣ таблицы съ 20-ю рисунками оттисковъ, увеличенныхъ въ 2×2 раза. Разбирая изображенныя на нихъ буквы, онъ находитъ *финскія, германскія и славянскія руны*; затѣмъ русское **Ш** и латинское XI. Вся эта выведенная имъ самимъ путаница приводитъ его къ заключенію, выписанному нами выше. Если-бы онъ внимательнѣе, а можетъ быть и безпристрастнѣе, отнесся къ своимъ-же таблицамъ, то онъ нашелъ-бы въ нихъ, кромѣ **Ш**, еще слѣдующія славянскія буквы: **Ж**, **Л**, **Ц**, **Щ** и **Ѧ**.

Мы не знаемъ, были ли въ распоряженіи гр. Тышкевича пластинки съ другими церковно-славянскими буквами [1]), но полагаемъ, что изъ несомнѣнно ему извѣстнаго сочиненія его-же земляка Ярошевича онъ долженъ былъ знать, что Дрогичинъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ принадлежалъ волынскимъ князьямъ. А потому, если онъ въ своей статьѣ обстоятельно говоритъ о ятвягахъ, которымъ будто-бы принадлежалъ Дрогичинъ, и ни однимъ словомъ не обмолвился о *древне-русскомъ* Дрогичинѣ, то причина умолчанія о славянскихъ буквахъ на пластинкахъ ка-

---

[1]) Старикъ Амброжевскій мнѣ говорилъ, что, сверхъ пластинокъ, онъ доставилъ гр. Тышкевичу еще нѣсколько мѣдныхъ крестиковъ, найденныхъ имъ-же на берегу Буга. Повидимому уже одно сопоставленіе найденныхъ въ одномъ мѣстѣ православныхъ крестиковъ и пластинокъ съ церковно-славянскими буквами должно было навести графа на дѣйствительное происхожденіе послѣднихъ; но о крестахъ онъ не упоминаетъ ни слова, а пластинки приписалъ язычникамъ ятвягамъ, умолчавъ о славянскихъ буквахъ.

жется намъ странною, а выводъ автора тенденціознымъ или, по меньшей мѣрѣ, не научнымъ.

Въ томъ-же I томѣ «Трудовъ» Моск. Археол. Общ. (стр. 123 — 124) напечатаны «дополнительныя свѣдѣнія къ предыдущей статьѣ», доставленныя гр. Тышкевичемъ въ редакцію уже по прочтеніи его статьи въ засѣданіи Общества. Отсюда мы узнаемъ слѣдующее: во 1-хъ чешскій археологъ К. В. Запъ, «соглашаясь съ мнѣніемъ Виленской Археол. Коммиссіи, усматриваетъ въ свинцовыхъ оттискахъ *сходство съ польскими и чешскими гербами* и, сверхъ того, приходитъ къ мысли, что какъ въ древности торговыя дороги внутрь Россіи проходили черезъ рѣки Бугъ и Нѣманъ, то свинцовые эти штемпели могли изображать *таможенныя клейма или тамги*». Съ послѣднимъ мнѣніемъ гр. Тышкевичъ не соглашается.

Во 2-хъ членъ англійскаго археологическаго общества ученый пасторъ Scarth извѣщаетъ, что сходные съ помянутыми оттиски найдены въ Англіи, въ графствѣ Вестморлендъ въ Brudg'ѣ, при одной изъ *римскихъ* станцій.

Въ 3-хъ г. Roach-Smith открылъ другіе подобные, хранящіеся въ Британскомъ Музеѣ, и таковые приказалъ отгравировать для собственной коллекціи; англійскіе ученые приходятъ къ заключенію, что это могли быть *клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ.*

Гр. Тышкевичъ кончаетъ свое сообщеніе заключеніемъ, что загадочныя зарубки на разныхъ чешскихъ зданіяхъ, до сихъ поръ не разгаданныя мѣстными учеными, имѣютъ много общаго съ изображеніями на дрогичинскихъ свинцовыхъ оттискахъ.

Наконецъ въ томъ-же томѣ «Трудовъ» Моск. Археол. Общ. (стр. 242 — 248) помѣщена еще «замѣтка къ статьѣ гр. Тышкевича» покойнаго профессора А. Котляревскаго, въ которой авторъ, не упоминая о свинцовыхъ пластинкахъ, по поводу ихъ разбираетъ клейма на могильныхъ горшкахъ.

Большая часть высказанныхъ о пластинкахъ предположеній не нуждается въ обсужденіи. Въ виду ясно оттиснутыхъ на нихъ церковнославянскихъ буквъ и крестовъ нечего доказывать, что онѣ не ятвяжскаго, а русскаго происхожденія, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какихъ-то ятвяжскихъ гербахъ, финскихъ или германскихъ рунахъ, языческихъ амулетахъ и т. под. Что касается сходства дрогичинскихъ пластинокъ съ англійскими, то оно оказалось мнимымъ. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, къ которому мы обратились съ просьбой о разъясненіи этого вопроса, обязательно сообщилъ намъ, что, по наведеннымъ имъ справкамъ, найденныя въ Англіи свинцовыя пластинки гораздо объемистѣе дрогичинскихъ и что на нихъ оттиснуты нумера римскихъ когортъ и легіоновъ; такимъ образомъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ нашими пластинками. Наконецъ сближеніе нѣсколькихъ неразгаданныхъ изображеній на пластинкахъ съ загадочными знаками, нацарапанными на какихъ-то старинныхъ чешскихъ зданіяхъ, и съ оттисками на донышкахъ могильныхъ горшковъ, найденныхъ въ виленской губерніи, представляется въ нашихъ глазахъ натяжкою, не стоющею пересмотра. Такимъ образомъ изъ цѣлаго ряда мнѣній, высказанныхъ по поводу дрогичинскихъ пластинокъ, остается лишь одно, съ которымъ можно считаться: онѣ могли быть пломбами или клеймами. Но объ этомъ позже.

Гр. Тышкевичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько десятковъ пластинокъ, не собранныхъ имъ на мѣстѣ, а присланныхъ ему изъ Дрогичина. Всѣ прочія лица, писавшія о пластинкахъ, вовсе не видали ихъ, а узнали ихъ только по литографическимъ таблицамъ гр. Тышкевича. Напротивъ, пишущій эти строки, разобравъ многія сотни собранныхъ имъ экзем-

пляровъ, имѣлъ возможность изслѣдовать самое мѣсто ихъ нахожденія. Основные выводы, полученные нами, заключаются въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, дрогичинскія пластинки несомнѣнно русскаго происхожденія и принадлежатъ тому времени, когда русскій языкъ былъ въ Дрогичинѣ правительственнымъ и когда русскіе правительственные знаки, тисненные или чеканные, не были еще замѣнены латинскими или польскими.

Во 2-хъ, эти пластинки размыты Бугомъ изъ мусорнаго пласта дрогичинскаго городища, въ которомъ верхній, т. е. новѣйшій слой принадлежитъ концу 14-го стол. Слѣдовательно пластинки относятся къ древне-русскому, а не къ слѣдующему за нимъ русско-литовскому періоду.

Въ 3-хъ, нигдѣ, кромѣ Дрогичина, эти пластинки не встрѣчаются; по этому нѣтъ сомнѣнія, что онѣ выдѣланы въ самомъ Дрогичинѣ.

Эти три положенія мы считаемъ доказанными. Всѣ слѣдующія болѣе или менѣе гадательны.

Если пластинки принадлежатъ древне-русскому періоду, то спрашивается, къ какому именно столѣтію?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только приблизительно. Русскіе князья управляли Дрогичиномъ, съ небольшими перерывами, болѣе трехъ вѣковъ, сначала изъ Кіева, потомъ изъ Владиміра-Волынскаго. Судя по разнообразнымъ типамъ пластинокъ, мы относимъ ихъ ко 2-й половинѣ древне-русскаго періода, т. е. къ волынско-галицкой, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Замѣчая самыя разнообразныя изображенія на пластинкахъ, мы спрашиваемъ, откуда они взялись? Сфрагистическіе и нумизматическіе типы всегда изобрѣтались туго и иногда оставались неизмѣнными въ теченіи вѣковъ. Такъ, напримѣръ, средневѣковые варвары, подобно нынѣшнимъ Абессинцамъ, которые не признаютъ другой монеты, кромѣ талеровъ съ портретомъ Маріи Терезіи, долгое время чеканили подражанія римскимъ монетамъ съ изображеніемъ цезаря. Потомъ явился порталъ, а съ другой стороны крестъ, и немногіе другіе типы, которые опять держались цѣлыми столѣтіями. Сосѣди, у которыхъ не хватало творческаго духа, перенимали эти типы у нѣмцевъ, какъ нѣкогда нѣмцы у римлянъ (вспомнимъ вендскія подражанія 10—11 вѣковъ). Но съ размноженіемъ монетныхъ дворовъ и прогрессивнымъ ухудшеніемъ металла увеличилось и число типовъ. Наконецъ, когда денары превратились въ никуда негодные брактеаты, разнообразіе типовъ разрослось до невѣроятія, съ тѣмъ, чтобы съ введеніемъ грошевой системы (въ 14 в.) опять ограничиться небольшимъ числомъ. Но даже и въ этотъ сравнительно короткій періодъ богатства нумизматическихъ типовъ изобрѣтательность часто уступаетъ подражанію. Согласно извѣстному закону, что подражать несравненно легче, чѣмъ изобрѣтать, лица или учрежденія, имѣвшія право чеканить монету, часто заимствовали у другихъ готовые типы, изъ которыхъ нѣкоторые, напр. левъ, орелъ и т. п., сдѣлались излюбленными и перешли на новыя денежныя системы.

Мы полагаемъ, что замѣчательные по своему разнообразію дрогичинскіе оттиски относятся именно къ тому періоду, когда въ западной Европѣ господствовало разнообразіе нумизматическихъ типовъ, т. е. къ 12—14 столѣтіямъ. Находя между первыми и послѣдними цѣлый рядъ общихъ изображеній—голову, голову въ шапкѣ съ украшеніемъ на груди, человѣка впрямь, руку (dextra), руку съ мечемъ, птицу, четвероногое—мы думаемъ, что дрогичинскій мастеръ скопировалъ ихъ съ современныхъ ему заграничныхъ монетъ, подобно тому какъ, нѣсколько позже его,

денежные мастера Василія Темнаго копировали свои типы съ тѣхъ-же скверныхъ, успѣвшихъ уже выйти изъ употребленія, маловѣсныхъ денаровъ и ломкихъ брактеатовъ.

До насъ не дошло ни одной монеты владиміро-галицкаго княжества. Даже единственная извѣстная намъ печать Юрія II сдѣлана за границей. На всемъ протяженіи волынскаго княжества не найдено ни одного денара или брактеата 12 — 14 вѣковъ; эти номинальныя по своей низкопробности монеты не хоронились въ землю и потому не дошли до насъ. Но типы ихъ сохранились на дрогичинскихъ пластинкахъ.

Предупредивъ, что сказанное есть ни болѣе, ни менѣе, какъ гипотеза, переходимъ къ другому вопросу, еще болѣе гадательному.

Къ чему могли служить эти пластинки? Изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше мнѣній мы выдѣлили одно, заслуживающее обсужденія. Со словъ гр. Тышкевича мы знаемъ, что чешскій ученый Запъ и нѣкоторые англійскіе археологи пришли къ заключенію, что это могли быть таможенныя клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ. Хотя гр. Тышкевичъ и не раздѣляетъ этого мнѣнія, приводя очень вѣскія возраженія, но поводъ къ такому предположенію данъ имъ-же самимъ.

Онъ первый замѣтилъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ своихъ пластинокъ слѣды боковыхъ отверстій и, для лучшаго обозначенія послѣднихъ, придѣлалъ къ нимъ на своихъ рисункахъ шнурки, которые, въ дѣйствительности, конечно, не сохранились.

Въ экземплярахъ, найденныхъ мною въ первый годъ моихъ дрогичинскихъ раскопокъ, я этихъ боковыхъ сквозныхъ отверстій не замѣтилъ и, считая наблюденія гр. Тышкевича ошибочными, вывелъ другое заключеніе о назначеніи пластинокъ, отъ котораго впослѣдствіи отказался. Позже, когда въ моемъ распоряженіи были многія сотни пластинокъ, я дѣйствительно нашелъ на многихъ изъ нихъ слѣды, замѣченные Тышкевичемъ. Наконецъ, на нѣсколькихъ экземплярахъ, очевидно слабо стиснутыхъ щипцами или другимъ орудіемъ, я нашелъ видимое доказательство, что они состояли изъ двухъ слоевъ, сложенныхъ книжкой. Такимъ образомъ предположеніе Запа и англійскихъ ученыхъ *отчасти* оправдывается. Это, по всей вѣроятности, было то, что мы на обыденномъ языкѣ называемъ *пломбами*, то-есть двойная свинцовая печать, въ которой заключены связанные концы шнурка. Отсутствіе названныхъ наружныхъ признаковъ на бо́льшей части экземпляровъ ничего не доказываетъ, такъ какъ и нынѣ употребляемыя пломбы кажутся состоящими изъ одного куска свинца. Впрочемъ, для провѣрки слѣдовало-бы разложить нѣсколько пластинокъ на составныя половинки и тогда тамъ, можетъ быть, найдутся если не слѣды самого шнурка, [1]) то слѣды желобка, по которому шелъ шнурокъ.

И такъ наружные признаки пластинокъ приводятъ къ предположенію, что это были пломбы, въ смыслѣ свинцовой двусторонней печати, заключавшей въ себѣ шнурокъ. Но были-ли это товарныя пломбы, въ родѣ нашихъ таможенныхъ или акцизныхъ, это другой вопросъ. Сколько извѣстно, товарныя пломбы впервые введены Кольберомъ, значитъ въ 17-мъ вѣкѣ. Употреблялись-ли онѣ гдѣ-нибудь ранѣе этого времени, мы не знаемъ. По этому было-бы слишкомъ смѣло

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что мы нашли часть сохранившагося шнурка въ предметѣ гораздо древнѣйшемъ, и именно въ серебряныхъ кольцахъ, взятыхъ изъ дохристіанскихъ могилъ.

предположить, что онѣ были извѣстны въ волынско-галицкой Руси въ 12—14 вѣкахъ [1]). Затѣмъ имѣемъ-ли мы основаніе говорить о таможенныхъ или товарныхъ пломбахъ, когда изъ исторіи намъ неизвѣстно ничего о торговлѣ Дрогичина? Конечно, и въ данномъ случаѣ найдется матеріалъ для гипотезъ. Можно, напримѣръ, предположить, что чрезъ Дрогичинъ направлялась торговля пушнымъ товаромъ изъ занаревскаго ятвяжскаго края и близкой бѣловѣжской пущи въ западную Европу; что, благодаря этой торговлѣ, *слѣды которой сохранились въ таможенныхъ пломбахъ*, Дрогичинъ достигъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражается въ безчисленныхъ находимыхъ въ его городищѣ предметахъ. Но мы предпочитаемъ не дѣлать такихъ рискованныхъ предположеній, и потому говоримъ: свинцовыя пластинки, по всей вѣроятности, служили пломбами, но едва-ли товарными или таможенными.

Въ археологіи очень нерѣдко встрѣчаются предметы загадочные, назначеніе которыхъ неизвѣстно. Далеко не всѣ древнія издѣлія могутъ быть разсматриваемы, какъ прототипы употребляемыхъ нами предметовъ. Подобно тому, какъ у насъ есть вещи и потребности, которыхъ не знали наши предки, такъ и у нихъ могли быть свои вещи и свои потребности, съ ними исчезшія и намъ неизвѣстныя. Можетъ быть и дрогичинскія пластинки нужно отнести къ этому разряду предметовъ, для опредѣленія котораго у насъ нѣтъ даже соотвѣтствующаго слова.

На этомъ послѣднемъ предположеніи мы остановимся.

IV.

Изслѣдованіемъ дрогичинскаго городища я занимался въ видѣ отдыха между разъѣздами по Бѣльскому уѣзду. Уѣздъ этотъ необыкновенно богатъ доисторическими могилами, которыя, по внѣшнему ихъ виду, способу погребенія и содержанію, можно раздѣлить на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга разряда: 1) земляныя насыпи или курганы [2]) и 2) плоскія, сложенныя изъ дикаго камня могилы.

Курганы Бѣльскаго и сосѣдняго съ нимъ Соколовскаго (Сѣдл. губ.) уѣздовъ очень рѣдко встрѣчаются единичными экземплярами, но по большей части группами въ 4—30 насыпей. Мною нанесено на карту 19 группъ близь слѣдующихъ селеній: Верхуца Надбужная, Вулька, Гродискъ, Дрогичинъ (2 группы), Клызовка, Лисова (2 группы), Макарка, Мельникъ, Минчево, Острожаны, Путковицы, Руница, Сады, Цецели и Чарна (2 группы). Изъ этихъ 19-ти группъ я лично изслѣдовалъ 11, раскопавъ въ каждой изъ нихъ отъ одной до 5-ти насыпей [3]).

Двѣ изъ этихъ группъ я долженъ тутъ-же выдѣлить, какъ неимѣющія ничего общаго съ прочими. Близь деревни Путковицы мнѣ попалась группа двухъаршинныхъ кургановъ, изъ кото-

---

[1]) А. В. Шумовскій, въ письмѣ объ этомъ предметѣ къ автору настоящей статьи, справедливо замѣчаетъ, что въ средніе вѣка при сборѣ таможенныхъ пошлинъ ограничивались выдачею на свободный провозъ товаровъ, письменныхъ ярлыковъ, скрѣпленныхъ восковою или другою печатью.

[2]) Слово *курганъ* здѣсь неизвѣстно. Народъ называетъ ихъ или просто горками или шведскими могилами. Странно, что единственный разъ, когда мнѣ пришлось слышать отъ мѣстныхъ жителей слово *курганъ* (въ дер. Щитахъ), оно было примѣнено не къ насыпямъ, а къ каменнымъ могиламъ.

[3]) Всего раскопано много 16 кургановъ: 1) въ дер. Заешники (2 версты отъ Дрогичина); 2) въ урочищѣ Волянская Березина (4 версты отъ Дрогичина); 3) въ урочищѣ Гай Лисовскій (двѣ группы въ 6 и 7 верст. отъ Дрогичина); 4) близь дер. Чарны Великой (25 в. отъ Дрогичина); 5) въ лѣсу г-жи Кучинской, близь дер. Дражнево, по ту сторону Буга (3 вер. отъ Дрогичина); 6) близь дер. Путковичи (7 в. отъ Дрогичина).

рыхъ каждый былъ окруженъ вѣнцомъ громадныхъ валуновъ. Въ первомъ-же курганѣ я нашелъ 4 прекрасно сохранившихся скелета; на черепѣ одного изъ нихъ оказались два глубокихъ шрама отъ сабельныхъ ударовъ. Меня сразу озадачило расположеніе труповъ, видимо случайное, такъ какъ они лежали головами въ разныя стороны; затѣмъ отсутствіе неизбѣжныхъ могильныхъ горшковъ. Наконецъ дѣло разъяснилось: найденная при одномъ изъ скелетовъ маленькая серебряная монета 1650 года указала, что этотъ могильникъ принадлежитъ времени шведскихъ войнъ и моровой язвы, обезлюдившей всѣ окрестности Дрогичина. Понятно, что осталось лишь зарыть трупы и прекратить дальнѣйшую раскопку этого могильника. Другая группа, подобная путковицкой, попалась мнѣ близь Мельника; тамъ въ одной безпорядочной кучкѣ были сложены какъ человѣческія, такъ и лошадиныя кости.

Всѣ остальныя группы принадлежатъ къ числу доисторическихъ. Онѣ расположены на берегу рѣчекъ и источниковъ, или неподалеку отъ нихъ. Форма кургановъ всегда одна и таже — куполообразная. Вышина отъ 1 до 4-хъ аршинъ; окружность въ 20—50 шаговъ. Средняя вышина 2 аршина, средняя окружность 30 шаговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они были выше. Раскопки производились частью послойно (если курганъ былъ ниже 2-хъ арш.), частью траншеей и доводились всегда до материка. Въ 1888-мъ году я, по совѣту Д. Я. Самоквасова, сдѣлалъ провѣрочную раскопку нѣкоторыхъ прошлогоднихъ работъ, проведя колодезь на 3—4 аршина ниже уровня земли, но ни разу не встрѣчалъ какіе-либо слѣды погребенія.

Общіе признаки изслѣдованныхъ мною кургановъ были слѣдующіе: на глубинѣ $\frac{1}{2}$—1 аршина отъ вершины показываются черепки одного или двухъ неполиванныхъ горшковъ. Осторожно снявъ, а затѣмъ сметя покрывающій ихъ слой земли, я замѣчаю, что черепки эти очень рѣдко лежатъ вмѣстѣ, одной кучкой, но по большей части разбросаны на довольно большомъ разстояніи; такъ-же разсѣяны находившіяся въ нихъ сожженныя кости и уголья. Отсюда я вывожу, что горшокъ не былъ раздавленъ тяжестью земли, а разбитъ или разметанъ другими элементарными силами—временемъ или вѣтромъ, а можетъ быть и человѣческой рукой, еще въ то время, когда онъ стоялъ на вершинѣ кургана, послѣ чего, въ теченіи вѣковъ, онъ постепенно покрылся не толстымъ слоемъ земли. Впрочемъ, объ этомъ предположеніи, основанномъ на показаніи Ибнъ-Дасты, мы поговоримъ ниже.

Сравнивая черепки горшковъ, я замѣтилъ, что одни изъ нихъ съ очень толстыми стѣнками, плохо обожженные, повидимому ручной работы и безъ всякихъ украшеній[1]). Другіе, напротивъ, лучше выжжены, съ тонкими стѣнками и съ украшеніями въ видѣ параллельныхъ линій или городковъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются черепки двухъ горшковъ, кромѣ человѣческихъ костей попадаются и кости мелкихъ животныхъ, напримѣръ берцовыя птичьи кости, вѣроятно, остатки тризны. Всѣ кости разбиты и совершенно выжжены. Уголь встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, почему нужно полагать, что сожженіе трупа происходило гдѣ-нибудь на сторонѣ, послѣ чего пепелъ его съ уцѣлѣвшими остатками костей ставился на курганъ, заранѣе насыпанный. Только въ одномъ курганѣ я на самомъ уровнѣ земли нашелъ очень большую кучу угля, перемѣшанную съ землею, между тѣмъ какъ и здѣсь горшокъ съ костями лежалъ только на $\frac{1}{2}$ ар-

[1]) Напр. въ плоскихъ и широкихъ курганахъ въ 3-хъ верстахъ отъ Дрогичина, при развѣтвленіи дорогъ въ Дятковичи и въ Семятичи.

шина отъ вершины; должно быть, въ этомъ случаѣ курганъ былъ насыпанъ на самомъ мѣстѣ кострища, изъ котораго предварительно были выбраны остатки трупа.

Во всѣхъ этихъ курганахъ, кромѣ разбитыхъ горшковъ, не найдено никакихъ издѣлій. Единственное исключеніе составляетъ каменный кружокъ изъ обожженной глины, напоминающій формой и величиной обыкновенную рѣпу, съ сквознымъ, круглымъ, искусственнымъ отверстіемъ, найденный въ курганѣ урочища Волянская Березина на глубинѣ 4-хъ аршинъ, т. е. на самомъ материкѣ.

Большинство кургановъ распахивается и засѣвается; съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ всѣ они сравняются съ землею.

Теперь переходимъ къ другому типу могилъ, чрезвычайно своеобразному, а именно къ плоскимъ могиламъ, сложеннымъ изъ дикаго камня, или, короче, къ каменнымъ могиламъ.

О прежнихъ изслѣдованіяхъ этихъ могилъ мы собрали слѣдующія свѣдѣнія: во 1-хъ, помѣщикъ имѣнія Щиты, г. Вевяровскій, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ раскопалъ нѣсколько могилъ въ принадлежащемъ ему урочищѣ Грабнякъ и результаты сообщилъ проф. Ярошевичу, который описалъ ихъ во 2-мъ, оставшемся въ рукописи, изданіи своихъ Obrazy Litwy [1]).

Во 2-хъ, въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкто Сонгинъ и съ нимъ два 15-ти лѣтнихъ мальчика, Шнейдеръ и Шпилевскій [2]), раскопали нѣсколько десятковъ каменныхъ могилъ и найденныя вещи распредѣлили поровну между виленскимъ и краковскимъ музеями. Виленскій отдѣлъ, обозначенный въ каталогѣ музея «коллекціей, пожертвованной г. Шнейдеромъ», состоитъ изъ 400 слишкомъ экземпляровъ, частью очень интересныхъ, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія, что въ значительной степени облегчило мою задачу.

Наконецъ, въ 3-хъ, были произведены раскопки каменныхъ могилъ въ сосѣдней съ Бѣльскимъ уѣздомъ Сѣдлецкой губерніи проф. Самоквасовымъ и г. Луневскимъ въ Грембковѣ и г. Эйхлеромъ въ Невядомѣ. Отчетъ о работахъ послѣдняго помѣщенъ въ журналѣ «Kłosy» за 1878 годъ.

Каменныя могилы никогда не встрѣчаются отдѣльными экземплярами, а всегда большими кладбищами въ 100, 200 до 500 могилъ.

Приблизительныя границы этихъ могильниковъ слѣдующія: на западъ Венгровскій уѣздъ, Сѣдлецкой губерніи; на сѣверъ Цѣхановецъ, Брянскъ и м. Наревъ; на югъ м. Мельникъ; восточной границы я опредѣлить не успѣлъ. Всѣ они расположены близь рѣчекъ и источниковъ; убѣдившись въ этомъ, я не разъ находилъ могильники безъ постороннихъ указаній.

Мною отмѣчены каменныя могилы близь слѣдующихъ селеній:

---

[1]) Г-ну Шпилевскому, нынѣ Бѣлостокскому уѣздному врачу, пишущій эти строки обязанъ цѣлымъ рядомъ важныхъ указаній по этнографіи края.

[2]) Благодаря любезности наслѣдниковъ Ярошевича, я имѣлъ возможность пользоваться этою рукописью, а равно и первымъ изданіемъ того-же сочиненія съ рукописными замѣтками автора. При этомъ случаѣ замѣчу, что когда я, слѣдуя указаніямъ Ярошевича, пріѣхалъ въ Щиты, то ни нынѣшній владѣлецъ имѣнія, сынъ покойнаго Вевяровскаго, ни священникъ, живущій здѣсь около 20 лѣтъ, не могли мнѣ указать этого могильника и очень удивились, когда я имъ на дѣлѣ доказалъ, что груды заросшихъ мхомъ и кустарникомъ камней состоятъ изъ отдѣльныхъ, правильно сложенныхъ могилъ, примыкающихъ одна къ другой общими стѣнками. Вообще розысканіе этого рода могилъ дѣло далеко не легкое, почему я полагаю, что лицамъ, желающимъ продолжать мои раскопки въ дрогицкомъ краѣ, составленная мною археологическая карта будетъ не безполезна.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губ. Александровка, Андріанка, Баратынецъ Русскій, Баратынецъ Ляшскій, Бацики ближніе, средніе и дальніе, Грабнякъ, Дентелово, Кореневка, Кривая, Крупица, Клюково, Малиново, Мелковица, Наройка, Сады, Скивы, Слохи, Смолюки, Твороги, Чарпа великая, средняя и церковная, Чартаёво.

Въ Сѣдлецкой губ.: Невядома, Островна и Константиновъ.

Въ общей сложности въ этихъ могильникахъ находится около 3000 могилъ, изъ которыхъ мною изслѣдовано приблизительно 120, въ томъ числѣ въ Чарнѣ Великой 50, а въ прочихъ [1]) по 2—5 могилъ.

При первомъ взглядѣ каменный могильникъ представляется обыкновенно въ видѣ безплодной, каменистой мѣстности, усаженной кустарникомъ и рѣдкими деревьями, но привычный глазъ немедленно отличитъ отдѣльныя могилы. Онѣ по большей части имѣютъ форму прямоугольника, длиною въ 3—4 арш. и шириною въ $1\frac{1}{2}$—3 арш.; иногда встрѣчаются и овальныя могилы тѣхъ-же размѣровъ. Всѣ онѣ совершенно плоскія и если выступаютъ надъ уровнемъ материка, то не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина.

Судя по устройству могилъ, нужно полагать, что обрядъ погребенія былъ слѣдующій:

Мѣсто, выбранное для могилы, обкладывалось большими валунами стоймя, иногда въ видѣ плотной циклопической стѣнки (какъ напр. въ Грабнякѣ и Чарнѣ), или просто въ видѣ вѣнца (напр. въ Мелковицѣ), при чемъ въ головахъ и ногахъ покойника ставился самый большой камень, плоской стороной внутрь. Такимъ образомъ получалось нѣчто въ родѣ плоскаго четыреугольнаго или овальнаго ящика, глубиною въ 1—$1\frac{1}{2}$ арш. Въ большей части случаевъ этотъ ящикъ углублялся на $\frac{1}{2}$ или 1 арш. (въ Чарнѣ на 2 арш.), вырытіемъ могильной ямы, но иногда яма вовсе не дѣлалась. Дно могилы или просто утрамбовывалось, или вымазывалось глиной или, наконецъ, выкладывалось мелкимъ булыжникомъ. На это дно клали покойника съ его приданымъ, оружіемъ, украшеніями и т. п. Засыпавъ покойника небольшимъ слоемъ земли, ставили ему въ ногахъ (а иногда, кажется, и въ головахъ) глиняный горшокъ съ остатками тризны; затѣмъ забрасывали весь ящикъ обыкновеннымъ булыжникомъ, почти до краевъ каменной стѣны. Очень часто могилы (именно прямоугольныя) устраивались вплотную, одна возлѣ другой. Въ такомъ случаѣ продольныя стѣны дѣлаются общими для двухъ могилъ, такъ что послѣ раскопки двухъ смежныхъ могилъ между ними остается плотно сложенная каменная стѣнка. Благодаря тяжести своего матеріала, каменныя могилы постепенно опустились почти до уровня земли. Что касается содержанія могилъ, то оно пострадало отъ двухъ причинъ: во 1-хъ многія изъ нихъ очевидно ограблены, доказательствомъ чему служитъ не только отсутствіе въ нихъ какихъ-либо вещей, но и безпорядокъ сохранившихся остатковъ. Такъ, напримѣръ, въ Грабнякскомъ могильникѣ я находилъ куски одного и того-же черепа разбросанными въ разныхъ мѣстахъ могилы; еще чаще встрѣчаются горшечные черепки, разбросанные по всей могилѣ или даже въ каменномъ покровѣ. Во 2-хъ, благодаря самому устройству могилы, атмосферныя вліянія, въ большей части случаевъ, или совершенно уничтожили костякъ и металлическіе предметы, или оставили отъ нихъ только немногіе слѣды. Ни въ одной языческой могилѣ не найдено мною вполнѣ сохра-

---

[1]) А именно: въ Наройкѣ (11 верстъ отъ Дрогичина), Кореневкѣ (10 верстъ отъ Дрогичина), Крупицѣ (9 верстъ отъ Дрогичина), Грабнякѣ (15 верстъ отъ Бѣльска и 64 в. отъ Дрогичина), Клюковѣ (8 вер. отъ Дрогичина), Мелковицѣ (9 в. отъ Дрогичина) и Александровкѣ или Радзивиловкѣ (35 в. отъ Дрогичина).

нившагося скелета. Обыкновенно находились лишь части черепа [1]) и, въ рѣдкихъ случаяхъ, небольшія части костей верхнихъ или нижнихъ оконечностей. Такимъ образомъ первоначальное положеніе костяковъ осталось гадательнымъ.

Всѣ каменные могильники очень сходны между собой, а потому я опишу только одинъ изъ нихъ, такъ называемую «Каменицу» [2]) близь деревни Чарны Великой, въ 25-ти верстахъ отъ Дрогичина и въ 5-ти отъ почтовой станціи Дятковичи.

Въ полуверстѣ отъ деревни, среди пахатнаго поля, возвышается небольшой холмъ, занимающій площадь въ десятину и представляющійся издали громадной кучей дикаго камня. Вся средняя, древнѣйшая часть могильника скрыта подъ десятипудовыми хаотически нагроможденными валунами, изъ которыхъ одни лежатъ совершенно свободно и теряютъ равновѣсіе при малѣйшемъ прикосновеніи, а другіе съ трудомъ выворачиваются помощью саженнаго рычага.

Чѣмъ ближе къ подножію холма, тѣмъ явственнѣе выступаютъ очертанія могилъ и, наконецъ, на окраинѣ его онѣ лежатъ правильными рядами, едва покрытыя мхомъ.

Я началъ раскопку съ этихъ послѣднихъ могилъ, несомнѣнно новѣйшихъ. Порядокъ раскопки здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ каменныхъ могилахъ, былъ слѣдующій: расшатанный и вывороченный ломомъ булыжникъ выбрасывается изъ могилы, стѣнки которой остаются нетронутыми; затѣмъ вынимаемая тонкими слоями, помощью заступа, земля бережно складывается небольшими кучками на краю могилы, гдѣ крестьянскія дѣти ее немедленно перетираютъ и просѣиваютъ; наконецъ съ первыми признаками погребенія начинается ручная работа. Я раскопалъ на подножіи холма 5 могилъ и во всѣхъ случаяхъ нашелъ одно и тоже: хорошо сохранившійся костякъ, лежащій на спинѣ, головою на В. (т. е. лицомъ на В.), съ протянутыми вдоль бедръ руками; въ ногахъ скелета раздавленный отъ тяжести камня горшокъ съ тонкими стѣнками и узорами въ видѣ параллельныхъ линій, а среди черепковъ какую-то жирную на ощупь земляную массу. Полное отсутствіе какихъ-либо издѣлій (за исключеніемъ горшковъ), сохранность и положеніе костяковъ, наконецъ вырѣзанный на одномъ изъ изголовныхъ камней маленькій крестъ наводятъ меня на мысль, что эта часть «каменицы» принадлежитъ переходному къ христіанству періоду, когда жители, принявъ крещеніе, продолжали хоронить покойниковъ на своемъ древнемъ языческомъ кладбищѣ и, рядомъ съ христіанскимъ обрядомъ погребенія, еще сохранили обычай дѣлиться съ покойникомъ остатками тризны и закладывать его могилу не землей, а камнемъ.

Послѣ этого я принялся за раскопку могилъ на средней, древнѣйшей и очевидно дохристіанской части Чарнской каменицы, частью уже изслѣдованной въ 1862-мъ году Сонгинымъ и его спутниками. Найденныя ими вещи я видѣлъ въ Виленскомъ музеѣ и потому приблизительно зналъ напередъ, что найду самъ. Двое изъ моихъ рабочихъ принимали личное участіе въ раскопкахъ 62-го года и могли помнить, которыя могилы изслѣдованы и которыя нѣтъ. Но, противъ моего ожиданія, работы моихъ предшественниковъ не только не облегчили, но, напротивъ, усложнили мой трудъ. Съ одной стороны, часть каменицы, какъ сказано выше, оказалась покрытою гру-

---

[1]) Только въ двухъ случаяхъ я нашелъ цѣльные черепы безъ нижнихъ челюстей; одинъ изъ нихъ принадлежитъ, повидимому, къ разряду долихоцефаловъ.

[2]) Съ чарнской каменицей мѣстное повѣрье связываетъ нечистую силу. Въ темныя ночи надъ ней появляются блуждающіе разноцвѣтные огоньки, души поганыхъ (языческихъ) покойниковъ.

дами тяжеловѣсныхъ камней, вынутыхъ изъ могилъ, такъ что для очистки поверхности каждой могилы пришлось поднимать и затѣмъ откатывать эти камни. Съ другой стороны, Сонгинъ, очищая какую-либо могилу отъ мелкаго булыжника, выбрасывалъ его въ лежащую рядомъ изслѣдованную уже могилу, затѣмъ изъ 3-й могилы во 2-ю и т. д., такъ что всѣ онѣ получали снова видъ дѣвственныхъ могилъ. Вслѣдствіе этого мнѣ неоднократно приходилось натыкаться на могилы, уже опустошенныя моими предшественниками. Кромѣ того я здѣсь, какъ и во многихъ другихъ могильникахъ, находилъ явственные слѣды еще болѣе древняго разграбленія. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать въ этомъ могильникѣ значительное число почти всѣхъ образцовъ предметовъ, встрѣчающихся въ этого рода могилахъ Бѣльскаго уѣзда.

О большей части этихъ предметовъ, а именно о топорахъ, ножахъ, кресалахъ, пряслицахъ, стекляныхъ бусахъ, неспаянныхъ бронзовыхъ кольцахъ, точильныхъ брускахъ и т. д., сходныхъ съ найденными въ дрогичинскомъ городищѣ, я уже говорилъ выше. Теперь остается сказать о тѣхъ вещахъ, которыя, сколько мнѣ извѣстно, составляютъ спеціальность каменныхъ могилъ и нигдѣ, кромѣ нихъ, не встрѣчаются.

Сюда относятся прежде всего оригинальныя по своей формѣ довольно большія и толстыя кольца, сдѣланныя частью изъ чистаго серебра, частью изъ накладнаго на мѣди серебра (табл. II, рис. 27). Изъ обоихъ несходящихся концовъ одинъ совершенно тупой; другой конецъ загнутъ назадъ и оканчивается завитушкой, сквозь которую продѣвался шнурокъ. Между прочимъ пять такихъ колецъ были найдены связанными однимъ шнуркомъ, который тутъ-же распался, но на двухъ кольцахъ эти шнурки сохранились на столько хорошо, что, по тщательному ихъ изслѣдованію помощью микроскопа, оказалось возможнымъ опредѣлить ихъ пряжу, а именно льняную.

Такъ какъ, вслѣдствіе совершеннаго разложенія костяковъ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить первоначальное положеніе, а слѣдовательно и назначеніе этихъ колецъ, то остается лишь предположить, что цѣлый рядъ такихъ колецъ, связанный шнуркомъ, служилъ женскимъ головнымъ украшеніемъ, причемъ въ каждое кольцо, чрезъ довольно широкое боковое отверстіе, влагалась отдѣльная прядь или косичка волосъ; впрочемъ предположеніе это остается гадательнымъ, пока оно не подтвердится болѣе точными данными.

Другую типическую особенность каменныхъ могилъ составляютъ массивныя, неспаянныя и заостренныя на концахъ кольца (табл. II, рис. 30), скованныя изъ двухъ толстыхъ серебряныхъ проволокъ и формою напоминающія серебряныя запястья, находимыя въ другихъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ извѣстный мнѣ браслетъ, найденный въ Луцкѣ и принадлежащій г-жѣ Уструговой.

Затѣмъ отмѣчу еще прекрасно сохранившуюся массивную бронзовую фибулу, съ рѣзными арабесками, совершенно сходную съ найденною въ дрогичинскомъ городищѣ.

Во всѣхъ прочихъ могильникахъ повторяются тѣ-же вещи, что и въ Чарнѣ Великой [1]). Только въ одномъ могильникѣ, близъ деревни Кореневки, я нашелъ три вида бусъ, которыхъ не встрѣчалъ въ другихъ могилахъ:

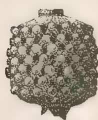
---

[1]) Въ чарнскомъ могильникѣ я нашелъ только одинъ родъ предметовъ, какихъ не встрѣчалъ нигдѣ: бронзовые, плоскіе браслеты, съ загнутыми въ видѣ завитушекъ концами и съ узоромъ въ видѣ простыхъ городковъ. (Всего 2 экземпляра).

Во 1-хъ, большія серебряныя бусы, внутри пустыя, довольно искусной филиграновой работы (см. прилаг. рис. № 12).

Во 2-хъ, такія-же бусы, нѣсколько меньшія, нанизанныя на мѣдную проволоку (см. прилаг. рис. № 13).

№ 12.

№ 13.

Въ 3-хъ, большія продолговатыя каменныя бусы, съ выпуклымъ рисункомъ (ср. табл. II, рис. 34). Обломки филиграновыхъ бусъ, совершенно сходныхъ съ кореневскими, а равно такія-же каменныя бусы, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, найдены мною и въ дрогичинскомъ городищѣ. Вообще сравненіе вещей, находимыхъ въ каменныхъ могилахъ и въ Дрогичинѣ, приводитъ къ заключенію, что и тѣ и другія принадлежали одному племени и вѣку. Если же въ дрогичинскомъ городищѣ замѣчается почти совершенное отсутствіе серебра и вообще цѣнныхъ вещей, то это объясняется судьбой этого города, неоднократно погибавшаго отъ раззоренія и разграбленія.

V.

Число, расположеніе и содержаніе каменныхъ могилъ даютъ намъ возможность высказать нѣсколько общихъ соображеній о прежнихъ жителяхъ Бѣльскаго уѣзда.

Каменныя могилы расположены группами, кладбищами, въ сотню и болѣе могилъ. Въ настоящее время такихъ кладбищъ насчитывается нѣсколько десятковъ, а прежде число ихъ было, безъ сомнѣнія, еще больше. Слѣдовательно край этотъ въ данное время былъ густо населенъ. Такое густое населеніе было обязательно осѣдлое и земледѣльческое. Селенія его были расположены на берегу рѣчекъ и источниковъ. Оно, повидимому, не отличалось воинственностью [1]), но было настолько зажиточно, что могло пріобрѣтать не только необходимыя въ крестьянскомъ быту желѣзныя орудія [2]), но и предметы роскоши [3]). Судя по этимъ вещамъ, населеніе этого края принадлежало къ одному племени съ современными ему жителями Дрогичина. Наконецъ есть основаніе полагать, что оно жило на самомъ рубежѣ язычества и христіанства [4]).

Отъ общихъ вопросовъ перейдемъ къ частнымъ. Какому племени могли принадлежать каменныя могилы Бѣльскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи?

Славянскому или литовскому, потому что третій претендентъ на эти могилы не мыслимъ. Если литовскому, то Ятвягамъ; если славянскому, то Славяноруссамъ.

Начнемъ съ Ятвяговъ.

Ятвяги принадлежали къ прусской отрасли литовскаго племени. Въ половинѣ 13-го вѣка они жили въ западной части нынѣшней Гродненской губерніи, въ прилегающихъ къ ней уѣздахъ

---

[1]) Мы ни разу не встрѣчали въ каменныхъ могилахъ какихъ-либо спеціально боевыхъ орудій—мечей, копій, стрѣлъ.

[2]) Топоры, малые ножи, кресала, гвозди.

[3]) Серебряныя кольца, серебряныя и стеклянныя бусы, бронзовые браслеты, фибулы, кольца и т. п.

[4]) Могилы съ признаками христіанскаго погребенія на окраинахъ (новѣйшей части) каменицы въ Чарнѣ Великой; каменныя могилы въ центрѣ (древнѣйшей части) стариннаго православнаго кладбища близь села Александровки; крестообразныя украшенія и древне-византійскіе крестики въ дрогичинскомъ городищѣ.

Сѣдлецкой, Ломжинской и Сувалкской и въ юго-восточномъ углу Пруссіи, словомъ тамъ, гдѣ въ настоящее время соприкасаются четыре національности: русская, польская, литовская и нѣмецкая.

О Ятвягахъ, игравшихъ немаловажную роль въ исторіи юго-западной Руси, Польши и Тевтонскаго ордена, писано очень много, въ особенности польскими историками. Изъ нихъ Ярошевичъ совершенно основательно считаетъ ихъ Литовцами. Нарушевичъ видитъ въ нихъ потомковъ языговъ и предковъ цыганъ, на томъ основаніи, что если спросить цыгана: «кто ты»?, то получится отвѣтъ: «я цыганъ», значитъ «язычинъ». Войцицкій, напротивъ, считаетъ Ятвяговъ потомками Кимвровъ. Доминикъ Шульцъ, основываясь на найденномъ въ Кенигсбергѣ экземплярѣ хроники Богуфала, гдѣ вмѣсто «Getharum seu Prussarum genus»» по ошибкѣ сказано «*Lehitarum* seu Prussarum genus», рѣшаетъ, что Ятвяги были Лехиты, т. е. Поляки. Всѣ эти и, имъ подобныя, далеко не вѣскія и не научныя, мнѣнія повели къ тому, что г. Кулаковскій авторъ «Замѣтокъ о Гродненской губерніи» [1]), пришелъ къ заключенію, что истину нужно искать въ чемъ-то *среднемъ* (sic), то есть что происхожденіе Ятвяговъ неизвѣстно. Это странное *среднее* мнѣніе не осталось безъ послѣдствій. Такъ напр. проф. Замысловскій, основываясь на статьѣ Кулаковскаго, не рѣшается высказать свое личное мнѣніе о происхожденіи Ятвяговъ, говоря, что по мнѣнію *нѣкоторыхъ* историковъ, Ятвяги были литовскаго племени [2]).

Между тѣмъ вопросъ о національности Ятвяговъ, запутанный мудрствованіями польскихъ ученыхъ, не представляетъ никакихъ затрудненій. Современникъ Ятвяговъ, краковскій епископъ Викентій Кадлубекъ (а за нимъ и Богуфалъ въ вѣрныхъ спискахъ), говоритъ совершенно ясно: sunt Pollexiani (Ятвяги) Getharum seu Prussarum genus [3]). Польскіе лѣтописцы 15-го и 16-го столѣтія выражаются не менѣе опредѣленно, а именно *Длугошъ* (†1483): Est autem Iaczwingorum natio....cum Pruthenia et Lithuania habens magna ex parte similitudinem. Матвѣй изъ Мѣхова († 1523): Quatuor erga gentes: Pruteni, Iaczwiagi, Lithuani cum Samogitis et Lotihali habent proprіa *linguagia*, valde in paucis consonantia et convenientia. Подъ словомъ *linguagia* въ данномъ и другихъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шёгренъ, нужно разумѣть не языки, а нарѣчія, говоры. Вообще вопросъ о литовскомъ происхожденіи Ятвяговъ послѣ сочниенія Шёгрена [4]) можно считать исчерпаннымъ.

Что касается мѣстопребыванія Ятвяговъ, то всѣ изслѣдователи, какъ русскіе, такъ и польскіе [5]), утверждаютъ, что въ послѣдній періодъ своей самостоятельности, то есть въ 13-мъ вѣкѣ, Ятвяги жили на сѣверъ отъ Нарева, но что въ болѣе древнее время владѣнія Ятвяговъ простирались и на югъ отъ этой рѣки, по всему Подлѣсью, значитъ и въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Такъ Нарушевичъ, Нарбутъ, Дом. Шульцъ, гр. Тышкевичъ, основываясь на *Длугошѣ*, *Мѣховитѣ*, обоихъ *Бѣльскихъ и Стрыйковскомъ*, вполнѣ убѣждены, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею Ятвяговъ. Ярошевичъ хотя и высказываетъ предположеніе, что Дрогичинъ основанъ Ярославомъ Мудрымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что дрогицкая земля завоевана Яросла-

---

[1]) См. Этнографическій сборникъ Имп. Географ. Общества, вып. III, стр. 78.

[2]) Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи проф. Замысловскаго, стр. 27. Г. Андріашевъ (Очеркъ исторіи волынской земли, стр. 38) повидимому также сопоставляетъ Ятвяговъ съ Литовцами, говоря «Ятвяги и Литовцы», слѣдовательно не признаетъ первыхъ вторыми.

[3]) Mag. Vincentii Chr. Polon., стр. 201.

[4]) Ueber die Wohnsitze ect., стр. 167—168.

[5]) За исключеніемъ г. Кулаковскаго.

вомъ у Ятвягонъ. Шёгренъ [1]), доказавъ, что ятвяжскія селенія, перечисленныя въ Ипатской лѣтописи, нужно искать въ прусской Судавіи, тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что болѣе раннее отечество Ятвяговъ было въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Подлѣсьѣ и части Подляхіи. То-же мнѣніе раздѣляютъ гг. Барсовъ, Андріяшевъ [2]) и Антоновичъ, изъ которыхъ послѣдній говоритъ, что поселенія Ятвяговъ, примыкая къ южнымъ закраинамъ собственной Литвы, *узкимъ и длиннымъ клиномъ* простирались между Мазовшанами и Дреговичами, достигая Зап. Буга и вверхъ по теченію этой рѣки до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княжества [3]). Наконецъ проф. Замысловскій (на этотъ разъ несогласный съ Кулаковскимъ) въ своемъ историческомъ атласѣ отводитъ Ятвягамъ большое пространство на лѣвомъ берегу Буга и Нарева, оканчивающееся на югѣ клиномъ [4]).

Такимъ образомъ мнѣніе о первоначальномъ заселеніи Ятвягами дрогицкаго края или нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда можно считать общепринятымъ. Съ такимъ мнѣніемъ не согласенъ, сколько намъ извѣстно, только одинъ г. Кулаковскій [5]). Ссылаясь на Шафарика [6]), онъ вѣритъ, что Геродотовы Невры и Тацитовы Нагарвалы жили на Наревѣ и Нурцѣ, что и тѣ и другіе были Славяне и что слѣдовательно юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи уже до Рожд. Христова была заселена Славянами. Затѣмъ, основываясь на свидѣтельствѣ нашей лѣтописи и хроники *Кадлубка*, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: во 1-хъ, что земли на югъ отъ Нарева до Зап. Буга въ XIII, XII и отчасти въ XI столѣтіяхъ принадлежали русскимъ

---

[1]) Ueber die Wohnsitze и т. д., стр. 168. Хотя въ данномъ случаѣ не обозначено, что́ именно авторъ разумѣетъ подъ словомъ *Подляхія*, но можно полагать, что онъ имѣетъ въ виду районъ позднѣйшаго подлясскаго воеводства, въ составъ котораго съ 16-го вѣка входилъ и Бѣльскій уѣздъ.

[2]) Г. Барсовъ (Очерки исторической географіи, стр. 40) основываясь, главнымъ образомъ, на географическомъ распространеніи мѣстностей съ именами, производными отъ имени народа, такъ опредѣляетъ границы первоначальныхъ (до первой половины XI в.) поселеній Ятвяговъ: «они находились между собственною Русью, Червенскими городами и Ляхами, съ одной стороны, и Литвой—съ другой; между старославянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети и Зап. Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи; т. е. они занимали тогда пространство по Нѣману и его южнымъ притокамъ Молчади, Шары, Зельвы, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ на сѣверо-западѣ, до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе.

Г. Андріашевъ (Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV стол., стр. 39), изъ сочиненія котораго мы заимствовали вышеозначенную цитату, говоритъ, что «Ятвяги занимали (до вытѣсненія ихъ Славянами) территорію къ югу отъ Литовцевъ, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана—Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи и затѣмъ страну между Зап. Бугомъ и Припетью до самаго волынскаго рубежа». Въ доказательство такой пограничной линіи авторъ приводитъ слѣдующія соображенія: Владиміръ въ 983 г. въ первый разъ столкнулся съ Ятвягами; въ 988 году, при распредѣленіи удѣловъ, въ первый разъ является городъ Владиміръ; *если предположить*, что г. Владиміръ основанъ немного раньше этого столкновенія, что очень вѣроятно, если принять во вниманіе, что въ 981 г. были присоединены Червенскіе города и Владиміру нужно было выставить противовѣсъ сильному Червну, то ясно будетъ, что походъ на Ятвяговъ *предпринятъ былъ въ защиту г. Владиміра, и что они жили очень недалеко отъ него;* а такъ какъ извѣстно, что лѣвое побережье Буга занимала территорія Червенскихъ городовъ, и по Припети жили Дреговичи, то Ятвягамъ остается только средина между ними.

Оба эти мнѣнія, разнящіяся не столько въ географическихъ границахъ, отводимыхъ Ятвягамъ, сколько въ самыхъ доводахъ, построены на шаткихъ основаніяхъ. Ниже мы скажемъ, почему названія урочищъ, производныя отъ имени Ятвяговъ, не могутъ служить для опредѣленія ихъ первоначальныхъ селитьбъ. Что касается мнѣнія г. Андріашева, то оно основано исключительно на очень смѣлыхъ предположеніяхъ.

[3]) Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи Антоновича. Т. I, стр. 9.

[4]) Учебный атласъ по русской исторіи, изд. 1887 г.; карта восточной и средней Европы (862—1054).

[5]) Замѣтки о зап. части Гродн. губ. въ Этнограф. сборникѣ Имп. Геогр. Общ. Вып. III.

[6]) Славянскія древности, пер. Бодянскаго стр., 322.

князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ; во 2-хъ, что касается (мнимой) столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то съ самого появленія его до времени распространенія надъ Русью господства Литовцевъ нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить въ немъ господство Ятвяговъ.

Послѣднее положеніе совершенно справедливо: исторія дѣйствительно не даетъ намъ никакихъ указаній на время, въ которое Ятвяги владѣли дрогицкимъ краемъ[1]).

Исторія Дрогичина извѣстна съ 1142 года.

Съ этого времени до уничтоженія Ятвяговъ онъ ни разу не бывалъ въ ятвяжскихъ рукахъ. Еще ранѣе, въ 1102 г., русскіе князья ведутъ междоусобную войну на Нурѣ[2]), на сѣверъ отъ Дрогичина; слѣдовательно край этотъ принадлежалъ имъ. Въ X и XI столѣтіяхъ Владиміръ Св. и сынъ его Ярославъ Мудрый ходили на Ятвяговъ, но куда именно — лѣтопись не говоритъ. Въ 1058 г. «Побѣди Изяславъ Голядь» [3]), а такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что Голядь или древніе Галинды жили въ юго-восточной Пруссіи, и полагаемъ, что они едва-ли отдѣлялись отъ Руси враждебнымъ къ послѣдней племенемъ Ятвяговъ, то заключаемъ, что послѣдніе не жили въ это время на югъ отъ Голяди, то есть на лѣвомъ берегу Нарева.

Выше мы упомянули, что Ярошевичъ, который вѣритъ въ изрѣченіе Длугоша, послужившее основой для позднѣйшихъ сказаній о ятвяжскомъ Дрогичинѣ, высказалъ предположеніе, будто Ярославъ, побѣдивъ Ятвяговъ, заселилъ русскими колонистами землю на югъ отъ Нарева и при этомъ случаѣ основалъ Дрогичинъ, Бѣльскъ и проч. Другіе изслѣдователи или довольствовались комментированіемъ его гипотезы или же предлагали свои собственныя. Но всѣ они исходятъ изъ одного положенія: первоначально Ятвяги жили на лѣвомъ берегу Нарева, а затѣмъ были оттиснуты на правый, гдѣ вскорѣ и погибли.

Посмотримъ теперь, откуда пошло начало этого положенія: *Длугошъ* говоритъ: Gens Iaczwingorum....cujus principalis et metropolis arx Drohiczyn. Матвѣй *Мѣховита*, пользовавшійся

---

[1]) Г. Андріашевъ (Очеркъ ист. вол. земли, стр. 42), не ограничиваясь точнымъ опредѣленіемъ ятвяжскихъ границъ до выселенія ихъ за Наревъ, пытается даже опредѣлить это отступленіе по годамъ. «Въ 1227 году», говоритъ онъ, «Ятвяги воюютъ въ окрестностяхъ Берестья; въ 1229 г. Даніилъ и Василько, идя на помощь къ Конраду Мазовецкому, оставляютъ Владиміра Пинскаго съ Берестьянами и Угровчьянами стеречь землю отъ Ятвяговъ. Въ 1248 г. Василько бьется съ Ятвягами у дрогичинскихъ воротъ, слѣдовательно, на границѣ, но уже въ 1250 г. Конрадъ и Василько воротились изъ похода на нихъ, съ Нура и въ слѣдующемъ году грабили Ятвяжскую землю за Наревомъ и Лыкомъ, т. е. въ самой глубинѣ прусскихъ болотъ». Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что въ 1248 году «воеваша Ятвязѣ около *Охоже* и *Бусовна* и всю страну ту поплѣниша, и еще бо Холму не поставлену бывъшю Даниломъ. Гна-же по нихъ Василько изъ Володимѣря, угони е, и бывшу ему третий день изъ Володимеря в Дорогычинѣ» и т. д. (Ип. лѣт. 531). Этихъ немногихъ словъ достаточно для опроверженія теоріи г. Андріашева. По его словамъ выходитъ такъ: въ 1227 г. Ятвяги живутъ еще въ окрестностяхъ Бреста; въ 1229 г. походъ на Ятвяговъ начинается съ Бреста, значитъ ихъ уже тамъ нѣтъ; въ 1248 году пограничнымъ городомъ является Дрогичинъ, и, спустя два года, Ятвяговъ нужно искать уже за Наревомъ; словомъ тутъ мы видимъ четыре слѣдующихъ одинъ за другимъ этапа. Между тѣмъ такихъ этаповъ въ дѣйствительности не было. Въ 1246 г. (по лѣт. въ 1248 г.) Ятвяги являются южнѣе, чѣмъ въ 1227 и 1229 годахъ, а именно: въ Холмской землѣ подъ самымъ Владиміромъ и терпятъ пораженіе подъ Дрогичиномъ уже во время отступленія. Вообще было бы слишкомъ неосторожно опредѣлять границы Ятвяжскихъ земель по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они упоминаются въ лѣтописи въ качествѣ гостей-грабителей.

[2]) «Перьльсти Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, ятъ и *на Нури* и приведе къ отцю Святополку». Ип. Лѣт., стр. 181.

[3]) Ип. лѣт., стр. 114.

Длугошемъ, выражается такъ: (Iaczwingi), qui circa castrum Drohiczin inhabitarunt, et pauci supersunt. Кромеръ, оба Бѣльскіе, Стрыйковскій, а равно всѣ польскіе и русскіе историки заимствовали свои показанія о первоначальномъ мѣстопребываніи Ятвяговъ у *Длугоша* и *Мѣховиты*. Длугошъ жилъ во 2-й половинѣ 15-го вѣка, цѣлыхъ два столѣтія послѣ уничтоженія Ятвяговъ или, точнѣе, послѣ окончательнаго покоренія ихъ края сосѣдями. Онъ могъ заимствовать свои свѣдѣнія изъ трехъ источниковъ: письменныхъ, устныхъ и, наконецъ, изъ личнаго знакомства съ остатками Ятвяговъ.

Извѣстные намъ письменные источники, изъ которыхъ главные — русская лѣтопись и хроника Кадлубка, ничего не знаютъ о ятвяжскомъ Дрогичинѣ. Пользовался-ли Длугошъ иными, затерянными и намъ неизвѣстными, письменными источниками — весьма сомнительно. Напротивъ, подобно тому, какъ Нибуръ, живя 18-ю столѣтіями позже Ливія, зналъ лучше его источники древнѣйшей римской исторіи, такъ и мы, живя позже *Длугоша*, владѣемъ бо́льшимъ чѣмъ онъ числомъ источниковъ по предшествовавшей его времени исторіи. У насъ есть акты, которыхъ онъ не зналъ, есть критика, съ которой онъ не былъ знакомъ. Весьма вѣроятно, что онъ, подобно другимъ лѣтописцамъ (хотя конечно не такъ часто, какъ напр. Стрыйковскій), облекалъ въ форму категорическаго утвержденія нѣкоторыя изъ слышанныхъ имъ устныхъ преданій и, можетъ быть, къ такимъ преданіямъ принадлежитъ и ятвяжскій Дрогичинъ. Если это такъ, то какимъ образомъ могло родиться подобное преданіе?

Для рѣшенія этого вопроса мы пользуемся путемъ сравненія. Въ Московской и Ярославской губерніяхъ народъ до настоящаго времени называетъ доисторическіе (мерянскіе) курганы *панками* или *панскими могилами*[1]), въ Германіи такіе-же доисторическіе курганы называются безразлично *Hünen-* или *Schwedengräber*; въ предѣлахъ всей бывшей Рѣчи Посполитой большинство всѣхъ каменныхъ развалинъ приписывается королевѣ Бонѣ, а доисторическія могилы *Шведамъ*. Такимъ образомъ мы видимъ вездѣ одно и тоже явленіе: народная память смутно сохраняетъ событія, происходившія два-три вѣка назадъ, и связываетъ съ ними событія или предметы гораздо древнѣйшіе. Древніе Меряне забыты, но пановъ Поляковъ смутнаго времени народъ еще помнитъ; забыты Ятвяги и другіе еще болѣе древніе народы, хоронившіе своихъ покойниковъ по языческому обряду, но памятны Шведы 17-го вѣка [2]).

За два вѣка до *Длугоша* Ятвяги были грозой дрогицкаго края. Мы знаемъ, что набѣги ихъ простирались до Владиміра Волынскаго, до Холма и Люблина; понятно, что нападенія на дрогицкую землю, отдѣлявшуюся отъ нихъ однимъ Наревомъ, повторялись еще чаще. Здѣсь, подъ стѣнами Дрогичина, они въ 1246 г., послѣ неудачнаго набѣга на стольный городъ Владиміръ, были разбиты Василькомъ Романовичемъ. Дрогичинъ-же былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ и польскихъ князей, когда они, пользуясь замерзаніемъ неприступныхъ ятвяжскихъ болотъ, собирались въ походъ противъ неугомонныхъ разбойниковъ Ятвяговъ. Въ дрогичинскій дѣтинецъ спасались окрестные жители при первомъ слухѣ о приближеніи Ятвяговъ. Тутъ-же по близости селились

---

[1]) Гр. Уваровъ: «Меряне по курганнымъ раскопкамъ».

[2]) Образчикомъ того, какъ зараждаются преданія, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Когда я началъ раскопку каменныхъ могилъ и кургановъ, про меня пошелъ слухъ, что я ищу золотую корону шведскаго короля, зарытую въ одной изъ этихъ могилъ. На слѣдующій годъ народъ уже рѣшилъ, что корону я нашелъ и теперь добираюсь до золотого гроба того-же короля. Этотъ слухъ встрѣчалъ и провожалъ меня въ каждой деревнѣ и, не смотря на всѣ мои протесты, не мало облегчилъ мнѣ наемъ рабочихъ.

плѣнные или мирные Ятвяги, а потомъ, когда край ихъ былъ завоеванъ Тевтонскимъ орденомъ, и бѣглые, спасшіеся отъ крещенія огнемъ и мечемъ, остатки этого племени. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, если *Мѣховита*, а передъ нимъ *Длугошъ*, застали близъ Дрогичина небольшое число (quorum et pauci supersunt) потомковъ этихъ плѣнныхъ, замиренныхъ или бѣглыхъ Ятвяговъ.

По поводу бѣглыхъ Ятвяговъ мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе отъ начатаго нами вопроса. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ въ 1276 г. «придоша Пруси ко Тройденови и(зъ) своей земли неволею передъ Нѣмци; он(ъ) же прия ѣ к собѣ и посади часть и(хъ) в Городнѣ, а часть ихъ посади во Въслонимѣ» [1]). Какъ въ слѣдующемъ 1277 г., при нападеніи русскихъ князей на Гродно, «Пруси и Бортове», (воспользовавшись оплошностью Русскихъ, улегшихся спать безъ доспѣховъ) «выѣхавше из города, udариша на нѣ ночь и избиша ѣ всѣ» [2]). Одновременно съ Бартами (лѣтоп. Бортове) бѣжали отъ Нѣмцевъ и прочіе Пруссы, слѣдовательно, какъ нужно полагать, Варміи (лѣтоп. Варвы), Галинды (Голядь) и Судавы (Ятвяги). Голяди и Ятвягамъ ближе всего было спасаться черезъ Бобръ въ нынѣшнюю Гродненскую губернію, гдѣ слѣды ихъ сохранились. Часть Голяди еще раньше была выселена на рѣку Пороть (въ Смоленской губ.), гдѣ мы ее встрѣчаемъ въ 1147 году [3]). Но остатки этого племени мы видимъ въ нынѣшнихъ Галиндахъ, живущихъ на берегу рѣчки Каменки, впадающей въ Бобръ [4]). Что касается ятвяжскихъ слѣдовъ, то они, какъ уже замѣчено Нарбутомъ, Ярошевичемъ и многими другими, сохранились въ селеніяхъ и урочищахъ [5]), самыя названія которыхъ доказываютъ, что они принадлежали не кореннымъ жителямъ, а поселенцамъ [6]). Едва-ли можно сомнѣваться, что всѣ эти поселенія принадлежали бѣглымъ, спасшимся отъ Нѣмцевъ, Ятвягамъ, нашедшимъ пріютъ у Литовскихъ великихъ князей. Нарбутъ [7]) видѣлъ на паперти церкви въ Скидели (между Гродной и Щучинымъ) обломокъ служившаго для сидѣнія бревна, на которомъ была вырѣзана церковно-славянскими буквами слѣдующая надпись: «.....авникъ варфоломей к. с. хрещенію п.... поганъ Ятвяговъ живущихъ безъ.... божего нароженія 1550» (индикта). Стрыйковскій, издавшій свою хронику въ 1582 году, разсказываетъ (стр. 181), что въ его время Ятвяги жили около Новогрудка, Райгорода, Инстербурга, въ Курляндіи и въ витебскихъ Инфлянтахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ послѣднихъ Ятвяговъ, еще сохранившихъ свое племенное названіе, только небольшое число оставалось дома (въ Инстербургѣ, Райгородѣ) или вернулось домой; всѣ прочіе остатки этого племени являются въ 16-мъ вѣкѣ разбросанными на чужбинѣ, невольными или добровольными поселенцами.

---

1) Ип. лѣт., стр. 577. 2) Ип. лѣт., стр. 579. 3) Ип. лѣт., стр. 240.

4) Свящ. Германъ Тыминскій сообщилъ намъ, что Галинды и Шкоць, жители обоихъ береговъ этой рѣчки принадлежатъ къ одному приходу и говорятъ однимъ и тѣмъ-же бѣлорусско-польскимъ нарѣчіемъ, но вѣчно враждуютъ между собой и ни за что не вступаютъ въ родство. Вообще фамиліи Галинда, Голенда и Иленда весьма распространены по Бѣлост. и Сокольскому уѣздамъ.

5) Въ Лидскомъ у. Виленской губ., между Щучинымъ и Каменкой, двѣ деревни: Ятвескъ польскій и Ятвескъ русскій; въ Восковыскомъ у., въ 7-ми верстахъ отъ Свислочи, село Ятвескъ; въ Бѣлостокскомъ у. на берегу р. Березовой, близъ Суходоля, двѣ деревни: большой и малый Ятвескъ; въ Августовскомъ у. также есть деревня Ятвескъ.

6) Самъ Ятвягъ никогда не назвалъ-бы свое село Ятвескомъ или Ятвежемъ; такія названія могли дать только другіе, Русскіе или Поляки; ятвяжское названіе этихъ селеній было, конечно, другое, собственное, а не нарицательное.

7) Tygodn. Wil. 1817. T. III. стр. 62, 63.

Къ числу такихъ поселенцевъ принадлежали, можетъ быть, и тѣ немногіе Ятвяги, которыхъ засталъ Мѣховита близъ Дрогичина. Но какъ они попали туда? Не при томъ-ли литовскомъ князѣ Тройденѣ, который въ 1274 г. напалъ на Дрогичинъ, взялъ его штурмомъ и избилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика? Взявъ подъ свое покровительство Пруссовъ (слѣдовательно и Ятвяговъ), онъ, какъ мы видѣли, поселилъ ихъ въ Гроднѣ и Слонимѣ; можетъ быть, нѣкоторая часть ихъ была поселена и на развалинахъ Дрогичина. И такъ, если предположить, во 1-хъ, что тѣ доисторическіе и сохранившіеся по нынѣ курганы, которые народъ называетъ *шведскими* могилами, по аналогической причинѣ во времена *Длугоша* назывались *ятвяжскими* могилами, и во 2-хъ, что онъ засталъ остатки этого племени, поселеннаго близъ самаго Дрогичина, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его время существовало преданіе о томъ, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею Ятвяговъ. Если, согласно сохранившемуся по теперь въ устахъ народа преданію, Дрогичинъ былъ когда-то резиденціею королевы Боны, никогда не жившей въ этомъ городѣ [1]), то почему же во времена *Длугоша* преданіе не могло обратить Дрогичинъ въ principalis et metropolis arx Iacwingorum, которые не разъ бились и грабили подъ самымъ дрогичинскимъ дѣтинцемъ и наконецъ нашли тамъ послѣдній пріютъ? Мы видимъ, что знаменитая фраза *Длугоша*, на которой всецѣло построена теорія о ятвяжской землѣ на лѣвомъ берегу Нарева, и о пресловутомъ ятвяжскомъ клинѣ, втиснутомъ въ славянскія земли, едва-ли можетъ считаться незыблемымъ основаніемъ.

Теперь разсмотримъ тотъ-же вопросъ съ другой стороны. Предположимъ, что *Длугошъ* и его коментаторы правы, то есть, во 1-хъ, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею и метрополіею Ятвяговъ, и, во 2-хъ что *когда-то* (?) эти занаревскіе Ятвяги были вытѣснены русскими колонистами на правый берегъ рѣки. Событіе это, какъ мы видѣли выше, никакимъ образомъ не могло произойти ранѣе 11-го вѣка и пріурочено Ярошевичемъ, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, къ 1038 году.

Если у Ятвяговъ 11-го и предшествовавшихъ столѣтій была своя столица, если осѣдлое, зажиточное дохристіанское племя, населявшее Бѣльскій уѣздъ и оставившее послѣ себя многочисленные слѣды цивилизаціи, были Ятвяги, то мы вправѣ искать у потомковъ тѣхъ-же Ятвяговъ, переселившихся на правый берегъ Нарева, и у соотчичей ихъ, слѣды подобнаго-же общественнаго строя и тѣхъ-же признаковъ цивилизаціи.

Поищемъ эти слѣды въ письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ.

Письменные памятники о Ятвягахъ до 13-го вѣка кратки и безцвѣтны: «иде Володиміръ на Ятвягы и взя землю ихъ» [2]); «иде Ярославъ на Ятвягы» [3]); «Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я» [4]); только въ самомъ концѣ 12-го вѣка (въ 1196 г.) сказано нѣсколько подробнѣе: «тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичь на Ятвягы отомщиваться: бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде в землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣжаша во свои *тверди*, а Романъ пожегъ *волость* ихъ и отомъстився, возвратися во свояси» [5]). Затѣмъ съ 1227 по 1279 г. Ипат. лѣтопись очень часто говоритъ о Ятвягахъ. Слѣдя за волынско-галицкою лѣтописью, можно составить болѣе или менѣе точный маршрутъ походовъ рус-

---

[1]) «Сидѣла на дрогичинской замковой горѣ королева Бона, а сестра ея сидѣла на замковой горѣ въ Мельникѣ (въ 30-ти верстахъ), и обѣ сестры переглядывались». Слышано мною въ Дрогичинѣ.

[2]) Въ 983 г. [3]) Въ 1038 г. [4]) Въ 1112 г. [5]) Ип. лѣт. стр. 471.

скихъ князей на Ятвяговъ. Изъ Дрогичина они идутъ прямо на сѣверъ [1]); при Визнѣ, пограничномъ русскомъ городѣ, переходятъ Наревъ; затѣмъ, направившись на сѣверо-востокъ къ озеру Спирдингу и сосѣднимъ озерамъ, раззоряютъ здѣсь ятвяжскія селенія; на обратномъ пути доходятъ берегомъ рѣки Лыкъ до Райгорода; правымъ берегомъ Бобра идутъ до сліянія его съ Наревомъ и черезъ Визну возвращаются домой; такъ, судя по отрывочнымъ даннымъ лѣтописи, шли они два раза, а можетъ быть и чаще. Всѣ селенія, упоминаемыя лѣтописью, находились за Бобромъ, въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи [2]); рѣку Бобръ князья не переходятъ ни разу; значитъ въ лежащихъ между Бобромъ и Наревомъ мѣстностяхъ [3]) не было непріятеля или, по крайней мѣрѣ, его селеній.

И такъ при Даніилѣ и Василько Романовичахъ Ятвяговъ нужно было искать верстахъ въ 150 отъ Дрогичина.

Городовъ у Ятвяговъ не было вовсе [4]), но были села и тверди. Ихъ тверди были несомнѣнно ничто иное, какъ обыкновенныя лѣсныя засѣки. Окруженныя неприступными въ лѣтнее время болотами и лѣсами [5]), селенія Ятвяговъ, по всей вѣроятности, служили имъ убѣжищемъ только въ зимнее время, потому что большую часть года они проводили на охотѣ, рыбной ловлѣ или въ набѣгахъ. Русскіе и союзные съ ними польскіе князья ходили на Ятвяговъ исключительно зимою, потому что въ другое время земля ихъ была недоступна; иногда князья, изъ-за глубокихъ снѣговъ, возвращались съ полпути, то и дѣло сбивались съ дороги, отъискивая скрывающіяся среди болотъ селенія и благодарили судьбу, когда оканчивался тяжелый походъ [6]). Ятвяги не дожили до государственнаго порядка и потому у нихъ не было и не могло быть столицы, principalis et metropolis arx.

Дальше семейно-родовыхъ союзовъ, Злинцевъ, Крисменцевъ, Покѣнцевъ [7]) и т. под., они не дошли. Союзы эти формировались только на время общей опасности подъ начальствомъ какого-нибудь выдающагося по своей храбрости старшины или князька, Стекинта, Комата и имъ подобныхъ. Волынско-галицкій лѣтописецъ, повидимому лично принимавшій участіе въ послѣднихъ походахъ Даніила и Льва, не скрываетъ своего уваженія къ необузданной храбрости Ятвяговъ. Польскій лѣтописецъ, напротивъ, сравниваетъ ихъ съ хищными животными. Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ они при своемъ плохомъ вооруженіи могли такъ долго противустоять отлично устроенному войску Даніила [8]). Судя по лѣтописнымъ

---

[1]) Изъ нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда Гродн. губерніи, черезъ Соколовскій у. Сѣдлецкой вступаютъ въ Мазовецкій у. Ломжинской губерніи.

[2]) Шёгренъ: Ueber die Wohnsitze etc.

[3]) Т. е. въ нынѣшнихъ Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ уѣздахъ.

[4]) Quia municipium nullus apud illos usus, eosdem urbium habent muros, quos et ferae. Кадлубекъ изд. Пшездецкаго, стр. 202.

[5]) Propter vastissimas solitudinum intracapedines, propter concretissimas nemorum densitates, propter bituminata inaccessibiles palustria. Кадл. стр. 201.

[6]) Ин. лѣт., стр. 537, 539, 540.

[7]) Ин. лѣт., стр. 552.

[8]) Лѣтописецъ, между прочимъ, съ гордостью разсказываетъ, какъ Даніилъ показывалъ свое войско Пруссамъ и Бортамъ, выведшимъ его изъ ятвяжскихъ болотъ; «щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, копиемъ же ихъ дрьжащимъ в рукахъ яко трьсти мнози, стрѣльцемь же обаполъ идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ. Даниловп же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземь: *можете ли древо поддрьжати сулицами и на сию рать дерьзнути*»? (Ин. лѣт., стр. 540).

даннымъ, у нихъ не было ни мечей, ни копій; оружіемъ ихъ служили короткіе метательные дротики—сулицы, пращи или просто головни [1]). Живя среди неприступныхъ болотъ и трясинъ, ятвяги не могли заниматься земледѣліемъ, и даже обиліе дичи не всегда спасало ихъ отъ голода [2]).

Отъ ятвяжскихъ селеній, всѣхъ этихъ, упоминаемыхъ лѣтописью, Болдикищъ, Привищъ, Таисевичей [3]) и проч. конечно не осталось и не могло остаться никакихъ вещественныхъ слѣдовъ, потому что не только строенія, но и стѣны были рубленыя, деревянныя. Если лѣтописецъ однажды обмолвился словомъ «грады», то и въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нужно разумѣть тѣ-же окруженныя бревенчатымъ тыномъ селенія.

Словомъ, на основаніи письменныхъ источниковъ, Ятвяги представляются намъ племенемъ хотя и храбрымъ, но вполнѣ не культурнымъ; это былъ *«gens atrocissima, omni ferarum inmanitate trunculencior* [4]).

Теперь намъ-бы слѣдовало сказать *о вещественныхъ ятвяжскихъ памятникахъ*, сохранившихся въ несомнѣнно принадлежавшихъ имъ мѣстностяхъ, т. е. между Наревомъ и оз. Спирдингомъ съ одной стороны, между р. Винцентой и Свислочью съ другой, или иначе въ Кадлубковой Поллексіи [5]).

Но къ сожалѣнію ни я, ни лица болѣе меня компетентныя въ этомъ дѣлѣ, не могли, при всѣхъ стараніяхъ, найти никакихъ вещественныхъ ятвяжскихъ слѣдовъ въ этомъ районѣ. Бѣло-

---

[1]) Ип. лѣт. 538: «и сулицами мечюще и головнями, яко молнья идяху, и каменье яко дождь с небеси идяще».

[2]) Такъ въ 1279 г. посланцы ихъ обратились къ Владиміру Васильковичу: «не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, к намъ жито свое продаятъ, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы» (Ип. л., 580). Отсюда мы видимъ, что, за исключеніемъ серебра, конечно добытаго на войнѣ, все богатство ихъ состояло изъ лѣсныхъ произведеній.

[3]) Ип. лѣт. стр. 551—553.

[4]) Mag. Vinc. Chron. Polon. Изд. Пшездецкаго, стр. 201. У того-же Кадлубка сказано: «quibus non repertis, ne nihil agere viderentur, operosiorem populacioni dant operam lechite; fana, burgos, rogos, celsas edium fabricas cum spicariis horrea flammis involvunt». Проф. Антоновичъ (Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи. Т. I, стр. 10—11), сокративъ первое предложеніе и относя слово lechite (т. е. Lechitae) ко второму, переводитъ такъ: «Поляки, ворвавшись въ страну ихъ, предавали пламени: храмы, мызы, села, возвышавшіяся зданія и житницы, наполненныя хлѣбомъ». Здѣсь очевидно недоразумѣніе, потому что откуда было у Ятвяговъ явиться храмамъ и прочему? Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто: въ первомъ предложеніи подлежащимъ нужно считать слово Lechitae, а во второмъ (подразумѣваемое) Pollexiani (т. е. Ятвяги). Издатель Кадлубка, гр. Пшездецкій, совершенно справедливо поставивъ послѣ слова *lechite* точку съ запятой, переводитъ это мѣсто Кадлубка такъ: «aby się nie zdawało, że Lechitowie nie znalazłszy ich są besczynni (здѣсь подразумѣвается слово *oni*, т. е. Поллексіяне) z większem nalężeniem wzięli się do pustoszenia swiątyń, zamków» и проч. Другими словами: не Поляки раззоряли ятвяжскіе храмы и проч., а, наоборотъ Ятвяги — польскіе. Виновницей этого недоразумѣнія является, конечно, лишь варварская латынь почтеннаго магистра В. Кадлубка.

[5]) Кадлубекъ называетъ Ятвяговъ Pollexiani, то есть жителями Подлѣсья. Но въ 12—15 столѣтіяхъ слово Подлѣсье было не административнымъ, а географическимъ терминомъ и обозначало именно тѣ мѣстности, гдѣ мы находимъ Ятвяговъ въ 13-мъ вѣкѣ. Точныя границы Подлѣсья обозначены впервые въ актѣ, заключенномъ между делегатами Кейстута и Земовита въ 1378 году и подтвержденномъ въ 1434 г. (Cod. Mazow № 80). Границы были слѣдующія: «отъ каменнаго брода на Райгородъ; р. Мента; р. Бобръ; Тарговискъ; «большая струга»; источники малой Сухолды; р. Супрасль до «испепеленной селитьбы» (городища?) и наконецъ устье Невотницы, впадающей въ Наревъ (смотри Słownik geograficzny. T. VIII, стр. 411). Въ половинѣ 15-го вѣка къ Подлѣсью, уже въ смыслѣ административной единицы, присоединяются части нынѣшнихъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, а въ 16-мъ въ составъ его уже входитъ нынѣшній Бѣльскій уѣздъ Гродненской губерніи съ *Дрогичиномъ*, Бѣльскомъ и проч. (ibid. стр. 412). Но Pollexia Кадлубка, земля Поллексіановъ, то есть Ятвяговъ 13-го столѣтія, лежитъ цѣликомъ на правомъ берегу Нарева, и Бѣльскій уѣздъ въ нее не входитъ.

стокскій уѣздъ, въ которомъ я живу съ 1885 года, мнѣ болѣе или менѣе знакомъ; отчасти знакомы уѣзды Сокольскій и Мазовецкій. На всемъ этомъ пространствѣ, входившемъ въ составъ Поллексіи 13-го вѣка, я не нашелъ ни одного могильника того типа, которыми характеризуется Бѣльскій у. Гродн. губерніи, и Соколовскій—Сѣдлецкой. Встрѣчались древнія православныя кладбища [1]), большія братскія могилы 17-го вѣка съ монетами Яна Казимира [2]); боевое поле съ костяками и обломками оружія [3]); немногіе одиночные курганы; городища, передѣланныя въ Польско-литовскія укрѣпленія [4]); попадались и случайныя находки, напримѣръ небольшіе каменные топоры [5]); но типичныхъ каменныхъ могилъ я на правомъ берегу Нарева не нашелъ ни одной. Отсюда я вывожу, что народъ, которому принадлежали каменныя могилы, никогда не переселялся, ни добровольно, ни въ силу обстоятельствъ, съ лѣваго берега Нарева на правый.

Желая провѣрить свои наблюденія, я вошелъ въ сношеніе съ двумя археологами, гг. Глогеромъ и графомъ де Флёри, живущими въ самомъ центрѣ древняго ятвяжскаго края и хорошо знакомыми съ его древностями.

Г. Зыгмунтъ Глогеръ [6]), владѣлецъ имѣнія Ежево въ Мазовецкомъ уѣздѣ Ломжинской губерніи, въ теченіи двадцати лѣтъ собралъ богатѣйшую коллекцію древностей, состоящую преимущественно изъ предметовъ каменнаго вѣка; вмѣстѣ съ гр. де Флёри онъ изслѣдовалъ берега Бобра отъ его источниковъ до впаденія въ Наревъ и нашелъ здѣсь до семи станцій человѣка каменнаго вѣка; затѣмъ на лодкѣ поднялся по Бугу вплоть до его истока, продолжая тѣ-же изслѣдованія; помимо собственныхъ раскопокъ, онъ собиралъ всѣ древніе предметы, находимые въ его мѣстахъ, хорошо изучилъ исторію своего края и спеціально исторію Ятвяговъ. Я просилъ его отвѣтить на три вопроса: 1) встрѣчалъ-ли онъ на сѣверъ отъ Соколовскаго и Бѣльскаго уѣздовъ каменныя могилы? 2) можетъ-ли онъ отличить славянскіе курганы отъ ятвяжскихъ? 3) можетъ ли онъ указать на какіе либо предметы изъ своей коллекціи, какъ на несомнѣнно ятвяжскіе? На всѣ эти вопросы г. Глогеръ отвѣчалъ отрицательно. Я нашелъ у него нѣсколько вещицъ, сходныхъ съ найденными мною въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но всѣ онѣ принадлежатъ къ числу случайныхъ находокъ и видимо занесены сюда пришельцами, можетъ быть тѣми-же ятвяжскими грабителями.

Графъ Луи де Флёри — владѣлецъ извѣстной Кемпы, большого болотистаго имѣнія при сліяніи Бобра съ Наревомъ. Вся эта Кемпа сливается весною въ одно громадное озеро, за исключеніемъ небольшого холма, на которомъ стоитъ помѣщичья усадьба. Если гдѣ нужно искать palustria bituminata Кадлубка, то прежде всего въ этой и понынѣ трудно доступной Кемпѣ гр. де Флёри.

---

[1]) Напримѣръ, въ лѣсу близь дер. Клепачи, въ 5-ти верстахъ отъ Бѣлостока, нынѣ населенной католиками.

[2]) Близь дер. Калиновки, между Кнышиномъ и р. Бобромъ.

[3]) Близь м. Василькова, Бѣлост. уѣзда.

[4]) На берегу Нарева въ Суражѣ; здѣсь, между обломками кирпичнаго фундамента, я, между прочимъ, нашелъ мѣдный ключъ, принадлежащій 15 — 16 вѣкамъ, а во рву забредшую неизвѣстно какимъ путемъ пряслицу.

[5]) Одинъ имѣющійся у меня топорикъ выкопанъ между Бѣлостокомъ и Хорошемъ; другой, впослѣдствіи затерянный, найденъ въ 8-ми верстахъ отъ Бѣлостока, въ имѣніи протоіерея Антониковскаго.

[6]) Нѣкоторыя изъ археол. работъ г. Глогера помѣщены въ «Библіотекѣ Варшавской», въ «Pamiętnikach Fizyograficznych» за 1881 и 1882 гг., въ Zbiurzie wiadomości do Antropologii krajü T. VI, въ «Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa» von E. Mehlis. Bd. I, и т. под.

Подобно Глогеру, онъ составилъ себѣ прекрасную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, собранную по большей части въ самой Кемпѣ [1]); но и онъ далъ мнѣ тотъ-же безотрадный отвѣтъ: «ятвяжскихъ могилъ я не знаю и ятвяжскихъ могилъ отъ другихъ отличить неумѣю».

№ 14.

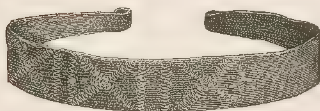

№ 15.

Бронзовые браслеты, найденные въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ каменныхъ могилахъ, близь Чарны-Великой (см. стр. 22).

№ 16.

Гдѣ-же искать слѣды Ятвяговъ? конечно не ихъ временныя, наскоро сколоченныя жилища, которыхъ уже давно нѣтъ, а болѣе прочные слѣды — ихъ кладбища? Полагаю, что и искать ихъ нечего. Проводя большую часть жизни на войнѣ или на охотѣ, Ятвягъ, этотъ вѣчный бродяга, умиралъ далеко отъ своего дома, въ дремучемъ лѣсу или въ открытомъ бою. Кости его не покоятся на родовомъ кладбищѣ, подъ высокимъ курганомъ или въ тщательно сложенной каменной могилѣ. Онѣ легли тамъ, гдѣ его застала смерть, и исчезли безслѣдно [2]).

VI.

Впрочемъ, пока довольно о Ятвягахъ. Можетъ быть впослѣдствіи найдутся историческія данныя, подтверждающія пресловутое изрѣченіе Длугоша; можетъ быть найдутся и вещественные слѣды Ятвяговъ. Но въ настоящую минуту мы можемъ лишь повторить: Ятвяги никогда не жили на лѣвомъ берегу Нарева, и Дрогичинъ никогда не былъ ихъ столицею. Если же археологическіе памятники дрогицкаго края принадлежатъ не Ятвягамъ, то они принадлежатъ Славянамъ, потому что другихъ претендентовъ на эти могилы нѣтъ. Вопросъ о времени первой

---

[1]) Изъ ученыхъ трудовъ гр. де Флёри назову: «Découverte d'un four de tuiles romaines au village de Chez-Ferroux.» Angoulême. 1888. «Les cendres de Nalliers». Vannes, 1888.

[2]) Замѣчательно, что жители Бѣлостокскаго уѣзда, совершенно забывъ о Ятвягахъ, сохранили еще смутную память о жестокихъ врагахъ Ятвяговъ—Тевтонскихъ рыцаряхъ. Слово *Крыжакъ* (крестоносецъ) употребляется въ бранномъ смыслѣ и означаетъ злодѣй, разбойникъ.

колонизаціи Славянами бассейновъ Днѣпра и Вислы еще далеко не разработанъ. Шафарикъ полагаетъ, что Славяне жили по этимъ рѣкамъ еще до начала нашей эры [1]). Проф. Самоквасовъ производитъ Славянъ отъ Гетовъ или Даковъ, которые, побѣжденные Римлянами, во 2-мъ столѣтіи по Р. Хр. двинулись на сѣверъ и заняли побережья Вислы, Буга, Днѣпра и проч., гдѣ и получили новое общее имя Славянъ и новыя частныя или мѣстныя имена—Ляховъ, Поморянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и проч. [2]). Другіе изслѣдователи перенесли движеніе Славянъ къ періоду великаго переселенія народовъ. Словомъ—вопросъ пока темный. Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что Славяне явились на восточно-европейской равнинѣ первымъ культурнымъ племенемъ, замѣнившимъ камень желѣзомъ, и несомнѣнно, что они уже крѣпко сѣли на мѣсто за цѣлые вѣка до начала русскаго государства и до принятія имъ христіанства.

Намъ извѣстно, что въ тотъ моментъ, когда начинается повѣсть временныхъ лѣтъ, «Дулѣбы живяху по Бугу», что тамъ-же сидѣли Бужане, послѣ же Волыняне; что племена, извѣстныя подъ этими именами, были безусловно Славяне. Обыкновенно полагаютъ, что Дулѣбы и Бужане сидѣли только на верхнемъ Бугѣ, въ нынѣшней Волыни, потому что ниже были Ятвяги. Согласившись, что Ятвяговъ на лѣвомъ берегу Нарева не было, мы не имѣемъ никакого основанія толковать по своему составителя лѣтописи. «Дулѣбы живяху по Бугу», другого болѣе, ранняго племени по Бугу лѣтописецъ не знаетъ. Потому мы утверждаемъ, что древнѣйшими извѣстными намъ жителями обоихъ береговъ Буга, значитъ и дрогицкаго края, были Славяне.

Которые же изъ вещественныхъ памятниковъ этого края могутъ быть отнесены къ дохристіанскимъ Славянамъ? Конечно не случайныя находки каменнаго вѣка, кремневые и каменные топоры, владѣльцы которыхъ намъ неизвѣстны. Но курганы, каменныя могилы и, наконецъ, доисторическій слой дрогичинскаго городища?

Говоря о курганахъ Бѣльскаго уѣзда, мы замѣтили, что черепки горшковъ съ сожженными остатками покойника и тризны постоянно встрѣчаются на небольшой глубинѣ, разметанными на довольно обширномъ пространствѣ, и затѣмъ высказали предположеніе, что горшокъ первоначально не былъ зарытъ, а стоялъ *на курганѣ* (см. выше).

При этомъ случаѣ вспомнимъ извѣстное мѣсто изъ нашей лѣтописи, гдѣ говорится о способѣ погребенія, соблюдавшемся у древнихъ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: «и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семъ събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ (вѣроятно на курганѣ) на путехъ» [3]). Арабскій писатель X вѣка, Ибнъ Даста, выражается еще яснѣе: «когда умираетъ кто-либо изъ Славянъ, они сожигаютъ трупъ его... На слѣ-

---

[1]) Шафарикъ (Слав. древн. 322 и слѣд.), посвятивъ цѣлую главу геродотовскимъ Неврамъ, будто-бы жившимъ «въ окрестностяхъ Буга, Нурца и Нарева», слѣдовательно и въ дрогицкой землѣ, по своему обыкновенію видитъ въ нихъ Славянъ. Но ни Геродотъ, ни Тацитъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о Вислѣ и тѣмъ менѣе о Бугѣ, Наревѣ или маленькомъ Нурцѣ. Геродотовыхъ Невровъ и Тацитовыхъ Нагарваловъ можно съ одинаковою легкостью помѣстить на 500 верстъ на право и на лѣво отъ этихъ рѣкъ. Между тѣмъ Птоломей Александрійскій, жившій позже Геродота и Тацита и повидимому хорошо знакомый съ бассейномъ Вислы, ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о Неврахъ, ни о Нагарвалахъ.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ: Ист. Русскаго Права. Вып. II, стр. 145. Авторъ между прочимъ, доказываетъ, что всѣ клады римскихъ монетъ, найденные въ славянскихъ земляхъ, относятся ко 2-му столѣтію. Мы, съ своей стороны, можемъ добавить, что къ тому-же столѣтію относятся всѣ, безъ исключенія, монеты изъ большого клада, открытаго въ 1887 году въ Сокольскомъ уѣздѣ Гродн. губерніи.

[3]) Ип. лѣт. 8.

дующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ» [1]).

Курганы Бѣльскаго уѣзда какъ нельзя болѣе подходятъ къ этимъ описаніямъ и потому мы съ извѣстною долею вѣроятности относимъ ихъ къ первому славянскому племени (Праславянамъ, или же къ обособившимся уже Дулѣбамъ?), поселившемуся въ этихъ мѣстахъ. Далѣе этого предположенія мы не можемъ итти, за отсутствіемъ въ курганахъ какихъ-либо предметовъ, исключая разбитые горшки и сожженныя кости.

Каменныя могилы, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ курганами, ни по обряду погребенія, ни по вещественнымъ признакамъ. Единственный между ними общій признакъ тотъ, что и тѣ и другіе расположены группами, кладбищами, на берегу рѣчекъ, и очевидно принадлежали осѣдлому населенію. А между тѣмъ имѣются данныя, что оба рода могильниковъ принадлежали одному и тому-же племени—Славянскому, конечно въ разные періоды его жизни.

Обряды погребенія не постоянно оставались неизмѣнными. Извѣстно, что не только въ принадлежащихъ къ одной эпохѣ курганахъ, но иногда въ одномъ и томъ-же курганѣ, встрѣчаются сожженные трупы и несожженные костяки. Такимъ образомъ различіе въ способѣ погребенія не всегда является непремѣннымъ условіемъ различія народности.

Каменныя могилы очевидно новѣе кургановъ. Если время насыпки кургановъ остается вполнѣ гадательнымъ, то каменныя могилы можно съ большою вѣроятностью отнести къ переходному времени отъ язычества къ христіанству. Къ этому заключенію приводитъ насъ не только разборъ находимыхъ въ нихъ предметовъ (см. выше), но и самый способъ погребенія. Въ центральной (древнѣйшей) части громаднаго могильника близь Чарны Великой, очевидно сооруженнаго цѣлымъ рядомъ поколѣній, мы нашли могилы съ цѣлымъ приданымъ различныхъ вещей, а въ крайней (новѣйшей) части явно христіанскія могилы, безъ всякаго приданаго и въ одномъ случаѣ даже съ христіанскимъ символомъ, вырѣзаннымъ на изголовномъ камнѣ. Между тѣмъ тѣ и другія могилы, начиная съ древнѣйшихъ и кончая новѣйшими, сложены совершенно одинаково, слѣдовательно принадлежатъ одному и тому-же племени. Затѣмъ среди древняго, давно упраздненнаго, православнаго кладбища близь деревни Радзивиловки (Александровки), среди православныхъ могилъ съ надгробными камнями [2]), мы нашли каменныя могилы того-же типа, что и на подножіи Чарнской «каменицы». Первые христіане въ здѣшнемъ краѣ были русскіе Славяне. Послѣдніе язычники, похороненные на одномъ съ ними кладбищѣ, были очевидно ихъ предки, значитъ тѣ-же Славяне. Не полагаясь на нашу опытность, мы показывали найденныя въ каменныхъ могилахъ вещи одному изъ лучшихъ экспертовъ по этой части, проф. Самоквасову, изслѣдовавшему не одну сотню могилъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и онъ категорически призналъ вещи славянскими. То-же мнѣніе высказалъ намъ и извѣстный археологъ профессоръ В. Б. Антоновичъ, знакомый съ нашими раскопками по фотографическимъ снимкамъ.

---

[1]) Хвольсонъ, Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ, Абу-Али Ахмеда бенъ Омаръ, Ибнъ-Даста, стр. 29.

[2]) На большей части этихъ камней изображены только восьмиконечные кресты. Но отъ стариковъ я слышалъ, что прежде здѣсь встрѣчались памятники, на которыхъ были вырѣзаны разные предметы: топоры, скрыпки (?), подковы и т. под. Послѣ долгихъ поисковъ, мы съ почтеннымъ настоятелемъ Мельницкаго прихода, отцомъ Іосифомъ Сосновскимъ, нашли, среди бурьяна и кустовъ, большой камень ($2\frac{1}{2}$ арш. длины и $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. ширины), на которомъ по обѣ стороны нижней части восьмиконечнаго креста вырѣзаны изображенія двухъ топоровъ, очень сходныхъ съ могильными.

Далѣе намъ извѣстно, что многіе изъ этихъ предметовъ совершенно тождественны съ вещами, найденными во Владиміро-волынскомъ уѣздѣ, въ краѣ несомнѣнно дулѣбскомъ. Наконецъ мы нашли въ дрогичинскомъ городищѣ, рядомъ съ православными крестиками и церк. славянскими свинцовыми пластинками, тѣ-же неспаянныя кольца, тѣ-же фибулы, бусы, топоры, ножи, кресала и проч., что и въ каменныхъ могилахъ.

Сопоставляя эти данныя, мы остаемся при высказанномъ выше положеніи, пока оно не будетъ опровергнуто и замѣнено другимъ, болѣе вѣрнымъ. Можетъ быть, со временемъ и найдутся неизвѣстные намъ пока источники, которыми пользовался Длугошъ. Если онъ правъ, то, *можетъ быть*, Ятвяги дѣйствительно и жили когда-то осѣдлымъ, культурнымъ племенемъ въ дрогицкомъ краѣ, и затѣмъ, вытѣсненные оттуда русскими колонистами, удалились за Наревъ, гдѣ и одичали. Почемъ знать? Но суть не въ томъ, вѣрна-ли наша гипотеза или нѣтъ. Суть въ самихъ вещахъ, спасенныхъ отъ уничтоженія и готовыхъ къ услугамъ для каждаго, кого интересуетъ исторія нашей сѣверо-западной окраины.

VII.

Тутъ мы разстанемся съ Дрогичиномъ археологическимъ и еще разъ вернемся къ Дрогичину историческому, древне-русскому. Начнемъ съ населенія и затѣмъ укажемъ вещественные памятники, сохранившіеся поверхъ мусорнаго слоя.

Всё то, что сказалъ извѣстный изслѣдователь малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій, о колонизаціи сѣдлецкаго Подлѣсья, одинаково примѣнимо и къ дрогицкому краю. Здѣсь, какъ мы видѣли выше, съ доисторическихъ временъ жило славянское племя, извѣстное подъ именемъ Дулѣбовъ или Бужанъ. «Затѣмъ, въ кіевско-галицкую эпоху, въ языкъ древнѣйшихъ туземцевъ постепенно вносилась примѣсь южно-русскихъ элементовъ, которые въ то время еще не утратили первобытныхъ оттѣнковъ»... «Много разъ край былъ раззоряемъ, но старое населеніе не пропадало безслѣдно. Остатки его, по прошествіи грозы, снова занимали старое мѣсто: являлась новая примѣсь изъ новыхъ пришельцевъ, которая входила въ соединеніе съ однородными элементами прежняго населенія. Затѣмъ наступало новое раззореніе края и новый приливъ населенія. Такъ повторялась нѣсколько разъ одна и та-же исторія безъ существенныхъ измѣненій: на одинъ слой населенія внѣшнимъ образомъ налегалъ другой, и притомъ такъ, что, рядомъ съ позднѣйшимъ, оставались слои болѣе древніе, не выключая и самыхъ древнихъ» [1]).

Объясняемое этими причинами поразительное разнообразіе малорусскихъ говоровъ въ сѣдлецкомъ Подляшіи, замѣчается не въ меньшей мѣрѣ и во всемъ дрогицкомъ краѣ. И здѣсь—что деревня, то особый говоръ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ селомъ Чарна Великая, гдѣ я производилъ раскопки, лежатъ двѣ другія Чарны—Средняя и Церковная; всѣ онѣ говорятъ однимъ и тѣмъ-же, сильно испорченнымъ, малорусскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью бѣлорусскаго, но говоръ каждой изъ нихъ отличается множествомъ глоссическихъ и фонетическихъ оттѣнковъ [2]).

---

[1]) Житецкій: Очерки звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 275.

[2]) Для примѣра привожу начало пушкинской сказки «о рыбакѣ и рыбкѣ», въ переводѣ на говоръ Чарны Великой, сдѣланномъ для меня уроженцемъ этой деревни, сельскимъ учителемъ Д. Высоцкимъ:

«Зыў старѝкъ зо своѐю стару̀хою у са̀миво шѝняво мо̀ра. Вонѝ зылѝ у вѝтхой земля̀нчи ру̀мно трі̀йчать литъ и три ро̀ки. Старѝкъ ловіў нэ̀водомъ ры̀бу; стару̀ха пра̀ла своѐ пра̀диво» и т. д. Въ сосѣдней деревнѣ говорятъ: жіў, сѝняго, ру̀вно, трійцять; кромѣ того замѣтно уже дзяканье: адзинъ и т. под.

Разнясь въ говорахъ, а можетъ быть, отчасти, и въ бытовой жизни, населеніе дрогицкаго края, постоянно обновляемое новыми колонистами изъ Волыни и недалекаго пинскаго Полѣсья, въ теченіи многихъ вѣковъ оставалось всецѣло русскимъ, православнымъ. Оно сохранило свою вѣру и національность и въ первый періодъ иноземнаго владычества. Только въ концѣ 15-го вѣка мало по малу надвигается на дрогицкую землю польская колонизація. Литовскіе князья, преемники расположеннаго къ русскимъ Витольда, и польскіе короли поселили здѣсь нѣсколько тысячъ мазуровъ, наградивъ ихъ за военныя заслуги землей и дворянскимъ достоинствомъ. Эта мелкая шляхта, теперь почти не отличающаяся отъ прочихъ крестьянъ, сѣла частью по Бугу, частью по Нурцу и Нареву, гдѣ она держится и по теперь. Постоянное и повсемѣстное общеніе съ Поляками не могло не отразиться на языкѣ русскаго населенія. Но, если, вслѣдствіе этого общенія, произошло, смотря по мѣстности, бо̀льшее или меньшее смѣшеніе языковъ, то полнаго ихъ сліянія ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ, не замѣчается. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого интереснаго явленія. Достаточно сказать, что русскій человѣкъ могъ ополячиться или-же, оставаясь русскимъ, могъ принять въ свой языкъ много польскихъ словъ, но ни онъ, ни сосѣдъ его, Полякъ, никогда не могли слить свою рѣчь въ одно среднее, польско-русское нарѣчіе. Словомъ: смѣшеніе встрѣчается часто, органическое сліяніе никогда.

Когда съ введеніемъ уніи, Дрогичинъ сдѣлался для своихъ окрестностей центромъ польско-католической пропаганды, когда проводникомъ просвѣщенія сдѣлалась дрогичинская іезуитская коллегія, то городскіе жители мало по малу забыли свой родной языкъ, между тѣмъ какъ крестьяне вверхъ по Бугу и на востокъ отъ него сохранили свой говоръ и по нынѣ [1]). Еще въ прошломъ столѣтіи въ Свято-Троицкомъ дрогичинскомъ монастырѣ проповѣди говорились на южно-русскомъ нарѣчіи, котораго жители теперь не знаютъ [2]). Въ настоящее время всѣ жители Дрогичина, не только католики, но и православные, употребляютъ въ домашнемъ быту польскій языкъ, хотя тѣ и другіе очень порядочно изъясняются по великорусски.

Теперь обратимся къ вещественнымъ остаткамъ дрогичинской русской старины.

Въ началѣ нашей статьи мы замѣтили, что, согласно лѣтописи, Даніилъ Романовичъ *возобновилъ и создалъ* въ Дрогичинѣ церковь во имя Пречистой Богородицы и что, вѣроятно, въ этомъ-же храмѣ онъ возложилъ на себя королевскій вѣнецъ. Бѣдные, едва замѣтные слѣды этого храма сохранились и понынѣ. Между замковой горой и бывшею базиліанскою, нынѣ православною, Никольскою церковью, по направленію отъ городской площади къ Крашчевской горѣ, на планѣ 1787 года значится Люблинская улица. Этой улицы теперь нѣтъ; послѣ пожара 1805

---

[1]) Такъ напр. въ дер. Заешникахъ, въ 5-ти верстахъ отъ Дрогичина, вверхъ по Бугу, крестьяне говорятъ по малорусски; за Дрогичиномъ-же, внизъ по рѣкѣ, по польски.

[2]) Вотъ образчикъ дрогичинскаго языка прошлаго столѣтія, выписанный нами изъ хранящагося въ архивѣ церкви Св. Варвары рукописнаго сборника проповѣдей архимандрита Михаила, настоятеля Троицкаго монастыря и всего дрогичинскаго прихода: «Казал Бг҃ъ едного̀ часу Пррку Іеремѣи внити въ домъ гончарски. Гды тамъ пришолъ, знашол го̀нчара, которы робил на колѣ (колесѣ) начиніе глиняное. Тое начиніе гды запсовалось, онъ зтое же глины уробилъ иншое начиніе, якое ему подобалось. Православные христіане: коло естъ свѣтъ; такъ его называетъ псалмистъ, мовячи: «гласъ грома моего вколеси». Далѣе, сравнивая судьбу человѣка съ колесомъ, проповѣдникъ приводитъ примѣры изъ византійской и *русской* исторіи: «поднесло было тое коло высоко Валенса на царство Грецкое, потым его надол кинуло. Валенса Геттове на войнѣ поразили и живаго огнем спалили. Поднесло было тое коло высоко *Олеха на княство древлянское*, потым его на дол кинуло. Олех на войнѣ збытяжаны, гды утикал пред непріятелями през мостъ велики. На той час люде утикаючи и тиснучися, запхнули его змосту и сами падаючи его прибили и удушили» и проч.

года отъ нея осталось лишь какъ-бы начало переулка, тотчасъ-же прекращающагося двумя крутыми непроходимыми промоинами. Уголъ, образуемый этими спусками, занятъ огородомъ стараго николаевскаго солдата, Данiила Евтуха. Здѣсь, на площади, занимаемой огородомъ, стоялъ нѣкогда Пречистенскій соборъ Даніила Романовича. Преданіе объ этой церкви сохранилось въ Дрогичинѣ и по теперь. Всѣ жители, христiане и не христiане, знаютъ, что здѣсь была когда-то «русская церковь». Въ томъ углу огорода, который примыкаетъ къ обоимъ спускамъ, виднѣется небольшой кусокъ фундамента, вышиною въ аршинъ, шириною въ три аршина, сложенный изъ дикаго камня. Вотъ и весь наружный остатокъ Даніилова храма. Старикъ Евтухъ говоритъ, что, раскапывая свой огородъ, онъ постоянно натыкался на камни и куски обугленнаго дерева, но кирпича или остатковъ фундамента въ другихъ частяхъ огорода не находилъ. Кромѣ того онъ передалъ мнѣ двѣ желѣзныя вещи, сильно заржавленныя, очевидно служившія для затвора церковныхъ дверей; одна изъ нихъ, неправильной формы, плоская, длиною въ 5 вершковъ, шириною въ 1—2 вершка; другая состоитъ изъ двухъ продолговатыхъ большихъ звеньевъ. Очевидно, что церковь была деревянная, на каменномъ фундаментѣ.

Вѣроятно она не разъ сгорала до основанія, при чемъ гибли или подвергались разграбленію всѣ сколько нибудь цѣнныя вещи. Такъ какъ едва можно надѣяться найдти что-либо интересное въ этихъ развалинахъ, то я отказался отъ дальнѣйшихъ раскопокъ, тѣмъ болѣе, что все мѣсто было засѣяно огородными овощами.

Другая древняя православная, впослѣдствіи уніатская, церковь во имя Чудотворца Николая, находилась между замковой горой и зданіемъ піарскаго училища; она также была деревянная и сгорѣла въ 1805 году. Мѣсто это обозначено большимъ деревянымъ крестомъ, подъ которымъ на половину врытъ въ землю большой камень съ изображеніемъ православнаго креста и слѣдовъ надписи. Такъ какъ фруктовый садъ, въ которомъ стоитъ этотъ крестъ, а слѣдовательно находилась и самая церковь, принадлежалъ къ нанятой мною на цѣлое лѣто квартирѣ, то я имѣлъ возможность произвести цѣлый рядъ пробныхъ раскопокъ, но не нашелъ ничего, кромѣ массы человѣческихъ костей, обломковъ кирпича и нѣсколькихъ кусковъ толстаго стекла. Евреи, арендующіе и раскапывающіе этотъ садъ уже много лѣтъ, также говорятъ, что не находили здѣсь ни одной металлической вещи.

Св.-Троицкій монастырь былъ расположенъ на Крапiчевской горѣ, отдѣляющейся отъ главной части города глубочайшимъ оврагомъ. Онъ состоялъ изъ деревяной церкви, разобранной по совершенной ветхости въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ трапезной церкви Св. Великомученицы Варвары и монашескихъ келій. Мѣсто Троицкой церкви обозначается теперь большимъ деревянымъ крестомъ. Она, подобно прочимъ церквамъ, была деревяная. Тѣсныя и низенькія келіи служили, по упраздненіи монастыря, квартирою настоятеля церкви, но теперь совершенно необитаемы.

Церковь Св. Варвары, прежде трапезная, была, по разборкѣ Троицкой церкви, единственнымъ православнымъ храмомъ въ цѣломъ Дрогичинѣ, вплоть до 1839 года. Здѣсь-же и теперь, въ зимнее время, иногда совершается богослуженіе. Она представляетъ собою небольшую низенькую комнату, съ крошечными окнами въ свинцовой оправѣ, раздѣленную иконостасомъ на двѣ части. Эта церковь, какъ и многія другія въ нашемъ западномъ краѣ, служитъ живымъ свидѣтельствомъ бѣдственнаго положенія православія въ польскій періодъ. Но за то церковная библіотека возбуждаетъ удивленіе и вмѣстѣ уваженіе къ настоятелямъ этого бѣднаго храма. Ме-

жду тѣмъ какъ въ ризницѣ и архивѣ дрогичинскаго католическаго фарнаго (соборнаго) костела, богатѣйшаго и обезпеченнаго во всѣхъ отношеніяхъ, сохранилась какая-нибудь дюжина церковныхъ книгъ, да и то не старѣе начала нынѣшняго столѣтія, въ бѣдной трапезной церкви вѣчно подвергавшагося гоненію Троицкаго монастыря, мы нашли большой шкафъ, едва вмѣщающій богатое собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ, частью весьма замѣчательныхъ.

Уважаемый пастырь дрогичинскаго прихода, отецъ Иларіонъ Будиловичъ, передалъ пишущему эти строки, для представленія въ Импер. Археологическую Коммиссію, древнюю икону, уже давно исключенную изъ церковнаго инвентаря по совершенной ея ветхости, но интересную въ историческомъ отношеніи. Она писана на холстѣ и имѣетъ въ длину приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршина, а въ ширину около аршина. На этой, такъ называемой выносной и служившей при крестныхъ ходахъ, иконѣ съ одной стороны изображено Распятіе съ предстоящими, а съ другой погребеніе Божіей Матери. Согласно священному преданію, іудейскій священникъ Аѳоній, проходя мимо погребальнаго шествія, съ яростью бросился впередъ и схватился руками за одръ, чтобы опрокинуть на землю несенное на немъ тѣло Пречистой Матери. Но Ангелъ Господень отсѣкъ ему до локтей руки, и кисти ихъ повисли при одрѣ [1]). Этотъ именно моментъ изображенъ на иконѣ. Но замѣчательно, что Аѳоній представленъ въ видѣ *іезуита*, именно въ шляпѣ и мантіи іезуитской. Такимъ образомъ икона эта служитъ какъ-бы живописнымъ олицетвореніемъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергалась православная церковь отъ іезуитовъ. Къ сожалѣнію икона сохранилась весьма плохо и краска съ нея осыпается при малѣйшемъ прикосновеніи.

Слѣды древнихъ православныхъ церквей сохранились во всѣхъ окрестностяхъ Дрогичина. Урочище Рай или цегельня, въ верстѣ отъ города, называется иначе церквискомъ. По ту сторону Буга, въ виду Дрогичина, близъ деревень Щеглятинъ, Ласковицы и Дражево, населенныхъ теперь католиками, также есть урочища, называемыя церквисками. Церквиско значитъ церквище, то есть мѣсто, гдѣ была нѣкогда церковь, подобно тому какъ городище есть мѣсто древняго города. Такихъ церквискъ въ Бѣльскомъ и Соколовскомъ уѣздахъ очень много. Отъ храмовъ этихъ, давно разрушенныхъ временемъ и врагами православія, не осталось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ; намъ посчастливилось лишь собрать довольно большую коллекцію мѣдныхъ крестовъ и иконъ, частью весьма замѣчательныхъ.

Всѣ они принадлежатъ къ числу случайныхъ находокъ, сдѣланныхъ мѣстными жителями, православными и католиками. Нѣкоторыя изъ нихъ хранились въ семьѣ уже нѣсколькихъ поколѣній и, по семейному преданію, были найдены близь древнихъ церквискъ по сю и по ту сторону Буга; другія найдены недавно въ разныхъ мѣстахъ Дрогичина и его окрестностей: въ оврагахъ, спускающихся къ Бугу и размываемыхъ весенней водой, при рытіи картофельныхъ ямъ, при раскопкѣ огородовъ и т. под., наконецъ, какъ сказано выше, всѣ маленькіе крестики найдены нами на подножіи городища, на берегу Буга и, отчасти, даже въ самой рѣкѣ.

Предоставляя спеціалистамъ обсудить бóльшую или меньшую древность собранныхъ нами древнихъ предметовъ, мы отмѣтимъ только тѣ изъ нихъ, которые, по нашему разумѣнію, кажутся самыми древними.

Къ такимъ я отношу, прежде всего, двѣ иконы Чудотворца Николая, почти одинаковыя. Обѣ изображаютъ Святаго съ мечемъ (точнѣе съ саблей) въ правой и церковью въ лѣвой рукѣ.

---

[1]) В. Муравьевъ: Жизнь Пресвятыя Богородицы, стр. 121.

Работа очень грубая; поле въ обоихъ экземплярахъ частью выкрошилось; ц.-славянская надпись неразборчива. Первая изъ этихъ иконъ была найдена Антономъ Панасюкомъ въ оврагѣ близь развалинъ Пречистенскаго собора Даніила Романовича. Другая, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, густо вызолоченная и потому лучше сохранившаяся, найдена крестьяниномъ посада Русскій Дрогичинъ, Иваномъ Совковичемъ, на его собственномъ полѣ въ урочищѣ Горы, близь котораго находится урочище церкviско. По словамъ Совковича, онъ задѣлъ икону плугомъ; она лежала ликомъ внизъ, а подъ нею была горсточка гнилой пшеницы. Не менѣе древней кажется мнѣ мѣдная икона весьма первобытной работы, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія съ предстоящими, а съ другой ветхозавѣтной Троицы. Замѣчательна также небольшая тѣльная икона, найденная въ огородѣ крестьянина деревни Минчева, Ивана Скавронка, съ изображеніемъ Вознесенія на небо пророка Иліи. Передъ пророкомъ—десница Божія; позади Ангелъ; внизу кто-то, вѣроятно пророкъ Елисей, принимаетъ милоть пророка Иліи; другой человѣкъ, какъ-бы пораженный этимъ зрѣлищемъ, лежитъ распростертый на землѣ.

Всего собрано мною въ Дрогичинѣ и передано въ Импер. Археологич. Коммиссію, кромѣ маленькихъ крестиковъ, 4 большихъ мѣдныхъ креста, 12 тѣльныхъ образовъ и 10 складней.

Много вѣковъ трудился Зап. Бугъ надъ гибельной разработкой дрогичинскаго городища. Съ каждымъ весеннимъ половодьемъ поглощаетъ онъ сотни, а можетъ быть и тысячи древнерусскихъ предметовъ. Остановить это разрушеніе нельзя, но можно спасти хоть тѣ вещи, которыя по спадѣ воды остаются на береговой отмели. Равнымъ образомъ можно и должно спасать и тѣ предметы, которые случайно находятся жителями при постройкѣ домовъ, копкѣ картофельныхъ ямъ и т. под. Дрогичинскіе крестьяне и мѣщане теперь болѣе или менѣе знаютъ, какая вещь годится и какая нѣтъ, потому что за каждую изъ первыхъ получали отъ меня плату. Уѣзжая изъ Дрогичина, я направилъ ихъ къ почтенному и просвѣщенному настоятелю мѣстнаго православнаго прихода, отцу Иларіону Будиловичу, который обязательно согласился собирать находимые въ Дрогичинѣ предметы и пересылать мнѣ.

Надѣюсь, что мнѣ удастся этимъ путемъ, хотя до нѣкоторой степени, обезпечить для науки частицу древняго Дрогичина.

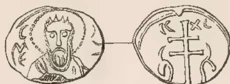
Бѣлостокъ.
Февраль 1889 г.

Когда первая половина настоящей статьи была уже напечатана, я получилъ изъ Дрогичина нѣсколько сотъ предметовъ, собранныхъ на берегу Буга въ послѣднее половодье крестьяниномъ Антономъ Барщевскимъ и мѣщаниномъ Феликсомъ Кохански мъ, принимавшими дѣятельное участіе въ моихъ прошлогоднихъ работахъ, какъ-то: бронзовый и каменный крестики; двѣ свинцовыхъ привѣски съ изображеніями и надписями; нѣсколько бронзовыхъ привѣсокъ; мѣдный наконечникъ какого-то неизвѣстнаго предмета; обломки большаго костянаго гребня съ украшеніями; бронзовый замòкъ; худо сохранившійся денаръ Антонина Пія; около 160 каменныхъ и стекляныхъ бусъ; болѣе 400 свинцовыхъ оттисковъ съ изображеніями и буквами; двадцать пять пряслицъ; двѣнадцать малыхъ желѣзныхъ ножей; сулица и желѣзный наконечникъ стрѣлы; двѣ очень широкихъ и плоскихъ желѣзныхъ подковы; обломокъ желѣзнаго серпа;

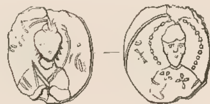
обломки фитильнаго ружья и т. под. Кромѣ того Барщевскій прислалъ два не вполнѣ сохранившихся небольшихъ могильныхъ горшка, выкопанныхъ рабочими при проведеніи шоссе изъ Дрогичина въ Высоко-Литовскъ. Изъ этихъ предметовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

1) Свинцовая привѣска съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Меѳодія и начальною надписью его имени. На другой сторонѣ православный крестъ съ надписью: IC XC и двумя аканѳами по обѣ стороны нижней части креста (см. прилагаем. рисунокъ № 17); 2) другая свинцовая

№ 17.

№ 18.

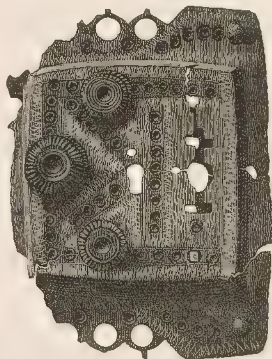

привѣска съ изображеніемъ святаго на обѣихъ сторонахъ (см. прилаг. рис. № 18); 3) бронзовая очень изящная привѣска, въ видѣ трилистника съ изображеніями человѣческихъ лицъ въ кружкахъ изъ точекъ (см. прилаг. рис. № 19); 4) бронзовый, хорошо сохранившійся, замòкъ отъ шкатулки или другого небольшаго предмета, съ украшеніями, весьма сходными съ замѣченными на костяныхъ гребняхъ и нѣкоторыхъ бронзовыхъ вещицахъ прежнихъ находокъ (см. прилаг. рис. № 20); 5) бронзовое украшеніе отъ ремня (см. прилаг. рис. № 21).

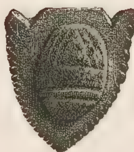
№ 19.

№ 20.

№ 21

ОПИСАНІЕ

НѢКОТОРЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ,

НАЙДЕННЫХЪ

ВЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОСТАВЛЕНО ПО МАТЕРІАЛАМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Древности Витебской губерніи неоднократно обращали на себя вниманіе нашихъ любителей и изслѣдователей отечественной старины. Благодаря указаннымъ ниже трудамъ графа Ад. Платера (1), А. Брандта (2), графовъ Евст. и Конст. Тышкевичей (3), К. А. Говорскаго (4), М. Ф. Кусцинскаго (5), А. М. Сементовскаго (6), графа А. С. Уварова (7), А. П. Сапунова (8), Э. Лемана (9), З. Глогера (10), Ю. Дёринга (11), В. Неймана (12) и друг. (13), мы имѣемъ уже довольно значительное количество матеріаловъ по этой части. Нѣкоторыми изъ нихъ воспользовался пок. К. Гревинкъ въ своемъ изслѣдованіи о языческихъ могилахъ Литвы (14), высказавъ въ немъ нѣсколько общихъ соображеній и предположеній относительно различныхъ древнихъ издѣлій, найденныхъ въ предѣлахъ Витебской губерніи. Въ виду неудовлетворительной разработки матеріаловъ, находившихся въ его распоряженіи, онъ самъ, впрочемъ, не придавалъ своимъ догадкамъ особеннаго значенія. «Какъ бы ни отнеслись къ моимъ гипотезамъ» (говоритъ онъ въ названномъ трудѣ, стр. 165), «всякій однакоже согласится, что точнѣйшее археологическое изслѣдованіе Витебской губерніи представляетъ большой интересъ и что я исполнилъ, по крайней мѣрѣ, свою обязанность, обративъ на него особенное вниманіе».

Желаніе содѣйствовать дальнѣйшей разработкѣ археологическихъ матеріаловъ, относящихся до Витебской губерніи, побудило Императорскую Археологическую Коммиссію издать нѣкоторые, имѣющіеся въ рукахъ ея, документы по этому предмету. Въ тѣхъ-же видахъ она считаетъ долгомъ обратиться къ лицамъ, занимающимся и интересующимся изслѣдованіемъ Витебскихъ древностей, съ просьбою сообщить ей находящіеся въ распоряженіи ихъ неизданные матеріалы, могущіе послужить къ разъясненію тамошней старины, какъ-то: свѣдѣнія о раскопкахъ и случайныхъ археологическихъ находкахъ, относящіеся къ нимъ рисунки и планы, или самые найденные предметы, которые, по снятіи съ нихъ рисунковъ, будутъ немедленно возвращены приславшимъ ихъ.

Съ искреннею благодарностью Археологическою Коммиссіею будутъ приняты также указанія на пробѣлы, которые могутъ оказаться въ нижеслѣдующемъ библіографическомъ обзорѣ.

---

1) A. Plater: O starożytnych kamieniach z napisami, znajdujących się w rzeche Dźwinie (od XIII wieku) koło Polocka i Dzieśny. Въ соч. Rubon. Pismo, poświęcone pożytecznéj rozrywce. T. II (Wilno, 1842), стр. 37—48, съ табл. рис. (О литературѣ, относящейся къ этимъ камнямъ, см. между прочимъ Археолог. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., стр. 159—160; Труды Моск. Арх. Общ. IX, проток. стр. 21; Вилен. Вѣстн. за 1864 годъ, № 56).

Его-же: O dawnych grobach i starożytnościach odkrytych w Inflantach Polskich. Въ томъ-же журналѣ, T. V (Wilno, 1845), стр. 7—33, съ 3 табл. рис. Нѣмецкій переводъ этой статьи (съ нѣкоторыми дополненіями и поправками) помѣщенъ въ Mittheil. aus der livländ. Gesch. Bd. IV (Riga, 1845), стр. 253—279, съ 3 табл. рис., и стр. 482—492, съ 2 табл.

Его-же: Poszukiwania historyczne, do jakiego narodu należeć mogły groby znajdywane w Inflanciech i innych Nadbaltyckich prowincjach. Въ томъ-же журн. T. VI (1845), стр. 7—35, и T. VIII (1847), стр. 22—49.

2) A. Brandt: Alte Gräber und darin gefundene Alterthümer in Polnisch-Livland. Въ Дерптской газетѣ Inland за 1846 годъ, №№ 42 и 43. Извлеченіе изъ этой статьи, подъ заглавіемъ: «О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ», помѣщено въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1851 годъ, т. XXXIII, стр. 212—226. Тѣмъ-же источникомъ, вѣроятно, пользовался Фр. Франкъ въ своей статьѣ: «Die eigenthümlichen Todtenhügel in den Gubernien Witepsk, Pskow und Kurland (Hamburger literär. und krit. Blätter, 1851, № 87), о которой упоминаетъ Мантейфель въ своемъ соч. Inflanty Polskie. Poznań, 1879.

3) Eust. Tyszkiewicz: Rzut oka na źrzódła archeologii krajowéj, czyli opisanie zabytków niektórych starożytnoś odkrytych w zachodnich guberniach Cesarstwa Rossyjskiego. Wilno, 1842. Съ 8 табл. рис.

Его-же: Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki i rzemiosł w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850. Съ 5 табл. рис.

K. Tyszkiewicz: Wiadomosc historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859.

Его-же: О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. Вильна, 1865 г. (Отд. оттискъ изъ Вилен. Вѣстн. за 1864 г., №№ 112—117). Есть также польское изданіе этого соч.: O kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Berlin, 1868. Съ 16 табл. рис.

4) К. А. Говорскій: Археол. поѣздка изъ Полоцка, по направленію такъ называемой Ольгердовой дороги, и Археолог. розысканія въ окрестностяхъ г. Полоцка. Въ Зап. Импер. Археол. Общ., т. V (Спб., 1853), Прилож., стр. 88—103. См. также Витеб. Губ. Вѣдом. за 1860 г., №№ 5—9. 11. 12, и за 1863 годъ, № 4. Вѣстн. Юго-Зап. и Западной Россіи, 1863 года. Авг., стр. 122—140.

5) М. Ф. Кусцинскій: Опытъ археологич. изслѣдованій въ Лепельскомъ уѣздѣ. Въ Витебск. Губ. Вѣд. за 1865 годъ, № 20. См. также Вилен. Вѣстн. за 1860 г., № 12.

Его-же: Надгробный камень надъ павшими въ сраженіи въ 1568 году, найденный въ Лепельскомъ уѣздѣ Витеб. губ. Въ Труд. Моск. Арх. Общ., IV, 92—93. Проток. стр. 46—49. 54, гдѣ помѣщены свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ имъ, въ 1872 г., въ землѣ Кривичей. См. также Przegląd bibliograf.-archeol., за 1882 годъ, № 27—28, стр. 119—120.

6) А. М. Сементовскій: Памятники старины Витебской губерніи. Спб., 1867 годъ. Съ археолог. картою и 46 политипажами. (Книга эта составляетъ отдѣльный оттискъ изъ Памятн.

Книжки Витеб. губ. за 1867 годъ). Большая часть помѣщенныхъ въ ней рисунковъ появилась уже въ Пам. Кн. Витеб. губ. за 1864, 1865 и 1866 годы. Новое, значительно пополненное и исправленное изданіе этого соч. вышло подъ заглавіемъ: «Бѣлорусскія древности». Выпускъ 1-й. Спб., 1890.

Его-же: Замѣтка для археолога. Витебск. Губ. Вѣдом. за 1863 г., № 44. См. также: Свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ въ Витеб. губ. Витеб. Губ. Вѣд. за 1864 г., № 28 и 29.

Его-же: Полотскій Борисоглѣбскій монастырь и Тадулинскій Св. Успенскій монастырь. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1866 годъ. Съ 5 рис. въ текстѣ.—Полоцкая Софійская церковь. Въ Памятн. Книжки Витеб. губ. за 1878 годъ, стр. 51—92, съ помѣщенными въ текстѣ рисунками древняго складня, лампады и надписи на ней, тканаго орлеца, части ковра, митры и кресла.

Его-же: О раскопкахъ нъ им. Бездѣдовичахъ. Въ Витеб. Губ. Вѣд. за 1884 г. № 73.

Его-же: Вновь открытая въ Полоцкомъ уѣздѣ, на берегу р. Ушача, группа древнихъ кургановъ. Витебск. Губ. Вѣд. за 1889 г. № 60. (Изъ Вилен. Вѣстн.).

7) Графъ А. С. Уваровъ: Археологія Россіи. Каменный періодъ. Москва, 1881 г., т. II, Приложенія: Витебская губ., стр. 50—53 и 137—138. Табл. 39-ая.

8) А. П. Сапуновъ: Историч. свѣдѣнія о Витебскомъ замкѣ. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1881 годъ, ч. II, стр. 143—176, съ 2 рис. въ текстѣ.

Его-же: Витебская старина, т. I, IV и V. Витебскъ, 1883, 1885 и 1889, со множествомъ картъ, табл. рис. и политипажей. См. также Витеб. Губ. Вѣд. за 1886 г., №№ 8—19.

Его-же: Историч. судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлянтъ, и Историч. свѣдѣнія о городахъ и замѣчательныхъ мѣстностяхъ его. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1887 годъ, Прилож., стр. 1—38, съ видами и планами пяти древнихъ замковъ, герба Инфлянтскаго и печатей комтуровъ Динабургскаго и Волькенбургскаго.

9) Ed. Lehmann: Bericht über die Gräberaufdeckungen bei Stirnian (въ Рѣжицкомъ уѣздѣ) im Herbst 1872. Въ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. VII, Heft 3—4, стр. 106—115.

10) Zygm. Glogier: Wykopaliska Maryjenhauskie (въ Люцинскомъ уѣздѣ). Отд. оттискъ изъ 1-го тома издав. въ Варшавѣ Pamiętnik Fizyograficzny за 1881 г. Съ 1 табл. рис. (О нѣкоторыхъ древностяхъ, найденныхъ въ 1883 году въ имѣніи Скильбанъ, въ 15 верст. отъ Маріенгаузена и подаренныхъ г. П. фонъ-Геккелемъ музею Эстонскаго Общ., см. Sitz.- Ber. d. gel. Estn. Ges. за 1884 годъ, стр. 26—27). См. также L. Dudrewicz: O czaszkach ludzkich z cmentarzyska w Maryjenhauzie. Въ Pam. Fiz. l. c. 4 стр. съ 1 табл. рис.

11) I. Döring: Der Pilskalns in Schlossberg (Poln.-Livland), muthmasslich das alte Gercike. Въ Sitz.-Ber. d. kur. Ges. für Lit. u. Kunst, aus d. Jahre 1878, p. 56—66, съ 1 табл. рис.

12) W. Neumann: Die Ordensburgen im sog. polnischen Livland. Въ Mittheil. aus der livländ. Gesch. Bd. XIV (Riga, 1889), стр. 299—323, съ 6 табл. рис.

13) О разныхъ древностяхъ, найденныхъ въ Витебской губерніи, см. еще Отчеты Импер. Археол. Комм. за 1868 г., стр. XXI; за 1870—71 г., стр. XLIV; за 1872 г., стр. XXVII; за 1873 г., стр. XXXIV; за 1875 г., стр. XXXV; за 1876 г., стр. XL; за 1877 г., стр. XXVI; за 1878—9 г., стр. XXXVIII и LXVIII; Зап. Импер. Археол. Общ. V, проток. стр. 33 (раскопки г. Вильчинскаго въ Лепельск. уѣздѣ); Зап. для обозр. русск. древн., стр. 11. 14. Изв. Имп. Русск. Арх. Общ., т. I, стр. 239—240; т. II, 126; т. III, 288; т. X, стр. 87—90 (раскопки Д. В. Зиновьева въ Люцинскомъ уѣздѣ); Труды Моск. Арх. Общ., II, 78. 79. IV, прот. стр. 15.

VI, прот., стр. 12—13. VII, прот., стр. 36. VIII, прот., стр. 17. 27—28. 41. IX, прот., стр. 13. X, отч., стр. 10. XI, прот., стр. 45. XII, прот., стр. 54; Каталогъ отдѣл. доисторич. древн. Моск. Публ. Муз. (Москва, 1873), стр. 32, 37, 38; Указат. Имп. Росс. Истор. Муз. (Москва, 1883), стр. 13, 59, 60; Киркора, Перечневый Каталогъ предметовъ въ Вилен. Муз. древностей (Вильна, 1858), №№ 15. 67. 874—876. 892. 2613, и Бѣлорусское Полѣсье (Живоп. Россія, т. III); Каталогъ предметовъ Музея древностей, состоящаго при Вилен. Публич. Библ. (2-е изданіе. Вильна, 1885), стр. 8, 9, 10, 14, 15, 16, 20, 72. Hartmann: Das Vaterländ. Museum zu Dorpat (Verhandl. d. gel. Estn. Ges. Bd. VI, Heft 3. 4), стр. 221. 224.

14) C. Grewingk: Ueber heidnische Gräber Russisch Litauens und einiger benachbarter Gegenden, insbesondere Lettlands und Weissrusslands. Dorpat, 1870. Съ 1 табл. рис. и 11 политипажами. (Отд. оттискъ изъ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. VI, Heft 1—2). См. его-же: Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurlands und einiger angrenzenden Landstriche. Dorpat 1865. Съ 2 табл. рис. (Изъ Schr. der gel. Estn. Ges. № 4) и Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat, 1871. Съ 1 табл. рис. (Изъ Verhandl. d. gel. Estn. Ges. Bd. VII, Heft I, стр. 1—49). Нѣкоторыя мѣста находокъ древнихъ каменныхъ и желѣзныхъ издѣлій въ Витеб. губ. обозначены на археологич. картѣ, изданной пок. Гревинкомъ въ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. XII (1884): Archaeol. Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- u. Kurland.

I.

Въ 1877 году Витебскій Губернскій Статистическій Комитетъ доставилъ въ Археологическую Коммиссію слѣдующія *бронзовыя* вещи, найденныя въ Люцинскомъ уѣздѣ, Балтиновской волости, деревни Чилипино, на земляхъ имѣнія Школбаны, въ мѣстности, называемой «военныя могилы»[1]):

1) Украшенное насѣчкою шейное кольцо, изображающее три изгиба змѣи, безъ головки (поломано на двѣ части).

2) Остатки цѣпи изъ спирально свитой проволоки, снаружи закругленной, а съ внутренней стороны — плоской (табл. VIII, рис. 5, въ $1/3$ натур. велич.). Срав. Kruse: Necroliv. Tab. III, A, и XXVII, 12.

3) Остатки пластинокъ и проволоки, очевидно отъ колецъ цѣпи.

4) Два браслета, изъ которыхъ одинъ, оканчивающійся съ обѣихъ сторонъ змѣиною (?) головою[2]), свитъ изъ двухъ круглыхъ проволокъ (табл. VIII, рис. 4, въ $1/3$ натур. велич.), а другой со-

[1]) По словамъ А. М. Сементовскаго (Труд. Моск. Арх. Общ. VIII, Проток. стр. 41), вещи эти открыты въ одной изъ могилъ находящагося тамъ древняго кладбища, занимающаго около полудесятины и уже болѣе или менѣе разрытаго кладоискателями. См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1877 г., стр. XXV.

[2]) Такая головка встрѣчается нерѣдко на древнихъ браслетахъ Прибалт. края. См. Plater: Ueber alte Gräb. Tab. II, 34. Kruse: Necroliv. Табл. XIX, 4. 5. XXVII, 10. Bähr: Die Gräb. d. Liven, табл. II, 4. 5.

стоитъ изъ плоской пластинки, снаружи украшенной выпуклымъ пояскомъ, на которомъ вырѣзаны кружки и по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщены въ срединѣ арабески, а по направленію къ обоимъ концамъ, имѣющимъ видъ змѣиныхъ головокъ, два ряда треугольниковъ (табл. VIII, рис. 6, въ $^1/_3$ натур. велич.).

5) Шейное проволочное съ нарѣзною спиралью кольцо, съ однимъ тупымъ, четыреугольнымъ граненымъ, и другимъ гладкимъ круглымъ обломаннымъ концомъ (табл. VIII, рис. 9, въ $^1/_3$ натур. велич.).

6) Большое, вѣроятно поясное, кольцо, свитое изъ двухъ толстыхъ проволокъ и оканчивающееся двумя плоскими крючками, обѣ стороны которыхъ украшены нарѣзными кругами (табл. VIII, рис. 8, въ $^1/_3$ натур. велич.). Съ обоихъ крючковъ, образующихъ застежку, при семъ прилагается рисунокъ № 1 въ величину оригинала.

№ 1.

7) Шейное украшеніе, въ видѣ обруча, по срединѣ круглаго и гладкаго, а въ двухъ оконечныхъ частяхъ плоскаго; одинъ изъ этихъ плоскихъ полукруговъ украшенъ съ наружной стороны нарѣзными арабесками и содержитъ на нижнемъ краѣ 31 дырочку, въ каждую изъ которыхъ было вдѣто кольцо, съ привѣшанною къ нему четыреугольною, съуживающеюся кверху, пластинкою; только въ одно изъ колечекъ, находящееся по срединѣ полукруга, вдѣтъ круглый полый бубенчикъ съ ушкомъ сверху и прорѣзнымъ отверстіемъ внизу (табл. VIII, рис. 2, въ $^1/_3$ натур. велич.); у нѣкоторыхъ колецъ привѣсокъ не достаетъ. Срав. Plater: Ueber alte Gräber Taf. I, 5. 10. Kruse: Necrolivon. Tab. XXVI, 8; Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, 12. E. Tyszkiewicz: Rzut oka, Табл. II, рис. 32. Hartmann: Das Vaterländ. Museum, Табл. II, рис. 12.

8) Цѣпь, длиною въ $13^1/_2$ вершковъ, состоящая изъ тройнаго ряда мелкихъ, вдѣтыхъ одно въ другое, двойныхъ проволочныхъ колечекъ, сверху прикрѣпленнаго проволочнымъ кольцомъ, а снизу также вдѣтаго въ проволочное кольцо; къ послѣднему привѣшана круглая пластинка, съ обѣихъ сторонъ украшенная нарѣзными треугольниками и кружками, и кромѣ того, вверху и внизу имѣющая по полукруглой выемкѣ, а по обоимъ бокамъ зубчики [1]); затѣмъ надъ нижнею полукруглою выемкою въ пластинкѣ просверлена дырочка, въ которое также продѣто проволочное кольцо съ висящимъ на немъ круглымъ, прорѣзнымъ бубенчикомъ [2]). См. табл. VIII, рис. 7, въ $^1/_3$ натур. велич.

Вмѣстѣ съ этими бронзовыми вещами были найдены остатки узкихъ, въ $^1/_4$ дюйма, ремней съ дырочками, вѣроятно для прикрѣпленія къ нимъ украшеній, и стеклянная, зеленовато-желтаго цвѣта, буса, величиною въ обыкновенный лѣсной орѣхъ [3]).

---

[1]) Подобные бубенчики изображ. въ соч. Крузе: Necrolivon. табл. III, рис. G и H; см. тамъ-же табл. X. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, 2 в. X, 4, 6, 10, 13, 17, XI, 6.

[2]) См. подобную пластинку съ крестомъ въ соч. Бэра: Die Gräber d. Liven, табл. XII, 12.

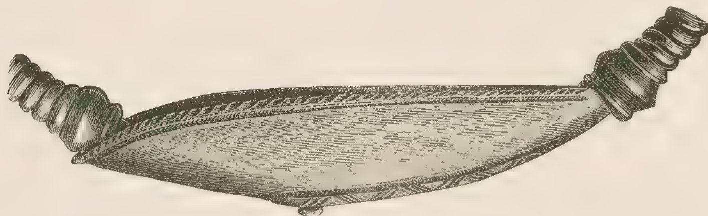
[3]) Всѣ эти вещи переданы въ Императорскій Эрмитажъ.

II.

Въ сентябрѣ 1878 года въ томъ-же Люцинскомъ уѣздѣ, въ Аннопольскомъ обществѣ Истрской волости, дер. Мишкиневѣ, въ $^1/_4$ версты отъ фольварка Фряшки, на взрытомъ песчаномъ полѣ, близъ котораго, по преданію, когда-то существовало древнее кладбище, найдены четыре *серебряныхъ* шейныхъ обруча, два вѣсомъ по $^3/_4$ фунта каждый, а два по 1 фунту [1]). Первые два состоятъ изъ круглаго и толстаго, согнутаго въ кольцо прута, утончающагося къ обоимъ концамъ, гдѣ онъ, принявъ уже форму проволоки, на одномъ концѣ изгибомъ назадъ образуетъ петлю, а на другомъ — входящій въ нее крючекъ, слѣдовательно вмѣстѣ застежку, затѣмъ остальною своею проволочною частію обматываетъ прилегающія къ застежкѣ части въ видѣ спирали (табл. VIII, рис. 10, 11, въ $^1/_3$ натур. велич.).

Два другихъ обруча представляютъ также довольно толстый, согнутый въ кольцо, прутъ, оканчивающійся съ одной стороны продолговатою, въ видѣ челнока, чашечкою, съ прорѣзомъ внизу, для вдѣванія въ нее крючка, которымъ оканчивается другая сторона кольца. Средняя часть обруча совершенно гладка, а примыкающія къ ней части обмотаны довольно толстою серебряною проволокою, которая съ обѣихъ сторонъ заканчивается боченкообразною дутою пуговкою съ поясками (табл. VIII, рис. 1 и 3, въ $^1/_3$ натур. велич.). На одномъ изъ этихъ обручей, уже въ старину поломанномъ и заплатанномъ, не достаетъ части проволочной спирали на той части кольца, которая оканчивается чашечкой. Съ наружной стороны одна изъ чашечекъ украшена сверху продольными желобками, а снизу треугольниками, другая же чашечка — такими-же треугольниками снизу и узорчатой каемкой сверху (см. прилагамый рис. № 2 въ натур. велич.).

№ 2.

Всѣ четыре обруча, присланные въ Импер. Археол. Коммиссію Витебскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, переданы ею въ Императорскій Эрмитажъ [2]).

III.

Въ ноябрѣ 1882 года Археологическая Коммиссія получила также отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета нѣсколько *бронзовыхъ* вещей, которыя случайно найдены были

---

[1]) См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1878—1879 гг., стр. XXXVIII.

[2]) Туда-же поступили три обыкновенныхъ серебряныхъ витыхъ кольца, найденныхъ въ 1872 году, въ Витебскомъ уѣздѣ, Лосвидской волости, при деревнѣ Заборцахъ. См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1872 годъ, стр. XXVII—XXVIII. Сементовскій: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 73.

крестьяниномъ, при обработкѣ огорода, въ Динабургскомъ уѣздѣ, Ужвалдской волости, деревни Эгли[1]), какъ-то:

1) Семь браслетовъ, состоящихъ изъ толстыхъ пластинокъ, оканчивающихся змѣиными головками и украшенныхъ съ наружной стороны змѣиными чешуйками (см. табл. VII, рис. 13 и 16); сравн. браслеты, изображ. на табл. VII, рис. 5, 7.

2) Два шейныхъ кольца, скрученныхъ каждое изъ двухъ толстыхъ проволокъ и оканчивающихся одно двумя крючками (см. табл. VIII, рис. 13), другое конусообразными застежками, изображенными на прилагаем. рисун. № 3, въ натур. величину[2]).

3) Украшенная снаружи нарѣзными кружка́ми подковообразная пряжка или фибула съ изогнутымъ язычкомъ.

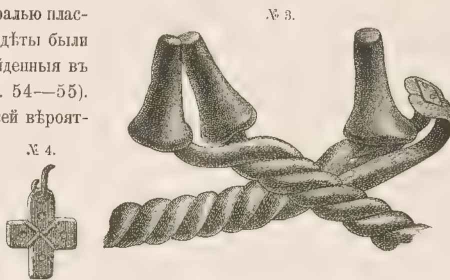
4) Четыре маленькія свернутыя спиралью пластинки, въ которыя вѣроятно также продѣты были шнурки или ремни, какъ въ спирали, найденныя въ Людвиковскомъ могильникѣ (см. ниже стр. 54—55).

5) Тонкая гладкая проволока, по всей вѣроятности отъ ручнаго кольца.

6) Небольшой крестикъ на проволочномъ крючкѣ[3]), украшенный съ одной стороны изображеніемъ лежащаго креста и четырехъ кружковъ (см. прилаг. рис. № 4 въ натур. велич.).

№ 3.

№ 4.

Эти вещи поступили изъ Археологической Коммиссіи въ Императорскій Эрмитажъ.

IV.

Въ той-же Ужвалдской волости, Динабургскаго уѣзда, въ дер. Кручери, въ 1886 году[4]), при обработкѣ крестьяниномъ земли подъ посѣвъ хлѣба, найдены:

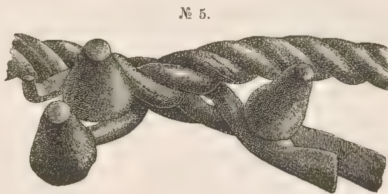
1) Три кольца, изъ свитыхъ спиралью бронзовыхъ проволокъ (два изъ нихъ изображ. на табл. VII, рис. 1 и 4, въ натур. велич.).

2) Подковообразная бронзовая фибула съ язычкомъ, оканчивающаяся двумя четырехконечными звѣздочками, которыя украшены изображеніемъ кружка, съ точкою внутри (табл. VII,

[1]) См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1882—1888 гг., стр. 23. Сементовскій: Бѣлорусскія древности, вып. I, стр. 65.

[2]) Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится другое (также найденное, кажется, въ Витебской губ.) шейное кольцо, свитое изъ двухъ толстыхъ бронзовыхъ проволокъ и оканчивающееся подобною-же застежкою (см. прилаг. рисун. № 5, въ натур. величину). Срав. Plater: Ueber alte Gräber, Tab. II, 26. 27. Kruse: Necroliv. Tab. XXVII, рис. 9. Bähr, Die Gräber der Liven, Tab. XIV, a. b.

№ 5.

[3]) Сравн. Kruse: Necrolivon. Табл. XVII, рис. 4. Bähr: Die Gräber d. Liven, Табл. XII, рис. 2. XXI, рис. 4 a.

[4]) См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1882—1888 гг., стр. CLXIII. Сементовскій: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 64—65.

рис. 2, въ натур. велич.). Срав. Kruse: Necrolivon. Tab. XII, 6. Bähr: Gräb. d. Liv. Taf. VIII, 6. Taf. XVII, 16 a.

3) Бронзовая, украшенная съ обѣихъ сторонъ треугольниками и кружка́ми, зубчатая пластинка, съ двумя выемками (табл. VII, рис. 3, натур. велич.), почти тождественная съ тою привѣскою, которая описана выше, на стр. 49, и изображена на табл. VIII, рис. 7. Срав. Hartmann: Das Vaterländ. Museum, pag. 53, № 20.

4) Два бронзовыхъ браслета, оканчивающихся змѣиными головками и украшенныхъ съ наружной стороны треугольниками (табл. VII, рис. 5, 7, въ натур. велич.).

5) Одинъ бронзовый плоскій браслетъ съ тупыми концами, украшенный снаружи прямыми пересѣкающимися чертами (табл. VII, рис. 11, въ натур. велич.). Сравн. Табл. VI, рис. 18 и 19. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. XIII, 8.

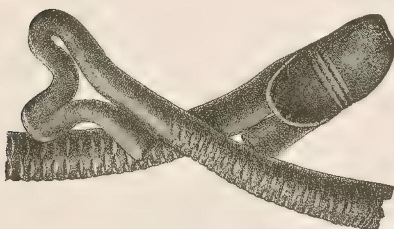
6) Нѣсколько браслетовъ изъ плоскихъ и совершенно гладкихъ пластинокъ (табл. IV, рис. 5, 6, 7, 8 въ натур. велич.).

7) Свитыя спиралью бронзовыя пластинки въ видѣ трубочекъ, надѣтыя на ремни и шнурки (табл. IV, рис. 11, 13, въ $^1/_2$ натур. велич.; VII, рис. 6, въ натур. велич.).

8) Двѣ бронзовыя четыреугольныя пластинки, украшенныя каждая снаружи тремя кружка́ми (табл. VII, рис. 8 и 9, въ натур. велич.) и сходныя съ тѣми пластинками, которыя мы встрѣтимъ ниже на головномъ уборѣ, найденномъ въ Людвиковскомъ могильникѣ (см. табл. V, рис. 2 и 3). Срав. Крузе: Necrolivon. Табл. XVIII, рисун. 4. XXVII, рисун. 14. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, рисун. 3.

9) Бронзовое шейное кольцо, покрытое насѣчками въ видѣ змѣиной чешуйки, и оканчивающееся съ одной стороны выпуклымъ ушкомъ, въ которое вѣроятно вцѣплялся крючекъ, находившійся на другомъ обломанномъ кольцѣ (табл. IV, рис. 9, въ $^1/_2$ натур. велич.). Срав. Kruse: Necrolivon. табл. IV, лит. q. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, рис. 10 и 10 а. При семъ прилагается рисун. № 6 (въ натуральную величину) съ подобной застежки на бронзовомъ шейномъ кольцѣ такого-же рода, хранящемся въ Императ. Эрмитажѣ. Срав. E. Tyszkiewicz: Rzut oka, Tab. II, 31. Plater: Ueber alte Gräber, Taf. II, 25. Dowgird: Pamiątki z czasów przedhistor. na Zmudzi, Warsz. 1887, Tab. VI. VII. Hartmann: Das Vaterländ. Mus. Tab. II, 4—9. Сементовскій: Бѣлорусскія древн. I, стр. 77.

№ 6.

10) Бронзовое шейное кольцо, состоящее по срединѣ изъ гладкой круглой проволоки, а на обѣихъ полукруглыхъ оконечностяхъ изъ плоскихъ гладкихъ пластинъ, въ одной изъ которыхъ, въ просверленныя въ ней отверстія, продѣты колечки съ висящими на нихъ четыреугольными пластинками[1]); большей части

[1]) Срав. Крузе: Necrolivon. табл. IV, рис. 1. «Патина зеленая. Металлъ свѣтло-желтый, изломъ желто-сѣрый. Куется. Вещь литая и кованная. Привѣски изъ листоваго металла, колечки проволочныя. Мѣди 82.5%, олова 2.3%, свинца 4.6%, цинка 10.2%, желѣза слѣды, сѣры слѣды, серебра большіе слѣды, сурьмы и висмута малые слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ).

этихъ колецъ и привѣсокъ недостаетъ (табл. IV, рис. 10). Срав. подобное-же шейное кольцо, изображ. на табл. VIII, рис. 2.

11) Прикрѣпленная къ проволочному кольцу цѣпочка, состоящая изъ 12, вдѣтыхъ одно въ другое, колецъ, спирально свитыхъ изъ бронзовой проволоки (табл. IV, рис. 12, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.). Срав. соч. гр. Платера: Ueber alte Gräber Taf. I, 15. Крузе: Necrolivon. Табл. XI, 1. Bähr: Die Gräb. d. Liven. Табл. V, 7.

12) Четыре обломка отъ бронзовыхъ проволочныхъ шейныхъ колецъ [1]) и пять обломковъ отъ гладкихъ бронзовыхъ лентообразныхъ пластинокъ.

Древности эти переданы Археологической Коммиссіей въ Императорскій Эрмитажъ.

V.

Въ апрѣлѣ 1886 года землевладѣлецъ Витебской губерніи А. А. фонъ-Крузе доставилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію нѣсколько древнихъ *бронзовыхъ* украшеній, случайно найденныхъ въ его имѣніи Людвиковѣ, Динабургскаго уѣзда, Яшмуйжской волости, Кастырскаго общества, при обработкѣ лежащаго на берегу озера Ступаны пахатнаго поля, на которомъ уже и прежде неоднократно были находимы древности, къ сожалѣнію разошедшіяся по разнымъ рукамъ [2]).

Присланныя г-мъ фонъ-Крузе вещи заключаются: 1) въ большомъ, шейномъ или поясномъ, кольцѣ (почти въ $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ), свитомъ изъ двухъ толстыхъ круглыхъ проволокъ и оканчивающемся двумя захватывающими другъ друга крючками (см. табл. IV, рис. 3, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.) [3]);

2) въ другомъ меньшемъ (5 вершковъ въ поперечникѣ) кольцѣ, которое состоитъ изъ одной круглой проволоки, по серединѣ гладкой, а въ остальной части украшенной желобчатою спиралью, и оканчивается двумя тупыми четыреугольными концами (см. табл. IV, рис. 4, исполн. въ $\frac{1}{2}$ натуральной величины);

3) въ плоскомъ, овальномъ, въ 5 миллиметровъ толщины, кольцѣ (см. табл. VII, рисун. 15, въ натур. велич.), съ обѣихъ сторонъ желобчатомъ, по срединѣ нѣсколько съуживающемся, съ едва расходящимися оконечностями и съ одинаковою на обѣихъ сторонахъ орнаментировкою въ видѣ двойнаго, параллельно идущаго по краямъ, гуртика и двухъ треугольниковъ въ узкой части кольца [4]);

---

[1]) «Патина темно-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый, изломъ такой-же. Куется, но щеплется вдоль, а потому надо полагать, что вещь кованная. Очень часто старинныя бронзовыя вещи показываютъ, и по излому и по анализу, неравномѣрность своего сплава; настоящій предметъ можетъ служить образчикомъ этого. Мѣди 87.3%, олова 1.2%, свинца 3.1%, цинка 7.2%, желѣза 0.3%, сѣры малые слѣды, серебра большіе слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ).

[2]) «Года три тому назадъ» (писалъ въ 1886 г. фонъ-Крузе) «подняли на томъ-же мѣстѣ цѣлый гробъ, конечно совершенно истлѣвшій; въ немъ нашли много бронзовыхъ вещей, но пока мнѣ это сообщили и пока я пришелъ, все растащили мужики и мнѣ ничего не досталось, кромѣ обруча изъ толстой бронзовой проволоки (см. табл. IV, рис. 1); такой-же проволочный обручъ я прошлое лѣто видѣлъ въ сосѣдней деревнѣ на ведрѣ вмѣсто веревки, за которую захватываютъ коромысломъ».

[3]) Срав. Kruse, Necrolivon. Tab. III, рис. 13. Bähr: Die Gräb. d. Liven, табл. XIV, 1.

[4]) См. соч. Крузе (Necrolivon. Табл. XIX, 7), по мнѣнію котораго (тамъ-же, стр. 24) кольца такого рода служили для натягиванія тетивы, пропускавшейся черезъ тонкую скважину кольца. Срав. также соч. гр. Е. Тышкевича: Rzut oka Tab. II, 38; IV, 21. Бэра: Die Gräber d. Liven, табл. XIII, 13. 14. 15.

4—5) въ двухъ плоскихъ браслетахъ, изъ которыхъ первый подковообразный (см. табл. VII, рис. 12, исполн. въ натур. велич.), къ срединѣ утолщенный и расширенный, съ далеко расходящимися оконечностями, имѣющими форму змѣиныхъ головокъ[1]), и съ орнаментировкою на одной только наружной сторонѣ, состоящею изъ двойнаго ряда точекъ, треугольниковъ и крестиковъ[2]); другой (см. табл. VII, рис. 14, въ натур. велич.) въ видѣ толстой полоски съ змѣиною головкою на одномъ концѣ (другой конецъ отломанъ), украшенный также лишь съ наружной стороны нарѣзною сѣткою въ видѣ змѣиной чешуи[3]);

6) въ ручномъ спиральномъ кольцѣ, свитомъ изъ плоской, гладкой пластинки (см. табл. VII, рис. 10, исполн. въ натур. велич.[4]), и

7) въ кругломъ, по срединѣ съуживающемся, предметѣ, въ видѣ двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ между собою верхушками своими, и украшенныхъ параллельно нарѣзанными на немъ горизонтальными чертами (см. табл. V, рис. 8, въ натур. велич.); судя по сохранившемуся на верхней площадкѣ круглому отверстію, онъ былъ на что-то надѣтъ; отверстіе же, просверленное сбоку въ нижней его части, позволяетъ предполагать, что къ нему была еще прикрѣплена какая-нибудь привѣска, или что онъ, продѣтымъ черезъ это отверстіе шнуркомъ, былъ привязанъ къ другому предмету.

На слѣдующій годъ г. фонъ-Крузе лѣтомъ произвелъ въ той-же мѣстности нѣсколько развѣдокъ, о которыхъ сообщилъ Археологической Коммиссіи слѣдующія свѣдѣнія: «Въ теченіи четырехъ часовъ мы открыли четыре могилы. Въ первой, ближайшей къ дорогѣ (ведущей изъ мѣстечка Прелли, чрезъ им. Людвиково, дер. Ступаны и им. Фейшаны, къ С.-Петерб. шоссе), найдены остатки (шерстяной?) ткани[5]); нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ[6]), мѣстное названіе которыхъ *сакста*[7]); длинная спиральная проволока, съ шерстяною веревкою внутри[8]), и кусочки тонкой деревянной палочки, обмотанной шерстяными нитями и обитой полосками листовой бронзы»[9]).

«Во второй могилѣ были найдены ткань[10]); очень много спирально согнутыхъ проволокъ[11])

---

[1]) Сравн. Kruse: Necrolivon. Tab. III, рис. K. N. O. Tab. XIX, 2—5. XXVII, 10. Bähr: Die Gräber d. Liven Taf. II, 4. 5.

[2]) «Патина зеленовато-бурая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ свѣтло-сѣрый Куется; вещь литая и чеканенная. Мѣди 82.9%, олова 1.9%, свинца 4.0%, цинка 10.1%, желѣза 0.2%, сѣры мал. слѣды, серебра слѣды». (Д. А. Сабанѣевъ).

[3]) Срав. Kruse: Necrolivon. Табл. XIX, 3. 4. XXVII, 10. Bähr: Die Gräber der Liven, табл. II, 4. 5. 10. 11; III, 8. 9.

[4]) Срав. Kruse: Necrolivon. Табл. IV, лит. g. XXVII, рис. 6. Bähr: Die Gräb. d. Liv. Taf. II, 8. 9.

[5]) См. табл. VI, рис. 12, въ натур. велич.

[6]) См. табл. VI, рис. 1. 5. 6. 7, 27, натур. велич. Срав. Kruse: Necrolivon. табл. I, лит. g. III, лит. D. IV, лит. L и M. XVII, 10 и 11. Одна изъ Людвиковскихъ пряжекъ (см. табл. IV, рис. 1) изслѣдована химически Д. А. Сабанѣевымъ, который сообщилъ о ней слѣдующее: «Патина буровато-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ пѣгій: свѣтло-желтый и свѣтло-сѣрый (отъ неравномѣрности сплава). Куется; вещь литая. Мѣди 80.2%, олова 0.5%, свинца 6 2%, цинка 12.2%, желѣза 0.2%, сѣры малые слѣды».

[7]) «Серебряныя пряжки-саксты и по настоящее время носятся латышами вмѣсто пуговицъ, у ворота рубашки; лѣтъ 50 тому назадъ онѣ вездѣ замѣняли пуговицы, и женщины застегивали свои кафтаны—*свейты*, отъ ворота до низу, сакстами различной величины, размѣщенными одна отъ другой на $1\frac{1}{2}$—2 дюйм.» (K.).

[8]) См. табл. VI, рис. 8, въ натур. велич. Срав. Kruse: Necroliv. Табл. III, лит. A.

[9]) См. табл. VI, рис. 9 и 10, въ натур. вел. Срав. Kruse. Necrolivon. Табл. I, лит. e.

[10]) См. табл. VI, рис. 17.

[11]) «Проволоки эти вѣроятно были пришиты ремешками къ ткани, какъ это видно на одномъ уцѣлѣвшемъ кускѣ» (K.). Срав. Kruse, Necrol. табл. XXVI, 45.

съ продѣтыми въ нихъ ремешками; кусочки деревянной палочки, обмотанной шерстяною нитью и обвитой полоскою листовой бронзы[1]); нѣсколько ручныхъ колецъ изъ спирально свернутой бронзовой полоски[2]); нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ-сакстъ[3]); черепокъ отъ глиняпаго обожженнаго сосуда; обломки бронзовой дужки (отъ браслета) съ нарѣзнымъ орнаментомъ изъ пересѣкающихся полосокъ[4]); отрывокъ (сплетенной изъ тонкихъ бронзовыхъ проволокъ) цѣпочки[5]); два бронзовыхъ (воронкообразныхъ) колпачка[6]) и обломокъ желѣзнаго ножа».

«Изъ третьей могилы древности были добыты не раскопкой, а отмывкой, т. е. отъ могилы была прокопана отводная канава, и такою-же канавою обведена самая могила, на которую затѣмъ начали лить воду. Нашлись бронзовыя украшенія головное и шейное. Головная повязка[7])— латышское ея названіе *вайникъ*—оказалась въ такомъ положеніи, что бантъ ея (табл. V, рис. 3) находился на затылкѣ; шейное украшеніе[8]) лежало на землѣ горизонтально; маленькія бронзовыя спирали (въ родѣ вышеописанныхъ) находились подъ лоскутами кожи, на одномъ изъ которыхъ ясно былъ видѣнъ слѣдъ отъ вдавившейся въ нее спирали. Сквозь всѣ спирали шла шерстяная нитка, уцѣлѣвшая въ одной изъ нихъ вмѣстѣ съ двумя небольшими раковинами. Немного сбоку отъ лоскутьевъ кожи лежали двѣ трубочки изъ рифленой (желобчатой) бронзы съ шерстяной веревкой внутри[9]). Подъ спиралями нашли кусокъ бахромы, а ниже, можетъ быть на груди, лежало еще нѣсколько бронзовыхъ спиралей подъ сходившимся къ головѣ угломъ[10]).

«Въ четвертой могилѣ древности также были добыты отмывкой, но неосторожность рабочихъ, при снятіи верхняго слоя земли, помѣшала намъ составить точное понятіе о первоначальномъ положеніи вещей: онѣ были найдены въ разсыпную. Оказались два бронзовыхъ браслета[11]), въ одномъ изъ которыхъ сохранились кости, съ кускомъ шерстяной ткани подъ ними (на этой ткани спиральныя кольца пришиты шерстяными нитками[12]); желѣзный топоръ (см. при-

---

1) См. табл. VI, рис. 2 и 4.

2) См. табл. VI, рис. 13. 14. 15. 16., натур. вел.

3) См. табл. V, рис. 1 и 6. Срав. Kruse: Necrolivon. Табл. III, рис. C. IV, рис. L и M. XVII, 10. 11. XXI, 9. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. II, 2. VIII, 9. 11.

4) См. табл. VI, рис. 18. 19, натур. вел. «Патина темно-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ желтовато-сѣрый. Вязокъ. Вещь литая съ насѣчкою. Мѣди 82.2%, олова нѣтъ, свинца 6.8%, цинка 10.3%, желѣза 0.2%, сѣры мал. слѣды, серебра слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ). Сравн. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. XIII, 8.

5) См. табл. VI, рис. 11, натур. вел.

6) См. табл. VI, рис. 20, 21, натур. велич.

7) См. табл. V, рис. 2, натур. велич. Она состоитъ изъ пяти параллельныхъ, круглыхъ рядовъ надѣтыхъ на крученыя веревки бронзовыхъ спиральныхъ проволокъ, съ восемью промежутками, изъ которыхъ пять перехвачены довольно широкими орнаментированными полосками листовой бронзы (въ двухъ промежуткахъ эти перехваты, должно быть, обломались, такъ что въ нихъ ясно видны скрученыя веревки); къ одной изъ промежуточныхъ полосокъ въ видѣ банта прикрѣплено съ обѣихъ поперечныхъ сторонъ по пяти коротенькихъ бронзовыхъ спиралей, также нанизанныхъ на скрученыя веревочки и упирающихся однимъ концомъ въ поперечную пластинку, а другимъ въ толстый ремень, обвитый бронзовыми колечками. Срав. Kruse: Necrolivon. Tab. XVIII, 4.

8) См. табл. V, рис. 5. Оно сдѣлано изъ бронзовой, согнутой въ кольцо, пластинки, украшенной по обоимъ, далеко заходящимъ другъ за друга, концамъ нарѣзными черточками и обращающейся въ средней своей части въ гладкую круглую проволоку.

9) См. табл. V, рис. 9, натур. велич.

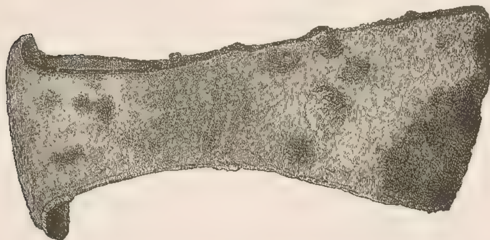
10) См. табл. V, рис. 4, 7, VI, 23, 24, 25 (къ послѣдней придѣлана еще узорчатая пластинка).

11) Одинъ, сломанный на 2 части, изображ. на табл. IV, рис. 1. 2, въ $1/2$ натур. вел., другой на табл. VI, рис. 26, въ натур. велич.

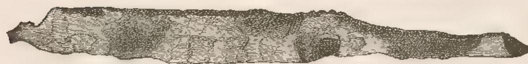
12) См. табл. VI, рис. 3.

лагаемый рисунокъ № 6, въ $^2/_3$ натур. вел.); бронзовое шейное кольцо (табл. VIII, 12); большая бронзовая спираль и плоское бронзовое желобчатое кольцо съ насѣчками [1]), стоявшее вертикально, разщепомъ кверху; черепокъ глиняной обожженной посуды; желѣзный ножъ (см. прилаг. рис. № 7 въ натур. величину); наконецъ нѣсколько костяныхъ изображеній птицы и множество треугольныхъ, съ усѣченной верхушкой, бронзовыхъ привѣсокъ»[2]).

№ 6.

№ 7.

№ 8.

«Немного въ сторонѣ отъ четвертой могилы найденъ кусокъ шерстяной ткани, несомнѣнно принадлежащій этой могилѣ, такъ какъ при немъ оказались бронзовыя спирали на шерстяныхъ ниткахъ, но не нашитыми, а въ разбродъ, да этотъ кусокъ ткани и спирали эти сходны съ тѣми, которыя найдены подъ однимъ изъ браслетовъ этой могилы. Тутъ-же оказался другой кусокъ ткани съ двумя, воткнутыми въ него, бронзовыми пряжками-сакстами [3]), и при немъ также бронзовыя спирали на шерстяныхъ ниткахъ».

«При раскопкѣ каждой могилы находили кусочки угля, но въ очень небольшомъ количествѣ. Оказавшіяся въ могилахъ человѣческія кости указываютъ на небольшой ростъ тогдашняго поколѣнія. Кости эти и сохранившаяся мѣстами кожа съ волосами указываютъ, мнѣ кажется, не на очень древнее происхожденіе предметовъ. Хотя мѣдныя окиси и служили предо-

---

[1]) См. табл. VI, рис. 28; сходно съ изображ. на табл. VII, рис. 15.

[2]) На прилаг. рисункѣ № 8, исполненномъ въ натуральную величину, возстановлено одно изъ образуемыхъ этими предметами украшеній въ томъ видѣ, въ какомъ подобныя-же украшенія являются въ соч. Крузе: Necrolivonica, табл. XI, 7, и Бэра: Die Gräber der Liven, табл. X, 7.

[3]) См. табл. VI, рис. 22, въ натур. велич.

хранителями разложенія, но врядъ ли могли дѣйствовать на столько, чтобъ кости и волосы сохранились нѣсколько вѣковъ. Скелеты въ могилахъ, на сколько можно судить по моимъ наблюденіямъ во время раскопокъ, лежали головою на С.С.З.».

«Замѣчу еще нѣсколько словъ о головномъ уборѣ или, по мѣстному выраженію, *вайникъ*, т. е. вѣнцѣ. Это родъ кокошника, но съ тою разницею, что передняя и задняя его части одинаковой величины. Въ настоящее время его уже не носятъ, но въ пѣсняхъ онъ упоминается очень часто. Дѣлали его, на сколько я помню, изъ картона, который обшивали какой-нибудь матеріей и украшали нашитыми въ ряды разноцвѣтными бусами; сзади пришивались разноцвѣтныя ленты, которыя связывались бантомъ, а концы спускались по спинѣ. Я помню, какъ вайникъ надѣвался на голову молодой при вѣнчаніи, но говорятъ, что въ немъ и хоронили дѣвушекъ. На сколько можно судить по латышскимъ пѣснямъ, вайники служили символомъ дѣвственности; женщины же носили нѣчто въ родѣ тюрбана. Весьма вѣроятно, что и головной уборъ, найденный въ третьей могилѣ, принадлежалъ латышской дѣвушкѣ, а лубяная ткань его веревокъ, отлично сохранившаяся, по моему мнѣнію, также доказываетъ не столь отдаленную древность его».

Затѣмъ г. Фонъ-Крузе на обращенные къ нему запросы объ означенныхъ могилахъ, сообщилъ Археологической Коммиссіи еще слѣдующія дополнительныя замѣтки:

«Пространство, занимаемое могильникомъ (Людвиковскимъ), представляетъ площадь около $2\frac{1}{2}$ десятинъ, лежащую на восточномъ и юго-восточномъ склонахъ безъименной горы, возвышающейся на 5,69 саж. надъ уровнемъ озера Ступаны».

«На могильникѣ никакихъ кургановъ и насыпей не видно; это — пахатное поле, разрабатываемое уже издавна и потому весьма вѣроятно, что возвышенія сглажены обработкою почвы. Мы разспрашивали стариковъ, не были ли замѣтны, за ихъ памятью, бугры на этомъ мѣстѣ, но получили отрицательный отвѣтъ».

«Разспрошенные старики крестьяне разсказали лишь о существованіи преданія, что на этомъ мѣстѣ была битва со Шведами и что находимыя здѣсь монеты — шведскія, что гдѣ-то, на юго-восточномъ склонѣ, находится могила вождя, въ которой закопанъ богатый кладъ, но что кладъ этотъ заклятый и всѣ попытки достать его были неудачны».

«Почва супесокъ съ перегноемъ, толщиною въ 5 вершковъ, на песчаной подпочвѣ. Гробницы лежатъ въ подпочвѣ, т. е. въ пескѣ, но отъ поверхности земли не глубже $\frac{3}{4}$ аршина, иныя гораздо мельче. На мѣстѣ могилъ почва болѣе песчана, изъ чего можно вывести, что трупы хоронились въ ямы, при засыпаніи которыхъ песчаная подпочва смѣшивалась съ болѣе плотной почвой».

«Ни въ могилахъ, ни около нихъ, камней не находили; слѣдовъ пепла не было примѣчено; хотя угли и встрѣчались, но весьма не много: кое-гдѣ уголекъ. Кости обуглены не были. Въ одной могилѣ были найдены птичьи кости, но, не придавая имъ значенія, мы не обратили вниманія на ихъ положеніе въ могилѣ, и сохранены онѣ не были».

«Скелеты, какъ я уже замѣтилъ прежде, лежали головой на С.С.З.; но не во всѣхъ могилахъ это положеніе было точно соблюдено; въ нѣкоторыхъ скелетъ лежалъ почти по направленію отъ З. къ В. За общее положеніе слѣдуетъ принять направленіе головы къ западу. Костяки лежали всѣ на спинѣ, голова немного выше, руки на груди скрещены. Тазовыхъ костей и нижнихъ оконечностей ни въ одной могилѣ найдено не было, поэтому нельзя было заключить мужскіе-ли это или женскіе костяки и были-ли на нихъ ножныя украшенія. Всѣ находимыя кости были вполнѣ образовавшіяся, что доказываетъ ихъ принадлежность взрослымъ людямъ».

«Не смотря на самые тщательные поиски, не смѣемъ утверждать, что трупы хоронились въ гробахъ или обкладывались деревомъ».

«Желѣзный топоръ лежалъ съ правой стороны остова, а ножъ подъ нимъ, около поясницы. Мнѣ случалось видѣть, что латышей хоронили съ ножами въ кожаныхъ футлярахъ, привязанными къ поясу сзади».

«Еще лѣтъ 10 назадъ нельзя было встрѣтить латыша, у котораго сзади на поясѣ не висѣлъ бы ножикъ въ кожаномъ, украшенномъ мѣдными пуговицами и бляхами, чехольчикѣ. Эти ножи имѣли спеціальное названіе: *«тутень»»* или *«тутеньгъ»*, въ отличіе отъ обыкновеннаго ножа *«назсъ»*.

«Въ Памятникахъ старины Витебской губ. г. Сементовскій упоминаетъ въ Динабургскомъ уѣздѣ только о двухъ замковищахъ: Динабургѣ и Крейцбургѣ. Между тѣмъ на небольшомъ, знакомомъ мнѣ, клочкѣ Динабургскаго уѣзда я знаю три замковыхъ горы (мѣстное ихъ названіе *пилисъ-калнсъ*, а не Пили Колна, какъ ихъ называетъ г. Сементовскій). Самая большая изъ нихъ находится въ Яшмуйжской волости, у деревни Большія Шнейсты. Форма ея удлиненно-котловидная, двуярусная; на верхней ея площадкѣ крестьяне высѣваютъ $1^2/_3$ четверти ржи; слѣдовательно она, т. е. одна верхняя площадка, занимаетъ площадь въ $1^1/_3$ десятины. Въѣздъ на гору съ юга. Вторая гора находится въ Прельской волости, на берегу озера Шусты; у подножія ея расположилась деревня Пилишка, получившая названіе отъ горы. Третья лежитъ въ Копинской волости на берегу, кажется, Аглонскаго озера. Послѣднія двѣ горы гораздо меньшихъ размѣровъ. Кромѣ пилисъ-калнсовъ еще извѣстны мнѣ два окопа; крестьяне называютъ ихъ *городками* или *рыцарскими горками*. Одинъ окопъ расположенъ въ Копинской волости, при рѣчкѣ Рушеницѣ, въ верстѣ отъ С.П.В. шоссе, второй въ Яшмуйжской волости, на землѣ им. Катигродъ».

«Кромѣ могильника, находящагося въ моемъ имѣніи, есть еще другой на землѣ им. Рушоны, Копинской волости, у самой дороги, ведущей со ст. Рушоны въ Копино. На мѣстѣ древняго могильника и въ настоящее время находится кладбище. Лѣтъ десять назадъ кладбище было окопано рвомъ, при копаніи котораго, говорятъ, находили много бронзовыхъ вещей и ржаваго оружія. Нѣсколько изъ этихъ вещицъ мнѣ удалось видѣть у владѣльца имѣнія Рушонъ; онѣ тождественны съ представленными мною въ Археологическую Коммиссію. Отъ него-же я слышалъ разсказъ, переданный ему какимъ-то рыбакомъ, что гдѣ-то на Рушонскомъ озерѣ часто случается задѣвать неводомъ за сваи, вбитыя недалеко отъ берега, и что около этого мѣста часто неводомъ вытягиваютъ каменные топоры, которыхъ у него было штукъ десять. Этотъ разсказъ и топоры навели насъ на мысль, что тамъ могутъ находиться остатки свайныхъ построекъ».

Къ сожалѣнію Археологическая Коммиссія лишена была возможности воспользоваться любезнымъ предложеніемъ г. Фонъ-Крузе, заняться дальнѣйшею развѣдкою Людвиковскаго могильника, и потому должна ограничиться извлеченіемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ изъ двухъ статей г. Покровскаго, помѣщенныхъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ за 1887 годъ (№ 206), и за 1889 годъ (№ 223) относительно разныхъ древностей изъ этого могильника, переданныхъ въ Виленскій музей воспитанницею тамошняго Маріинскаго женскаго училища А. С. Пріѣзжевою.

Въ 1887 году ею доставлены въ музей:

1) Бронзовая фибула, въ формѣ почти правильнаго круга, діаметромъ въ 48 миллим., съ прикрѣпленною къ ней булавкою изъ толстой бронзовой-же проволоки.

2—3) Двѣ бронзовыя фибулы меньшаго размѣра; діаметръ одной 34, другой 33 миллим.

4) Бронзовое кольцо, въ формѣ спирали изъ тонкой круглой проволоки въ 7 оборотовъ; діаметръ оборота 23 миллим.

5) Такое-же кольцо изъ болѣе тонкой проволоки, въ 10 оборотовъ, діаметромъ въ 20 миллим.

6—12) Семь обломковъ бронзовыхъ спиралей, свернутыхъ изъ пластинокъ, шириною въ 3 миллим. Діаметръ спиральнаго оборота 21 миллим. Всѣ они найдены на пальцевыхъ костяхъ.

13) Бронзовая пластинка, въ формѣ трапеціи, вышиною въ 31 миллим., составлявшая подвѣску къ носку одной изъ двухъ костяныхъ уточекъ, которыя служили застежкой шейнаго украшенія.

14) Бронзовое колечко, шириною въ $3^1/_2$ миллим., съ украшеніями па внѣшней сторонѣ, въ формѣ двухъ нарѣзовъ. Внутри его сохранился клочекъ грубой матеріи, въ которую вотканы были подобныя кольца. По мнѣнію г. Покровскаго, сотканная такимъ образомъ одежда могла имѣть значеніе кольчуги.

15—29) Пятнадцать обломковъ мелкихъ бронзовыхъ спиралей, составляющихъ остатки головнаго убора; въ большей части замѣтны слѣды бичевки.

30) Желѣзный топоръ, вышиною въ 130 миллим., шириною по обуху и нѣсколько выпуклому острію около 60 миллим.

31) Нѣсколько кусочковъ тонкой ткани.

Бронзовые предметы, упомянутые выше подъ №№ 15—29, и желѣзный топоръ № 30 найдены крестьянами случайно при обработктѣ полей на сѣв.-вост. склонѣ Ступанинской горы, а остальныя вещи открыты г. Фонъ-Крузе во время раскопокъ на томъ-же склонѣ.

Въ 1889 г. г-жа Пріѣзжева пожертвовала еще нѣсколько предметовъ изъ могилъ, разрытыхъ въ іюлѣ того-же года у самого подножія Ступанинской горы, въ 5—10 саженяхъ отъ озера; здѣсь (особенно въ юго-вост. части раскопанной площади) открыто пепелище, состоявшее изъ шлаковъ, перемѣшанныхъ съ черною землею, и нѣсколько (по крайней мѣрѣ пять) человѣческихъ остововъ, лежавшихъ въ разныхъ направленіяхъ и на различной высотѣ. Лучше другихъ сохранился костякъ въ западной части раскопки, около котораго и найдена большая часть добытыхъ тамъ вещей, какъ-то:

1) Шейный обручъ (165 миллим. въ поперечникѣ), свитый изъ толстой бронзовой проволоки, въ срединѣ цилиндрическій, а на обоихъ концахъ четырехгранный, и въ своей большей (передней) части украшенный спиральными нарѣзами.

2) Бронзовая булавка (длиною въ 135 миллим.) изъ круглой проволоки, съ четырехгранною головкою, изогнутою въ видѣ буквы Y; черезъ отверстіе, образовавшееся отъ изгиба проволоки въ центральной части головки, продѣто бронзовое колечко. Затѣмъ отъ головки почти до самого конца, булавка спирально обвита довольно толстою трехгранною проволокою.

3) Пять бронзовыхъ колокольчиковъ одинаковой формы и величины (діаметръ отверстія 28 миллим., вышина колокольчиковъ 17 миллим.), прикрѣпленныхъ къ конечнымъ кольцамъ обрывковъ бронзовыхъ цѣпочекъ и соединенныхъ въ двѣ группы, по 2 и по 3 колокольчика.

---

[1]) Кромѣ того, г-жею Пріѣзжевою переданы въ Виленскій музей древностей каменный отбойникъ и каменный топоръ-клинъ (съ неоконченною кольцеобразною сверлиною), найденные въ им. Рушоны, въ 15 верстахъ къ Ю. отъ им. Людвикова.

4) Согнутая спиралью въ 5 оборотовъ трехгранная проволока изъ желтой мѣди (діаметръ оборота 20 миллим.), отчасти украшенная поперечными нарѣзами.

5) Распавшаяся на двѣ части бронзовая пластинка (длин. въ 46, шириною въ 19 миллим.), составлявшая прежде цилиндрикъ, на внѣшней сторонѣ котораго замѣтны нарѣзы.

6) Обломокъ браслета, состоящаго изъ овальной бронзовой пластинки (шириною въ 11 миллим.), одинъ конецъ которой изображаетъ головку какого-то животнаго.

7) Часть браслета, состоящаго изъ бронзовой пластинки (ширин. въ 7 миллим.), которая съ внѣшней стороны украшена квадратиками, съ выпуклыми кружками въ срединѣ ихъ.

8) Четыре обломка бронзовыхъ спиралей, свитыхъ изъ довольно толстой трехгранной проволоки (діам. спиралей около 5 миллим.); внутри двухъ обломковъ уцѣлѣли шерстяные шнурки.

9) Сильно перержавѣвшій желѣзный ножъ, длиною въ 165 миллим.; средняя ширина клинка въ 23 миллим.

10) Два желѣзныхъ коническихъ стержня, одинъ длиною въ 170 миллим. и въ самой толстой своей части имѣющій 40 миллим. въ окружности, другой въ 110 миллим. съ отломаннымъ концомъ. Въ обоихъ стержняхъ находятся приспособленія для всаживанія въ деревянную рукоятку. По мнѣнію г. Покровскаго, эти два стержня могли служить или наконечниками пикъ, или шилами.

11) Коренной зубъ молодой лошади.

12) Черепки посуды изъ черной, непромятой земли, обмазанной сверху желтой глиной, безъ всякихъ слѣдовъ обжиганія.

Въ этой части раскопанной площади, которая отличается особеннымъ обиліемъ шлаковъ, уцѣлѣли незначительные остатки, повидимому, двухъ костяковъ, при которыхъ найдены только бронзовая пряжка и два желѣзныхъ топора, безъ черенковъ[1]).

—

[1]) Два бронзовыхъ витыхъ шейныхъ кольца, найденныхъ въ 1865 году въ самомъ Динабургѣ, близъ дамбы, и каменный молотъ, открытый, въ томъ-же году, въ Полоцкомъ уѣздѣ, возлѣ такъ называемаго Рогнѣдина кургана, поступили въ 1870 году въ Московскій Публичный и Румянцовскій музей. Срав. Сементовскаго: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 61 –64 и 87.

Масштабъ: 6 верстъ въ дюймѣ.

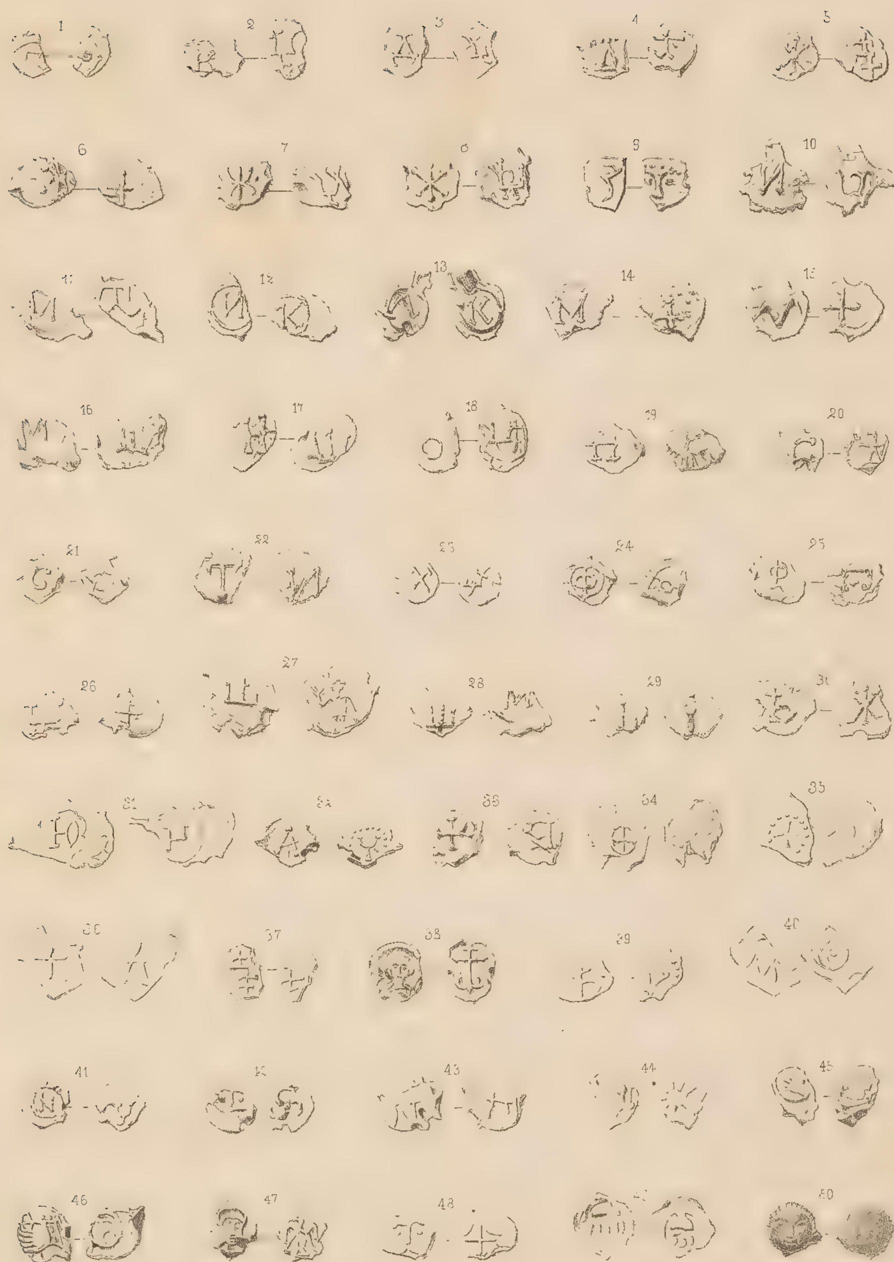
Лит. К. де Кастелли В. О. 11 лин. С.П.Б.

II.

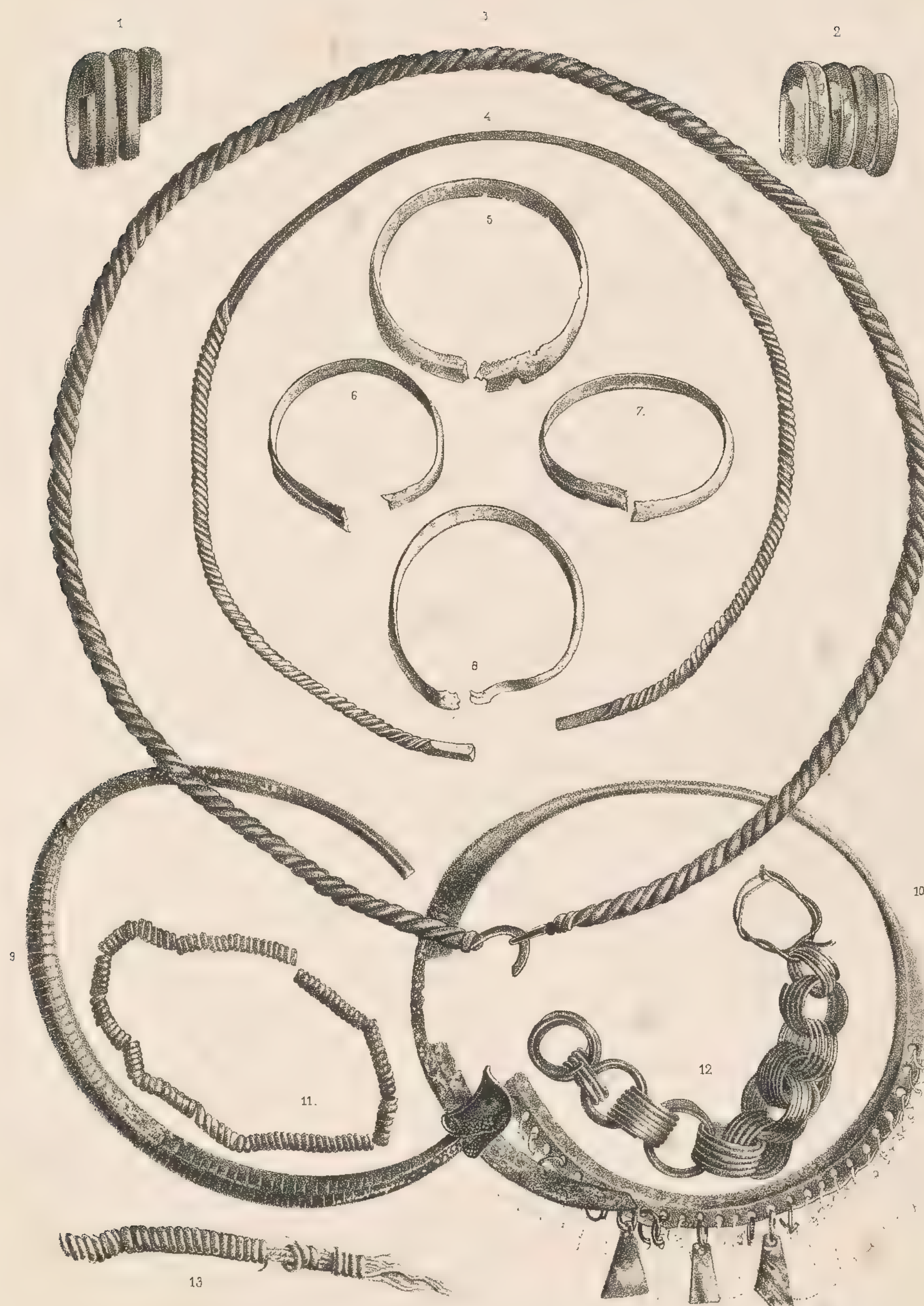

1
2
3
4
5
6
7
8
9
12
10
11
13
14
15
16
17
18
19
20.
21
22.
23
24
25
26
27
28
32
29
30
31
33
34.

III.

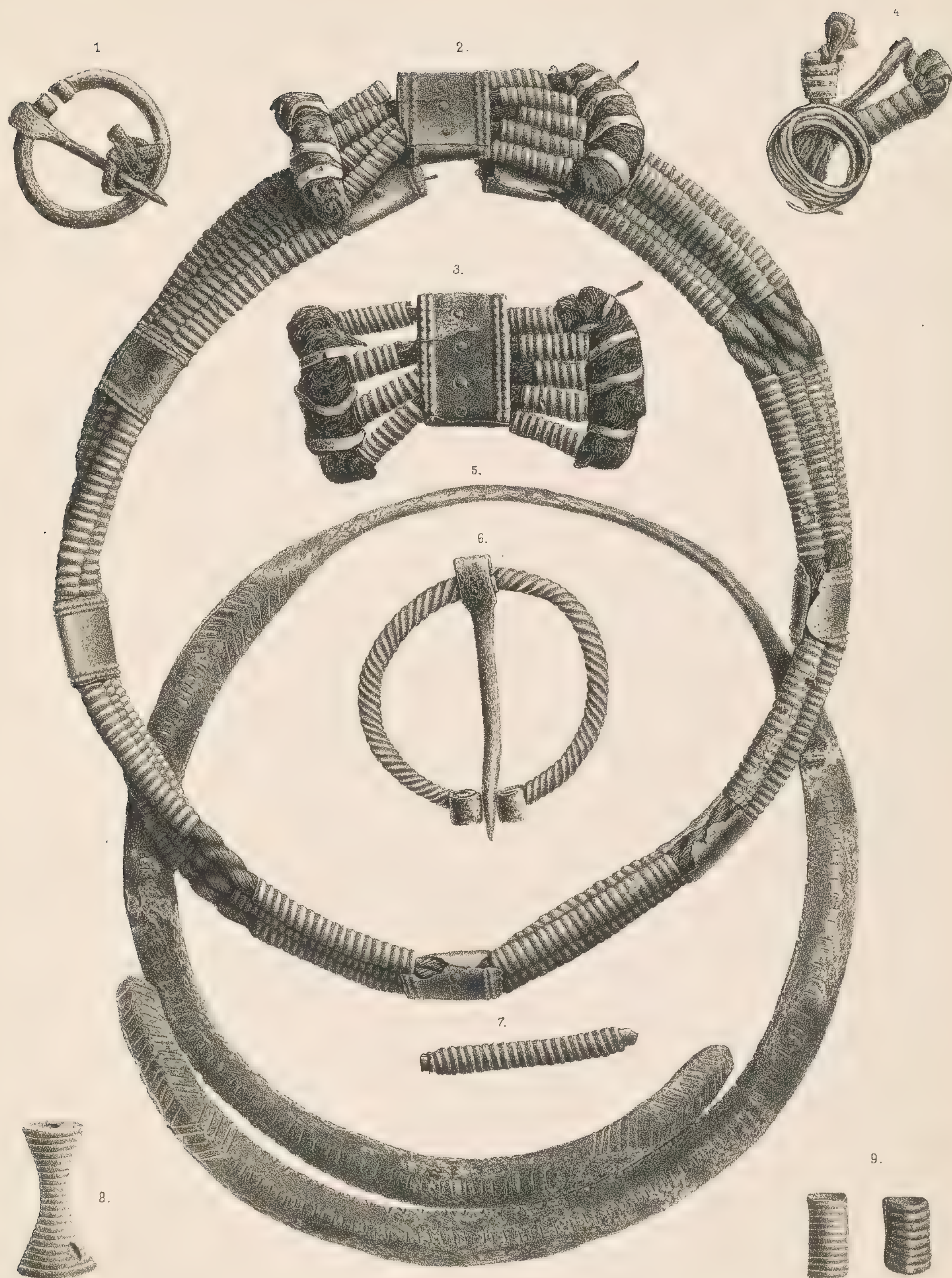
Лит. К де Кастелл. В О 11 л № 22 С П Б

(½ натур. велич.)

Лит К де Кастелли В О. 11 л № 22 С.П.Б.

V.

(натур. велич.)

Лит К. де Кастелли В О. 11 л. № 22. С.П.Б.

(натур. велич.)

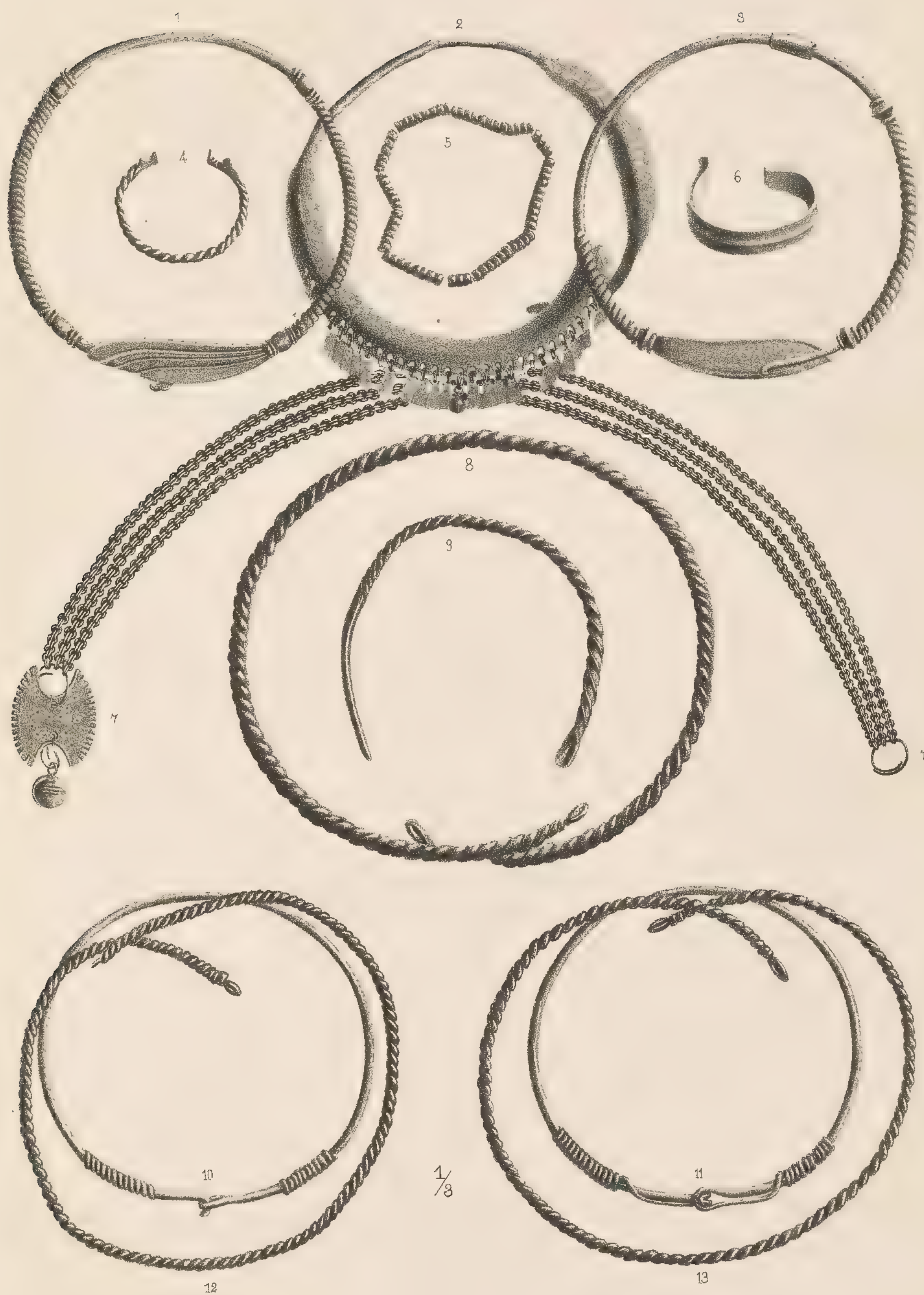
Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

VII.

(натур. велич)

[illegible] 11 л. № 22 СПБ

(натур велич)

Інт. К де Кастелли В О 11 л № 22 С.П.Б.

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 5-e. Antiquités sibériennes t. I, № 2.

Sommaire.

Cette livraison contient une description par Mr W. Radloff, membre de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, des poignards en bronze et en fer reproduits sur les planches VII — XIV et trouvés à diverses époques dans différentes localités du gouvernement de Ienisseisk. Ils appartiennent en grande partie à la collection de Mr Lopatine.

Un supplément spécial renferme des documents concernant diverses antiquités sibériennes, extraits de 1) quelques manuscrits appartenant à la Bibliothèque Impériale, 2) d'un dossier de l'archive du ministère des affaires étrangères, 3) de l'ouvrage de Weber «Das veränderte Russland», 4) des notes de voyages d'Ounkovsky traitant de son ambassade près du taïcha Tsévan-Rabtane, 5) de «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» de Strahlenberg, 6) de l'ouvrage de I. Bell of Antermony: «Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia», et 7) deux oukazes de Pierre le Grand ordonnant de collectionner «les antiquités sépulcrales en or et les objets de curiosité qui se trouvent en Sibérie».

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

СИБИРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

В. РАДЛОВА.

Томъ первый, выпускъ второй.

СЪ 8 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 30 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

Таблица VII.

1. Кинжалъ малаго размѣра изъ красной мѣди. Форма его представляетъ собою простѣйшій типъ этого рода оружія: лезвіе обоюдуостро; между клинкомъ и рукояткой выдается, на той и на другой сторонѣ, нѣсколько закругленная полоса; прямая и гладкая рукоятка съ обѣихъ краевъ закруглена; на верхнемъ концѣ находится закругленный валикъ, который нѣсколько длиннѣе ширины рукоятки; наружная сторона его образуетъ овальную плоскость. Лезвіе, въ серединѣ утолщенное, а по бокамъ утонченное, заострено ударами молотка, такъ что на немъ видны съ обѣихъ сторонъ значительныя углубленія. Выдающаяся полоса между клинкомъ и рукояткою, равно какъ и валикъ на верхнемъ концѣ, служили по видимому для того, чтобы рука, крѣпко охватившая рукоятку, не могла скользить ни впередъ ни назадъ, что̀ было очень важно, такъ какъ оружіе это, судя по формѣ лезвія, главнымъ образомъ, должно быть, употреблялось для нанесенія удара концемъ его. Длина рукоятки между выдающимися концами немного менѣе 7 сантиметровъ, такъ что она можетъ быть крѣпко обхвачена только очень маленькой рукою. Кинжалъ этотъ довольно правильно отлитъ, но не шлифованъ. Выдающаяся по серединѣ полоса на одной сторонѣ шире и короче, чѣмъ на другой. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около дер. Кугунекъ, въ 35 верстахъ отъ дер. Корелки, что̀ на рѣкѣ Чулымѣ, минусинскаго округа, Енисейской губерніи (Коллекція И. А. Лопатина, № 36).

2. Кинжалъ изъ красной мѣди, средней величины. Такого-же типа, какъ № 1, но ручка длиннѣе, чѣмъ у предыдущаго; пространство, которое рука можетъ охватить, нѣсколько больше 8 сантиметровъ. Валикъ на концѣ рукоятки, совершенно круглый, представляетъ правильный цилиндръ, который нѣсколько длиннѣе ширины рукоятки. Привязать веревку или ремень къ валику невозможно, и кинжалъ этотъ вѣроятно носился въ ножнахъ. Рукоятка его тщательно закруглена, такъ что очень удобно держится въ рукѣ. Поперечная полоса, выдающаяся между клинкомъ и рукояткой, нѣсколько толще рукоятки и лезвія, и ясно отдѣляется отъ этихъ частей. Она, по формѣ своей, представляетъ двѣ полоски, сходящіяся подъ тупымъ угломъ въ серединѣ ножа; выдающіеся концы ея правильно закруглены. По видимому кинжалъ этотъ почти не былъ въ употребленіи. Обѣ стороны лезвія нѣсколько закруглены и нигдѣ на нихъ не видно ясныхъ

слѣдовъ заостренія. Конецъ лезвія значительно острѣе, чѣмъ у предыдущаго экземпляра. Найденъ этотъ кинжалъ при пахапіи земли въ окрестностяхъ Изынжуля, минусинскаго округа, енисейской губерніи (Коллекція Лопатина, № 38). Въ собраніи г. Лопатина есть еще другой кинжалъ (№ 32), почти такой-же формы, только нѣсколько больше, изъ красноватой бронзы и очень плохой работы; онъ найденъ близь деревни Ижульской (?), минусинскаго округа.

3. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, нѣсколько длиннѣе предыдущаго и совершенно такого-же типа, какъ № 1, только валикъ лучше закругленъ со всѣхъ сторонъ. Длина рукоятки между валикомъ и поперечной полоской $7^1/_2$ сантиметровъ. Съ боковъ эта рукоятка немного вогнута и на одной сторонѣ ея видны неправильныя углубленія. Лезвіе на верхнемъ концѣ плоско, такъ что на обѣихъ сторонахъ его плоскій остроугольный треугольникъ, длиною въ 5 сантиметровъ. Кинжалъ, какъ видно, нѣсколько разъ оттачивался на брускѣ, а не ударами молотка. Выдающаяся поперечная полоса правильнѣе, чѣмъ на № 1, но не такъ красива, какъ на № 2. Кинжалъ этотъ найденъ на пашнѣ около села и волости абаканской, минусинскаго округа, енисейской губерніи (Коллекція Лопатина, № 20).

4. Очень маленькій кинжалъ изъ красной мѣди, весьма изящной работы, тщательно отшлифованный послѣ отливки. Валикъ на верхнемъ концѣ представляетъ правильную овальную головку; рукоятка толста и закруглена. Поперечная полоса очень тонка и образуетъ тупой уголъ изъ двухъ нѣсколько изогнутыхъ линій; она значительно тоньше рукоятки и со всѣхъ сторонъ закруглена. Лезвіе послѣ отливки имѣла такую-же форму, какъ на № 1, но впослѣдствіи сильными ударами молотка съ боковъ расширено, начиная отъ остраго конца до двухъ сантим. ниже верхняго конца. Оно теперь еще такъ остро, что имъ удобно можно рѣзать мягкое дерево. Длина рукоятки только 7 сантиметровъ, слѣдовательно кинжалъ этотъ могъ употребляться только женщинами или юношами. Найденъ на пашнѣ около села Лугавскаго, минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 42).

5. Маленькій кинжалъ изъ красной мѣди, совершенно такого-же типа, какъ предыдущій, только очень грубой работы. Валикъ на верхнемъ концѣ образуетъ тоненькій цилиндръ. Рукоятка на одной сторонѣ толще, чѣмъ на другой; края ея не закруглены. Поперечная полоса неправильна и послѣ отливки не очищена. Лезвіе совершенно такое, какъ на № 4. Оно заострено ударами молотка ниже верхняго конца и, вслѣдствіе этого, нѣсколько расширилось. Этотъ кинжалъ найденъ въ степи, въ верховьяхъ Теси и Сеи, притоковъ Таштыпа, минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 43).

6. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, довольно крѣпкой и изящной работы. Рукоятка широка и удобно можетъ держаться большой мужской рукой. Валикъ овальный и со всѣхъ сторонъ правильно отшлифованъ. Поперечная полоса меньше ножа и ясно обрисовывается: сверху двумя прямыми линіями, а снизу двумя изгибами. Она довольно широка и выдается гораздо дальше, чѣмъ у предыдущихъ кинжаловъ. Лезвіе у верхняго конца шире рукоятки, и заострено совершенно такимъ-же способомъ, какъ на №№ 4 и 5. Найденъ этотъ кинжалъ около села и волости абаканской, на правомъ берегу Енисея, въ минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 24). Другой кинжалъ совершенно такого-же типа, изъ красноватой бронзы, но не такой

крѣпкой и довольно грубой работы, найденъ на пашнѣ около деревни Свѣтолобовой, ачинскаго округа. У него отломанъ острый конецъ. Кинжалъ такого-же типа мы находимъ на рисункахъ Мессершмидта. Мнѣ самому удалось найти нѣсколько такихъ экземпляровъ около рѣки Аскыса и около тесинской волости.

7. Кинжалъ, отличающійся отъ предыдущихъ кинжаловъ тѣмъ, что гораздо тоньше и что подъ правильно округленнымъ валикомъ на верхнемъ концѣ рукоятки находится маленькій поясокъ съ выдающимся нижнимъ краемъ. Рукоятка расширяется у нижняго конца. Поперечная полоса, раздѣляющая лезвіе и рукоятку, имѣетъ совершенно своеобразную форму, очень похожую на форму верхняго валика. Мѣсто находки неизвѣстно. Изображенъ на одномъ изъ рисунковъ Мессершмидта.

8. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, средней величины и довольно грубой работы. По общему виду своему, можетъ быть причисленъ къ типу вышеописанныхъ кинжаловъ (№№ 1—7), но валикъ на концѣ рукоятки гораздо толще, чѣмъ у предыдущихъ. Полоска, отдѣляющая рукоятку отъ лезвія, образуетъ такой-же круглый валикъ, какъ на концѣ рукоятки. На серединѣ обоихъ валиковъ, по обѣимъ сторонамъ, находятся овальныя углубленія въ видѣ медальоновъ. Концы обоихъ цилиндрическихъ валиковъ округлены. Между верхнимъ валикомъ и рукояткой находится выдающійся поясокъ, который немного уже самого валика (какъ на № 7), но форма пояска обрисовывается очень неясно. Рукоятка тоньше, чѣмъ у предыдущихъ кинжаловъ, и болѣе закруглена. Форма клинка неясна, конецъ согнутъ впослѣдствіи и отломанъ. Теперь средняя линія лезвія сильно выдается, но, можетъ быть, это происходитъ отъ долгаго употребленія его. Кинжалъ этотъ былъ покрытъ тонкимъ слоемъ бѣловатаго металла (олова), на что указываютъ ясные слѣды на лезвіи. Найденъ въ землѣ, при паханіи, около дер. Парной, при кызыльской степной думѣ, ачинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 11).

9. Кинжалъ средней величины изъ красноватой бронзы, отличающійся отъ № 6 только тѣмъ, что рукоятка постепенно расширяется къ верхнему концу. Видъ лезвія свидѣтельствуетъ о продолжительномъ употребленіи. Найденъ около дер. Кальской, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 7). Такой-же кинжалъ найденъ мною въ Абаканской степи, къ С. отъ р. Аксыса.

10. Кинжалъ большаго размѣра, изъ красноватой бронзы, очень крѣпкій и тяжелый; особенно тяжела средняя широкая часть клинка. Форма рукоятки и, главнымъ образомъ, верхній ея конецъ отличается отъ типа кинжаловъ выше описанныхъ. Вмѣсто округленнаго валика является плоскій оваль, длиною въ 6 сантим. и шириной въ 1 сантим., нѣсколько тоньше рукоятки. Къ этому овалу прилегаетъ поясокъ почти такой-же ширины; на верхнемъ краѣ, гдѣ онъ прикасается къ овалу, онъ тоньше послѣдняго, къ концу же утолщается такъ, что становится тамъ гораздо толще самой рукоятки. На верхнемъ концѣ рукоятка уже пояска, но книзу она постепенно расширяется. Края ея закруглены, но плоски; стороны рукоятки не представляютъ изъ себя двухъ параллельныхъ плоскостей, какъ на предыдущихъ кинжалахъ, а состоятъ каждая изъ двухъ плоскостей, отлогихъ къ бокамъ, такъ что середина на обѣихъ сторонахъ выдается возвышенной линіей. Поперечная полоса, отдѣляющая рукоятку отъ клинка, такимъ-же образомъ съуживается кнаружи и состоитъ изъ двухъ листиковъ съ нѣсколько выгнутыми краями. Лезвіе,

вверху широкое, образуетъ очень острый конецъ, который гораздо толще остальной части лезвія и по этому почти совсѣмъ круглый. Края лезвія свидѣтельствуютъ о томъ, что кинжалъ не заостряли ударами молотка. На одной сторонѣ лезвія значительное углубленіе, въ родѣ желобка. Кинжалъ этотъ найденъ на пашнѣ, около дер. Шивера, частоостровской волости, красноярскаго округа (Колл. Лопат. № 14).

11. Кинжалъ большаго размѣра, изъ красноватой бронзы. Рукоятка похожа на предыдущую, только рисунокъ проще. Поясокъ, соединяющій овалъ съ рукояткою, шире, но мало выдается; края рукоятки паралельны и плоскія стороны глаже, чѣмъ у кинжала № 6. Средняя полоса состоитъ изъ одного куска, верхній край дугообразный. Лезвіе шире и далеко не такъ остро, какъ у предыдущаго кинжала. Средняя грань его очень выдается и съ обѣихъ сторонъ находятся очень глубокія желобки, вѣроятно для стока крови. Отдѣлка этого кинжала довольно хороша; видно, что послѣ отливки всѣ края его были тщательно отшлифованы. Найденъ при паханіи земли въ минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 21). Подобный-же кинжалъ купленъ мною въ городѣ Минусинскѣ.

12. Кинжалъ такого-же типа, какъ предыдущіе два. Поясокъ ниже овала плоскій. Поперечная полоса (ефесъ) образуетъ одно цѣлое съ рукояткой, такъ какъ вверху края ея не возвышены. Клинокъ же ясно отдѣляется отъ нижняго края ефеса. На рукояткѣ его очень неправильной формы украшеніе, состоящее изъ четырехъ неравныхъ квадратныхъ углубленій. Рисунокъ этотъ взятъ изъ Атласа древностей минусинскаго музея (Табл. IV, 4). Кинжалъ этотъ значится по каталогу X, № 17 (стр. 89, гдѣ ошибочна ссылка на табл. IV, 5 атласа). Найденъ въ Сагайской степи, т. е. на лѣвомъ берегу средняго Абакана.

13. Кинжалъ средней величины, изъ золотистой бронзы. По общей формѣ рукоятки и клинка онъ ближе всего подходитъ къ № 3, только верхняя часть лезвія шире и средняя или поперечная полоса съ обѣихъ сторонъ какъ будто обрублена. На верхнемъ концѣ рукоятки мы видимъ изогнутую въ концахъ округленную полоску, которая сначала вѣроятно образовала нижнюю часть кольца, либо при отливкѣ испорченнаго, либо впослѣдствіи отломаннаго, и затѣмъ была округлена острымъ инструментомъ и ударами молотка. На одной сторонѣ рукоятка гладка, а на другой находятся четыре углубленія, доходящія почти до половины толщины рукоятки и образующія какъ бы одну прямую черту, такъ что вся ручка имѣетъ такой видъ, какъ будто состоитъ изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ въ трехъ мѣстахъ перекладинами. Лезвіе очень остро; по бокамъ его замѣтны углубленія, ясно указывающія на заостреніе посредствомъ ударовъ молотка. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около дер. Березовки, на правой сторонѣ рѣки Тубы, минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 16).

Общее обозрѣніе таблицы VII.

Кинжалы, изображенные на этой таблицѣ, представляютъ простѣйшій типъ этого оружія. Они отличаются отъ ножей тѣмъ, что 1) обоюдуостры и 2) по обоимъ концамъ рукоятки находятся выдающіяся поперечныя полосы (ефесы), которыя препятствуютъ рукѣ, охватившей рукоятку, соскальзывать при нанесеніи этимъ оружіемъ сильнаго удара. Верхняя полоса образуется у простѣйшихъ формъ изъ валика, со всѣхъ сторонъ округленнаго (см. №№ 1, 3, 4, 6), и изъ цилиндра (см. №№ 2, 5, 6, 9). Между валикомъ и рукояткою находится выдающійся поясокъ (см. №№ 7, 8). Вмѣсто валика является овальная плоскость, между которой и рукояткою также выдающійся поясокъ (см. №№ 10, 11, 12). Ефесъ, отдѣляющій рукоятку отъ лезвія, неясно отличается отъ рукоятки и лезвія (см. №№ 1, 3, 13); онъ образуется изъ валика (см. №№ 7, 8) и состоитъ изъ двухъ частей, образующихъ тупой уголъ: 1) съ прямолинейными краями (№№ 2, 6, 9) и 2) съ выгнутыми или дугообразными краями (№№ 4, 5, 10, 11, 12). Зачатки украшеній на рукояткѣ являются на №№ 8, 12, 13. Тяжелымъ оружіемъ можно считать только №№ 10 и 11. У перваго изъ нихъ лезвіе образовано изъ гладкихъ плоскостей, у послѣдняго видны на обѣихъ сторонахъ глубокіе желобки. Дѣтскими или женскими кинжалами можно считать №№ 1, 4, 5.

Таблица VIII.

1. Кинжалъ изъ красной мѣди, типа кинжаловъ таблицы VII, рис. 10, 11. На верхнемъ концѣ рукоятки красивый овалъ; поясокъ ниже овала очень широкъ. Средняя полоса, отдѣляющая рукоятку отъ лезвія, гораздо толще рукоятки; края ея образуютъ два паралельныхъ прямыхъ возвышенія. На одной сторонѣ два желобообразныхъ углубленія, на другой болѣе сложное украшеніе; двумя желобообразными углубленіями образуются три возвышенія, изъ которыхъ два являются утолщеннымъ краемъ рукоятки, а третье, среднее, въ видѣ толстой тесьмы съ девятью овальными, неясно выдающимися, возвышеніями. Украшеніе это довольно грубо. Хотя кинжалъ этотъ отлитъ довольно правильно, но онъ не очищенъ и не отшлифованъ послѣ отливки. Острый конецъ лезвія очень толстъ; края лезвія почти прямолинейны. Середина лезвія слабо выдается и образуетъ толстую грань, съ значительными на обѣихъ сторонахъ углубленіями. Кинжалъ тяжелъ и крѣпокъ. Найденъ на пашнѣ около дер. Поперешки, на рѣкѣ Береши, ачинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 3).

2. Кинжалъ изъ красной мѣди, хорошо отлитый, но не очищенный послѣ отливки. Верхній конецъ рукоятки, какъ у предыдущаго кинжала. Поясокъ, находящійся ниже овала, ясно выдается. На обѣихъ сторонахъ рукоятки по два желобообразныхъ углубленія; на одной сторонѣ этотъ желобъ гораздо глубже, чѣмъ на другой. Средняя или поперечная полоса какъ на кинжалѣ, изображенномъ на табл. VII, рис. 9. Лезвіе острое, на концѣ утолщенное. На серединѣ лезвія, по обѣимъ сторонамъ, очень выдающаяся грань. Кинжалъ этотъ, кажется, не былъ въ употребленіи, такъ какъ по краямъ лезвія замѣтны неправильности отливки, неизглаженныя употребленіемъ. Найденъ около дер. Высотиной, сухобузимской волости, красноярскаго округа (Колл. Лопат. № 4). Я нашелъ два такихъ кинжала вблизи Кызыльской Управы, на р. Юсѣ, и одинъ около г. Минусинска.

3. Кинжалъ совершенно такого-же типа, изъ красноватой бронзы и болѣе изящной формы, чѣмъ предыдущій. Послѣ отливки онъ также не былъ очищенъ. Верхній конецъ рукоятки нѣсколько отличается отъ № 2; на немъ находится почти цилиндрическій валикъ въ $2\frac{1}{2}$ раза длиннѣе

ширины рукоятки, съ загнутыми внизъ концами. Въ серединѣ лезвія при отливкѣ оказался недосмотръ, впослѣдствіи исправленный. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около села Бѣлоярскаго, ачинскаго округа (Колл. Лопат. № 5).

4. Кинжалъ изъ красной мѣди, довольно грубой работы. Овалъ и поясокъ на верхнемъ концѣ рукоятки неправильнаго рисунка, желобообразныя углубленія на рукояткѣ неодинаковой ширины и очертанія средней полосы неправильны. Лезвіе какъ у предыдущаго кинжала, съ острымъ толстымъ концомъ, но на краяхъ видны ясные слѣды того, что они были заострены ударами молотка. Этотъ кинжалъ найденъ при паханіи земли въ сухобузимской волости, около села Подкаменскаго, въ 5 верстахъ отъ Красноярска.

5. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы и отшлифованный послѣ отливки. На верхнемъ концѣ рукоятки валикъ, тщательно округленный со всѣхъ сторонъ; по серединѣ его узкое возвышеніе въ видѣ витой веревки. Поясокъ ниже валика узкій, съ правильнымъ очертаніемъ; рукоятка довольно широка, съ двумя правильными желобками и тщательно округленными возвышенными краями. Средняя полоса толста, съ правильными очертаніями. Клинокъ въ серединѣ очень толстъ и по бокамъ грани видны углубленія; края заострены ударами молотка и пилою. Кинжалъ этотъ очень тяжелъ и былъ покрытъ хорошей блестящей патиною, но, какъ видно, очищенъ послѣ нахожденія. Найденъ онъ у Базуновскаго форпоста, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 18).

6. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, очень красивой работы и тщательно очищенный послѣ отливки. Онъ нѣсколько больше предыдущаго и похожъ на него по формѣ, только валикъ на верхнемъ концѣ рукоятки безъ возвышенія и рукоятка нѣсколько толще и уже. Желобообразныя углубленія рукоятки значительны и края ихъ тщательно закруглены. Средняя полоса очень толста, а нижній ея край образованъ изъ двухъ дугообразныхъ линій. На широкомъ, у нижняго конца очень толстомъ, лезвіи ея видна выдающаяся грань, а по обѣимъ сторонамъ ея углубленія. На краяхъ лезвія замѣтны слѣды заостренія посредствомъ пилы или бруска. Найденъ въ черноземѣ, при паханіи земли около дер. Базуновскій форпостъ, минусинскаго окр. (Колл. Лопат. № 13).

7. Кинжалъ очень тонкій, отличающійся отъ предыдущихъ тѣмъ, что гораздо тоньше ихъ, и что рукоятка его не только значительно длиннѣе, чѣмъ у нихъ, но и переходитъ въ выдающуюся по бокамъ среднюю полосу. Онъ найденъ Мессершмидтомъ въ Абаканской степи и изображенъ на одной изъ таблицъ его атласа древностей.

8. Кинжалъ изъ желтой бронзы, очень хорошей работы. Онъ похожъ на кинжалъ № 1, на той-же таблицѣ VIII-й, но отличается отъ него 1) тѣмъ, что овалъ на концѣ рукоятки не такъ продолговатъ, 2) тѣмъ, что поясокъ ниже овала уже и красиво изогнутъ, и 3) тѣмъ, что на рукояткѣ нѣтъ другихъ украшеній, кромѣ выдающихся краевъ, образующихъ узкія, хорошо округленныя полосы. Обѣ стороны рукоятки совершенно одинаковы. Средняя полоса, отдѣляющая рукоятку отъ лезвія, сверху ограничена двумя прямыми, а снизу двумя дугообразными линіями, совершенно какъ на № 6. Я нашелъ этотъ кинжалъ въ деревнѣ Таштыпѣ, Минусинскаго округа. Кинжалъ похожій на этотъ, но гораздо болѣе грубой работы, находится въ коллекціи г. Лопатина и найденъ въ окрестностяхъ села Батени, минусинскаго округа.

9. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, очень хорошей работы, того-же типа, какъ № 4. Онъ прекрасно отлитъ и послѣ отливки тщательно отшлифованъ. Края овала округлены, поясокъ ниже овала очень тонокъ и выдается едва замѣтно. Рукоятка толста и съ боковъ округлена; желобообразныя углубленія незначительны. Средняя полоса рельефно выдается; нижній край ея, какъ у предыдущаго кинжала, а верхній образуетъ одну извилистую линію. Клинокъ крѣпкій, середина на обѣихъ сторонахъ далеко выдается гранью, такъ что по бокамъ ея образуются значительныя углубленія. Конецъ лезвія острый и довольно толстый. Кинжалъ этотъ, очень тяжелый, найденъ около села Усть-Сыдинскаго (также называемаго Крапивино), на правомъ берегу Енисея, въ абаканской волости, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 22).

10. Кинжалъ средней величины изъ золотистой бронзы, по формѣ своей отличающійся отъ предыдущихъ. На верхнемъ концѣ рукоятки находится головка въ видѣ полукруга, діаметръ котораго въ два раза шире рукоятки; верхній край тщательно округленъ и отшлифованъ. Рукоятка длинною въ 5 сантим. и шириною въ 2,3 сантим. Края рукоятки возвышены, какъ у кинжала № 8, но по серединѣ видно еще узкое возвышеніе. Средняя полоса отличается тѣмъ, что наружные края ея нѣсколько подняты вверхъ. Лезвіе шире и короче, чѣмъ у предыдущихъ кинжаловъ; въ серединѣ его нѣтъ острой грани, а по бокамъ нѣтъ углубленій. Края показываютъ слѣды заостренія посредствомъ ударовъ молотка. Кинжалъ этотъ былъ купленъ мною въ шушинской волости, минусинскаго округа.

11. Кинжалъ средней величины, изъ красноватой бронзы, довольно хорошей работы. Онъ, какъ видно, послѣ отливки былъ очищенъ и отчасти отшлифованъ. Овалъ на верхнемъ концѣ гораздо меньше, чѣмъ у предыдущихъ кинжаловъ; онъ со всѣхъ сторонъ округленъ и такой-же толщины, какъ поясокъ, въ который онъ почти незамѣтно переходитъ. Поясокъ нѣсколько шире у нижняго края, чѣмъ у верхняго. Рукоятка закруглена и по краямъ ея видны узкія возвышенія, какъ на №№ 8 и 9. На обѣихъ плоскостяхъ ручки, между этими возвышенными краями, двѣ возвышенныя зигзаговыя полоски, доходящія своими углами до возвышенныхъ краевъ. Украшеніе это тщательно отлито и всѣ углубленія послѣ отливки очищены острымъ инструментомъ. Приложенный при семъ рисунокъ въ натуральную величину, даетъ самое точное изображеніе украшенія на этой рукояткѣ, съ обѣихъ сторонъ одинаковаго. Ниже средней полосы, т. е. у верхней части лезвія, на одной сторонѣ находятся три, а на другой сторонѣ двѣ черточки. Можетъ быть эти черточки знаки фабриканта или собственника кинжала. Лезвіе узкое и въ серединѣ толстое, но на немъ нѣтъ выдающейся грани; по бокамъ едва замѣтныя углубленія. Этотъ кинжалъ купленъ на базарѣ въ Красноярскѣ (Колл. Лопат. № 222).

12. Отломанная рукоятка кинжала средней величины, изъ красноватой бронзы, отличающаяся отъ всѣхъ предыдущихъ кинжальныхъ рукоятокъ. По общей формѣ своей она подходитъ къ изображеннымъ на табл. VII, рис. 1, 2, 4. На верхнемъ концѣ ея маленькій цилиндрическій, со всѣхъ сторонъ тщательно округленный, валикъ; рукоятка не широка и округлена. По бокамъ ея, отъ валика до средней полосы, очень узкіе, съ обѣихъ сторонъ возвышенные, края съ правильными поперечными углубленіями; вслѣдствіе этого, края представляютъ зазубренныя линіи. На нижнемъ концѣ рукоятки эти возвышенные края переходятъ въ цилиндрическіе валики, образующіе тупые углы съ краями рукоятки и выдающіеся на 1 сантим. отъ края ея. Верхняя часть лезвія по видимому одинаковой ширины съ рукояткою. Найдена эта рукоятка на пашнѣ около дер. Сорокиной, на р. Енисеѣ, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 68).

13. Кинжалъ изъ красной мѣди, довольно хорошей работы. Украшеніе на рукояткѣ похоже на украшеніе № 1. Края паралельны и значительно выдаются узкими полосами. Между этими краями рукоятки плоскость, по серединѣ которой ряды возвышеній, представляющіе какъ-бы изображеніе крученаго шнурка. Ефесъ по формѣ сходенъ съ № 9. На верхнемъ концѣ находилось кольцо, которое такъ сплюснуто, что настоящая форма его не ясна. Лезвіе широко, а по серединѣ его далеко выдающаяся грань, по бокамъ которой находятся очень глубокія желобчатыя углубленія. Нижній конецъ лезвія отломанъ. Найденъ этотъ кинжалъ около дер. Быскаръ, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 52).

14. Рукоятка кинжала изъ золотистой бронзы, очень хорошей работы. На верхнемъ концѣ ея правильный плоскій овалъ, какъ на № 8. Къ нему примыкаетъ узкій поясокъ. Края рукоятки выдаются высоко и образуютъ правильно округленныя полосы, между которыми лежатъ углубленныя площадки. На этихъ площадкахъ замѣтно пять поперечныхъ возвышеній, раздѣляющихъ площадки на шесть неравныхъ между собою прямоугольниковъ. Средняя полоса, отдѣляющая рукоятку отъ лезвія, образуетъ узкое дугообразное возвышеніе, со всѣхъ сторонъ округленное. На лезвіи выступаетъ, какъ видно на оставшейся части клинка, середина, но это возвышеніе не начинается на верхнемъ концѣ лезвія, какъ у предыдущаго кинжала, а только на серединѣ ефеса. Форма лезвія не видна. Найдена эта рукоятка около дер. Теси, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 67).

Дополненіе къ табл. VIII. Большой кинжалъ изъ красной мѣди, довольно грубой работы. По общей формѣ своей онъ похожъ на кинжалъ, изображенный на этой таблицѣ подъ № 1. Только форма рукоятки и украшеніе ея отличаютъ его отъ всѣхъ кинжаловъ этого типа. Изображеніе его не помѣщено на табл. VIII, но отличительныя части рукоятки показаны на прилагаемой гравюрѣ, исполненной въ натуральную величину. На верхнемъ краѣ овала находится углубленіе; поясокъ довольно широкъ и гладокъ. Края рукоятки выдаются, но эти крайнія полосы широки и почти занимаютъ

третью часть рукоятки; средняя, углубленная часть рукоятки такой-же ширины, какъ возвышенныя крайнія полосы. Найденъ этотъ кинжалъ при пахаціи земли около села Тетерина, при ключѣ, впадающемъ въ Енисей, въ 6 верстахъ отъ села Старцева.

Общее обозрѣніе таблицы VIII.

Таблица эта показываетъ формы кинжаловъ, являющихся дальнѣйшимъ развитіемъ общаго типа кинжаловъ табл. VII, рис. 10, 11. Между тѣмъ, какъ рукоятки тѣхъ кинжаловъ гладкія, и не содержатъ украшеній, на этой таблицѣ изображены зачатки украшеній. Овалъ верхняго конца рукоятки различныхъ формъ мы видимъ на рис. 1, 2, 3, 7, 8, 9, 14; валики различныхъ формъ на рис. 3, 5, 6, 11, 12. Овалы и валики соединены съ рукояткою посредствомъ пояска, либо широкаго (см. рис. 1, 4), либо узкаго (рис. 2, 3, 5, 11), и хорошо выработаннаго въ видѣ карниза (рис. 6, 7, 8, 14). Рукоятки украшены двумя желобообразными углубленіями (рис. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9). Рукоятки съ возвышенными краями, между которыми находится углубленная плоскость (рис. 8). На плоскости этой находятся еще возвышенныя украшенія: а) возвышенная линія (рис. 10), б) возвышенная тесьма съ круглыми возвышеніями (рис. 1), в) возвышеніе, образующее витой шнурокъ (рис. 13), г) двѣ зигзаговыя линіи (рис. 11), д) возвышенные поперечники (рис. 14). Отличающіяся отъ общаго типа украшенія на верхнемъ концѣ рукоятки мы видимъ на рис. 7, 10. Что касается рис. 13, то на концѣ рукоятки находилось кольцо, форму котораго нельзя опредѣлить; по этому этотъ кинжалъ принадлежитъ къ типу кинжаловъ слѣдующей таблицы.

Таблица IX.

1. Кинжалъ большаго размѣра, изъ красноватой бронзы, по общему типу похожій на кинжалъ, изображенный на табл. VIII, рис. 6. На верхнемъ концѣ рукоятки находятся такой-же плоскій овалъ и широкій поясокъ, шириной въ $1/2$ овала. Рукоятка нѣсколько шире и въ два раза толще, но она состоитъ не изъ одного куска, а изъ двухъ узкихъ полосъ, отстоящихъ одна отъ другой такъ далеко, какъ ширина самихъ полосъ. Боковыя полосы рукоятки уже и тоньше у верхняго конца, равно какъ и промежутокъ между ними по внутреннему краю; онѣ образуютъ плоскость въ $3/4$ сантиметра ширины и пустой промежутокъ является какъ будто вырѣзкою изъ цѣльной рукоятки. Крайнія полосы постепенно съуживаются и внѣшніе края закруглены, такъ что рукоятку очень удобно ухватить рукою. Средняя полоса, т. е. ефесъ, состоитъ изъ двухъ листьевъ, соединенныхъ между собою подъ тупымъ угломъ. Середина толщиною въ 1 сантим., но съуживается кнаружи такъ, что ефесъ въ разрѣзѣ образуетъ ромбъ съ очень острыми углами. Клинокъ острый и не широкій; по серединѣ его выдается грань, по бокамъ которой находятся на одной сторонѣ глубокія желобообразныя углубленія. Острый конецъ клинка не такъ крѣпокъ, какъ у предыдущихъ кинжаловъ этого рода. По тяжести своей этотъ кинжалъ было очень удобно употреблять какъ оружіе. Найденъ на пашняхъ около дер. Изыкчуль, ужурской волости, ачинскаго округа (Колл. Лопат. № 15). Такой-же кинжалъ найденъ въ красноярскомъ округѣ (Колл. Лопат. № 69).

2. Кинжалъ изъ красной мѣди, большаго размѣра. По общему типу онъ походитъ на кинжалъ, изображенный на табл. VIII, рис. 6. На верхнемъ концѣ рукоятки узкій валикъ, тщательно округленный у внѣшняго края. Поясокъ, соединяющій валикъ съ рукояткою, такой-же ширины, какъ валикъ. Рукоятка, какъ у предыдущаго кинжала, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ боковыхъ полосъ, но промежутокъ между ними больше, а боковыя полосы гораздо уже. Внутренніе края этихъ полосъ плоски, наружные же закруглены, такъ что въ разрѣзѣ образуютъ почти полукруги, діаметры которыхъ составляютъ внутренніе края ихъ. Средняя поперечная полоса образуетъ почти цилиндрическій валикъ, который нѣсколько тоньше и длиннѣе, чѣмъ валикъ на концѣ рукоятки. Послѣдняя на $1/2$ сантиметра короче рукоятки предыдущей. Клинокъ.

очень широкъ и толстъ; конецъ обломанъ. По серединѣ находится узкое возвышеніе и по бокамъ его очень узкія углубленія. Боковыя плоскости клинка нѣсколько выпуклы. Хотя форма этого кинжала правильна, но онъ довольно грубой работы и послѣ отливки былъ только очищенъ у внѣшнихъ краевъ рукоятки. Это показываютъ выдающіяся линіи по внутренней плоскости боковыхъ полосъ рукоятки и внѣшніе края поперечнаго валика ефеса. Найденъ при паханіи земли около села Карлова, на р. Березовкѣ (впадающей справа въ Енисей), воскресенской волости, въ 23 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопат. № 45).

3. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, очень хорошей работы. По общей формѣ подходитъ къ кинжалу, изображенному на табл. VIII, рис. 4. Рукоятка состоитъ изъ одного куска; вмѣсто промежутка между толстыми боковыми полосами ея, послѣднія соединены тонкой полосой, такъ что между боковыми полосами на обѣихъ сторонахъ являются глубокія впадины. На верхнемъ концѣ рукоятки широкій поясокъ и на немъ украшеніе изъ двухъ, соединенныхъ между собою, колецъ. Средняя поперечная полоса состоитъ изъ двухъ листьевъ, съ красиво выгнутыми кверху краями. Клинокъ крѣпокъ, но не широкъ. По серединѣ его высокое тонкое возвышеніе и по обѣимъ сторонамъ неглубокія желобообразныя углубленія. Острый конецъ клинка довольно толстъ и округленъ съ боковъ. Кинжалъ этотъ, по видимому, былъ тщательно очищенъ и отшлифованъ послѣ отливки. Найденъ на пашнѣ около Базуновскаго форпоста, что на правомъ берегу Енисея, въ абаканской волости, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 17).

4. Кинжалъ большаго размѣра изъ красной мѣди, почти такой-же формы, какъ № 2 на этой-же таблицѣ. Валикъ на верхнемъ концѣ округленъ со всѣхъ сторонъ, равно какъ и поясокъ, соединяющій его съ рукояткою. Послѣдняя состоитъ изъ двухъ, закругленныхъ со всѣхъ сторонъ, цилиндрообразныхъ полосъ, между которыми довольно узкій промежутокъ. Средняя поперечная полоса не ясно обрисована; она образуетъ среднее между валикомъ (рис. 2) и листиками кинжала, изображеннаго на табл. VIII, рис. 3. Края округлены, но не такъ правильно, какъ у предыдущихъ кинжаловъ. Грань въ серединѣ широкаго клинка очень выдается и закруглена съ боковъ. Боковыя плоскости лезвія нѣсколько вогнуты, но только на верхней половинѣ клинка; на нижней же половинѣ онѣ плоски, а на концѣ даже выпуклы. Рукоятка короче, чѣмъ у всѣхъ предыдущихъ кинжаловъ, изображенныхъ на этой таблицѣ, такъ что она могла быть охвачена только маленькою рукою. Найденъ при паханіи земли около села Кордачина, въ 77 верстахъ отъ Красноярска и Енисея (Колл. Лопат. № 27).

5. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, по общей формѣ похожій на № 2. Вмѣсто валика на концѣ рукоятки находится здѣсь овалъ съ длиннымъ поперечнымъ отверстіемъ; округленныя со всѣхъ сторонъ полосы, образующія рукоятку, отгибаются на верхнемъ концѣ почти подъ прямымъ угломъ кнаружи и образуютъ овальный конецъ. Круглыя палочки, образующія нижній край овала, соединены плоской полосою, почти вдвое толще наружнаго края овала. Поперечная полоса, отдѣляющая рукоятку отъ клинка, какъ у предыдущаго кинжала, неясно отдѣляется отъ рукоятки и клинка, но по общему начертанію своему образуетъ прямую линію. Общая форма клинка тождественна съ клинкомъ № 2, только возвышеніе посреди его гораздо выше и шире; по бокамъ его едва замѣтныя углубленія. Нижній конецъ лезвія отломанъ. Кинжалъ этотъ довольно грубой работы; онъ очищенъ послѣ отливки только у наружныхъ краевъ рукоятки, внутренніе

же края отверстій рукоятки не очищены, равно какъ и средняя поперечная полоса. Найденъ этотъ кинжалъ при паханіи земли около села Балчугъ, на р. Минжулъ, сухобузимской волости, въ 55 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопат. № 50).

6. Бронзовый кинжалъ съ орнаментированною рукояткою. На верхнемъ концѣ круглое кольцо. Рукоятка состоитъ изъ двухъ округленныхъ снаружи стволиковъ, которые охвачены тремя обручами, состоящими каждый какъ-бы изъ трехъ колецъ. Отверстія между боковыми стволами и кольцами по-видимому не очищены послѣ отливки. Средняя поперечная полоса выходитъ неправильными выступами; она въ серединѣ толще и на ней находится круглое углубленіе. На верхнемъ концѣ клинка на одной сторонѣ довольно значительная вырѣзка (происходящая вѣроятно отъ неправильности формы). Лезвіе почти гладкое; конецъ его острый и округленный съ боковъ. Этотъ кинжалъ находится въ минусинскомъ музеѣ, изображенъ въ атласѣ минусинскихъ древностей на табл. IV, рис. 2, и описанъ въ каталогѣ XI, № 2. Мѣстомъ нахожденія его указана Абаканская степь, около с. Беи.

7. Кинжалъ изъ красной мѣди, очень крѣпкій, тяжелый и грубой работы. По-видимому онъ отшлифованъ послѣ отливки. На нижнемъ концѣ рукоятки кольцо для привязыванія ремня, очень неправильной формы. Различная толщина кольца на томъ мѣстѣ, гдѣ оно соединено съ рукояткою, и несимметричныя дуги на обоихъ бокахъ показываютъ ясно, что неправильности эти произошли отъ ошибочнаго рисунка формы для отливки. Рукоятка состоитъ изъ двухъ стволовъ, закругленныхъ снаружи и съ острыми внутренними краями, какъ у кинжала № 1. На серединѣ внутренняго края стволовъ находится неправильное возвышеніе, доказывающее, что кинжалъ этотъ вовсе не былъ очищенъ послѣ отливки. Поперечный поясокъ между кольцомъ и рукояткою на одной сторонѣ широкъ и плосокъ, на другой же узокъ и вогнутъ. Выдающійся съ боковъ ефесъ толстъ и значительно выдается, но узокъ и состоитъ изъ двухъ узкихъ, снаружи закругленныхъ, пластинокъ, образующихъ тупой уголъ; края его неравны между собою и не симметричны. На одной сторонѣ ефесъ толщиною своею ясно отдѣляется отъ рукоятки и клинка, на другой среднее возвышеніе на лезвіи толще ефеса и выходитъ до наружнаго края его. Клинокъ относительно узокъ, что̀, можетъ быть, произошло отъ долгаго употребленія. Въ серединѣ его высокое возвышеніе; конецъ острый, толстый и округленный. Найденъ этотъ кинжалъ при паханіи земли около села Тетерина, при ключѣ, впадающемъ въ Енисей, въ 6 верстахъ отъ села Старцева (Колл. Лопат. № 25).

8. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, большаго размѣра, довольно слабый въ сравненіи съ предыдущимъ. Работы не очень изящной, но послѣ отливки онъ былъ очищенъ и отчасти тщательно отшлифованъ. На верхнемъ концѣ рукоятки толстое правильное кольцо, образующее кругъ. Кольцо это трехгранное; внутреннее отверстіе ограничено плоскостью съ острыми краями. Третью грань его составляетъ внѣшняя черта круга; плоскости, образующія эту грань, нѣсколько выпуклы и очень тщательно отшлифованы. Тамъ, гдѣ кольцо соединено съ рукояткою, наружные края нѣсколько отодвигаются внаружу и какъ будто переходятъ во внѣшніе края рукоятки, потомъ кольцо вдругъ отрѣзано прямой поперечной линіей, такъ что ручка, которая значительно тоньше кольца, кажется вставленной въ прямой край его. Рисунокъ этотъ довольно изященъ и свидѣтельствуетъ о вкусѣ мастера. Остальныя части кинжала очень просты, но по

размѣрамъ своимъ красивы. Рукоятка и клинокъ образуютъ одно цѣлое; середина кинжала толще и къ обѣимъ сторонамъ постепенно и равномѣрно утончается, такъ что является возвышенная прямая линія отъ кольца до конца клинка. Отъ кольца до нижней части клинка плоскость кинжала не расширяется, только въ серединѣ выдаются двѣ прямыя полосы, образующія тупые углы съ краями рукоятки. На два сантиметра ниже выдающихся рожковъ ефеса, лезвіе начинаетъ расширяться. Остріе лезвія по видимому заострено очень правильными ударами молотка. Конецъ лезвія острый, но плоскій и не закругленный. Кинжалъ этотъ очищенъ послѣ нахожденія. Онъ найденъ въ минусинскомъ округѣ и заключается въ коллекціи, которую г. Лопатинъ передалъ Императорскому Россійскому Историческому Музею въ Москвѣ (№ 21).

9. Кинжалъ большаго размѣра, изъ красноватой бронзы, хорошей работы и, какъ ясно видно, отшлифованный послѣ отливки. На верхнемъ концѣ рукоятки правильное, со всѣхъ сторонъ округленное, овальное кольцо; это кольцо широкой стороной прилегаетъ къ толстому и широкому пояску. Отъ мѣста соединенія съ пояскомъ рукоятка постепенно расширяется. Края значительно возвышены и снаружи округлены; между ними, на обѣихъ сторонахъ, значительныя желобообразныя углубленія, которыя расширяются по серединѣ кинжала. Поперечная средняя полоса тождественна съ средней полосой у кинжала, изображеннаго на этой таблицѣ подъ № 3, только наружные кончики ефеса болѣе заострены. Форма клинка очень изящна, грань по серединѣ его сильно выдается, конецъ остръ и закругленъ. Клинокъ изогнутъ по видимому сильнымъ ударомъ на нижнемъ концѣ. Такъ какъ на мѣстѣ удара повреждена черная патина, которой покрытъ кинжалъ, то можно предполагать, что поврежденіе это нанесено, при находкѣ кинжала, сошникомъ или лопатою. Найденъ около села Самодуровки, минусинскаго округа (Колл. Лопат. въ Росс. Историч. Муз. № 12).

10. Кинжалъ большаго размѣра, крѣпкій и довольно хорошей работы. На верхнемъ концѣ относительно маленькое овальное кольцо. Наружная часть дуги его слаба и съ краевъ округлена, внутренняя толста, съ угловатыми краями. Довольно широкій поясокъ, примыкающій къ кольцу, одинаковой съ нимъ толщины и отличается отъ края кольца только едва замѣтнымъ углубленіемъ. Рукоятка образована изъ двухъ четырехгранныхъ стволиковъ, такой-же толщины, какъ и поясокъ, такъ что начало ихъ едва замѣтно. Поперечная полоса по серединѣ кинжала образуетъ очень толстую прямую полосу, постепенно утончающуюся у внѣшнихъ, значительно выдающихся, концовъ. Клинокъ толстъ и почти такой-же формы, какъ у предыдущаго кинжала; острый конецъ лезвія шире, чѣмъ у предыдущаго кинжала, и почти не закругленъ. Найденъ этотъ кинжалъ при паханіи земли около села Частоостровскаго, на лѣвомъ берегу Енисея, въ 37 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопат. № 10).

11. Кинжалъ средней величины, съ отломаннымъ нижнимъ концомъ клинка. Округленное кольцо переходитъ непосредственно въ рукоятку, въ серединѣ которой находится глубокій узкій желобокъ съ двумя лентообразными перегородками. На верхнемъ концѣ рукоятки два четыреугольныя сквозныя отверстія и двѣ неправильныя выдающіяся полосы, несимметрично расположенныя и неодинаковой формы; эти полосы отдѣляются отъ широкаго лезвія глубокими вырѣзками. Лезвіе очень повреждено, такъ что настоящая его форма не видна. Этотъ кинжалъ найденъ въ дер. Свѣтолобовкѣ, минусинскаго округа, и находится въ минусинскомъ музеѣ (см. атласъ, табл. IV, 5).

12. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, очень большаго размѣра и изящной работы. Красивое овальное кольцо на концѣ рукоятки тщательно закруглено и раздѣляется округленнымъ прутомъ на двѣ половины. Два толстыхъ трехгранныхъ ствола, образующихъ рукоятку, прямо выходятъ изъ овала и упираются въ крѣпкую среднюю полосу ефеса, состоящую изъ двухъ лентообразныхъ, нѣсколько изогнутыхъ, частей, соединяющихся подъ тупымъ угломъ. Лезвіе очень крѣпкое, съ выдающеюся по срединѣ гранью и съ желобообразными, незначительными по бокамъ, углубленіями. Конецъ лезвія очень толстъ и закругленъ. Я купилъ этотъ кинжалъ по близости отъ г. Минусинска.

13. Рукоятка кинжала изъ красной мѣди, средней величины, очень грубой работы, и не очищенная послѣ отливки. По общей своей формѣ этотъ кинжалъ похожъ на № 10. Кольцо на концѣ рукоятки кругло и плоско, безъ поперечнаго пояска. Найдена эта рукоятка при паханіи земли въ селѣ Татарскомъ, въ степи, къ З. отъ Енисея, въ 35 верстахъ отъ Красноярска.

Дополненіе къ табл. IX. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, очень большаго размѣра и довольно хорошей работы. Вся длина кинжала 38 сантим., рукоятка въ 2 сантим., клинокъ въ 29 сантим., самое широкое мѣсто лезвія въ $4^1/_2$ сантим. ширины. На концѣ рукоятки кругообразное кольцо въ 3 сантим. въ поперечникѣ. Въ центрѣ этого кольца находится другое меньшее кольцо, соединенное съ большимъ посредствомъ четырехъ плоскихъ перекладинъ. Кольцо снаружи отшлифовано, а внутри не очищено, такъ что между двумя кругами остались неправильныя пластинки мѣди. Узкій поясокъ, прикасающійся къ кольцу, и боковые края рукоятки также не очищены послѣ отливки. Рукоятка и лезвіе образуютъ одно цѣлое; только у нижняго конца лезвія выдается край кинжала на $^1/_2$ сантим., круглымъ выступомъ такой-же толщины, какъ самое лезвіе. Выдающаяся по срединѣ лезвія грань начинается на верхнемъ концѣ рукоятки и доходитъ до остраго конца клинка. По обѣимъ сторонамъ этого возвышенія находятся едва замѣтныя желобообразныя углубленія. Лезвіе хорошо отшлифовано; плоскій конецъ его не закругленъ. Кинжалъ этотъ, судя по вѣсу и по общей формѣ его, вѣроятно служилъ коротенькимъ мечемъ, для нанесенія удара остріемъ. Найденъ около села Кордачина, красноярскаго уѣзда (изъ колл. Лопатина, № 76; см. прилагаемый рисунокъ въ $^1/_3$ натуральной величины).

Общее обозрѣніе таблицы IX.

Кинжалы подъ №№ 1, 2, 4 по общему своему типу подходятъ къ экземплярамъ, изображеннымъ на предыдущей таблицѣ подъ №№ 3, 5, 6. Они отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что по серединѣ рукоятки находятся продолговатыя отверстія и рукоятки ихъ состоятъ изъ двухъ угловатыхъ или закругленныхъ стволовъ. Кинжалъ подъ № 5 такой-же формы, только вмѣсто валика на концѣ находится пластинка съ длиннымъ отверстіемъ. Рукоятка кинжаловъ подъ №№ 7, 10, 11, 12, 13 такой-же формы, но на нижнемъ концѣ находятся либо круглыя, либо овальныя кольца. У кинжаловъ подъ №№ 3, 9 такія-же рукоятки, съ тою только разницею, что между боковыми стволами находятся тонкія пластинки; у № 3, кромѣ того, на концѣ, не одно, а два кольца, соединенныя въ видѣ буквы в. Отъ всѣхъ этихъ рукоятокъ значительно отличаются рукоятки на №№ 11 и 6, у которыхъ въ серединѣ рукоятки находятся большія углубленія, только отчасти сквозныя. У кинжала № 11, кромѣ того, два тонкихъ поперечника, а на № 6 три обруча, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ трехъ соединяющихся между собою колецъ. Кинжалы подъ №№ 8, 11, 14 отличаются еще тѣмъ, что посреди ихъ нѣтъ толстой поперечной полосы ефеса, ясно отдѣляющей рукоятку отъ лезвія.

Таблица X.

1. Кинжалъ средняго размѣра, самаго простаго типа кинжаловъ, изображенныхъ на табл. VII, рис. 2, 8. Онъ сдѣланъ изъ красноватой бронзы и, кажется, довольно хорошей работы, но значительно пострадалъ отъ окисленія метала, такъ что шлифовка теперь не замѣтна. На верхнемъ концѣ рукоятки, вмѣсто валика, тщательно закругленная головка, которая только немного длиннѣе ширины рукоятки. Кинжалъ этотъ найденъ при паханіи земли у стараго Собора въ г. Красноярскѣ (Колл. Лопатина).

2. Кинжалъ изъ красной мѣди, почти такой-же формы, но немного меньше предыдущаго. Отдѣлка его груба, по-видимому онъ не былъ шлифованъ послѣ отливки. На верхнемъ концѣ рукоятки валикъ, состоящій изъ трехъ продолговатыхъ шариковъ, изъ которыхъ каждый глубокимъ поперечнымъ углубленіемъ опять дѣлится какъ-бы на двѣ части. Рукоятка изогнута ударомъ, нанесеннымъ вѣроятно находчикомъ. Найденъ въ окрестности Устъ-Ербы, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 8). Такой-же кинжалъ, но нѣсколько бóльшій, найденъ при паханіи земли въ окрестности дер. Бородиной, въ минусинскомъ округѣ (Колл. Лопат. № 59).

3. Кинжалъ изъ желтой бронзы, такого-же размѣра, довольно хорошей работы. По общей формѣ своей онъ похожъ на кинжалъ, изображенный на табл. VII, рис. 4. Онъ гораздо тоньше предыдущихъ кинжаловъ и служилъ, кажется, женскимъ оружіемъ. Рукоятка тщательно отшлифована. Три пуговицы, образующія валикъ, на концѣ рукоятки, ясно отдѣляются одна отъ другой; поперечныя углубленія въ нихъ не велики. На одной сторонѣ, недалеко отъ этихъ пуговокъ, на рукояткѣ находятся два едва замѣтныхъ возвышенія. Здѣсь, кажется, находилось маленькое ушко, къ которому привязанъ былъ ремешекъ, но это ушко или отломилось при употребленіи, или не вышло при отливкѣ, и при шлифовкѣ рукоятки совершенно стерто. Кинжалъ этотъ найденъ на пашнѣ, въ 10—15 верстахъ къ Ю.-З. отъ дер. Яновой, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 12).

4. Кинжалъ довольно большого размѣра, изъ красноватой бронзы, по общей формѣ похожій на кинжалъ, изображенный на табл. VII, рис. 2. Рукоятка, прямая и крѣпкая, тщательно

закруглена съ боковъ. Валикъ на концѣ ея состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ между собою узкимъ углубленіемъ; каждая часть похожа, по формѣ своей, на шпульки для наматыванія нитокъ, или на колески съ глубокимъ и широкимъ поперечнымъ углубленіемъ. Это украшеніе рукоятки очень правильнаго рисунка и было тщательно отшлифовано. На одной сторонѣ, ниже средняго поперечнаго углубленія, находится зернообразное возвышеніе. Клинокъ широкъ, безъ углубленія; ясно видно, что отъ остраго конца, почти до ефеса, съ обѣихъ сторонъ, клинокъ былъ заостренъ ударами молотка и потому значительно расширился. Кинжалъ этотъ найденъ въ 10—15 верстахъ къ Ю.-З. отъ дер. Яновой, въ минусинскомъ округѣ (Колл. Лопат. № 30).

5. Обломанная рукоятка кинжала изъ золотистой бронзы, маленькаго размѣра. Украшеніе на концѣ рукоятки такое-же, какъ на № 3; три, почти шарообразныя, пуговки очень тщательно очищены. По бокамъ рукоятки узкія возвышенныя полосы, такъ что края ея на половину толще середины. Внутренніе края возвышеній образуютъ зубчатыя линіи. Отъ лезвія остался только верхній конецъ, но онъ до того скобленъ и изрѣзанъ, что первоначальная форма лезвія не видна. Ясно только то, что поперечной полосы по серединѣ кинжала, отдѣляющей рукоятку отъ лезвія, вовсе не было. Найдена эта рукоятка на полѣ близь села Бейскаго, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 73).

6. Отломанная часть рукоятки кинжала изъ красноватой бронзы. Нижній конецъ ея поврежденъ, такъ что первоначальную форму ея нельзя опредѣлить; видно только, что по обѣимъ сторонамъ ея находилось по овальному колечку съ закругленными краями. Рукоятка гладка, но по обѣимъ сторонамъ ея находятся возвышенія въ видѣ крученаго шнурка. Обломокъ этотъ найденъ около дер. Изынджуль, ужурской волости, ачинскаго округа (Колл. Лопат. № 75).

7. Клинокъ кинжала изъ желтой бронзы, очень твердый и хорошей работы. По-видимому онъ былъ вставленъ въ деревянную, костяную, либо металлическую рукоятку. У верхней части клинообразный конецъ, составляющій какъ-бы продолженіе возвышенной средней полосы. По бокамъ этого клина видно треугольное продолженіе лезвія, съ двумя круглыми отверстіями, черезъ которыя были продѣты металлическіе штифтики для прикрѣпленія клинка къ рукояткѣ. Далѣе, по обѣ стороны лезвія, находятся дугообразныя вырѣзки, за которыми начинается остріе лезвія. Форму послѣдняго нельзя опредѣлить въ настоящее время, такъ какъ конецъ отломанъ и лезвіе съ обѣихъ сторонъ сильно повреждено. Въ каталогѣ г. Лопатина это лезвіе названо оконечникомъ копья, но я не думаю, чтобы такое обозначеніе было основательно, такъ какъ это орудіе слишкомъ коротко и слабо для наконечника копья; кромѣ того, нижній конецъ очень коротокъ и при сильномъ ударѣ не могъ бы держаться въ древкѣ копья. Притомъ его нельзя было бы укрѣпить въ цѣльномъ деревѣ, а можно было только вставить въ тщательно отдѣланную рукоятку, состоящую изъ двухъ равныхъ частей, наложенныхъ одна на другую. Найденъ этотъ клинокъ на берегу рѣки Узунджулъ, минусинскаго округа (Колл. Импер. Росс. Ист. муз. № 90).

8. Отломанная часть кинжала, особаго типа, изъ желтоватой бронзы и довольно хорошей, но не очень крѣпкой работы. О формѣ ручки нельзя судить, такъ какъ верхній конецъ ея отломанъ, изъ уцѣлѣвшей же нижней части видно, что бока рукоятки были вогнуты и что по обѣимъ сторонамъ находились узкія, возвышенныя полосы, которыя на нижней части рукоятки были

нѣсколько утолщены и переходили постепенно въ круглые, пуговкообразные рожки, служащіе ефесомъ. Между возвышенными краями внутренняя часть ручки образовала двѣ плоскости, на которыхъ находятся поперечныя, паралельныя, узкія возвышенія, раздѣляющія плоскую часть на родъ трапецій. Между выходящими по бокамъ рожками находятся два выдающіяся возвышенія, образующія тупые углы и ясно отдѣляющія рукоятку отъ лезвія. Клинокъ прямой, края его образуютъ двѣ прямыя линіи. Довольно толстая середина состоитъ изъ двухъ плоскостей, безъ желобообразныхъ продольныхъ углубленій. Конецъ лезвія отломанъ. Кинжалъ этотъ найденъ на полѣ близь дер. Кальской, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 46).

9. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, средней величины и не очень изящной работы; послѣ отливки не шлифованъ. Рукоятка (см. прилаг. рис. въ натур. велич.) тонка и потому при употребленіи немного изогнута. Украшеніе ея состоитъ изъ продольныхъ параллельныхъ углубленій, которыхъ на одной сторонѣ шесть, на другой семь. Верхній край рукоятки немного вогнутъ и утолщенъ, а между нимъ и углубленіями поперечная гладкая полоса. Клинокъ средней ширины довольно длиненъ и отлитъ хуже рукоятки; на немъ находятся нѣсколько углубленій, очевидно происходящихъ отъ погрѣшности формы. Лезвіе въ серединѣ значительно толще, но на немъ не замѣтно грани. Конецъ лезвія отломанъ. Ефесъ между лезвіемъ и рукояткою состоитъ изъ соединенія двухъ птичьихъ клювовъ, между которыми находится круглое отверстіе съ облегающимъ его круглымъ ободкомъ, ясно означающее глазъ, принадлежащій къ обоимъ клювамъ. Найденъ этотъ кинжалъ въ шушинской волости, минусинскаго округа (изъ коллекціи Лопатина, въ Импер. Моск. Истор. музеѣ).

10. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, послѣ отливки тщательно отшлифованный. Онъ значительно меньше предыдущаго, но крѣпче его. Лезвіе, кажется, было покрыто тонкимъ слоемъ олова; на рукояткѣ темная патина. Рукоятка этого кинжала соотвѣтствуетъ рукояткѣ ножа, изображеннаго на табл. IV, рис. 22; она внутри пуста и въ нее вставлялся по видимому мѣдный болтикъ или штифтъ съ украшеніемъ въ родѣ того, которое изображено на табл. IV, рис. 23. Штифтъ этотъ былъ, должно быть, очень длиненъ и почти доходилъ до конца рукоятки; это видно изъ трехъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ рукоятки, дырочекъ, изъ которыхъ верхняя гораздо больше остальныхъ. На одной сторонѣ большее углубленіе, происходящее вѣроятно отъ ошибки въ формѣ. Въ вставленномъ въ ручку болтикѣ, должно быть, находились соотвѣтствующія дырочки, посредствомъ которыхъ украшеніе прикрѣплялось къ рукояткѣ сквозными штифтиками. Послѣдняя широка и съ боковъ вогнута; по краямъ ея, тщательно округленнымъ, находится узкое углубленіе, единственное украшеніе рукоятки. Рукоятка такъ мала, что по всей вѣроятности кинжалъ этотъ употреблялся только женской или дѣтской рукой. Она отдѣляется отъ лезвія двумя дугообразными возвышеніями, образующими очень изящное очертаніе, немного выдающееся по бокамъ. Лезвіе въ отношеніи къ

рукояткѣ можно назвать широкимъ. Середина выдается ясною гранью до конца лезвія. Бока тщательно заострены ударами молотка отъ конца лезвія до 2 сантиметровъ ниже средней полосы. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около села Кавказскаго, въ тесинской волости, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 41).

11. Кинжалъ, подобный № 9, изображенный въ «Атласѣ древностей минусинскаго музея» на табл. IV, рис. 9 a, b, и найденный въ деревни Бородинѣ. Рукоятка отличается отъ ручки предыдущаго кинжала тѣмъ, что на ней нѣтъ окаймляющаго рукоятку углубленія и что болтикъ былъ укрѣпленъ только посредствомъ одной дырочки въ рукояткѣ. Подъ № 11, a на нашей табл. X-й изображенъ кинжалъ вмѣстѣ съ вставленнымъ болтикомъ, а подъ № 11, b отдѣльный болтикъ съ изображеніемъ сидящаго медвѣдя.

Прилагаемый при семъ рисунокъ въ натуральную величину изображаетъ другое подобное-же украшеніе рукоятки кинжала (изъ коллекціи Лопатина), весьма изящной работы; оно представляетъ группу, состоящую изъ трехъ каменныхъ козловъ, по-видимому самку съ двумя козлятами. Всѣ три фигуры стоятъ отдѣльно и очень тщательно отдѣланы; онѣ всѣ отлиты вмѣстѣ съ болтикомъ, что указываетъ на замѣчательное искусство въ составленіи формъ для отливки металлическихъ вещей.

12. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, средней величины, по типу своему принадлежащій къ №№ 10 и 11, но отличающійся особенною крѣпкостью. Отдѣлка его не менѣе изящна, чѣмъ на № 10. Украшеніе ручки состоитъ въ томъ, что по серединѣ ея на обѣихъ сторонахъ клинообразныя возвышенія. На верхнемъ концѣ рукоятки выдаются съ обѣихъ сторонъ двѣ поперечныя полосы; къ этому возвышенію примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ десятъ треугольныхъ углубленій, такъ что наружные края сопровождаются рядомъ треугольныхъ возвышеній. Средняя полоса, отдѣляющая рукоятку отъ лезвія, похожа на № 10, но дуговыя возвышенія здѣсь образуютъ почти прямую линію. Оба края довольно широкаго клинка заострены только на ²⁄₃ отъ конца. Кинжалъ этотъ покрытъ прекрасной темной патиной. Отверстіе въ ручкѣ для вдѣванія болтика широко и плоско, въ ручкѣ находится только одно отверстіе для укрѣпленія болтика. Найденъ этотъ кинжалъ въ окрестностяхъ г. Минусинска (Колл. Лопат. № 19).

13. Кинжалъ изъ желтоватой бронзы, найденный мною около Аскызской управы, въ абаканской степи. По видимому онъ вставлялся въ деревянную рукоятку. Такіе кинжалы изъ бронзы крайне рѣдки, но очень поучительны, такъ какъ они указываютъ на то, что уже въ то время, когда употреблялись исключительно мѣдные инструменты, возникли зачатки тѣхъ формъ, которыя сдѣлались всеобщими, когда вошли въ употребленіе желѣзные инструменты. Верхняя часть указаннаго здѣсь кинжала утолщается постепенно къ острому концу, такъ что ее удобно могли вставлять въ рукоятку. Кромѣ того, форма клинка указываетъ на то, что на деревянной рукояткѣ находился острый треугольный выступъ, покрывавшій верхнюю часть клинка. Выступающіе по бокамъ концы ефеса съ обѣихъ сторонъ плоски и вѣроятно покрывались деревомъ. Можетъ быть рукоятка состояла изъ двухъ равныхъ между собою пластинокъ, между которыми вклады-

валась металлическая рукоятка, а потомъ снаружи обматывалась тонкимъ ремнемъ, который удобно прикрѣплялся къ выступамъ ефеса. Ни въ богатой коллекціи г. Лопатина, ни въ минусинскомъ музеѣ нѣтъ другихъ такихъ кинжаловъ. Можетъ быть рѣдкое употребленіе этой формы кинжаловъ зависитъ оттого, что такіе кинжалы вошли въ употребленіе лишь въ послѣднее время, когда народъ уже познакомился съ желѣзными ножами и кинжалами новой формы.

14. Кинжалъ безъ ручки, изъ желтоватой бронзы, вѣроятно вставлявшійся въ деревянную рукоятку, очень простой и грубой работы. Онъ состоитъ изъ клинка, который переходитъ въ острый гвоздеобразный конецъ, всаживавшійся въ цѣльную деревянную рукоятку. Такъ какъ острый конецъ ничѣмъ не могъ быть укрѣпленъ къ деревянной рукояткѣ, то слѣдуетъ предполагать, что онъ вколачивался въ цѣльное дерево. Найденъ этотъ кинжалъ въ абаканской степи (Коллекціи Лопатина).

15. Кинжалъ очень большого размѣра, изъ красноватой бронзы, весьма крѣпкій и довольно изящной работы. Прямой клинокъ его очень толстъ; въ серединѣ высоко выдается довольно широкая грань, по обѣимъ сторонамъ которой продольныя углубленія. Конецъ первоначально былъ вѣроятно острый и закруглился только послѣ долгаго употребленія. Въ серединѣ кинжала не видно слѣдовъ ефеса и лезвіе переходитъ прямо въ рукоятку. Послѣдняя (см. прилаг. рис. въ натур. велич.) на одной сторонѣ вогнута и на концахъ ея находятся крѣпкія ушки; на другой сторонѣ она выпукла и въ серединѣ ея продолжается выдающаяся грань лезвія почти до конца рукоятки, образующаго круглое возвышеніе, въ видѣ шляпки гвоздя, на томъ-же мѣстѣ, на которомъ съ другой сторонѣ выдается ушко. На выпуклой сторонѣ находится рядъ параллельныхъ черточекъ, врѣзанныхъ, можетъ быть, послѣ отливки кинжала. Такихъ черточекъ на одной сторонѣ 18, на другой 8. Головка на концѣ рукоятки округлена со всѣхъ сторонъ. Можетъ быть это орудіе не только служило кинжаломъ, но и прикрѣплялось къ концу древка, какъ наконечникъ копья. На послѣднее обстоятельство указываютъ два ушка на одной сторонѣ рукоятки, потому что на прикрѣпленіе ремня къ поясу достаточно было одного ушка. На употребленіе этого орудія, въ видѣ кинжала, указываетъ головка на ручкѣ, которая только могла мѣшать укрѣпленію къ древку. Кинжалъ этотъ найденъ на прибрежной галькѣ рѣки Енисея, въ красноярскомъ округѣ (изъ колл. Импер. Росс. Ист. муз. № 11).

Общее обозрѣніе таблицы X.

Кинжалы, изображенные на этой таблицѣ, отчасти представляютъ различные типы украшенія рукоятокъ:

1) кинжалы съ круглыми шляпкообразными концами (рис. 1 и 12);
2) кинжалы, въ концѣ которыхъ валикъ на концѣ ручки, какъ на табл. VII, рис. 1—8, является съ различными украшеніями (рис. 2, 3, 4, 5);
3) кинжалъ съ двумя ушками на концѣ рукоятки (рис. 6);
4) кинжалы съ полыми рукоятками, въ которые вставлялись болтики съ украшеніями (рис. 10—12);
5) кинжалы безъ рукоятокъ, которые вставлялись въ деревянныя рукоятки (рис. 7, 13, 14).

Нѣкоторыя рукоятки показываютъ еще особыя украшенія: a) возвышенную тонкую гладкую полосу на краяхъ (рис. 8, 9); полосы съ поперечными углубленіями (рис. 5, 6); b) своеобразныя украшенія, изображенныя подъ №№ 9, 12, 15.

Таблица XI.

1. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы и огромнаго размѣра; клинокъ его въ три раза длиннѣе рукоятки, такъ что этотъ кинжалъ вѣрнѣе назвать короткимъ мечомъ. Послѣ отливки онъ былъ тщательно отшлифованъ и полированъ. Клинокъ очень толстъ и съ обѣихъ сторонъ закругленъ; по обоимъ бокамъ находится плоская толстая полоса, край которой еще заостренъ ударами молотка. Конецъ клинка тщательно заостренъ. Ефесъ, отдѣляющій рукоятку отъ лезвія, почти не выдается, и концы его слабы и тонки, такъ что являются только продолженіемъ тонкой полосы по бокамъ лезвія; одинъ конецъ его отломанъ. Почти круглая рукоятка, на нижнемъ концѣ которой выдается плоская полоса, толще лезвія и внутри пуста; на нижнемъ концѣ ея, нѣсколько выше ефеса, дыра, для укрѣпленія вставленнаго длиннаго болта съ украшеніемъ на верхнемъ концѣ. Кинжалъ этотъ найденъ на пашнѣ около села Коркина, на берегу Енисея, недалеко отъ Красноярска (Колл. Лопат. № 1). Другого кинжала такого-же размѣра, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не было найдено въ бассейнѣ Енисея.

2. Маленькій кинжалъ изъ желтоватой бронзы, очень изящной работы. Онъ покрытъ прекрасной темно-зеленой патиной, которая соскоблена только на концѣ лезвія. Этотъ кинжалъ составляетъ новый типъ кинжаловъ безъ ефеса, у которыхъ рукоятка отдѣляется отъ лезвія едва выдающейся по бокамъ полосой и начало лезвія съужено. На верхнемъ концѣ рукоятки совершенно круглый валикъ, какъ у кинжала, изображеннаго на табл. VII, рис. 6, но валикъ этотъ внутри пустъ, такъ что въ него возможно было продѣть довольно толстый ремень. Наружная сторона этого валика сплошь украшена какъ-бы ремневою плетенкою, какую теперь еще плетутъ киргизы для своихъ плетей изъ 12—18 ремней. На краяхъ рукоятки украшеніе, похожее на то, которое изображено на табл. X, 5, но зубчики по возвышенной тонкой полосѣ тщательно и правильно врѣзаны подъ острымъ угломъ, такъ что возвышеніе представляетъ видъ витой веревки, прикрѣпленной къ ручкѣ по бокамъ. Середина рукоятки между возвышенными краями выпукла, такъ что у краевъ находятся довольно значительныя углубленія. Возвышенные края переходятъ въ наружные концы средней полосы, состоящей изъ двухъ нѣсколько изогнутыхъ полосъ, сходящихся въ серединѣ подъ тупымъ угломъ. Лезвіе въ $1\frac{1}{2}$ раза длиннѣе довольно большой рукоятки.

Конецъ ея закругленъ, середина утолщена и на обѣихъ сторонахъ постепенно утончается. Лѣвая сторона отъ возвышенія на обѣихъ сторонахъ лезвія вогнута; правая совершенно плоска. Мѣсто находки этого кинжала неизвѣстно; на ярлыкѣ указано только, что кинжалъ купленъ въ Красноярскѣ на базарѣ въ 1882 году г. Лампе, который подарилъ его г. Лопатину (Колл. Лопат. № 223).

3. Кинжалъ такой-же величины и совершенно такого-же типа, какъ предыдущій, но довольно грубой работы. На нижнемъ концѣ рукоятки валикъ замѣняетъ толстая пластинка, прикрѣпленная къ рукояткѣ подъ прямымъ угломъ; пластинка эта пряма съ острыми краями; только къ обоимъ бокамъ концы ея нѣсколько согнуты внизъ. Въ серединѣ нѣтъ поперечной полосы, отдѣляющей лезвіе отъ рукоятки; послѣдняя на этомъ мѣстѣ только немного расширяется. На рукояткѣ находится неясное украшеніе, которое врѣзано, кажется, послѣ отливки кинжала; оно состоитъ изъ двухъ рядовъ зигзаговъ, образующихъ по десяти ромбовъ на каждой сторонѣ возвышенія въ серединѣ рукоятки. Четыреугольники на концѣ этихъ рядовъ въ серединѣ кинжала, гдѣ на предыдущемъ кинжалѣ находится поперечнее возвышеніе, удлинены и заканчиваются острымъ угломъ у верхняго края лезвія. Эти острые углы врѣзаны гораздо глубже, чѣмъ сами зигзаги. Найденъ этотъ кинжалъ на берегу Енисея, недалеко отъ Красноярска (Колл. Лопат. № 40).

4. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, нѣсколько больше предыдущаго, съ которымъ онъ очень сходенъ по типу своему, и очень изящной работы. Только лезвіе гораздо длиннѣе и уже. Въ серединѣ, вмѣсто поперечной полосы, находящейся на № 3, здѣсь помѣщены двѣ птичьи головки; глаза ихъ образуютъ круглыя отверстія, края которыхъ обведены нѣсколько возвышенными кругами. Клювы сильно стерты, но очертаніе ихъ еще ясно видно на одной сторонѣ. Они острыми концами выдаются по бокамъ и очевидно изображаютъ клювы хищныхъ птицъ. На верхнемъ концѣ рукоятки находится очень сложное украшеніе, состоящее изъ соединенія птичьихъ головокъ (см. прилаг. рисунокъ въ натур. величину). У наружныхъ краевъ рукоятки изображены двѣ головки; глаза находятся у наружнаго края и клювы обращены къ серединѣ рукоятки, а острые концы ихъ обращены къ украшенію. Наружный край украшенія составляетъ другая пара птичьихъ головъ, глаза которыхъ образуются круглыми отверстіями у верхняго края. Клювы этихъ головъ встрѣчаются въ серединѣ и образуютъ находящіяся на наружномъ краѣ двѣ почти круглыя дыры. Очертаніемъ шеи этихъ птицъ служатъ двѣ возвышенныя полосы въ серединѣ украшенія. Перья на шеяхъ этихъ птицъ изображены сквозными отверстіями. Наружное очертаніе этого украшенія напоминаетъ плоскій конецъ кинжала, изображеннаго на табл. VIII, рис. 4. Кромѣ того на рукояткѣ находятся еще слѣдующія украшенія: по краямъ очень тонкое возвышеніе, соединяющее клювы птичьихъ головъ на нижнемъ и верхнемъ концахъ рукоятки; между ними находятся по десяти глубоко врѣзанныхъ треугольниковъ, острымъ угломъ обращенныхъ къ серединѣ рукоятки, такъ что середина эта образуется изъ

зубчатой возвышенности. Этотъ кинжалъ найденъ у подошвы яра, на берегу Енисея, недалеко отъ стараго собора въ Красноярскѣ (Колл. Лопат. № 35).

5. Кинжалъ такого-же типа, какъ предыдущій, изъ золотистой бронзы. Послѣ отливки онъ былъ отшлифованъ; клинокъ его былъ покрытъ тонкимъ оловяннымъ слоемъ. Украшенія, находящіяся на рукояткѣ, по-видимому уничтожены при шлифовкѣ. Судя по неяснымъ слѣдамъ, по краямъ ея находились узкія возвышенія, какъ на кинжалѣ № 4, а между этими краями было пять рядовъ незначительныхъ углубленій. Въ средней части кинжала находятся четыре отверстія, расположеніе которыхъ показываетъ, что первоначально здѣсь были изображены двѣ птичьи головки, какъ на № 4; внутреннія большія отверстія образовывали глаза ихъ, а наружныя маленькія отверстія находятся на томъ мѣстѣ, гдѣ концы клювовъ сильно отогнуты внизъ. Эти дырочки и наружное очертаніе кинжала составляютъ единственные слѣды украшенія, такъ какъ поверхность кинжала на этомъ мѣстѣ совершенно гладка. Украшеніе на верхнемъ концѣ рукоятки состоитъ изъ двухъ переднихъ частей лошади, т. е. изъ головъ, прикасающихся мордами до наружнаго конца поперечной полосы, и изъ переднихъ ногъ, упирающихся въ эту-же полосу. Туловища этихъ лошадей составляютъ въ серединѣ одно цѣлое. На головахъ видны углубленіе глазъ, слѣды придвинутыхъ къ шеѣ ушей и скулы. У переднихъ ногъ ясно замѣтны грудь и плечевыя лопатки. Найденъ этотъ кинжалъ въ новоселовской волости, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 57).

6. Кинжалъ такого-же типа, какъ предыдущій, изъ желтой бронзы и довольно грубой работы. Украшеніе на концѣ рукоятки сходно съ украшеніемъ на № 5; фигуры лошадей очерчены отчетливѣе. Верхній край, т. е. шея и спина лошадей, послѣ отливки соскобленъ острымъ инструментомъ и потому представляетъ теперь плоскость. Поперечная полоса ясно выдается; на обѣихъ сторонахъ рукоятки находится по три неровныхъ остроугольныхъ треугольника, обведенныхъ двойными параллельными линіями; болѣе широкій треугольникъ помѣщенъ въ серединѣ, узкіе по бокамъ. На одной сторонѣ, между параллельными линіями у остраго конца, находится ясно замѣтное углубленіе. Клинокъ и рукоятка кинжала отдѣлены двумя ясно выдающимися возвышенными полосками, образующими тупой уголъ. Найденъ этотъ кинжалъ при паханіи земли около села Шумкова, на рѣкѣ Березовкѣ, впадающей въ Енисей съ правой стороны, въ 15 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопатина, № 9).

7. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, совершенно такого-же типа, какъ предыдущіе. Онъ отличался, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ, очень хорошей работой, но вѣроятно лежалъ въ сыромъ мѣстѣ и потому сильно пострадалъ отъ сырости. Украшенія замѣтны только на концѣ рукоятки, гдѣ видны углубленныя черты по краямъ ея и какой-то неясный круглый рисунокъ въ серединѣ кинжала, на выдающихся краяхъ рукоятки. Найденъ на прибрежной галькѣ р. Писки, красноярскаго округа (Колл. Лопатина, № 11).

8. Маленькій кинжалъ изъ золотистой бронзы, весьма изящной работы. Онъ былъ тщательно отшлифованъ и покрытъ очень замѣтнымъ слоемъ олова. Нашедшіе его крестьяне, замѣтивъ блескъ олова, захотѣли вѣроятно узнать свойство металла и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырѣзали довольно значительныя углубленія. Валикъ на концѣ рукоятки гладокъ и внутри пустъ.

Украшеніе рукоятки почти тождественно съ украшеніемъ на № 4, но гораздо правильнѣе: на краяхъ выдается по одной правильной гладкой полосѣ и между ними два ряда возвышенныхъ острыхъ треугольныхъ зубчиковъ, соприкасающихся въ серединѣ своими основаніями. Рисунокъ на таблицѣ случайно представляетъ болѣе неясную сторону. На другой сторонѣ видно, что крайній ромбоидъ въ концѣ рукоятки узкимъ углубленіемъ отдѣленъ отъ двухъ треугольныхъ возвышеній, прилегающихъ къ валику, и что въ серединѣ кинжала ясно отдѣляется возвышенная по краямъ черта и очень красивою дугою сопровождаетъ вогнутые края до начала клинка. Найденъ этотъ кинжалъ у села Торгашино, въ красноярскомъ округѣ (Колл. Лопат. № 54).

9. Большой кинжалъ изъ красной мѣди, отличающійся особымъ типомъ. Онъ сильно поврежденъ: не только болѣе половины клинка отломано, но и края его до того попорчены, что нѣтъ возможности составить себѣ ясное понятіе о первоначальной его формѣ. Вѣроятно онъ былъ довольно широкъ и похожъ на кинжалъ, изображ. на табл. X, рис. 13. Рукоятка на одной сторонѣ представляетъ нѣсколько выпуклую гладкую поверхность съ выдающимся краемъ, имѣющимъ видъ свитой изъ двухъ шнурковъ веревки. На другой сторонѣ находятся значительное углубленіе и два кольца, изъ которыхъ уцѣлѣло только нижнее, а другое отломано. На концѣ рукоятки пустой шарикъ, состоящій изъ четырехъ согнутыхъ полосокъ, въ видѣ бубенчика, въ которомъ вѣроятно находилась побрякушка. Мнѣ кажется, что этотъ кинжалъ не только употреблялся какъ кинжалъ, но и прикрѣплялся къ древку, какъ наконечникъ копья, иначе я не могу понять, для чего служили углубленіе и кольца на одной сторонѣ рукоятки. Найденъ этотъ кинжалъ въ окрестности г. Канска, т. е. на восточной окраинѣ территорій каменныхъ могилъ средняго Енисея (Колл. Лопатина).

10. Кинжалъ, изображенный въ атласѣ древностей минусинскаго музея на табл. IV, рис. 8. Г. Клеменцъ (стр. 89) описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Головка состоитъ изъ двухъ змѣиныхъ головокъ; на рукояткѣ украшеніе въ видѣ волнъ». Кинжалъ этотъ средней величины, какъ видно изъ данныхъ Клеменцомъ измѣреній: общая длина кинжала въ 24 сантим., рукоятка въ 8 сантим. и клинокъ въ 15 сантим. Найденъ около села Лугавскаго, минусинскаго округа.

11. Большой кинжалъ, найденный въ дер. Табатѣ, минусинскаго округа, и изображенный въ томъ-же атласѣ на табл. IV, рис. 3. Рукоятка прямая и гладкая, со сквознымъ прорѣзомъ, края котораго, судя по рисунку, не отшлифованы. На верхнемъ концѣ ея широкая полоса, соединяющая его съ украшеніемъ, состоящимъ изъ двухъ головокъ (по мнѣнію Клеменца бараньихъ), образующихъ кольцо для привязыванія кинжала. На головкахъ ясно виды глаза и губы. Рога кольцеобразны; въ серединѣ изображающаго ихъ круга находится круглое отверстіе; клинокъ широкій и острый, съ значительнымъ возвышеніемъ по серединѣ.

12. Кинжалъ изъ красной мѣди, довольно хорошей работы; онъ очень крѣпокъ и тяжелъ. Рукоятка, какъ у предыдущаго кинжала, съ прорѣзомъ; послѣ отливки она была округлена и отшлифована, а потому какъ будто состоитъ изъ двухъ круглыхъ стволиковъ, вставленныхъ однимъ концомъ въ украшеніе, находящееся на концѣ рукоятки, а другимъ въ ефесъ. Украшеніе состоитъ изъ двухъ оленьихъ головъ, выходящихъ изъ одной шеи. Головы отличаются очень тщательной отдѣлкой и хорошимъ рисункомъ; рога по обѣимъ сторонамъ каждой головы замѣ-

нены круглыми выступами, образующими овальное отверстіе. Клинокъ отломанъ, но изъ уцѣлѣвшаго куска видно, что онъ былъ очень крѣпокъ, и что въ серединѣ его значительно выдавалась узкая полоса, а по обѣимъ сторонамъ ея находились значительныя желобообразныя углубленія. Найденъ этотъ кинжалъ около села Сѣдельникова, въ красноярскомъ округѣ (Колл. Лопатина).

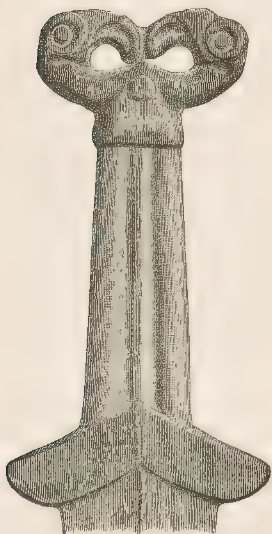
13. Рукоятка кинжала изъ красноватой бронзы, найденная мною близь Абакана, выше устья Аскыза. Она очень крѣпка и довольно хорошей работы. На концѣ ея было овальное, со всѣхъ сторонъ хорошо закругленное, кольцо, изъ котораго значительный кусокъ былъ вырѣзанъ послѣ находки ея. На обѣихъ сторонахъ рукоятки три продольныхъ углубленія одинаковой ширины, изъ которыхъ крайнія находятся близко къ краямъ; онѣ раздѣляются двумя возвышеніями, которыя около ефеса огибаются дугообразными линіями. Рисунокъ очень правиленъ и изященъ. Ефесъ состоитъ изъ двухъ оваловъ, сходящихся въ серединѣ. Оставшаяся у ефеса середина клинка показываетъ, что по серединѣ лезвія находилось значительное и широкое возвышеніе.

Общее обозрѣніе таблицы XI.

Изображенные на этой таблицѣ кинжалы подъ №№ 2—8 показываютъ особый типъ кинжаловъ безъ ефесовъ. Они менѣе всего похожи на кинжалы остальныхъ типовъ, такъ слабы, что ими едва возможно было наноситъ сильный ударъ, и производятъ впечатлѣніе ножей съ двойнымъ остріемъ. Лезвія на концахъ не остры, а по видимому закруглены. Большею частью они отличаются хорошей работой и служили, можетъ быть, скорѣе украшеніемъ, чѣмъ оружіемъ. Кинжалъ подъ № 1 совершенно своеобразнаго типа. № 9 почти такого типа, какъ кинжалъ, изображенный на табл. X, рис. 15. Кинжалъ № 10, по формѣ рукоятки, ближе подходитъ къ кинжаламъ, изображеннымъ на табл. IX, рис. 3 и 9; только вмѣсто колецъ на концѣ здѣсь находится украшеніе изъ змѣиныхъ головокъ. Клинокъ же этого кинжала болѣе всего похожъ на клинки, изображенные на табл. XII, рис. 6, 7, 8 и 12. Рукоятка кинжала № 11 подходитъ къ рукояткѣ на табл. IX, рис. 2, 7 и 12, а клинокъ его къ клинку на табл. IX, рис. 9. Рукоятка на № 12 похожа на рукоятки, изображенныя на табл. IX, рис. 2, 5 и 12. Рукоятка кинжала № 13 отличается отъ рукоятокъ всѣхъ предыдущихъ кинжаловъ не только своеобразнымъ украшеніемъ, но и особой формой ефеса. Что касается украшеній на концѣ рукоятокъ кинжаловъ этой таблицы, то они очень разнообразны. У № 1 потеряна вставка съ украшеніемъ. №№ 2 и 8 съ поперечными полыми валиками. № 9 съ бубенчикомъ, № 13 съ закругленнымъ кольцомъ, а остальные кинжалы (рис. 4—7 и 10—12) съ украшеніями, представляющими головы различныхъ животныхъ, какъ то: лошади (рис. 5, 6, 7), птицы (рис. 4), змѣи (рис. 10), барана (рис. 11) и оленя (рис. 12).

Таблица XII.

1. Кинжалъ большого размѣра изъ красноватой бронзы, очень крѣпкій и тяжелый. По общему типу онъ болѣе всего похожъ на кинжалъ, изображенный на табл. VIII, рис. 2. Рукоятка (см. прилагаемый рисунокъ въ натуральную величину) толста и закруглена. На ней два значительныя углубленія, которыя даютъ ей такой видъ, какъ будто-бы она скована изъ трехъ круглыхъ стволовъ, вставленныхъ въ поперечный поясокъ съ украшеніемъ. У верхняго конца своего рукоятка уже, чѣмъ у ефеса. Украшеніе на концѣ ея состоитъ изъ двухъ птичьихъ головъ, похожихъ на головы фламинго; на эту птицу указываютъ и согнутыя шеи, образующія верхній край поперечнаго пояска. Въ серединѣ между шеями находится круглое возвышеніе въ родѣ пуговки. Головки крайне характеристичны, особенно форма согнутыхъ длинныхъ клювовъ и круглые глаза. Ефесъ довольно простъ и состоитъ изъ двухъ листьевъ, соединенныхъ въ серединѣ. Клинокъ очень крѣпокъ и широкъ, конецъ его острый. По серединѣ видна очень острая грань съ замѣтными на одной сторонѣ углубленіями. Найденъ этотъ кинжалъ около дер. Таскиной, сухобузимской волости, красноярскаго округа (Колл. Лопат. № 33).

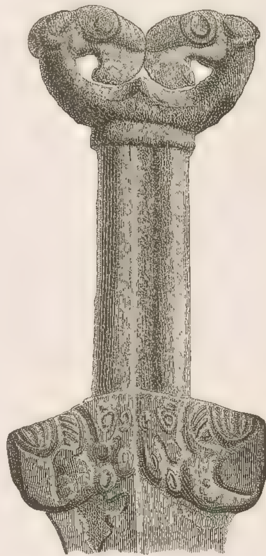

2. Кинжалъ изъ красной мѣди, похожій на предыдущій. Украшеніе его очень неясно. На концѣ рукоятки находится изображеніе двухъ головокъ; къ сожалѣнію не видно, головы какихъ животныхъ здѣсь изображены. Средняя полоса или ефесъ также носитъ на себѣ слѣды какихъ-то неясныхъ изображеній. Сама рукоятка сходна съ рукоятками табл. IX, рис. 3, и табл. XI, рис. 10. Какъ на послѣдней рукояткѣ, такъ и здѣсь, по серединѣ какія-то украшенія,

но они представляютъ не волнообразныя линіи, а рядъ паралельныхъ ломанныхъ линій >>>>>. Клинокъ кинжала сохранился такъ хорошо, что плоскость украшенія, по всей вѣроятности, происходитъ оттого, что форма была повреждена при отливкѣ. Клинокъ крѣпокъ; на обѣихъ сторонахъ его довольно значительныя желобообразныя углубленія. Кинжалъ пріобрѣтенъ г. Лопатинымъ въ минусинскомъ округѣ.

3. Кинжалъ изъ красной мѣди, нѣсколько больше и крѣпче предыдущаго, но совершенно такого-же типа. Этотъ кинжалъ также поврежденъ при отливкѣ; вслѣдствіе этого украшенія не ясно очерчены. На концѣ рукоятки, какъ у предыдущихъ кинжаловъ, изображены двѣ птичьи (?) головки. Средняя полоса ясно показываетъ слѣды изображенія двухъ лежащихъ четвереногихъ животныхъ, обращенныхъ къ клинку, но трудно сказать, какія именно животныя изображены. Клинокъ прямой и крѣпкій; въ серединѣ высоко выдается узкая грань и на обѣихъ сторонахъ ея находятся значительныя желобообразныя углубленія. Кинжалъ этотъ найденъ при паханіи земли около села Сѣдельниковой, на рѣкѣ Бузимѣ, въ 12 верстахъ отъ села Подмысы (Колл Лопат.).

4. Одинъ изъ интереснѣйшихъ кинжаловъ во всей коллекціи г. Лопатина, отличающійся именно тѣмъ, что рукоятка этого кинжала желѣзная, а клинокъ мѣдный. До сихъ поръ полагали, что мѣдь употребляли на инструменты для рѣзанія только потому, что еще не было извѣстно желѣзо, которое своею твердостью далеко превосходитъ мѣдь и потому должно было всегда предпочитаться при изготовленіи такихъ инструментовъ и оружій, которыми должно было преодолѣвать сильное сопротивленіе. Здѣсь-же, въ одномъ и томъ-же кинжалѣ, встрѣчаются оба металла, и клинокъ, т. е. та часть, которая должна была отличаться твердостью, сдѣланъ изъ мѣди, а рукоятка, не требующая такого твердаго матеріала, желѣзная. Такимъ образомъ этотъ кинжалъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что не слѣдуетъ строго отдѣлять такъ называемый мѣдный (бронзовый) вѣкъ отъ вѣка желѣзнаго, т. е. что навѣрное существовалъ переходъ въ жизни жителей бассейна верхняго Енисея, когда оба металла (желѣзо и мѣдь) были извѣстны и одинаково употреблялись при изготовленіи необходимыхъ для народа предметовъ. Совершенное тождество рисунка этой желѣзной рукоятки съ цѣлымъ рядомъ бронзовыхъ рукоятокъ, изображ. на этой таблицѣ, даетъ намъ поводъ думать, что желѣзная рукоятка эта была изготовлена на мѣстѣ и не привезена изъ другой страны, а изящность работы, точно такъ какъ прекрасное выполненіе рисунка, доказываетъ большую опытность и умѣніе ковать желѣзо. Изъ этого мы можемъ заключить, что жителямъ верхняго Енисея желѣзо давно было извѣстно, и что переходный періодъ отъ изготовленія мѣдныхъ орудій къ выдѣлкѣ желѣзныхъ, продолжался довольно долго. Если желѣзные ножи и кинжалы не встрѣтили быстраго распространенія, то это можно объяснить чрезвычайною дороговизною матеріала, такъ какъ желѣзо не добывалось на мѣстѣ, а привозилось

съ юга, можетъ быть изъ Китая, и искусство кованія не было такъ распространено, какъ умѣніе отливать мѣдные и бронзовые предметы. Но все это намъ еще не объясняетъ причины, почему именно здѣсь ручка желѣзная, а клинокъ мѣдный, между тѣмъ какъ мастеръ, изготовившій этотъ кинжалъ, долженъ былъ знать свойство обоихъ металловъ и понять, что желѣзо лучше годится для клинка, а мѣдь для ручки. Я могу объяснить себѣ это весьма странное сочетаніе такимъ образомъ: кинжалъ этотъ сначала весь былъ желѣзный, но впослѣдствіи клинокъ отломился и чтобы извлечь пользу изъ сохранившейся желѣзной рукоятки, собственникъ ея отдалъ мастеру, отлить къ ней мѣдный клинокъ, что̀, при всеобщемъ распространеніи искусства, лить мѣдные и бронзовые предметы, не представило никакихъ затрудненій. Желѣзная рукоятка этого кинжала (см. прилаг. рисунокъ въ натур. велич. на предыд. стр.) совершенно тождественна съ рукоятками двухъ предыдущихъ кинжаловъ. На концѣ ея двѣ головки, на которыхъ очень ясно очерчены глаза и уши; слѣдовательно это не птичьи головки, а головы четвероногихъ животныхъ. Горбатые носы напоминаютъ болѣе всего бараньи носы, только нижнія челюсти слишкомъ длинны и похожи скорѣе на птичьи клювы. На ефесѣ изображены, по моему мнѣнію, два лежащихъ медвѣдя. На это ясно указываютъ голова и ноги этихъ животныхъ и полное отсутствіе хвоста. Спины этихъ животныхъ обращены къ клинку. Послѣдній очень крѣпокъ, широкъ и имѣетъ острый круглый конецъ, который, по-видимому, еще разъ исправленъ и покрытъ вторымъ слоемъ мѣди. Кинжалъ этотъ найденъ въ верхнемъ слоѣ земли, въ окресности села Батени, минусинскаго округа (Колл. Лопатина).

5. Кинжалъ изъ красной мѣди, довольно грубой работы. По общему типу онъ подходитъ къ кинжалу, изображенному на табл. VIII, рис. 2. На концѣ рукоятки плоскій овалъ и широкій поперечный поясокъ. Края округлены, а въ серединѣ широкое желобообразное углубленіе, которое расширяется по направленію къ клинку. Ефесъ состоитъ изъ двухъ кабаньихъ головъ, обращенныхъ мордами внаружу; между ними находится овальное кольцеобразное изображеніе, представляющее общее обѣимъ головамъ ухо. Очертаніе этихъ головъ не совсѣмъ ясно, хорошо видны только выдающіеся изъ нижней челюсти клыки. Клинокъ прямой съ широкимъ концомъ. Кинжалъ этотъ найденъ на поверхности земли около бывшаго улуса Ключи (въ 3 верстахъ отъ улуса Подкамень), ачинскаго округа (Колл. Лопатина).

6. Кинжалъ изъ красной мѣди, по общей формѣ почти тождественный съ кинжаломъ, изображеннымъ на рис. 3. Отдѣлка его такъ груба, что видно только общее очертаніе украшеній рукоятки. По видимому этотъ кинжалъ вышелъ уже въ такомъ видѣ изъ формы, что̀ вѣроятно произошло отъ неумѣлости мастера. Находящійся по серединѣ рукоятки желобъ очень глубокъ; вѣроятно мастеръ намѣревался сдѣлать такой прорѣзъ какъ на рукояткѣ, изображенной на табл. IX, рис. 4; остался же тонкій слой мѣди лишь вслѣдствіе неточности формы. Кли-

нокъ этого кинжала очень крѣпокъ и возвышеніе въ серединѣ его ясно выдается. Только на одной сторонѣ его видны слѣды очень незначительнаго желобообразнаго углубленія. Кинжалъ этотъ найденъ при паханіи земли около озера Ишимскаго, на рѣкѣ Бузимъ (Колл. Лопат. № 29).

7. Маленькій кинжалъ изъ желтоватой мѣди, довольно хорошей работы. Очертанія украшеній ясно указываютъ на то, что форма была изготовлена очень точно, но что послѣ отливки кинжалъ этотъ вовсе не былъ очищенъ. На концѣ рукоятки нѣтъ ни поперечнаго валика, ни кольцеобразнаго овала, но конецъ такой-же ширины, какъ и сама рукоятка. Края послѣдней выдаются узкою полосою и на плоскости между этими краями довольно изящныя рельефныя волнообразныя украшенія. Ефесъ состоитъ изъ двухъ кабаньихъ головъ, обращенныхъ мордами внаружу; овалъ, образующій общее этимъ двумъ головамъ ухо, гораздо меньше, чѣмъ на кинжалѣ, изображенномъ на рис. 5. Головы, образующія ефесъ, не равны: одна короче и немного поднята вверхъ; на головахъ этихъ ясно видны очертанія глазъ, морды и клыковъ. Форму клинка нельзя опредѣлить, такъ какъ конецъ отломанъ и острія сильно повреждены. Ясно видны только высоко выдающіяся середины и глубокія желобообразныя углубленія по обѣимъ сторонамъ ея. Найденъ этотъ кинжалъ въ дер. Шуваевой, красноярскаго округа (Колл. Лопат. № 51).

8. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, покрытый самой изящной темнозеленой патиной. На концѣ рукоятки (см. прилаг. рис. въ натур. велич. на предыд. стр.) двѣ, отлично изображенныя, головки животныхъ (вѣроятно барановъ). На этихъ головахъ ясно видны глаза, морда и нижнія челюсти. Толщина головъ относительно изображена вѣрно; она оказывается гораздо естественнѣе, когда смотришь на нихъ сверху. Всѣ четыре уха отодвинуты отъ головъ, такъ что разстояніе между ушами каждой головы болѣе одного сантиметра. Рукоятка по общей формѣ похожа на рис. 3 и 6, но отличается изяществомъ; она очень толста, но узка и тщательно округлена со всѣхъ сторонъ, такъ что ее очень удобно держать въ рукѣ. Ефесъ толстъ и удобно прилегаетъ къ рукѣ. На немъ изображены два лежащія четвероногія животныя, обращенныя спинами къ лезвію. Очертанія этихъ животныхъ неясны, такъ что нельзя догадаться, какія это животныя здѣсь изображены. На наружномъ краѣ какъ будто видны слѣды хвостовъ; головы, кажется, длинны и узки, ноги тонки. Все это указывало бы на изображеніе собакъ или лисицъ. Клинокъ кинжала изящной формы, середина его выдается узкою гранью, и по бокамъ ея глубокія ложбинки. Конецъ его очень остеръ. Найденъ этотъ кинжалъ около дер. Каменки, въ минусинскомъ округѣ (Колл. Лопат. № 28).

9. Кинжалъ изъ красноватой бронзы, очень хорошей работы, по общему типу похожій на предыдущій. На концѣ рукоятки (см. прилаг. рис. въ натур. велич.) такое-же укра-

шеніе, только головки безъ сомнѣнія птичьи. Клювы отогнуты внизъ и очень длинны, какъ у головокъ на № 1. Головы ясно отдѣляются отъ клювовъ, глаза большіе и ясно очерчены. На наружныхъ краяхъ головокъ выставлены уши съ круглыми раковинами и спиральными очертаніями, такъ что можно сомнѣваться въ томъ, изображены-ли здѣсь уши или маленькіе рога. Шеи длины и согнуты, такъ что и эти головки, не смотря на уши, по видимому изображаютъ головы фламинго. Рукоятка узка и со всѣхъ сторонъ округлена; на каждой сторонѣ находятся по два желобообразныхъ углубленія, такъ что рукоятка какъ будто скована изъ трехъ мѣдныхъ стволовъ, совершенно такъ, какъ на № 1. Средняя полоса или ефесъ и здѣсь состоитъ изъ двухъ лежащихъ медвѣдей, обращенныхъ спинами къ рукояткѣ. Что здѣсь изображены медвѣди, на это указываютъ отсутствіе хвоста и длинныя лапы съ четырьмя пальцами. Черты, отмѣчающія форму туловища этихъ животныхъ, очень глубоко врѣзаны, что на первый взглядъ затрудняетъ пониманіе рисунка. Клинокъ этого кинжала сравнительно узокъ, средняя возвышенная грань является продолженіемъ средней черты рукоятки. Конецъ клинка поврежденъ, но еще ясно видно, что онъ былъ острый и четырехгранный. Найденъ этотъ кинжалъ въ минусинскомъ округѣ, на пашнѣ около дер. Бородиной, на рѣкѣ Коксѣ, впадающей въ Енисей слѣва (Колл. Лопат. № 31).

10. Кинжалъ такого-же типа, но меньше предыдущаго. На концѣ птичьи головки съ ушами и со сходящимися въ серединѣ клювами. Шеи этихъ головъ очень тонки и съ острыми краями. Между рукояткою и украшеніемъ на концѣ ея находится поперечный поясокъ, въ видѣ витого шнурка. Рукоятка состоитъ какъ-бы изъ трехъ палочекъ, но углубленія, раздѣляющія ихъ, очень узки. На ефесѣ изображены два стоящіе медвѣдя, обращенные спинами къ клинку. Ноги и головы ихъ очень характеристичны, такъ что нельзя сомнѣваться въ томъ, что это медвѣди. Клинокъ узокъ и сравнительно длиненъ, совершенно такъ, какъ на рис. 9. Найденъ этотъ кинжалъ на берегу рѣки Абакана (Коллекція Лопатина).

11. Кинжалъ очень большого размѣра, изъ золотистой бронзы, весьма крѣпкій и тяжелый, прекрасной работы, покрытый изящной темнозеленой патиной. По украшеніямъ рукоятки (см. прилаг. рисун. въ натур. велич.) кинжалъ этотъ болѣе всего подходитъ къ № 5, но вмѣсто овальной пластинки на концѣ рукоятки здѣсь изображены два четвероногія животныя, прислонившіяся спинами другъ къ другу; на каждой сторонѣ видны одно животное цѣликомъ и шея и головки отъ другого. Животныя эти стоятъ на колѣняхъ переднихъ ногъ, по этому шея и голова наклонены внизъ такъ, что они лбами прикасались бы къ землѣ; на заднихъ ногахъ они стоятъ такъ, что пятки упираются въ землю. На задней части каждаго животнаго видѣнъ длинный, пушистый, доходящій до пятки, хвостъ. Уши большія, продолговатыя, пригнутыя къ

шеѣ. Судя по формѣ хвоста, это или кошки или лисицы; на первыхъ указываютъ и круглая голова и согнутыя шеи. На рукояткѣ находятся три желобообразныхъ углубленія. Съ боковъ рукоятка тщательно округлена, такъ что ее очень удобно держать въ рукѣ. Средняя полоса состоитъ изъ двухъ кабаньихъ головъ, обращенныхъ лбами къ клинку. Находящееся въ серединѣ общее ухо по формѣ очень характеристично; по обѣимъ сторонамъ ушей узкіе, наклонно расположенные, глаза. Не менѣе типичны рыла и выступающіе вверхъ клыки. Рисунокъ этихъ головъ даетъ намъ возможность объяснить себѣ неясные рисунки такихъ-же головъ на №№ 5 и 7. Клинокъ широкъ, длиненъ, съ круглымъ острымъ концомъ, отличается прекрасной работой и очень правиленъ. Выдающаяся въ серединѣ полоса очень узка. Найденъ этотъ кинжалъ около дер. Каменки, на правомъ берегу Енисея (Колл. Лопатина).

12. Кинжалъ малый, изъ желтоватой бронзы, очень хорошей работы. На концѣ рукоятки овальное украшеніе изъ двухъ бараньихъ головъ, не очень характеристичныхъ. Рукоятка не крѣпка и закруглена съ боковъ. По краямъ ея возвышается полоса, а между ними гладкая плоскость безъ всякаго украшенія. Ефесъ образуютъ два сидящіе медвѣдя (?), касающіеся другъ друга лбами и обращенные спинами къ клинку. Послѣдній очень изященъ и сравнительно немного шире, чѣмъ у предыдущаго кинжала; конецъ его острый и круглый. Кинжалъ покрытъ хорошей патиною. Пріобрѣтенъ онъ мною недалеко отъ г. Минусинска, гдѣ онъ былъ найденъ на пашнѣ.

Общее обозрѣніе таблицы XII.

Таблица эта изображаетъ различные кинжалы, украшенія которыхъ состоятъ изъ фигуръ животныхъ. Овалы на концѣ рукоятокъ (см. табл. IX, рис. 7—11) или соединеніе двухъ колецъ (см. рис. 3), замѣнены здѣсь двумя головами животныхъ, шеи которыхъ соотвѣтствуютъ наружному изгибу колецъ. По-этому мы можемъ смотрѣть на эти украшенія какъ на дальнѣйшую разработку типа кинжаловъ, указанныхъ на табл. IX. Овальное неправильное кольцо, только напоминающее головы животныхъ, мы видимъ на № 6; птичьи головы натуральныя (фламинго) на №№ 1, 2, 3; птичьи головы съ ушами на №№ 9 и 10; головы четвероногихъ животныхъ на №№ 8, 12. Украшеніе на концѣ рукоятки № 11 представляетъ другой типъ и является дальнѣйшимъ развитіемъ овальныхъ пластинокъ (см. № 5). Только на одномъ кинжалѣ (№ 7) нѣтъ никакихъ украшеній на концѣ рукоятки. Ефесъ также украшенъ частями животныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ считаться развитіемъ ефеса, изображеннаго подъ № 1, гдѣ сторона, обращенная къ рукояткѣ, образуется прямыми линіями. На нихъ животныя расположены такъ, что прямая линія представляетъ поверхность земли, на которой они лежатъ. Къ кинжаламъ съ такими ефесами принадлежатъ №№ 2, 3, 4, 8, 10, 12. Дальнѣйшимъ развитіемъ ефесовъ, на которыхъ дугообразное очертаніе обращено къ рукояткѣ (см. табл. X, рис. 2, 4 и табл. VIII, рис. 9, 10, 11), долженъ считаться кинжалъ № 9. Наконецъ ефесы кинжаловъ №№ 5, 7, 11 можно принять за развитіе первоначальныхъ формъ ефесовъ, указанныхъ на табл. VII, рис. 1, 3, 7, 8. Совсѣмъ особенною формою отличается рукоятка кинжала № 7.

Таблица XIII.

1. Рукоятка кинжала изъ красноватой бронзы, того типа, который изображ. на табл. IX, рис. 1, 2, 5. На концѣ продолговатая пластинка, снаружи дугообразная, въ видѣ сегмента круга. Въ срединѣ рукоятки правильныя вырѣзки. Ефесъ по своей формѣ похожъ на пластинку на концѣ рукоятки. Послѣдняя очень крѣпка, тщательно отшлифована и очень удобно держится въ рукѣ. Въ нее вставленъ желѣзный клинокъ, такъ плохо сохранившiйся, что форму его опредѣлить нельзя, но очень искуссно вставленный въ ефесъ. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около деревни Байкаловой, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 48).

2. Кинжалъ маленькiй такого-же типа, только вмѣсто вырѣзки на рукояткѣ широкое, довольно значительное углубленiе. Этотъ кинжалъ очень хорошей работы и тщательно отшлифованъ. Отъ желѣзнаго клинка осталась только незначительная часть, не дающая никакого понятiя о первоначальной формѣ его. Найденъ этотъ кинжалъ на пашнѣ около села Кавказскаго, въ тесинской волости, минусинскаго округа (Колл. Лопат. № 41).

3. Кинжалъ такого-же типа, какъ предыдущiй. Клинокъ желѣзный, а рукоятка изъ красноватой бронзы. Пластинка на концѣ рукоятки такой-же формы, какъ на № 1, сама же рукоятка какъ на № 2. На одной сторонѣ въ углубленiи бронза отскочила вся, а на другой сторонѣ, изображенной на таблицѣ, лишь незначительное поврежденiе бронзы. Отсюда ясно видно, что не только клинокъ желѣзный, но и рукоятка до самаго верху, составляетъ одинъ кусокъ съ клинкомъ и что желѣзо только покрыто тонкимъ слоемъ бронзы. Такъ какъ вся бронзовая облицовка состоитъ изъ одного сплошного слоя, то этотъ кинжалъ ясно указываетъ, что желѣзная часть рукоятки была вставлена въ форму, въ которую потомъ вылита бронза. Отливка эта исполнена очень искуссно, и исполнившiй эту работу мастеръ хорошо, должно быть, былъ знакомъ со свойствомъ желѣза. Кинжалъ этотъ очень крѣпокъ, не смотря на то, что желѣзный клинокъ его въ $^1/_2$ тоньше мѣдныхъ клинковъ такой-же величины. На одной сторонѣ клинка замѣтно утолщенiе средней полосы, но продольныхъ углубленiй по сторонамъ ея вовсе не видно. Найденъ этотъ кинжалъ близь села Установа, красноярскаго округа (Колл. Лопатина).

4. Кинжалъ, состоящій изъ желѣзной рукоятки и клинка изъ красноватой бронзы. Рукоятка въ отношеніи къ клинку очень тонка и слаба, и сильно пострадала отъ вліянія сырости. Прежде она была немного толще, чѣмъ теперь, какъ это видно изъ того, что, судя по очертанію украшенія на концѣ рукоятки, здѣсь были изображены двѣ бараньи головы, и что одинъ бокъ поперечной полосы ниже этого украшенія остался безъ особыхъ поврежденій. Несообразность между желѣзной ручкой и мѣднымъ клинкомъ ясно показываетъ, что рукоятка не была сдѣлана именно для этого кинжала, а будучи отломана, поступила опять въ дѣло: ее вставили въ грубую, имѣвшуюся въ рукахъ мастера, форму, въ которой впослѣдствіи отлиты мѣдный клинокъ и ефесъ. Кинжалъ этотъ найденъ около села Бирскаго, въ минусинскомъ округѣ (Колл. Лопатина).

5. Кинжалъ желѣзный, по своей формы тождественный съ кинжаломъ, изображ. на табл. VII, рис. 10 и 12, такъ что онъ относится къ періоду изготовленія мѣдныхъ издѣлій въ енисейской долинѣ. Кинжалы желѣзные, у которыхъ рукоятка и клинокъ состоятъ изъ одного куска, могъ изготовлять только народъ, который или не зналъ еще свойства желѣза, или по привычкѣ придерживался прежнихъ формъ своего оружія. Что эти желѣзные кинжалы употреблялись уже въ то время, когда еще мѣдные и бронзовые кинжалы были въ общемъ употребленіи, на это ясно указываютъ бронзовые клинки съ желѣзными рукоятками (см. табл. XII, рис. 4, и табл. XIII, рис. 4). Рукоятка очень тонка и ее не удобно держать въ рукѣ. Въ поперечной пластинкѣ пробито пять четыреугольныхъ отверстій; пять отверстій находятся въ самой рукояткѣ. Отверстія эти совершенно одинаковой величины и послѣ пробитія ихъ вѣроятно пришлось еще разъ выправить рукоятку ударами молотка. Это доказывается послѣднимъ отверстіемъ, которое, при выбивкѣ молоткомъ поперечнаго верхняго крайняго возвышенія, до половины опять уничтожено. Кинжалъ найденъ мною недалеко отъ кызыльской управы, около Чернаго Юса.

6. Желѣзный кинжалъ безъ ручки и ефеса. Здѣсь только клинокъ указываетъ на форму мѣдныхъ кинжаловъ. На широкомъ концѣ его по бокамъ находятся углубленія для вставки ефеса. Рукоятка, можетъ быть, была обмотана ремнемъ. Но возможно и другое предположеніе: можетъ быть это еще неоконченный отдѣлкою кинжалъ, т. е. желѣзный клинокъ, который должно было вставить въ форму для облицеванія его слоемъ бронзы, какъ на кинжалѣ № 3. На это указываютъ расширеніе на верхнемъ концѣ рукоятки и маленькое ушко на нижнемъ концѣ его. Облицевка бронзовая при такой формѣ желѣзной части рукоятки должна было держаться очень крѣпко. Я купилъ этотъ кинжалъ около устья Аскыса, въ одномъ изъ сагайскихъ ауловъ.

7. Желѣзный кинжалъ, по общей формѣ очень похожій на кинжалъ, изображ. на табл. XII, рис. 4. Украшеніе на концѣ рукоятки состоитъ не изъ птичьихъ головъ, а изъ двухъ спиралей, служащихъ подражаніемъ, только формой своей, украшенію изъ головокъ, изображенныхъ на табл. XII, рис. 1—4. Поперечная полоса ефеса исполнена очень правильно и отчетливо и показываетъ большое умѣніе ковать желѣзо. Сама рукоятка по своей формѣ похожа на рукоятки, изображ. на табл. XII, рис. 1, 9, 10, 11. Клинокъ сравнительно длиненъ и узокъ и формой своей отличается отъ клинковъ мѣдныхъ и бронзовыхъ, какъ этого требуетъ свойство желѣза. Я купилъ этотъ кинжалъ въ тесинской волости, минусинскаго округа.

8. Желѣзный маленькій кинжалъ, судя по общему типу, сдѣланный по образцу мѣдныхъ кинжаловъ. Рукоятка и клинокъ очень изящны, но до того тонки, что невозможно было употре-

блять мѣдный кинжалъ такихъ размѣровъ, такъ какъ мягкость этого металла требуетъ болѣе массивной работы. Найденъ близь г. Красноярска, на пр. берегу Енисея (Колл. Лопатина).

9. Кинжалъ желѣзный, большаго размѣра. Рукоятка проста и плоска, какъ у кинжаловъ, изображ. на табл. VIII. На концѣ ея широкій поперечный поясокъ, и на внѣшнихъ краяхъ его два украшенія, только напоминающія птичьи головки и клювы. Такія тонкія украшенія возможно было ковать лишь изъ желѣза. Ефесъ и клинокъ этого кинжала ближе всего подходятъ на изображ. на табл. VII, рис. 11, только ефесъ болѣе изогнутъ и концы его гораздо болѣе заострены. На клинкѣ находятся три глубокихъ продольныхъ углубленія. По формѣ своей этотъ клинокъ отличается отъ бронзовыхъ и мѣдныхъ клинковъ тѣмъ, что онъ сначала уже, потомъ расширяется и снова переходитъ въ очень острый конецъ. Я купилъ этотъ кинжалъ на правомъ берегу Енисея, верстахъ въ 40 отъ Минусинска.

10. Кинжалъ желѣзный средней величины, съ большимъ кольцомъ на концѣ рукоятки, очень похожій на кинжалъ, изображ. на табл. IX, рис. 8. Рукоятка болѣе закруглена, средняя полоса ея гораздо тоньше рукоятки и клинка и немного выдается острыми концами падъ краями ручки. Клинокъ уже и тоньше клинковъ мѣдныхъ и имѣетъ острый плоскій конецъ. Кинжалъ этотъ купленъ мною у Качинцевъ, къ С. отъ рѣки Аскыса, недалеко отъ берега Абакана.

Общее обозрѣніе таблицы XIII.

На этой таблицѣ изображены кинжалы, указывающіе на употребленіе желѣза, въ то время, когда еще были въ ходу бронзовая издѣлія. По видимому (см. № 4 и также табл. XII, рис. 4) желѣзо уже было въ употребленіи, когда приготовлялись еще мѣдные клинки. Практическое сочетаніе обоихъ металловъ мы видимъ на кинжалахъ №№ 1—3, гдѣ рукоятки облицеваны гладкимъ и болѣе удобнымъ для придерживанія рукою металломъ (мѣдью и бронзою), а клинокъ сдѣланъ изъ болѣе твердаго металла, желѣза. Остальные кинжалы этой таблицы желѣзные, указывающіе только формой своей, что они принадлежатъ еще къ періоду изготовленія мѣдныхъ издѣлій. Одновременное употребленіе мѣди и желѣза для оружія и рѣзакъ могло произойти только оттого, что желѣзо считалось болѣе цѣннымъ металломъ, и потому еще не было доступно для общаго употребленія. Вѣроятно въ самомъ началѣ желѣзо привозилось купцами къ верхнему Енисею съ юга; кромѣ того, не всякій мастеръ умѣлъ дѣлать изъ него необходимыя вещи, между тѣмъ какъ умѣніе отливать кинжалы изъ мѣди и бронзы было распространено повсемѣстно (на это главнымъ образомъ указываетъ исправленіе желѣзныхъ кинжаловъ посредствомъ прикрѣпленія къ нимъ бронзовыхъ клинковъ). Эти обстоятельства возвысили цѣнность желѣзныхъ кинжаловъ и мѣшали быстрому ихъ распространенію. Только тогда, когда жители енисейскаго бассейна научились сами добывать желѣзо, цѣна послѣдняго должна была понизиться и вполнѣ вытѣснить употребленіе мѣди на такія вещи, которыя требовали болѣе всего твердости матеріала. Что переходное время продолжалось довольно долго, на это указываютъ множество и разнообразіе формъ найденныхъ желѣзныхъ инструментовъ, свидѣтельствующихъ формой своей о тѣсной связи съ періодомъ изготовленія бронзовыхъ издѣлій.

Таблица XIV.

1. Кинжалъ желѣзный, сдѣланный совершенно по типу мѣдныхъ кинжаловъ, изображ. на табл. IX, рис. 5. Рукоятка прямая, безъ украшеній. На концѣ ея поперечный прорѣзъ для проведенія ремня. Ефесъ прямой, какъ на кинжалѣ, изображ. на табл. IX, рис. 3. Клинокъ по формѣ своей напоминаетъ мѣдные клинки, но онъ гораздо тоньше ихъ. Средняя полоса (ефесъ) въ серединѣ почти вдвое толще рукоятки. Отдѣлка этого кинжала очень проста, но довольно тщательна. Найденъ на правомъ берегу Енисея, на пашняхъ, недалеко отъ Минусинска (Колл. Лопатина).

2. Кинжалъ желѣзный, такого-же типа какъ предыдущій. На концѣ рукоятки поперечный четырехгранный стволикъ, который почти втрое длиннѣе ширины рукоятки. Стволикъ этотъ прикасается къ другому стволу, который немного толще перваго, но втрое короче. Рукоятка сама состоитъ изъ двухъ четырехгранныхъ стволиковъ, прикрѣпленныхъ съ одной стороны къ маленькому поперечному стволу, а съ другой къ самому клинку, который длиннѣе и уже мѣдныхъ клинковъ. Два ствола, образующіе рукоятку, въ самой серединѣ ударами молотка вогнуты во внутрь, такъ что соприкасаются краями. Это сдѣлано, кажется, нарочно, чтобы рукоятку удобнѣе было держать рукою. Клинокъ очень тонокъ; въ серединѣ выдается острая, возвышенная грань, а по бокамъ ея видны слѣды довольно значительныхъ желобообразныхъ продольныхъ углубленій. Остріе клинка по-видимому довольно часто оттачивалось, что̀ указываетъ на то, что кинжалъ этотъ употреблялся для рѣзанія. Найденъ при пахані земли около дер. Кордачины, на рѣкѣ Ареи, въ 17 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопатина).

3. Кинжалъ желѣзный, очень крѣпкій и тяжелый. На концѣ рукоятки длинный поперечный прорѣзъ, образующій какъ-бы кольцо для продѣванія ремня. Рукоятка состоитъ изъ широкаго поперечнаго пояска и двухъ широкихъ толстыхъ полосъ, съ острыми краями внутри ручки, и округленными краями снаружи. Между этими полосами правильное четыреугольное отверстіе. По серединѣ кинжала прямая поперечная полоса, въ серединѣ толстая, съ заостренными концами. Клинокъ, широкій и прекрасно кованный, по формѣ своей похожъ на мѣдные клинки. Края его

остры и очень хорошо сохранились, такъ что этотъ кинжалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится, еще теперь можно употребить для рѣзанія. Мѣсто находки не указано (Колл. Лопатина).

4. Кинжалъ желѣзный совершенно такого-же типа, отличающійся отъ предыдущаго только тѣмъ, что онъ длиннѣе и не такъ массивенъ. Поперечный поясокъ на концѣ рукоятки уже; клинокъ узокъ и длиненъ и по формѣ ясно отличается отъ мѣдныхъ клинковъ. Одна сторона его повидимому повреждена, другая сохранилась прекрасно. Найденъ на пашнѣ около села Мурина, тесинской волости, недалеко отъ Минусинска (Колл. Лопатина).

5. Кинжалъ желѣзный, совершенно своеобразнаго типа. Рукоятка плоска и окаймлена выдающимися толстымъ краемъ. Она имѣетъ форму обыкновенныхъ рукоятокъ, только на концѣ она значительно расширяется и образуетъ довольно правильный кругъ. Ефесъ очень толстъ, но узокъ, и выдается заостренными концами. Что касается клинка, то настоящій его видъ не позволяетъ судить о прежней его формѣ. Онъ отточенъ послѣ нахожденія, при чемъ вѣроятно отскочили поврежденныя сыростью края, и повидимому употреблялся въ настоящемъ видѣ нашедшими его крестьянами. Мѣсто находки его не указано (Колл. Лопатина).

6. Желѣзный кинжалъ, весьма хорошей работы. Два кольца, находящіяся на концѣ рукоятки, очень правильно выкованы. Рукоятка тонка и со всѣхъ сторонъ закруглена; по формѣ своей она уже отличается отъ рукоятокъ мѣдныхъ и бронзовыхъ кинжаловъ. Найденъ на пашняхъ села Малая Инья, тесинской волости, недалеко отъ Минусинска (Колл. Лопатина).

7. Желѣзный кинжалъ особаго типа. Рукоятка состоитъ изъ четырехъ поперечныхъ поясковъ, между которыми расположены три круга съ круглыми отверстіями. На концѣ рукоятки поперечная полоса вдвое длиннѣе ширины ручки. Полоса эта въ серединѣ дугообразна; между ней и рукояткой маленькое круглое отверстіе. Концы поперечной полосы изогнуты вверхъ. Ефеса, отдѣляющаго клинокъ отъ рукоятки, нѣтъ. Клинокъ сильно поврежденъ, такъ что прежней формы его не видно. Кинжалъ этотъ найденъ въ пескѣ въ урочищѣ Боръ, около деревни Базаихи, енисейской губерніи (Колл. Лопатина).

8. Желѣзный кинжалъ, очень изящной работы, прекрасно сохранившійся и совершенно тождественный съ бронзовымъ кинжаломъ, изображ. на табл. XII, рис. 10. Изображенія животныхъ на концѣ рукоятки и на ефесѣ исполнены прекрасно, вполнѣ сохранили свои очертанія и свидѣтельствуютъ о большомъ умѣніи обработывать желѣзо. На концѣ рукоятки двѣ птичьи головы съ ушами и большими выразительными глазами; согнутые внизъ и очень острые клювы похожи на клювы хищныхъ птицъ. Всѣ головы и клювы изображены замѣчательно отчетливо, даже въ деталяхъ. Рукоятка очень крѣпка и почти кругла; она соединена тонкимъ поперечнымъ пояскомъ, съ украшеніемъ на концѣ. По серединѣ рукоятки находятся два параллельныя углубленія, раздѣленныя одно отъ другого острой полосой, доходящей острымъ краемъ до уровня наружныхъ круглыхъ краевъ рукоятки. На ефесѣ изображены два лежащихъ медвѣдя, обращенныхъ спинами къ клинку. Въ томъ, что здѣсь изображены медвѣди, не можетъ быть никакого сомнѣнія: на это указываютъ форма ушей и головы и открытыя пасти съ большими зубами, равно какъ отсутствіе хвостовъ. По обѣимъ сторонамъ ефеса находятся отверстія, образуемыя пространствомъ между задними и передними ногами медвѣдей. Эти отверстія не ясно видны на

рисункѣ; они находятся на томъ мѣстѣ, гдѣ на рисункѣ значится сильная тѣнь. Клинокъ очень толстъ, съ сильно выдающейся острой гранью по срединѣ; по бокамъ его находятся глубокія желобообразныя ложбины, такъ что этотъ клинокъ вовсе не похожъ на желѣзные клинки остальныхъ кинжаловъ, а сдѣланъ совершенно такъ, какъ клинки бронзовые или мѣдные. Найденъ на пашнѣ около села Батой, въ 25 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопатина).

9. Кинжалъ желѣзный, такого-же типа, какъ предыдущій, прекрасной работы и вполнѣ сохранившійся. На концѣ рукоятки находятся изображенія двухъ птичьихъ головъ; четыре выдающіеся наружные края не образуютъ ушей, а глаза и голову, изъ которыхъ выходятъ длинные, нѣсколько согнутые клювы, прикасающіеся другъ къ другу острыми концами. Ниже этихъ клювовъ круглые мѣшки, доходящіе до нижнихъ частей головъ; въ срединѣ этихъ мѣшковъ круглыя сквозныя отверстія. Я думаю, что это головы пеликановъ. Ефесъ образуется также изъ двухъ головъ пеликановъ, въ мѣшкахъ которыхъ также сквозныя отверстія. Но такъ какъ здѣсь рисунокъ больше, то ясно видно, что если мы обратимъ верхнія челюсти пеликановъ внизъ, то мѣшки на нижнихъ челюстяхъ образуютъ головы двухъ хищныхъ птицъ, обращенныхъ клювами во внутрь ефеса, и что отверстія образуютъ глаза этихъ головокъ. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фантастическимъ соединеніемъ линій, образующихъ очертанія птичьихъ головъ, для образованія украшенія изъ согнутыхъ линій (въ родѣ арабесокъ). Поперечный поясокъ, находящійся ниже украшенія, на концѣ рукоятки, состоитъ изъ изображенія двухъ витыхъ шнурковъ. Рукоятка кинжала почти кругла; на обѣихъ сторонахъ широкія углубленія между двумя параллельными возвышенными краями. Дно этихъ углубленій плоско и на немъ находятся рельефные узоры, состоящіе изъ трехъ красиво согнутыхъ линій, по формѣ похожихъ на верхнюю часть вопросительнаго знака, или на латинскую букву S, либо знака §. Клинокъ этого кинжала очень толстъ и крѣпокъ; въ срединѣ выдается острая грань, начинающаяся отъ ефеса и доходящая до конца клинка, а по бокамъ ея находятся глубокія желобообразныя углубленія. Конецъ клинка совершенно закругленъ. Такимъ образомъ этотъ клинокъ имѣетъ вполнѣ форму мѣдныхъ или бронзовыхъ клинковъ большихъ кинжаловъ. Найденъ при паханіи земли, около села Кордачина, въ 14 верстахъ отъ Красноярска (Колл. Лопатина).

10. Кинжалъ желѣзный, очень крѣпкой и простой работы. Общая форма его представляетъ новый типъ, свойственный только желѣзнымъ кинжаламъ. Рукоятка его со всѣхъ сторонъ закруглена, въ срединѣ шире, чѣмъ по концамъ. На концѣ длинная закругленная палочка, концами нѣсколько согнутая вверхъ. Ефесъ узокъ и очень толстъ. Клинокъ его очень широкъ и почти плосокъ и тонокъ, онъ совершенно не похожъ на клинки мѣдныхъ кинжаловъ. Конецъ его отломанъ. Этотъ кинжалъ найденъ около села Ужуръ, ачинскаго округа (Колл. Лопатина).

11. Желѣзный кинжалъ такого-же типа, какъ предыдущій, но меньшаго размѣра. Рукоятка очень крѣпка и является дальнѣйшимъ развитіемъ рукоятки предыдущаго кинжала. Она очень толста, почти кругла, и на концахъ втрое меньше объемомъ, чѣмъ въ срединѣ. Поперечная палочка совсѣмъ кругла. Ефесъ узокъ, но очень толстъ. Клинокъ такой широкій, плоскій и тонкій, какой можно было сдѣлать лишь изъ такого твердаго металла, какъ желѣзо. Конецъ клинка не заостренъ. Мѣсто находки неизвѣстно (Колл. Лопатина).

12. Желѣзный кинжалъ большого размѣра и такого-же типа, какъ предыдущій. На концѣ рукоятки очень толстая четырехгранная пластинка съ согнутыми концами, образующими какъ-бы сплющенные шарики. Рукоятка очень крѣпка, закруглена и нѣсколько утолщена по направленію къ ефесу. Послѣдній образуетъ толстая дугообразная полоса съ приподнятыми и круглыми концами. Клинокъ узокъ и длиненъ, при этомъ толстъ, съ высоко выдающейся гранью по серединѣ. Онъ болѣе похожъ на мѣдные клинки кинжаловъ; конецъ его остеръ и нѣсколько закругленъ. Мѣсто находки не указано (Колл. Лопатина).

13. Желѣзный кинжалъ, представляющій высшее развитіе типа желѣзныхъ кинжаловъ. По формѣ онъ очень изященъ и, хотя легокъ, но все-таки очень крѣпокъ и твердъ. Украшеніе на концѣ рукоятки состоитъ изъ круглой палочки съ утолщенными концами, которые согнуты въ спираль и образуютъ два соприкасающіяся въ серединѣ кольца. Узкій поясокъ соединяетъ это украшеніе съ круглой рукояткой. Ефесъ относительно малъ, но крѣпокъ. Клинокъ длиненъ и узокъ. Кинжалъ этотъ найденъ въ минусинскомъ округѣ, на пашнѣ около села Городчинскаго, на рѣкѣ Тубѣ, впадающей въ Енисей (Колл. Лопатина).

Общее обозрѣніе таблицы XIV.

Желѣзные кинжалы, изображенные на этой таблицѣ, были привезены г. Лопатинымъ въ С.-Петербургъ тогда, когда предыдущая XIII-я таблица уже была окончена. По этому желѣзные кинжалы, принадлежащіе, безъ сомнѣнія, ко времени выдѣлки мѣдныхъ издѣлій на верхнемъ Енисеѣ, не приведены въ томъ порядкѣ, какой требовало постепенное развитіе ихъ формъ. Желѣзные кинжалы эти сначало должны были являться простымъ подражаніемъ различныхъ типовъ мѣдныхъ и бронзовыхъ кинжаловъ. Такъ какъ привозимое съ юга желѣзо сначала имѣло высокую цѣну, то только богатые люди могли обзаводиться желѣзными кинжалами; по этому наиболѣе похожія на мѣдные кинжалы формы желѣзныхъ кинжаловъ отличаются богатыми украшеніями и узорами. Къ такимъ кинжаламъ принадлежатъ экземпляры, изображенные на табл. XIV, рис. 8 и 9 и на табл. XIII, рис. 5, 6, 7 и 9. Потомъ перемѣнилась форма клинковъ, а форма рукоятокъ почти осталась такою, какую мы видимъ на мѣдныхъ кинжалахъ. Кинжалы этого типа см. на табл. XIII, рис. 10 и на табл. XIV, рис. 1, 2, 3, 4. Нѣсколько измѣненъ видъ рукоятокъ на кинжалахъ, изображ. на табл. XIII, рис. 5 и 7. Наконецъ вполнѣ установился своеобразный типъ желѣзныхъ рукоятокъ кинжаловъ, см. табл. XIV, рис. 6, 10, 11, 12 и 13.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

IV.

Изъ рукоп. XVII вѣка (Юр. Крижанича?), принадлежащей Импер. Публичной Библіотекѣ [1]).

Sciendum est Tataris Sibiriensibus in more esse, ut cum nobilioribus viris arma et vasa argentea et equorum ornamenta sepeliant addita interdum pecunia [2]). Cum ibi essem, obiit quidam Bucharus, vocabulo (по друг. рукоп. appellatione) Murat. Fama ferebatur octo milia rublorum (id est aureorum) cum illo fuisse sepulta. Illius sepulcrum cum quidam Mosci milites tentassent refodere et accusati fuissent, taureis castigati fuerunt. Exstant autem in Sibiria antiquorum Scytharum sepulcra ignota, supra quae jam virgulta aut silvae enatae sunt, quaeque non aliter, quam magica daemoniorum ope reperiri possint. Nonnulli igitur se propterea magiae addicunt et repertis talibus sepulturis interdum nonnihil argenti effodiunt. Ipse vidi vasa argentea eo modo effossa.

V.

Изъ дѣлъ Государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ [3]).

Его Императорскаго Величества кабинета къ секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову писано: въ 1708 году въ сибирской губернской канцеляріи въ каменномъ столбѣ найдена копія съ экстракта, которая въ Москвѣ въ золотой полатѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его царскому величеству государю, царю Алексѣю Михайловичу, въ 178 (1670) году поднесена, въ которой написано:

Въ прошедшемъ во 177-мъ году, въ вѣдомостяхъ сибирской губерніи изъ Тобольска показано, что въ тобольскомъ уѣздѣ, около р. Исети и во окружности оной, русскіе люди въ татарскихъ могилахъ или кладбищахъ выкапываютъ золотыя и серебряныя всякія вещи и посуду, чего ради велѣно

---

1) См. соч. *Сибирь въ XVII вѣкѣ*. Изд. Титовъ. Москва 1890, стр. 139—140. См. также Сибир. Вѣстн. 1822 г.

2) Въ другомъ мѣстѣ сказано: «Sciendum est Tataris Sibiriensibus (et Bucharis) in more esse, ut cum nobilioribus viris arma et vasa aurea et argentea et equorum ornamenta sepeliant, addita interdum etiam pecunia. Etiam in Podolia, Ukraina, Moldavia inveniuntur talia».

3) См. Извѣстія Импер. Русск. Археолог. Общества, томъ V-й (Спб. 1865), стр. 38—40.

взять извѣстія: откуды тѣ татары въ прежнія лѣта такое золото и серебро получали, или изъ котораго государства оное къ нимъ привожено было? На то въ отвѣтствіе Далматскаго монастыря отъ старца именемъ Лота объявлено: что отъ башкирцевъ увѣдомился, въ уфимскомъ-де дистриктѣ за каменными горами при устьяхъ рѣкъ Уфы, Гадая и Яика, въ горахъ безчисленное сокровище золотыхъ и серебряныхъ рудъ обрѣтается, и въ прежнія-де времена старинные сибирскіе татары и калмыки изъ тѣхъ горъ золотую и серебряную руду добывали и плавили; что-де и нынѣ тѣ признаки плавильныхъ печей и копаныхъ ямъ видны, и объ оныхъ рудахъ тѣ башкирцы нагайской націи у престарѣлой женщины, которая была въ полону въ улусѣ царевича Рючюка и оной отъ роду имѣлось болѣе ста лѣтъ, увѣдомились, что въ древнихъ лѣтахъ оные люди, которые въ тѣхъ мѣстахъ жили, означенную руду копали и плавили. И дѣйствительно изъ оной золото и серебро получали и всякія изъ того вещи дѣлали, и такія вещи около Исету и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оной народъ, называемой Чюды, жили въ ихъ могилахъ или кладбищахъ и по нынѣ находятся. И ежелибъ въ древнихъ лѣтахъ въ тамошнихъ мѣстахъ никакой золотой и серебряной руды найдено не было, то бъ онымъ людямъ и татарамъ такого золота и серебра получать было не откуда, и ниже, чтобъ изъ другихъ земель къ нимъ привожено было отъ Ратайскаго острова, Догадая и Яика рѣкъ разстояніемъ путешествія одинадцать дней. Не въ дальномъ разстояніи отъ р. Иртыша на сибирской сторонѣ имѣется городъ съ великими каменными башнями и съ строеніемъ каменныхъ полатъ. Во оный городъ башкирцы по вся годы пріѣзжаютъ для отправленія своихъ молитвъ и притомъ между собою великими клятвами утверждаютъ, чтобъ объ оныхъ рудныхъ мѣстахъ никому не объявлять, дабы о томъ царское величество россійской и шахъ козылбашской никакого извѣстія получить не могли. И по тому старцову объявленію для подлиннаго провѣдыванія и свидѣтельства означенныхъ горъ посланы были изъ Тобольска нѣкоторые служилые люди, которые въ томъ свидѣтельствѣ объявили, что около помянутыхъ горъ нашли они рѣку, называемую Тасми, которая впала въ рѣку жъ Вай и гора обстоитъ въ длину на 7 верстъ, шириною на одну версту, а въ вышину на 200 саженъ или больше. На оной горѣ дубовой и березовой густой лѣсъ, а при той горѣ никакова жилища не имѣется, токмо башкирское кочевье, или жилище, отъ оной горы разстояніемъ состоитъ на одинъ день или съ небольшимъ ѣзды. И отъ того ихъ жилища на оной горѣ проложена дорога, по которой они, пріѣзжая, изъ оной горы добываютъ золотую и серебряную руду, и изъ оной выплавливаютъ золото и серебро, и тайнымъ образомъ продаютъ россійскому народу по 12 рублевъ пудъ.

Вышеозначенные посыланные изъ Тобольска какъ прибыли къ р. Иртышу, то для извѣстія въ Тобольскъ писали: башкирецъ-де именемъ Батайко имъ объявилъ, что отъ Иртыша въ заливѣ на островѣ видѣлъ городъ, построенный изъ дикаго камня и около того города каменный ровъ; а при томъ городѣ нашелъ онъ древнихъ лѣтъ построенную плавильную печь и отъ выплавленной руды шлаки или сокъ. По примѣру тотъ городъ шириною 50 саженъ или больше; около того города течетъ рѣка, въ которой находится острая каменная гора вышиною около 8 саженъ.

VI.

Изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ [1]).

Въ этомъ сборникѣ заключается небольшая, писанная скорописью начала XVIII-го вѣка, замѣтка о древностяхъ, найденныхъ въ 1702 году, капитаномъ Өедоромъ Матигоровымъ, вблизи

1) См. А. Ө. Бычкова, Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки. Ч. I (Спб. 1882), стр. 106.

слободы Бачанки, въ курганѣ при впаденіи Исети въ Тоболь, раскопанномъ по приказанію дьяка Андрея Виніуса.... Ѳедоръ Матигоровъ объяви^{л}, что в то^{м} курганѣ нашо^{л} ку^{в}шинецъ мѣ^{д}ной, з боко^{в} про^{р}жаве^{х}, да яшмовой стаканѣ^{ц}, еще ^{ж} Китай^{с}кое металное зерка^{л}цо, в диамѣ^{т}рѣ шириною ве^{р}шка на три или малы^{м} болѣе, с одно страны еще мѣста явил^{с} чи^{с}тые, знатно что было зе^{р}кало, по ины^{м} же мѣста^{м} ржа^{в}чина попо^{р}тила, а на ^{д}ругой странѣ в пе^{р}во^{м} округѣ тра^{в}ки, къ дрꙋго^{м} кара^{к}теры подо^{б}но Кита^{й}ски^{м}.

VII.

Изъ соч. Вебера: Das Veränderte Russland etc. etc. Frankfurth. 1721. 4°.

Стр. 77. Изъ путевого журнала Lorentz'а Langen'а 1716 года. Въ древнихъ могилахъ (близь Томска) были находимы всякаго рода антиквитеты, золотыя и серебряныя, птицы, рыбы, идолы, оправы сѣделъ, мунштуки отъ конскихъ уздечекъ, посуда, кольца, серьги, монеты и пр.

Стр. 124. Январь 1716 года. Князь Гагаринъ, бывшій губернаторъ всей Сибири, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что на восточномъ краю Каспійскаго моря, въ странѣ Самаркандъ, гдѣ, какъ говорятъ, родился великій Тамерланъ, открыли нѣкоторые минералы, послалъ туда изъ Сибири людей и велѣлъ изслѣдовать почву. Проработавъ нѣкоторое время въ землѣ, люди эти нашли много весьма древнихъ мѣдныхъ фигуръ и послали ихъ Гагарину, а онъ — Его Царскому Величеству въ Петербургъ, какъ большую рѣдкость; тамъ я имѣлъ случай видѣть ихъ. Это были языческіе идолы, въ формахъ минотавровъ, быковъ, гусей, старыхъ безобразныхъ мужчинъ и нѣсколькихъ молодыхъ женщинъ; всѣ эти изображенія, которыя походили на древнія и внутри весьма сильно пахли мускусомъ, держали въ рукахъ и когтяхъ родъ свѣтильниковъ, въ которыхъ были сожигаемы свѣчи при идолослуженіи. У клюва гуся и морды минотавра верхняя и нижняя части были снабжены колѣномъ (Gelencke), вродѣ шарнира, и языками, и могли двигаться; внутри, какъ можно было видѣть, проходила къ мордѣ трубка, чрезъ которую говорили идолослужители и обманывали народъ. Вырѣзанныя на такихъ идолахъ письмена, хотя никому не извѣстны, но имѣютъ, говорятъ, сходство съ персидскими и монгольскими. Его Царское Величество приказалъ у помянутаго Самарканда вести мины дальше, думая, что будетъ найдено не только еще большее количество такихъ вещей, но и богатыя жилы золота.

Стр. 200. Изъ «Жизни и обычаевъ Остяковъ» и т. д., описанныхъ Johann'омъ Bernhard'омъ Müller'омъ, въ 1716 году. § 2. Остяки отчасти сами дѣлаютъ изъ дерева нѣкоторыхъ идоловъ, но отчасти нѣкоторыхъ, вылитыхъ изъ бронзы (Ertzt), наслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ Чуди (Tschut).... § 4.... Наслѣдованные ими отъ предшественниковъ идолы были бо́льшею частью отлиты изъ бронзы въ видѣ гуся, дѣвушки съ вытянутой рукой, змѣй и т. п. Они были довольно искусно отлиты, и, кажется, должны быть приписаны Китайцамъ; другіе же идолы не имѣли никакой фигуры, такъ какъ составляли толстый длинный чурбанъ (Klotz), положенный на землю и украшенный всякаго рода лоскутками и тряпьемъ, а сверху лежалъ кусокъ зеркала, который при появленіи солнца испускалъ сіяніе.

Стр. 207. § 21.... Другой шайтанъ (т. е. идолъ Выгорскихъ Остяковъ) былъ гусь, вылитый изъ бронзы, съ распущенными крыльями.... § 22. Третьяго шайтана называли «Старикъ Обскій»; онъ стоялъ противъ мѣстечка Самарова и имѣлъ два мѣстопребыванія.... Онъ былъ деревянный и имѣлъ большой, околоченный желѣзомъ, хоботъ.... На головѣ стояли два маленькихъ рога, а глаза были изъ стекла.... У него клали они свои панцыри, которые обозначали побѣду, одержанную имъ надъ всѣми морскими богами....

Стр. 225. (О кунсткамерѣ).... Антиквитеты, которые были найдены въ языческихъ капищахъ (Kirchen-Masuren) у Каспійскаго моря, да еще гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ 1716 и 1718 годахъ, и которые состоятъ какъ изъ разнаго рода жертвенныхъ принадлежностей, такъ и изъ древнихъ, еще довольно четкихъ, письменъ на пергаментѣ (я самъ имѣлъ ихъ въ рукахъ), могли бы составить курьезную кумирню....

VIII.

Изъ путевого журнала Ив. Унковскаго о посольствѣ его къ контайшѣ Цеванъ-Рабтану[1]).

Подъ 17-мъ ноябремъ 1723 года записано: «Ѣдучи въ пути степью (на среднемъ теченіи Иртыша), видѣли множество разрытыхъ бугровъ, а паки землею не забросаны, и тако иные, яко погребы раскрытые, по всей степи видны. О семъ спрашивалъ у меня контайшинъ посланецъ Даржа: для чего оные бугры разрыты? На сіе сказано, что я про то не знаю, — не знаетъ-ли онъ? Оной сказалъ: я де слышалъ, будто тутъ сыскиваютъ золотыя стремена и чашки и прочее. Спрошено у него: кто сыскиваетъ? Онъ сказалъ: сказываютъ, что Русскіе. Спрошено у него: какіе люди тутъ погребены были? Оной сказалъ, будто ихъ народу. На сіе сказано ему, что по ихъ вѣрѣ умершихъ людей жгутъ и въ воду бросаютъ, собакамъ и птицамъ на кормъ отдаютъ, а съ золотомъ и ни съ какимъ богатствомъ не погребаютъ. Оной сказалъ, что то правда, однакожъ оные наши де были. На сіе сказано ему: у насъ погребаются люди съ богатствомъ, а паче что въ древнія времена еще до христіанскаго закона, лѣтъ слишкомъ за семь сотъ погребалися со всѣмъ военнымъ уборствомъ, и насыпали на нихъ великіе бугры земли, и можетъ быть, что въ древнія времена нѣкоторые изъ нашихъ народовъ въ сихъ мѣстахъ жили и съ богатствомъ погребалися, а нынѣ, можетъ быть, что разрываютъ оные бугры изъ вашего народу или Остяки, или пріѣзжая изъ Казачей орды, и сыскиваютъ золотыя стремена и чашки; а у насъ указъ Императорского Величества повелѣваетъ такихъ гробокопателей смертію казнить, ежели пойманы будутъ. И тако оной Даржа сумнился, что я упомянулъ, что, можетъ быть, изъ древнихъ лѣтъ тутъ Русскіе народы жили, и сказалъ, что у насъ де только сто лѣтъ какъ грамота началась, того ради обстоятельно не знаю. И тако пресѣклись разговоры, и больше о томъ никогда не спрашивалъ».

IX.

Изъ соч. Ф. I. Страленберга: Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, 4°[2]).

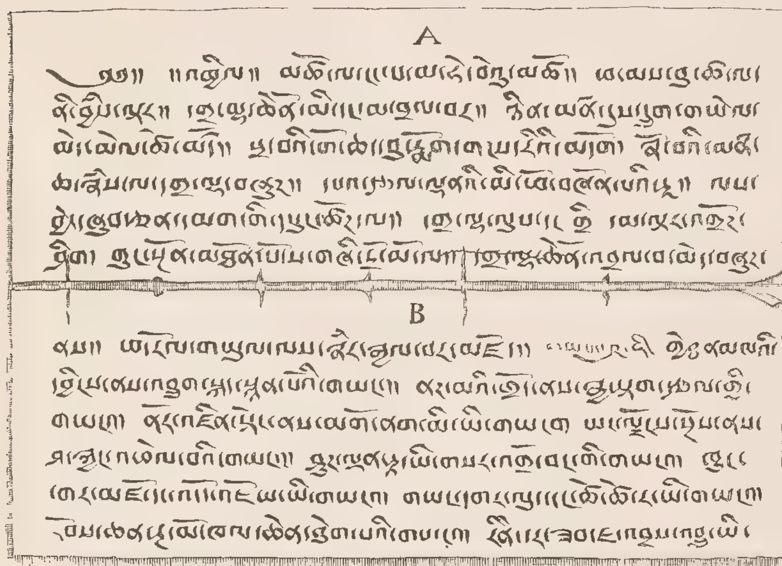
Стр. 3, примѣч. Въ 1720-мъ году, когда Русскіе съ нѣсколькими полками военнаго люда отправились изъ г. Тобольска вверхъ по р. Иртышу, то они нашли тамъ не только много древностей и старыхъ языческихъ капищъ, но и далѣе отъ этой рѣки, къ З.-Ю. и Ю.-З. отъ г. Тобольска, между верховьями р. Тобола и Ишима (куда, впрочемъ, ходятъ немногіе) встрѣтили, какъ мнѣ разсказывали тобольскіе Татары и Русскіе, очень много вытесанныхъ изъ камня изображеній людей и животныхъ; въ тѣхъ-же степяхъ находятся развалины различныхъ городовъ.

1) См. Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи, т. X (1887 г.), стр. 155—156.

2) Приложенныя здѣсь таблицы рисунковъ всопроизведены цинкографическимъ способомъ, по оригиналамъ Страленберга, въ натуральной величинѣ, за исключеніемъ табл. I, II, V и IX, которыя уменьшены нѣсколько противъ подлинниковъ (Ред.).

Стр. 312—318. Древности. Что касается скиѳскихъ древностей, то, несомнѣнно, ни въ одной странѣ свѣта не найдено болѣе рѣдкихъ, любопытныхъ и болѣе поясняющихъ скиѳскую исторію, какъ въ Россійской Имперіи. Приходится только сожалѣть о томъ, что не начали собирать ихъ въ Императорскихъ кунстъ-камерахъ двадцатью или тридцатью годами раньше. Въ соч. «Das Veränderte Russland», правда, говорится отчасти объ этомъ, но упоминаемые тамъ идолы, минотавры и древнія письмена не найдены ни около Самарканда, какъ сказано на стр. 124, ни у Каспійскаго моря, какъ указано на стр. 225, а добыты въ Калмыцкихъ степяхъ, вверхъ по рѣкѣ Иртышу, справа и слѣва, изъ древнихъ кумиренъ и могильныхъ насыпей (tumulis sepulchralibus). Что касается упоминаемыхъ тамъ начертаній, то таковыя состоятъ изъ тангуто-мунгальскихъ и калмыцкихъ буквъ (characteres), которыя изображены не на пергаментѣ, а на довольно толстой бумагѣ, сдѣланной изъ

Таблица I.

хлопка и шелковой ваты и покрытой чернымъ или голубымъ лакомъ [1]). При томъ они не писаны, а напечатаны тѣмъ способомъ, какъ мы печатаемъ на нашемъ холстѣ или другихъ матеріалахъ [2]). Буквы эти частью желтаго или золотистаго, частью бѣлаго или серебристаго цвѣта. Такія письмена

1) Эти бумаги, по обычаю древнихъ, свернуты въ большіе свитки, а не переплетены, какъ наши книги. Нѣсколько сотъ такихъ листковъ могли попасть въ Европу съ возвращеніемъ Шведовъ изъ плѣна; такъ какъ рукописи эти не могутъ быть переведены, то достаточно уже одного того, что буквы ихъ сообщаются публикѣ для отличія отъ рукописей другихъ восточныхъ народовъ (Страл.).

2) Въ 1723 году я видѣлъ въ гор. Тобольскѣ у генералъ-губернатора, князя Черкасскаго, калмыцкую деревянную форму, посредствомъ которой печатались подобныя буквы; у него можно видѣть много рѣдкихъ и замѣчательныхъ вещей, такъ какъ онъ большой любитель ихъ (Страл.).

Таблица II.

уже извѣстны въ Европѣ и изданы, вырѣзанныя на мѣди, высокопочтеннымъ и высокоученымъ г. надворнымъ совѣтникомъ Менкеномъ въ «Acta Eruditorum». Я могъ бы прибавить къ нимъ,

Таблица III.

по меньшей мѣрѣ, 10 или 12 другихъ образцовъ, если бы не боялся значительныхъ расходовъ. Письмена эти я подарилъ, въ разное время, добрымъ друзьямъ. За то я приложилъ къ этому сочи-

нію образчикъ копіи съ другой древней рукописи, писанной не на широкой и длинной голубой шелковой китайской ватѣ, какъ предыдущія, а на тонкой бѣлой холщевой бумагѣ, притомъ такимъ образомъ, какъ это показано на таблицѣ I-й. Оргиналъ этой рукописи находится у меня; *A* представляетъ одну, *B* другую или оборотную сторону. Письмена эти найдены русскимъ уроженцемъ города Красноярска, почти на концѣ рѣки Енисея, при впаденіи въ нее маленькой рѣчки Кемчика, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась старая часовня; я показывалъ ихъ различнымъ Русскимъ, Татарамъ и Калмыкамъ, но они ихъ не понимали. Когда я дойду до главы о медаляхъ, рунических камняхъ и письменахъ, то опишу эти надписи подробнѣе. Что касается упомянутыхъ въ «Das Veränderte Russland» идоловъ, минотавровъ и т. п., то они не только привезены изъ означенныхъ выше мѣстностей и могилъ, но и отняты у живущихъ на Оби и Иртышѣ Остяковъ, при крещеніи послѣднихъ. Нѣкоторые изъ нихъ выше локтя и весьма искуссно отлиты изъ металла. Остяки говорятъ, что они унаслѣдовали ихъ отъ древнихъ азіатскихъ Скиѳовъ или Чуди, жившихъ тамъ до нихъ. Это весьма вѣроятно, ибо тупые, неразвитые Остяки (нѣкогда составлявшіе съ Пермяками, Лопарями и древними Финнами одинъ народъ) врядъ-ли были въ состояніи выполнить подобную работу. Подтверждается это еще и тѣмъ, что остальныя божества ихъ состояли изъ грубыхъ рѣзныхъ чурбановъ и камней, украшенныхъ различными тряпками и лоскутьями, равно какъ изображенною на табл. IX металлическою, найденною у нихъ, пластинкою, которой они поклонялись и оказывали почтеніе, потому что на ней изображены разные звѣри, какъ то олени, собаки и т. п. [1]). Животныя эти не только изображаются ими на бубнахъ и служатъ предметомъ суевѣрнаго почитанія при охотѣ, рыбной ловлѣ и т. д., но и помѣщались на скалахъ и камняхъ (срав. ниже главу о письменныхъ знакахъ). Ученый профессоръ восточныхъ языковъ Керъ въ Лейпцигѣ сообщилъ слѣдующее чтеніе упомянутой металлической пластинки или медали:

لِطَالِبِهِ [2]) بَرَكَةٌ وَتَمِرٌ [3]) وَسُرُورٌ وَسَعَادَةٌ وَكَرَامَهٌ وَتَنِيرٌ [4]) وَٱسْتِقَامَةٌ وَتَابِيلٌ [5]) وَتَمْكِيرٌ [6]) وَسُلْطَانٌ وَثَنَاءٌ وَبَقَاءٌ [7])

Это арабское изреченіе изображено выпуклыми буквами весьма древняго арабскаго шрифта, называемаго *куфическимъ*, на большой мѣдной медали [8]); см. таблицу IX. Четыре такія медали Татары навѣшиваютъ на своихъ начальниковъ, двѣ на плечи, одну на грудь и одну на спину, называя ихъ *чарине* (т. е. четыре зеркала, отъ персидскаго چهار *чехаръ* «четыре» и турецкаго آينه или آيينه *айине* «зеркало»). Русскіе отняли эту мѣдную медаль или пластинку у Остяковъ близь Самарова, у которыхъ она считалась большою рѣдкостью и служила предметомъ поклоненія. Она могла быть отнята, какъ добыча, у древнихъ Сарациновъ или Арабовъ (во время Карла Великаго господствовавшихъ въ Трансоксіанѣ и Согдіанѣ, за Каспійскимъ моремъ), тогдашними Татарами, воевавшими съ Сарацинами.

---

1) На табл. VI видны такіе бубны и божки, найденные у Барабинскихъ Татаръ, которые одной вѣры съ Остяками (Страл.).

2) Чит. لصاحبه, какъ уже замѣтилъ Френъ (Antiquit. Muhammedanae monumenta varia. Partic. II. Petrop. 1832, стр. 66), присовокупившій также, что это слово составляетъ собственно не начало, а конецъ всей надписи (Ред.).

3) Чит. ويمن. Fraehn, loc. laud. p. 67.

4) «Suspicor hic prorsus aliam legendi rationem latere. Fieri potest, ut delineatio hujus vocabuli minus recte habeat, utque in his ductibus lateat عمر vel يسر vel تميز vel aliud quid a سن vel سر alienum». Fraehn, l. l.

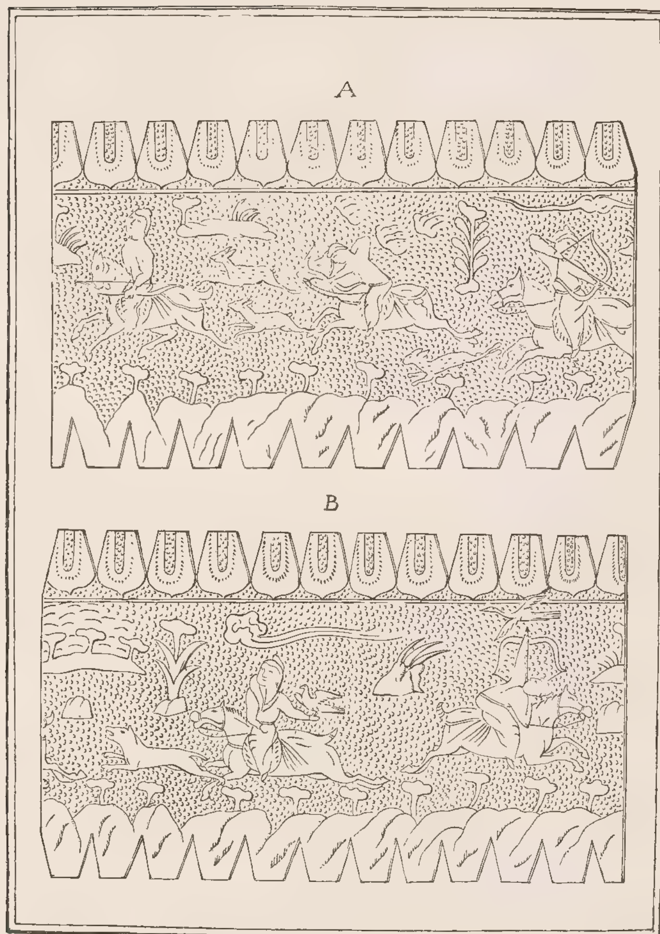
5) Чит. تأييل. Fraehn, loc. laud.

6) Чит. تمكين. Fraehn, loc. laud.

7) Т. е. по переводу Френа (ibid.): «Benedictio, et prosperitas, et laetitia, et beata sors, et honor, et... et status nullâ ex parte laborans (s. ex omni parte recte habens), et robur, et potentia, et imperium, et laus, et perennitas sint possessori hujus».

8) «Nos quidem probamus virorum doctissimorum sententiam, quae hoc genus discos pro *speculis* habendos esse fert». Fraehn, loc. laud. p. 68.

Таблица IV.

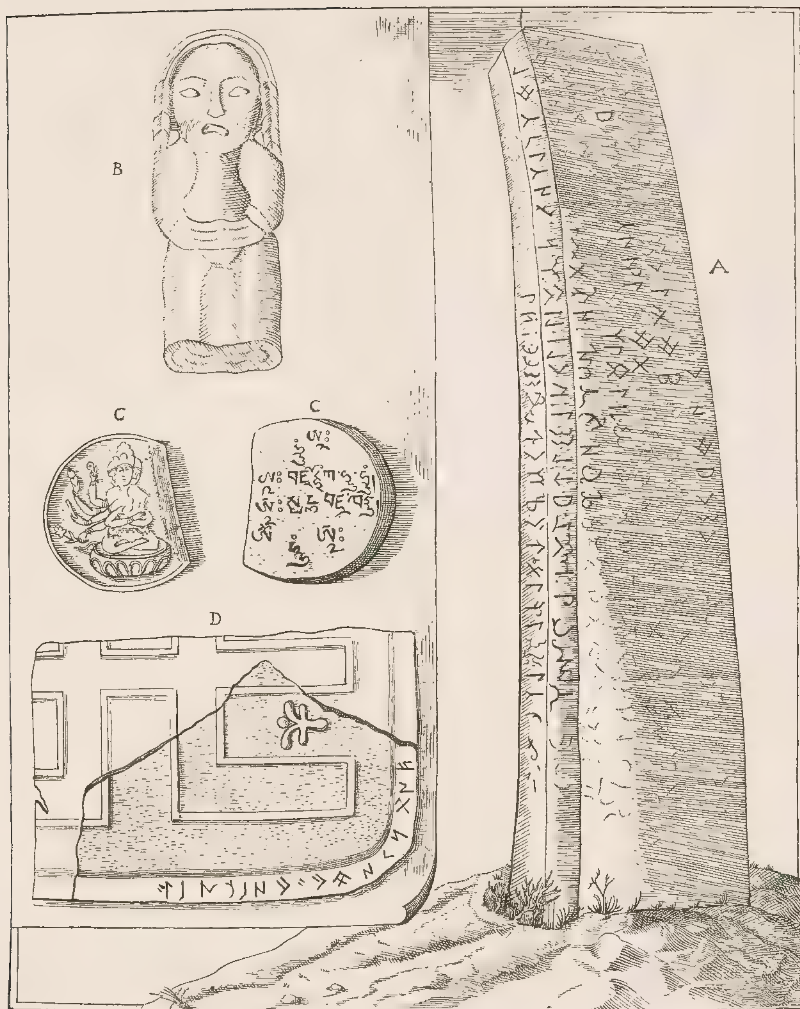
Обычай поклоняться подобнымъ большимъ пластинамъ и медалямъ древніе Татары могли заимствовать у древнихъ Персовъ, которые во время Хосроевъ тоже поклонялись какой-то медали, прозванной خسروانى درم Хусревани диремъ, «Хосроевой монетою» (срав. Meninski: Thesaurus Ling. Orient. ст. 1897, подъ словомъ خسروانى Хосревани «genus nummi vetusti, nempe a Chosroë cusi»). Затѣмъ такой обычай могъ перейти и къ древнимъ Татарамъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что власть древнихъ персидскихъ царей простиралась далеко на сѣверъ. Слѣдовательно, легко могло случиться, что скиѳскіе или татарскіе народы переняли у Персовъ и религію или, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ нѣкоторые изъ ихъ обрядовъ. Кромѣ того, въ 1725 году, Яковъ фонъ Мелле издалъ нѣсколько листковъ, въ которыхъ говоритъ о маленькихъ золотыхъ божкахъ, называемыхъ «bractei» и найденныхъ на о. Борнгольмѣ. Объ этомъ Christianus Democritus высказалъ свои предположенія и замѣчательныя соображенія. Подобные bractei, какъ и другіе идолы изъ бронзы, красной и желтой мѣди, олова, серебра и золота, найдены тысячами въ сибирскихъ и древнихъ татарскихъ могилахъ или tumulis sepulcralibus; если бы мнѣ, во время моего пребыванія въ Россіи, не пришлось столько заниматься географической работой, то я могъ бы изобразить на бумагѣ сотни такихъ идоловъ. На табл. III можно найти нѣсколько такихъ изображеній. Идолъ A былъ сдѣланъ изъ красной мѣди, B съ бубенчикомъ также, C изъ желтой мѣди, D украшенія лошадиной уздечки [1]) и фиг. B, изображенная на табл. V, также изъ красной мѣди. Но я видѣлъ и нѣкоторыя вещи изъ чистаго золота, длиною въ получетверть, въ видѣ минотавровъ, оленей, старичковъ и другихъ подобныхъ куріозныхъ фигуръ.

Стр. 336—340. Письменные знаки (Characteres). Химики, астрономы и математики имѣютъ свои особенные письменные знаки, но, кромѣ того, этимъ словомъ (characteres) называютъ и такія начертанія, которыя могутъ быть поняты только владѣющими ключемъ къ нимъ. Затѣмъ, подъ именемъ characteres разумѣютъ еще волшебные знаки и всякія неизвѣстныя фигуры, которыя, будучи вырѣзаны на металлѣ и камнѣ или написаны на пергаментѣ или на чемъ-либо другомъ, имѣютъ особенное тайное значеніе и употребляются для различныхъ суевѣрныхъ цѣлей. Послѣдняго рода знаки мѣстами встрѣчаются во множествѣ въ Сибири и Татаріи, изсѣченными на скалахъ и камняхъ, или писанными на нихъ приблизительно въ такомъ видѣ, въ какомъ Лопари имѣютъ обыкновеніе писать на своихъ бубнахъ. Мы имѣли бы возможность добыть значительное число такихъ надписей, если бы во время плѣна располагали временемъ, свободой и необходимими средствами, чтобы посѣтить тѣ мѣста, гдѣ таковыя встрѣчаются. Но такъ какъ всего этого у насъ не доставало, то, можетъ быть, другимъ со временемъ удастся отыскать ихъ. Здѣсь же мы укажемъ только нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Надписи, находящіяся въ Великой Перми, недалеко отъ города Чердыни, либо выжженныя, либо написанныя нестираемою красною краскою на скалѣ (можетъ быть такимъ-же образомъ, какъ нѣкогда въ Исландіи писали на костяхъ); эти письменые знаки изображены на таблицѣ VII. 2) Такого-же рода фигуры и письмена, изсѣченныя или желѣзнымъ инструментомъ вырѣзанныя на скалахъ, встрѣчаются также между городами Томскомъ и Кузнецкомъ, на берегахъ рѣки Томи (которые тамъ и сямъ состоятъ изъ крутыхъ скалъ); они изображены на табл. VIII, рис. A. Но фигуры, значащіяся на этой-же таблицѣ подъ буквою B и начертанныя также красной краскою, какъ и фигуры, указанныя на табл. VII, встрѣчаются очень далеко въ Сибири на скалахъ по берегамъ Енисея, между городомъ Красноярскомъ и Абаканомъ; срав. сказанное о такихъ письменахъ въ соч. Matth. Belius de Vet. lit. Hunn. Scyth. стр. 15. При этомъ нельзя не удивляться, какъ писавшіе ихъ умудрились добраться до мѣстъ, на которыхъ начертаны надписи, такъ какъ Енисей протекаетъ у самаго подножія скалъ, а послѣднія часто такъ круты и гладки, какъ стѣна, и

---

1) О восточномъ сосудѣ (вѣроятно металлическомъ), значащемся на табл. III, лит. E, Страленбергъ говоритъ на стр. 353 и 375, и между прочимъ упоминаетъ тамъ, что онъ найденъ въ курганѣ близь Красноярска и будетъ описанъ подъ словомъ Urnae; но особой статьи объ урнахъ въ соч. Страленберга нѣтъ. Охотничья сцена, помѣщенная на сосудѣ, изображена въ развернутомъ видѣ на табл. IV, рис. A и B. Не тотъ-ли это сосудъ, о которомъ говоритъ Мессершмидтъ въ своемъ перечнѣ сибирскихъ древностей (см. выше, стр. 8, № 111)? (Ред.).

Таблица V.

такъ высоки, какъ башни, фигуры же находятся на серединѣ этихъ скалъ. Лѣтомъ нельзя было приставлять лѣстницы, такъ какъ рѣка въ этихъ мѣстахъ еще глубже, чѣмъ тамъ, гдѣ берега ея плоски; зимой же, когда тамъ снѣгъ выпадаетъ выше человѣческаго роста и стужа бываетъ страшная, едва-ли возможно было лазить по скаламъ и дѣлать надписи. По-этому должно было или спускаться сверху, или карабкаться снизу вверхъ, вбивая въ скалу каменные клинья. Такое предположеніе можетъ быть подтверждено слѣдующими соображеніями:

1) Лакруа въ своей исторіи Тимуръ-бека (томъ II, гл. LVIII) описываетъ татарское племя «Мекритовъ» слѣдующимъ образомъ: Timur fit appeller le Touman des Mecrites, qui étoient dans son Armée; ce sont des gens si adroits à marcher dans les montagnes qu'ils vont partout où les gazelles et les chevreuils peuvent aller и т. д. См. тоже сочиненіе, томъ III, гл. XLIII.

2) Срав. также соч. Курція и Арріана, повѣствующія о томъ, что Александръ Великій, приказавъ штурмовать Согдіанскую скалу (Petram Sogdianam), назначилъ для этого выбранныхъ изъ войска его 300 молодыхъ людей, которые вколачивали въ щели скалы каменные клинья и по нимъ взбирались на крутую скалу.

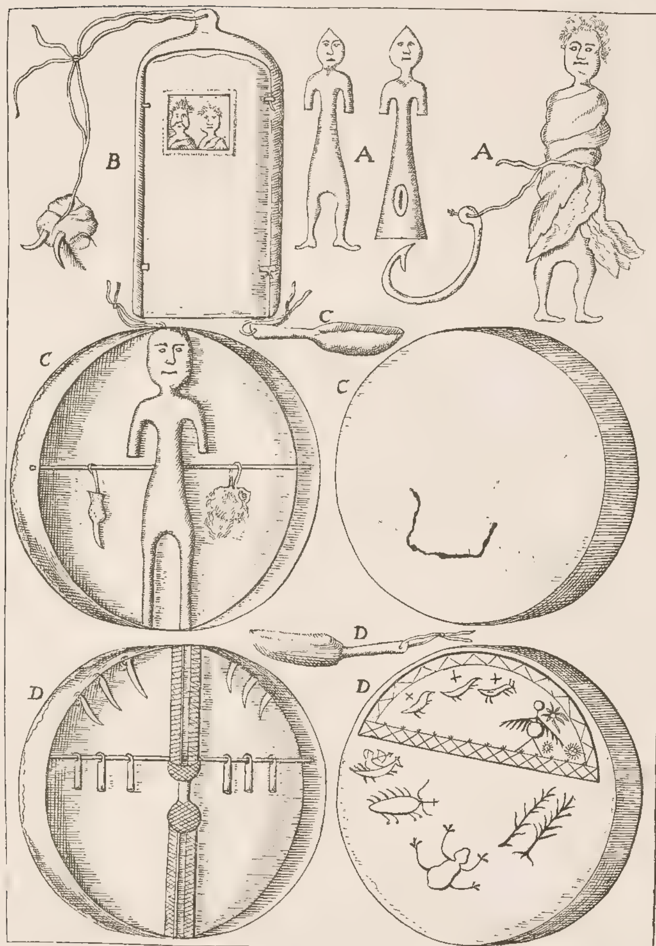
3) Менандръ (Histor. Byzant., томъ III, гл. 7, § 5) описываетъ вышеупомянутыхъ Мекритовъ, жившихъ недалеко отъ города Таугаста, по направленію къ Индіи, говоря, что они проводили всю свою жизнь въ опасностяхъ и употребленіи оружія.

4) Маркъ Паулусъ (книг. I, гл. 61) упоминяетъ о Татарахъ Мадитахъ, которые, можетъ быть, тѣ-же Мекриты.

Не только мнѣ самому удавалось находить такіе каменные клинья у рѣки Енисея, но и генералъ-адъютантъ (нынѣ полковникъ) Каниферъ, находившійся нѣсколько лѣтъ въ плѣну въ городѣ Енисейскѣ и въ Илимскѣ, разсказывалъ мнѣ, что такіе каменные клинья находятъ около Илима и въ другихъ мѣстахъ (гдѣ встрѣчаются страшныя скалы). По-этому мы вправѣ предположить, что люди, писавшіе или высѣкавшіе эти фигуры, либо спускались внизъ посредствомъ вколоченныхъ въ скалу клиньевъ, либо взбирались по нимъ вверхъ. Въ Histoire généalogique des Tatares, въ заголовкѣ VIII-й главы, упоминается татарское племя «Такринъ», а въ моемъ нѣмецкомъ переводѣ этого сочиненія сказано, что это племя называется также «Макритъ»; племя это находится въ незначительномъ числѣ еще и теперь между Калмыками.

Стр. 356—359. Могилы, могильные холмы, лат. Tumuli sepulcrales (Русскіе называютъ ихъ «буграми» или «могилами», по нѣмецки зовутъ ихъ Helden- или Hünen-Hügel) встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Сибири и въ степяхъ, находящихся къ Ю. отъ Сибири. Изъ нихъ выкапываютъ различную утварь, урны, разные предметы, служившіе для украшенія тѣла и одежды, сабли, кинжалы, конскіе уборы, ножи, различные маленькіе идолы и медали изъ золота и серебра, Находили даже въ такихъ могилахъ цѣлые золотые шахматы и большія золотыя пластины (сдѣланныя на подобіе Bractei aurei у другихъ древнихъ народовъ), на которыхъ лежали трупы, равно какъ сложенныя въ складки одежды, въ которыя трупы были завернуты. Въ могилахъ бѣдныхъ людей находятъ подобные-же предметы изъ красной и желтой мѣди, наконечники стрѣлъ изъ мѣди и желѣза, стремена большія и маленькія, полированныя металлическія пластинки или зеркала съ письменными знаками, маленькія и большія глиняныя урны, изъ которыхъ нѣкоторыя вышиною въ локоть и больше и, подобно нашимъ уксуснымъ кувшинамъ, либо съ ручками, либо безъ ручекъ Однимъ словомъ, изъ этихъ могилъ добываютъ большое количество куріозныхъ древностей, о которыхъ мы уже говорили выше въ главѣ «о древностяхъ». 20 или 30 лѣтъ тому назадъ, когда объ этомъ Русское правительство еще ничего не знало, начальники городовъ Тары, Томска, Красноярска, Батсамска (?), Исетска и другихъ мѣстъ, отправляли вольные отряды (Karawanen) изъ мѣстныхъ жителей для развѣдки этихъ могилъ и заключали съ ними (отрядами) такое условіе, что они должны были отдавать опредѣленную либо десятую часть найденнаго ими золота, серебра, мѣди, камней и пр. Найдя такіе предметы, отряды эти раздѣляли добычу между собою и при этомъ разбивали

Таблица VI.

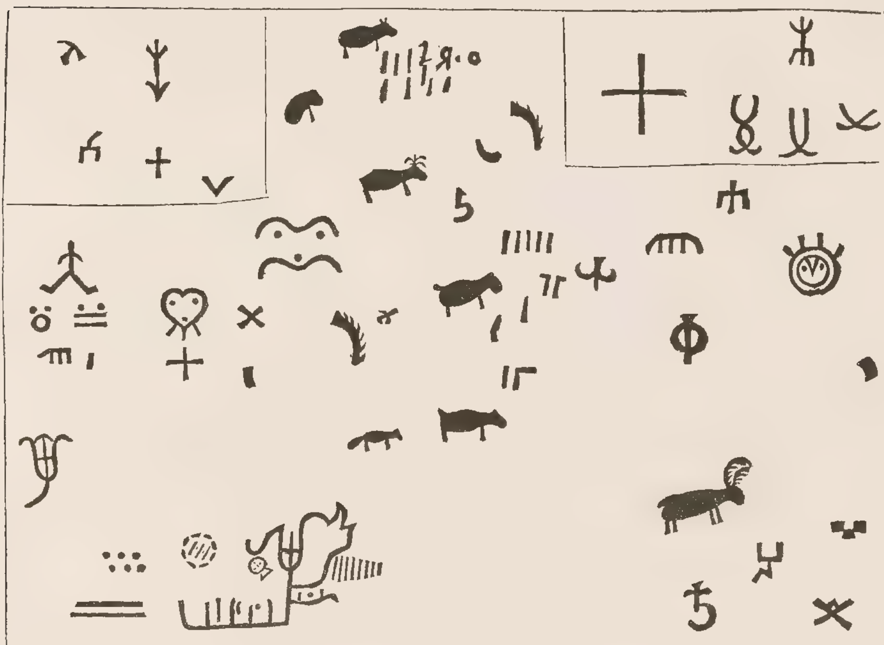
и разламывали изящныя и рѣдкія древности, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ получить по вѣсу свою долю. Доказательствомъ такого обращенія съ древностями можетъ служить изображенное на табл. V, рис. D, мѣдное полированное продолговатое зеркало изъ колокольнаго металла; мнѣ удалось видѣть только этотъ кусокъ его.

Что касается могилъ или могильныхъ бугровъ, то они бываютъ различные. Нѣкоторые вышиною въ домъ, насыпаны изъ одной земли и находятся на равнинахъ такъ близко одинъ отъ другого, что издали кажутся небольшою горною цѣпью. Другіе обложены либо четыреугольными, тесанными камнями, либо булыгами, и образуютъ то прямоугольникъ, то треугольникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насыпи состоятъ изъ однихъ камней. По-этому на старинныхъ картахъ Великой Татаріи мѣстами изображены пирамиды и при нихъ надписи на латинскомъ языкѣ: «пирамидальныя могилы татарскихъ царей», но это несомнѣнно не пирамиды, а описанныя выше могильныя насыпи. Полковникъ Каниферъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ плѣну въ городѣ Енисейскѣ, разсказывалъ мнѣ, что татарско-китайскіе послы (о которыхъ упомянуто въ книгѣ «Das Veränderte Russland», на стр. 9, и поѣздку которыхъ къ калмыцкому хану Аюки я опишу своевременно), проходя на обратномъ пути своемъ черезъ этотъ городъ, просили у тогдашняго коменданта позволенія посѣтить могилы своихъ предковъ, но просьба ихъ не была уважена, изъ опасенія, что они всѣ эти могилы найдутъ раскопанными, раззоренными и расхищенными. Я присоединилъ къ этому сочиненію планъ такихъ могилъ, лежащихъ недалеко отъ городка Абаканска на рѣкѣ Енисеѣ; см. таблицу II, на которой *A* обозначаетъ городокъ и крѣпость Абаканскъ, *B* рѣку Енисей, *C* русскую деревню Торгашино, *D* юрты Татаръ-Аринцевъ, *E* рѣку Сыду, *F* русскую деревню Бирръ (чит. Бирскую), *G* рѣку Кокцагу (Коксу?), *H* рѣку Гарбу (чит. Ербу), *I* рѣку Ктишь (Тесь?), которая протекаетъ промежъ горъ, *K* большой курганъ, на которомъ находится изсѣченное изъ камня изображеніе старика (см. ниже, стр. 50), *L* могилы, лежащія вокругъ этого кургана, *M* могилы у подножія находящихся вдали горъ, *N* русскую деревню и рѣку Бѣлыкъ....

При этомъ я припомню, что древніе авторы сообщаютъ о войнѣ между царемъ Киромъ и скиѳами, разсказывая, что послѣдніе постоянно отступали передъ нимъ и что Киръ велѣлъ спросить ихъ, почему они не желаютъ противостать ему. Тогда они отвѣтили, что они при этомъ ничего не теряютъ, но пусть онъ придетъ туда, гдѣ находятся могилы ихъ предковъ, тогда онъ убѣдится, умѣютъ-ли они сражаться, или нѣтъ. Объ этомъ я буду говорить подробнѣе въ главѣ о руническихъ камняхъ и о медаляхъ; но не могу не указать уже здѣсь на слѣдующее: 1) Арнкиль въ сочиненіи своемъ о языческихъ обрядахъ погребенія у Кимвровъ (ч. 2, стр. 35) говоритъ, что обычай сожигать своихъ покойниковъ Кимвры заимствовали не у Грековъ, а отъ Одина (Othino); 2) Торфей въ Ser. Dynast. Reg. Dan. (гл. VI, стр. 130 и 144) сообщаетъ, что Одинъ привезъ первыя руны на сѣверъ и ввелъ обычай сожигать мертвыхъ, класть въ могилы лучшія вещи вмѣстѣ съ останками покойнаго и возводить камни и курганы надъ могилами прославленныхъ людей. Онъ (Торфей) ссылается на слѣдующія слова Stephanus'а: Primitus namque defunctis justa solvituri in campo plano, juxta Regiam, aut defuncti praedium, circulum mirae magnitudinis lapidibus efformabant, oblongum tamen viginti circiter orgyarum longitudine, latitudine trium. In hoc defuncti cremabant cadaver, cineres collectos urnis includebant ac in circi meditullio locatos, grandibus undique stipabant lapidibus, arena glebaque terrestri replebant, ac in formam monticuli desuper collem exstruebant. Все здѣсь сказанное я нашелъ въ такомъ видѣ на этомъ мѣстѣ; могилы, отчасти обложенныя тесанными, отчасти дикарными камнями, были совершенно такой длины и ширины, какъ показано въ вышеупомянутомъ описаніи. Но на каждомъ углу находился болѣе высокій и широкій камень, а на немъ были высѣчены различные знаки (Characteres), указанные на табл. XI, рис. *A*, *B*, *C*, *D*. Песокъ, жженную землю, форму круга, все это можно было видѣть совершенно ясно, такъ какъ Русскіе уже раньше разрыли эти могилы и раскидали землю. Въ материкѣ же находилась яма такой глубины, что мнѣ казалось, какъ будто я смотрю съ крыши дома въ глубочайшій погребъ. Не будь зимы, да такого морозу и снѣгу, когда я посѣтилъ эти мѣста, я непремѣнно спустился бы въ нѣкоторыя изъ такихъ ямъ. Въ то время, когда я обходилъ одну изъ этихъ могилъ вмѣстѣ съ шведскимъ мальчикомъ (о

немъ мною говорено выше), вѣтеръ сдулъ снѣгъ съ выброшенной изъ могилы земли, и мальчикъ этотъ нашелъ на ней кусочекъ золота, вѣсомъ приблизительно въ $^1/_2$ лота. Изъ этого можно заключить, какъ люди, небрежно раскапывавшіе могилу, обошлись съ найденнымъ ими золотомъ. При этомъ слѣдуетъ припомнить, что я сказалъ раньше о раскопкѣ могилъ. Выше я уже упомянулъ, что въ этихъ могилахъ находили различные металлическіе предметы, главнымъ образомъ мѣдные и желѣзные; здѣсь я прибавлю еще, что различное оружіе, какъ то: мечи, стрѣлы, кинжалы и тому подоб-

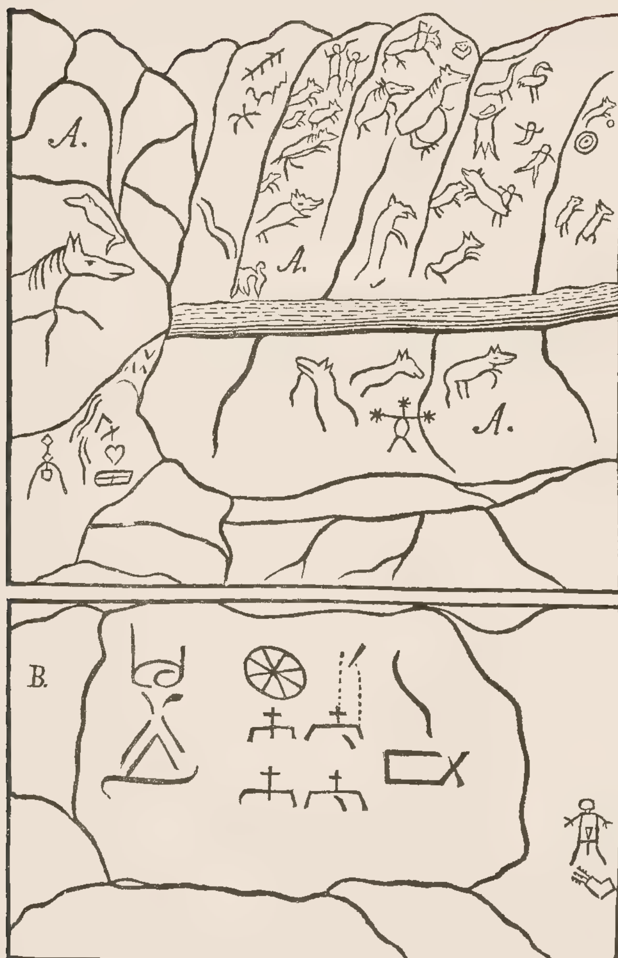
Таблица VII.

ныя вещи, которыя Русскія добывали изъ этихъ могилъ, были не кованы, а отлиты изъ мѣди, особенно оружіе, носимое на боку, подобное нашимъ теперешнимъ штыкамъ и кортикамъ. Тоже самое сообщается о кимврскихъ могилахъ въ соч. Cimbrisk-Holsteinische Antiq. Remarken, Hamburg 1728 (стр. 154 и 155).

Стр. 362—371. Іероглифы или іероглифическія изображенія. Это символическія изображенія, имѣющія таинственное значеніе, и письменные знаки (Characteres), какіе употребляли Египтяне, скрывавшіе подъ ними тайны своей религіи. Въ главѣ «о древностяхъ и письменныхъ

Таблица VIII.

знакахъ» я уже говорилъ о разныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ этому предмету и, между прочимъ, также о нестираемой красной краскѣ, которою нѣкогда писали въ Исландіи на костяхъ, да о томъ, что такія-же письмена встрѣчаются въ Перми и дальше въ Сибири, на скалахъ по рѣкѣ

Таблица IX.

Енисею. Въ этой главѣ я намѣренъ представить и описать другой родъ письменъ, найденный у источника р. Ирбита, впадающей въ р. Ницу, притокъ р. Туры, между городами Япанциномъ (?) и Тюменью. Но прежде чѣмъ начать описаніе ихъ, я долженъ упомянуть о рѣдкомъ камнѣ, который

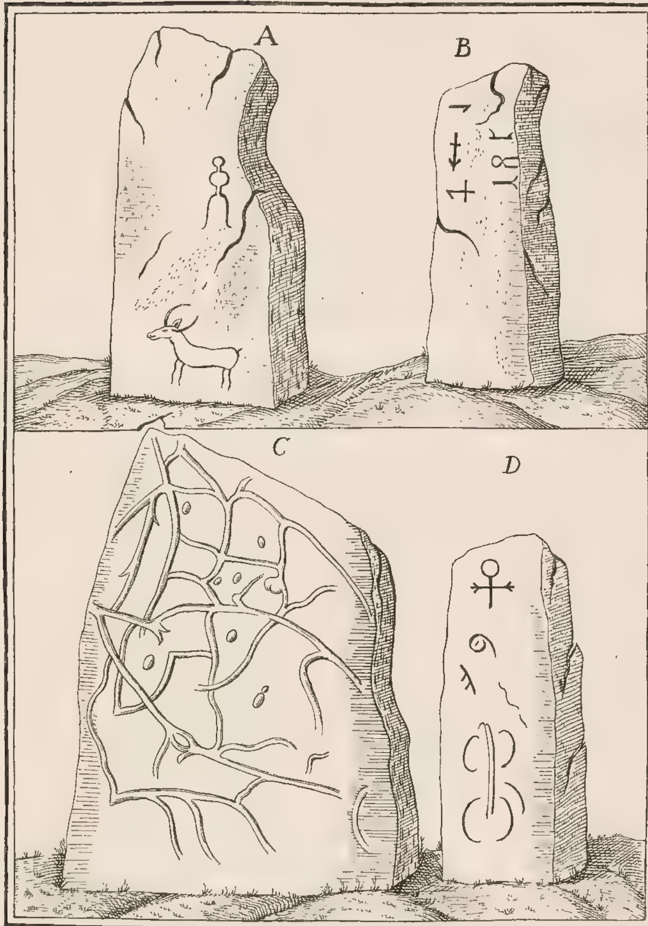
мнѣ былъ подаренъ добрымъ пріятелемъ моимъ въ Москвѣ, но въ настоящее время уже не находится болѣе въ моихъ рукахъ. Этотъ камень состоялъ изъ полированнаго темно-зеленаго мрамора или непрозрачной зеленой яшмы (часто встрѣчающейся въ Дауріи, по рѣкѣ Аргуни), величиною въ Species-Thaler, но овальный, толщиною въ два пальца, вырѣзанный очень тщательно въ видѣ черепахи. Животъ послѣдней совершенно плоскій и на немъ были вырѣзаны арабскія буквы. Я думаю, что эта фигура представляетъ арабскій іероглифъ. Но такъ какъ во время возвращенія моего изъ плѣна, я не думалъ заниматься подобными предметами и издавать ихъ, то я подарилъ этотъ камень высокопочтенному и глубокоученому епископу и доктору Бенцелію, который вѣроятно издастъ его въ Acta eruditorum для удовлетворенія любопытства публики.

Что касается вышеупомянутыхъ іероглифовъ на р. Ирбитѣ, то они изображены на таблицахъ XIII, XIV, XV и XVI. Такъ какъ я неопытенъ въ такихъ дѣлахъ, то не могу сказать, какого рода эти іероглифы и что они означаютъ. Интересующійся ими можетъ справиться съ соч. Math. Bel. de vet. lit. Hunn. Scyt. стр. 15, гдѣ говорится слѣдующее: Miratus ego saepe fui, caupones idiotas (nempe in Hungaria) istis, quibus aliquid crediderc hujus modi ficto charactere inter debitores non adscribere tantum, sed longioris etiam temporis intervallo post, non secus, quam si alphabethario scribendi genere adnotati fuissent, promere, debitamque summam et rationes indicare potuisse; ita, si debitor miles est, rudi quadam linea frameam ant pugionem pingebant, si faber, malleum aut securim; si auriga flagrum atque sic porro. Кромѣ этого слѣдуетъ справиться съ замѣчаніемъ Кирхера въ его China illustrata (часть VI, гл. II, III и VI, стр. 128, 129 и 229—235), гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя изображенія, сходныя съ иными изъ тѣхъ, которыя помѣщены здѣсь мною. Главнымъ образомъ срав. въ соч. Кирхера стр. 129, рис. X, съ изображеніемъ, помѣщеннымъ на моей табл. XV, № 17, равно какъ рис. F у Кирхера на стр. 229, съ тѣмъ, который находится у меня на той-же таблицѣ подъ № 16[1]). При такомъ сопоставленіи нетрудно замѣтить, что какъ эти, такъ и многіе другіе знаки въ сочиненіи Кирхера довольно сходны съ моими. Кирхеръ считаетъ ихъ древнѣйшими письменами Китайцевъ. Если это справедливо, то этимъ подтверждается мнѣніе г. Petis de la Croix, который въ своемъ Genghizcan (стр. 83) говоритъ, что Китайцы въ древнѣйшія времена отправили колонію въ Татарію и Скиѳію и что эти Китайцы исподволь сдѣлались настоящими Скиѳами.

Скала же, на которой начертаны эти письмена, вышиною приблизительно въ 18 локтей и выдается тремя сторонами къ рѣкѣ. На табл. XIII представлена восточная, на табл. XIV и XV южная, а на табл. XVI западная сторона. Нѣкоторыя фигуры вышиною въ $^1/_4$ локтя, другія поменьше; всѣ онѣ начертаны красною краскою, какъ уже указано было выше, въ главѣ «о письменныхъ знакахъ». По одну сторону скалы находятся могильные бугры (tumuli sepulchrales), надъ которыми скала или отломана, или вырублена, или самой природой такъ устроена, что могилы имѣютъ надъ собою какъ будто крышу. Однимъ словомъ, это такая прекрасная древность, какую трудно найти въ другомъ мѣстѣ, и если-бы мнѣ въ то время, когда я былъ тамъ, было понятнѣе ея значеніе, то я непремѣнно составилъ бы болѣе точное описаніе ея. Но, какъ уже замѣчено выше, въ то время я такъ мало надѣялся на то, что такія замѣчательныя вещи могутъ дойти до свѣдѣнія Европы, и кромѣ того такъ былъ занятъ географическими изслѣдованіями, что всего этого не осматривалъ съ должнымъ вниманіемъ. Со временемъ другіе могутъ исправить мой недосмотръ. Съ меня же будетъ и того, что могу указать на эти изображенія и на мѣстности, гдѣ ихъ можно отыскать. Но при сравненіи фигуръ въ соч. Кирхера съ сообщеніемъ г. Делакруа одно обстоятельство возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе. Въ изданной послѣднимъ исторіи Тимуръ-бека (т. II) говорится, что великій Тамерланъ предпринялъ по Сибири походъ черезъ рѣку Иртышъ до Малой Бухаріи или Кашгарскаго царства, при чемъ La Croix сообщаетъ (стр. 69) слѣдующее: Les Emirs (т. е. полководцы Тимуръ-бека) s'arrêterent quelques jours en ce lieu, et ils traverserent la rivière pour graver leurs armes et leurs chiffres rougis au feu sur le pins de ces bois, ce qu'ils ne firent qu'afin que l'on vit dans

1) Ни № 16, ни № 17 на таблицѣ XV-й у Страленберга не значится (Ред.).

Таблица XI.

le temps à venir des marques de la venue de l'Armée de Timur, sur les arbres des forêts de ses ennemis, et des assurances de leur conquêtes au delà du fleuve d'Irtisch. Имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Сибири находятся выжженныя красною краскою письмена, напр. на р. Пышмѣ [1]), впадающей въ р. Туру между городами Тюменью и Тобольскомъ, но письмена эти писаны совершенно другимъ образомъ, какъ показываютъ табл. XVII и XVIII, мы должны принять въ соображеніе, не людьми-ли изъ войска Тамерлана написаны или выжжены какъ эти письмена, да письмена на р. Ирбитѣ, такъ, можетъ быть, и тѣ письмена, которыя изображены у насъ на табл. VIII, рис. В, т. е. письмена, найденныя на р. Енисеѣ. Не лучше-ли бы было, если La Croix, вмѣсто pins de ces bois, сказалъ бы rochers de ce fleuve (гдѣ знаки эти еще и теперь находятся)? Онъ самъ-же въ другомъ мѣстѣ своей исторіи Тимуръ-бека (II, стр. 81) высказывается объ этомъ точнѣе, хотя нѣсколько иначе: «Timur y demeura tout le jour, et il ordonna aux Soldats d'y porter des pierres, et en un moment il y fit élever un Obelisque de la hauteur d'un minaret, et les Sculpteurs habiles y graverent la date de l'an et du jour que Timur y passoit à la tête de son Armée, afin que cette pièce servit d'un monument durable à la postérité».

Русскіе въ Сибири разсказывали мнѣ, что на горѣ Итикѣ, лежащей между рѣками Ишимомъ и Иртышомъ, находится пирамида, на которой будто-бы и теперь еще видны письмена, но они мнѣ ничего не могли сообщить о свойствѣ этихъ письменъ; было-бы весьма любопытно, если-бы время и обстоятельства позволили посѣтить это мѣсто, но ѣхать туда одному и безъ конвоя было-бы опасно, такъ какъ это мѣсто находится въ дикой степи, гдѣ безпрестанно снуетъ казацкая орда. Однимъ словомъ, въ этихъ мѣстахъ и на концѣ р. Тобола находятся древности и рѣдкости, которыя вполнѣ заслуживаютъ быть срисованными.

Стр. 397—450. Медали. Во второмъ томѣ соч. «Das geöffnete Antiquitäten-Zimmer», на стр. 76, изображена маленькая, украшенная письменами, медаль, найденная будто-бы въ Великой Татаріи и названная г-мъ Baudelot большою рѣдкостью. Я изобразилъ ее на табл. XXI, рис. А [2]), чтобы интересующійся такими вещами могъ сравнить ее съ письменами, помѣщенными въ нашемъ сочиненіи на табл. V, рис. А, табл. XI, рис. В, и табл. XII, рис. В [3]). Нетрудно замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ знаковъ очень сходны между собою, напр. Z. ⅄. Г. Г У. Это я привелъ здѣсь для подтвержденія истины. Что касается тѣхъ медалей, которыя найдены были во время шведскаго плѣна въ Сибирской Татаріи, то я представляю здѣсь слѣдующія:

1) На табл. XX, рис. А, золотую медаль такой величины, какая значится на рисункѣ. Она вырыта изъ могильнаго холма, неподалеку отъ Иртыша, между соленымъ озеромъ, Ямышевомъ и городомъ Омскомъ (или Омскимъ острогомъ), и была представлена Сибирскому губернатору князю Гагарину. Съ другой стороны эта медаль совершенно гладка и безъ надписей, почему оборотная ея сторона не изображена на таблицѣ. У меня былъ еще рисунокъ другой медали такого-же рода, но я потерялъ его. Копіи съ обѣихъ медалей я передалъ доброму пріятелю, который, можетъ быть, со временемъ издастъ ихъ. Во время моего сибирскаго плѣна я не могъ представить себѣ, что мнѣ когда-либо придется сообщить публикѣ такія вещи: будь у меня тогда такое намѣреніе, я могъ-бы теперь указать въ десять разъ болѣе такихъ рѣдкостей. Желая только, какъ я уже говорилъ раньше, издать карту и географическое описаніе (что̀ одно уже требовало напряженія всѣхъ моихъ силъ), и сообщая остальное лишь для своего собственнаго удовольствія, я не обращалъ, правду сказать, вни-

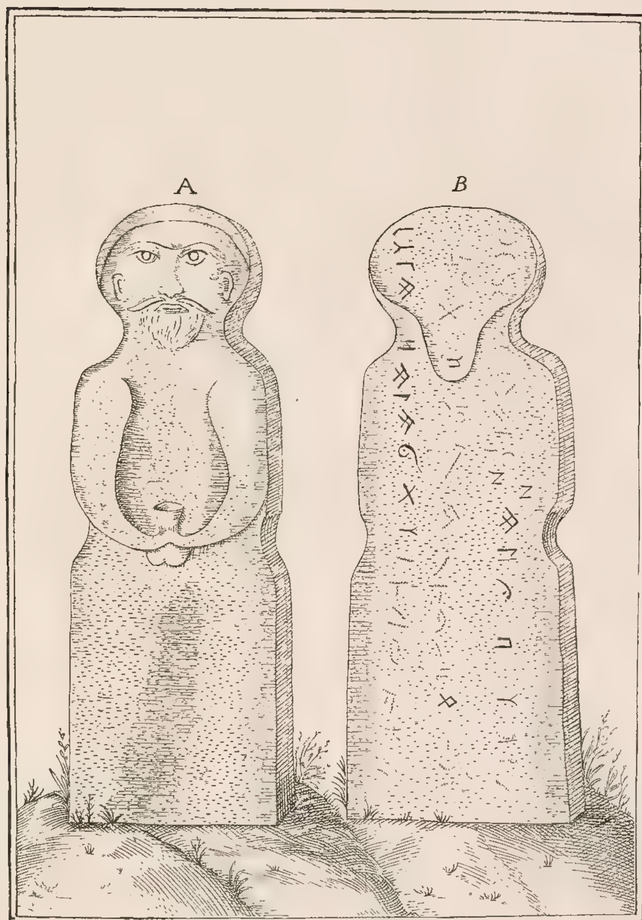
---

1) По этимъ письменамъ рѣка эта получила свое названіе при приходѣ туда Русскихъ, такъ какъ это слово обозначаетъ по-русски письмо (Страл.).

2) На той-же табл. XXI-й, подъ лит. В, помѣщено изображеніе изсѣченнаго изъ камня барана, о которомъ Страленбергъ на стр. 419 говоритъ, что изваяніе это находилось на берегу Енисея, въ г. Красноярскѣ.

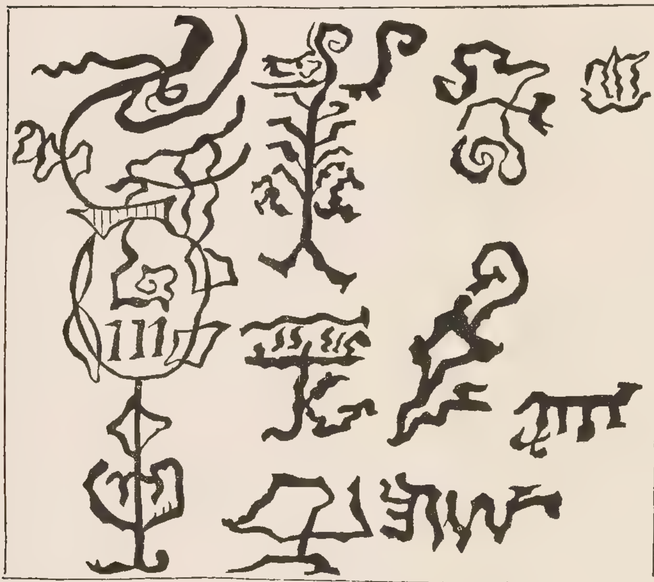
3) Рис. А на табл. XII вѣроятно изображаетъ лицевую сторону каменнаго изваянія, упомянутаго въ нашемъ переводѣ на стр. 34 и 50, а рис. В оборотную сторону его (Ред.).

Таблица XII.

манія на всѣ мелкія побочныя обстоятельства. Но такъ какъ я вижу, что до сихъ поръ ничего не издано по этой части, то я счелъ своею обязанностью сообщить все, что знаю по этому предмету, въ ожиданіи того, что другой со временемъ дополнитъ мои сообщенія. Что касается золотой медали, то трудно догадаться, что она изображаетъ. Вышеупомянутый князь Гагаринъ, какъ только получилъ ее, обратился ко всѣмъ свѣдущимъ Татарамъ и Калмыкамъ, за объясненіемъ ея, но никто изъ нихъ не могъ удовлетворить его желаніе. По моему мнѣнію, она похожа на изображеніе Божіей Матери, съ Іисусомъ-младенцемъ на груди, окруженнымъ солнечными лучами; такія я встрѣчалъ

Таблица XIII.

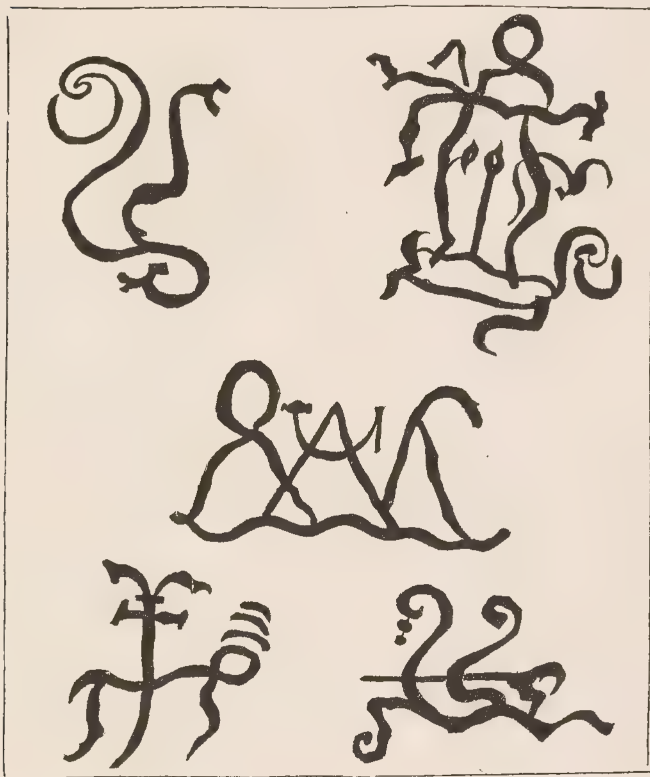
между образами въ русскихъ церквахъ, письменные же знаки, можетъ быть, выбиты сирійскими священниками, которые первые перенесли евангеліе изъ Сиріи въ землю Тангутовъ и въ Малую Индію, а оттуда въ Татарію [1]); о скиѳо-бутунскихъ буквахъ, употребленныхъ ими при чеканкѣ, упоминаютъ Thom. Hydius въ своемъ соч. Quadrupl. ling. dialect., и David Wilkens въ предисловіи къ

---

1) Золотая пластинка съ подобнымъ-же изображеніемъ издана и описана въ 1837 году покойнымъ Френомъ (Ueber alte süd-sibirische Graeberfunde mit Inschriften von gewissem Datum, въ Mém. de l'Acad. Impér. des sc. VI-e série, sciences histor. T. IV), по изслѣдованію котораго надписи на ней заимствованы съ золото-ордынской сарайской монеты 710-го года гиджры (Ред.).

Joan. Chamberlaynii Oration. Dominic. Я того мнѣнія, что авторъ, описавшій жизнь Петра I (Лейпцигъ 1725), указываетъ на эту медаль, говоря на стр. 702, что она найдена была у Каспійскаго моря вмѣстѣ съ разными письменами. Но я уже выше упоминалъ, что это невѣрно, и что озна-

Таблица XIV.

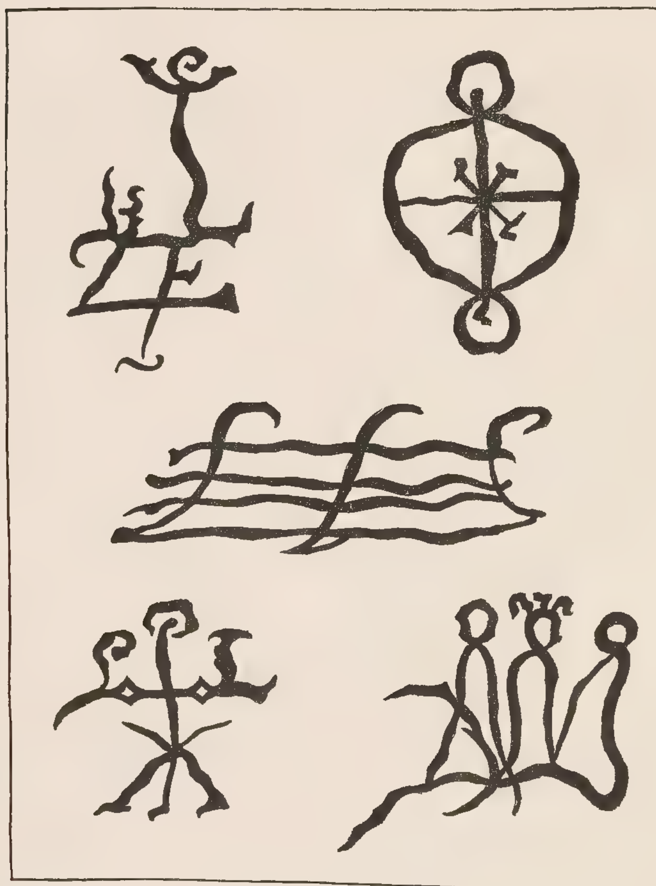

ченныя письмена найдены при рѣкѣ Иртышѣ. Тоже самое вѣроятно слѣдуетъ сказать о рисункахъ, упомянутыхъ авторомъ, ибо эти рисунки были имъ посланы уже въ 1719 году добрымъ пріятелямъ въ Петербургъ.

2) На табл. XX, подъ литер. B, изображена пластинка въ натуральную величину, отлитая изъ колокольнагѳ металла (у меня были двѣ такія пластинки, но я передалъ ихъ моему вышеупомянутому

пріятелю); эта пластинка найдена въ курганѣ между рѣками Ирбитомъ и Тоболемъ. Подобно упомянутой выше золотой медали, она на оборотной сторонѣ была гладка, хорошо отполирована, но безъ

Таблица XV.

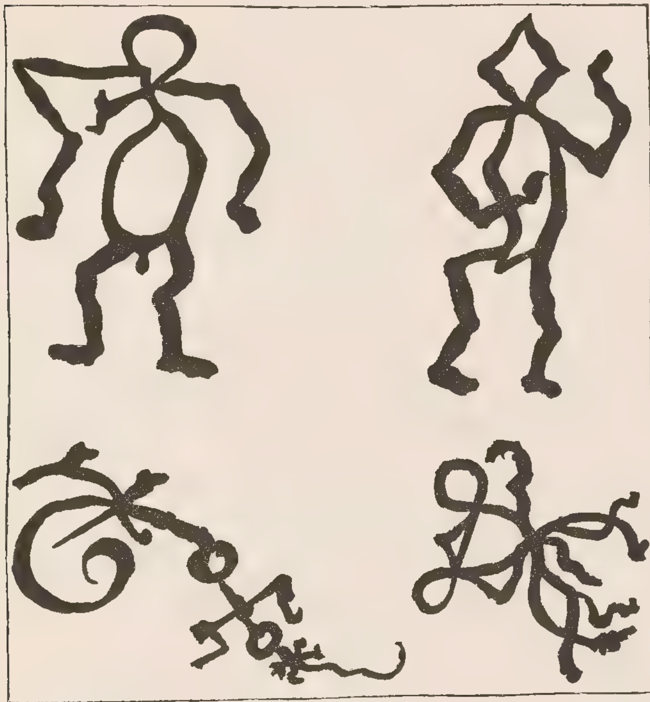

письменныхъ знаковъ. Такія пластинки находятъ сотнями въ тамошнихъ могилахъ; у всѣхъ по серединѣ находится ушко или небольшое возвышеніе, сквозь которое проходитъ отверстіе. Уже

выше, въ главѣ о письменныхъ знакахъ и при описаніи табл. IX, было замѣчено, что Татары такія пластины называютъ чарине.

3) Здѣсь считаю нужнымъ указать еще на фигуру, изображенную на табл. V, рис. C, съ принадлежащей къ ней оборотной стороной. Она состоитъ изъ вещества въ родѣ terra sigillata и изображена въ натуральную величину; съ одного боку она обломана, о чемъ уже упомянуто выше. Я нахожу на

Таблица XVI.

оборотной сторонѣ нѣсколько знаковъ, похожихъ на письмена, приведенныя въ сочиненіи Baudelot, какъ-то: Z· ▷. Һ. 1. Ѡ. Но такъ какъ фиг. B нѣсколько походитъ на идолъ Pussae, описанный Кирхеромъ (часть II, гл. III, стр. 141), и почти совпадаетъ съ извѣстіемъ, которое приводитъ Andr. Müll. Greiffenh. въ Hist. Sinensis Abd. Beidav. (стр. 40) о Хака или Хекмуни Брахмановъ (Калмыки называютъ его Шакьямуни, принимаютъ за святого земли Тангутской, почитаютъ и боготворятъ его до настоящаго времени), то я полагаю, что это изображеніе, которое мѣстами было укра-

шено синею краскою, а мѣстами позолочено вывезено въ землю Калмыковъ и Мунгаловъ изъ Индіи или изъ земли Тангутовъ, хотя и найдена вмѣстѣ съ старыми письменами въ маленькой часовнѣ у рѣки Кемчика (впадающей въ верхній Енисей), и что начертанные на немъ знаки тангутскія буквы. Желающіе могутъ сравнить эти знаки съ письменами, приведенными надворнымъ совѣтникомъ Менке въ Actis litterariis. Находящіяся на немъ три головки могутъ служить указаніемъ на то, что вещица эта происходитъ изъ Египта, откуда, можетъ быть, Тангуты получили впервые отчасти свою религію. Объ этомъ можно бы было сказать еще многое, но я предоставляю другимъ дальнѣйшее

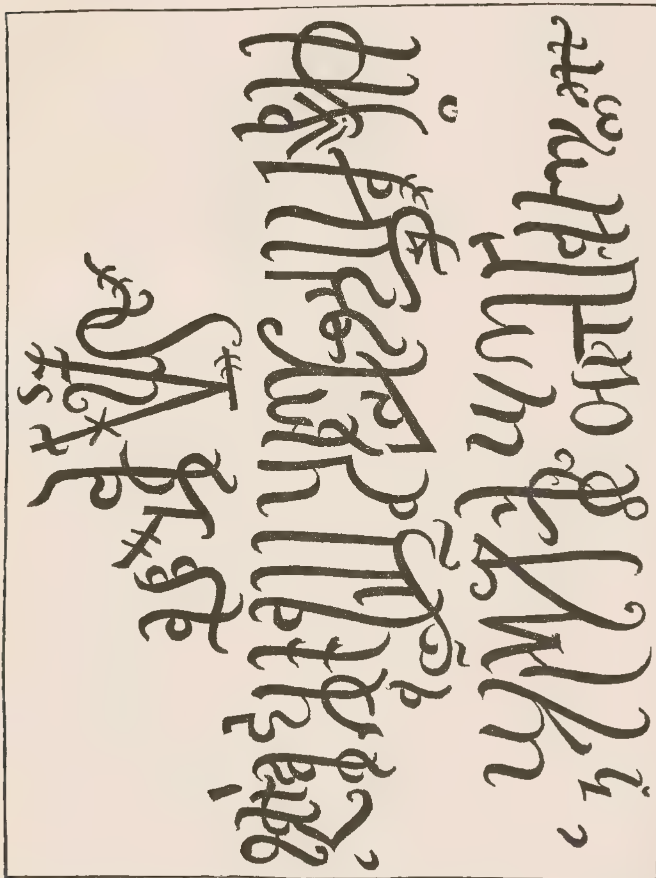
Таблица XVII.

изслѣдованіе этого вопроса. Уже на стр. 85 и 127 я въ своемъ предисловіи говорилъ о трехголовомъ идолѣ и о божествѣ Тригла или Триглавѣ. Наконецъ я долженъ здѣсь указать еще на фигуру, изображенную на табл. V, подъ лит. D. Это только отломанный кусокъ, обозначенный на рисункѣ черною краскою и изображенъ въ натуральную величину. Онъ также металлическій и отполированъ, какъ уже замѣчено при описаніи табл. XX, рис. подъ лит. B. Замѣчательнѣе всего то, что онъ отлитъ вмѣстѣ съ помѣщенною на немъ лиліею, которая по-видимому китайскій знакъ, и что вокругъ края желѣзнымъ штифтикомъ нацарапаны мелкіе и тонкіе скиѳскіе знаки. Можетъ быть, это была добыча, которую воинъ, захватившій ее, велѣлъ положить съ собою въ могилу. Очень жаль, что

Русскіе, нашедшіе эту пластинку въ могилѣ около города Абаканска, разбили ее, какъ мы уже замѣтили выше.

Таблица XVIII.

Стр. 409—412. Обелиски. Это четырехгранные, заостренные кверху, памятники, которые по французски называются также Aiguilles. Авторъ, издавшій въ Лейденѣ, въ 1726 г., Histoire

Généalogique des Tatars [1]), говоритъ на стр. 243: «Qu'en l'année 1721 un certain Medecin envoyé par le feu Empereur de la Russie pour examiner les diverses plantes et racines que la Siberie peut produire,

Таблица XX.

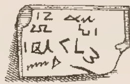
estant arrivé en compagnie de quelques Officiers prisonniers des Suedois du costé de la riviere de Tzulim

1) Сочиненіе это, какъ указано въ предисловіи, благодаря моимъ стараніямъ, переведено изъ татарской рукописи Абульгази Багадуръ-Хана на нѣмецкій языкъ (Страл.). Есть и русскій переводъ В. Тредьяковскаго, изд. Акад. Наукъ въ 1768 году, въ 2-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ: Родословная Історія о Татарахъ (Ред.).

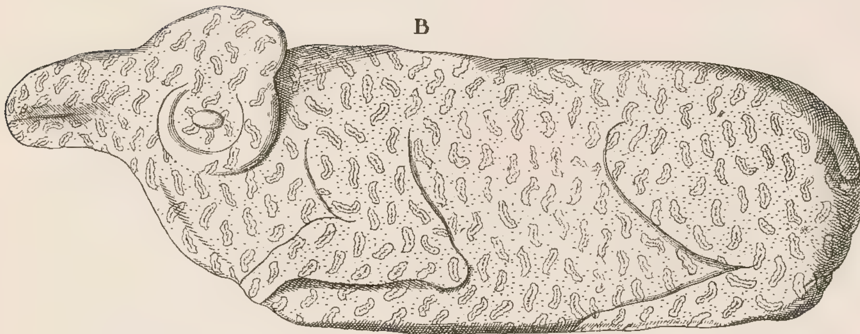
à l'Owest de la ville de Krasnoyar, il y trouva dressée au beau milieu de la grande Stepp qui regne de ce costé une espece d'Aiguille taillée d'une pierre blanche ayant environ 16 pieds de hauteur... il y avait une inscription sur l'un des costez de la grande Aiguille que le temps avoit déjà effacez en plusieurs endroits etc.[1])». Этотъ каменный памятникъ или Aiguille изображенъ мною на табл. V, подъ лит. A. При этомъ я хочу объяснить нѣкоторыя обстоятельства, которыя авторъ не могъ точно передать, такъ какъ онъ ихъ не зналъ. Пріѣхавъ, вмѣстѣ съ докторомъ Мессершмидтомъ, въ 1721 году, въ городъ Томскъ, мы пробыли тамъ нѣкоторое время. Затѣмъ Мессершмидтъ въ іюлѣ мѣсяцѣ продолжалъ

Таблица XXI.

A

B

свой путь въ Кузнецкъ на суднѣ вверхъ по р. Томи (я же остался тамъ, какъ по нѣкоторымъ осо-

1) См. Родосл. Історію о Татарахъ, I, стр. 313. Приводимъ оттуда-же (стр. 312—316) слѣдующую замѣтку, значающуюся во франц. оригиналѣ на стр. 242—244. «Во многихъ мѣстахъ великія Татаріи около Сибирскихъ границъ видятся не большіе холмики, подъ которыми находятся кости человѣческія съ конскими, и купно съ различными (со)судами и вещами золотыми и серебреными; находятся также и женскія кости съ золотыми перстнями на рукахъ. Сіе все нимало не сходно съ обычаями нынѣшнихъ жителей великія Татаріи; но толь есть праведно, что плѣнники Шведскіе, которые были въ Сибирѣ, ходили великими толпами искать таковыхъ гробовъ, тожъ и Россіане съ своей стороны чинили. И понеже Калмыки не хотѣли того позволить, чтобъ доходили и до ихъ земель для обдиранія сихъ гробовъ, то они въ разныя времена многихъ побили изъ оныхъ искателей, такъ что нынѣ жестоко запрещено во всей Сибирѣ исканіе таковыхъ гробовъ.... Чтожъ касается золотыхъ вещей, которыя находятся въ гробахъ, то кажется быть правдѣ согласно, что то гробы тѣхъ Могулловъ, которые ходили съ Чингисъ-Ханомъ во время великаго нападенія на полуденную Азію, также и ихъ первыхъ потомковъ: ибо какъ сіи люди взяли почти все богатство изъ всея Персіи, земли Харассмскія, великія бухаріи изъ государства Кашгарскаго, изъ всего Тангута, нѣкоторыя части Индіи, и изъ всего Хинскаго сѣвера, то легко можно подумать, что они могли имѣть много золота и серебра. И понеже многіе изъ Татаръ идолопоклонниковъ имѣютъ обычай еще и понынѣ, когда кто изъ нихъ умретъ, погребать съ иимъ луч-

бымъ причинамъ, такъ и потому, что хотѣлъ прослѣдить путь на лѣвой сторонѣ, для нѣкоторыхъ наблюденій). Проѣхавъ за Кузнецкъ почти до конца рѣки, онъ (Мессершмидтъ) покинулъ свое судно и продолжалъ путь на лошадяхъ влѣво и доѣхалъ до рѣки Уйбатъ, впадающей въ Абаканъ. Между тамошними горами простиралась маленькая степь, *Субурганъ*, въ которой находилось много могилъ (tumuli sepulchrales). Добравшись отсюда дальше на день пути до рѣчки Біи (Beé) онъ нашелъ здѣсь на маленькомъ бугрѣ вышеупомянутый каменный памятникъ, и поручилъ срисовать его шведскому мальчику, котораго взялъ съ собою. Когда я и вышеупомянутый мальчикъ въ 1722 году, по случаю заключенія мира, должны были разстаться съ докторомъ (Мессершмидтомъ), то онъ мнѣ передалъ различныя вещи, отчасти для г. архіятера, отчасти для лейбъ-медика Блументроста въ Петербургѣ. Ящикъ, который я вручилъ господину лейбъ-медику, при мнѣ былъ вскрытъ у послѣдняго и въ немъ, между прочими вещами, оказался рисунокъ этого камня; копія съ этого рисунка при семъ прилагается. Потерявъ, какъ я неоднократно упоминалъ, дорожную тетрадку, въ которую вносилъ различныя путевыя замѣтки, я лишился данныхъ о вышинѣ, ширинѣ и толщинѣ этого камня. Сколько однако могу припомнить, этотъ камень былъ сѣраго цвѣта, въ 1 футъ толщины, въ 2 фута ширины и 16 футовъ вышины. Если я и ошибаюсь, то это небольшая бѣда, потому что снимокъ и письменные знаки вѣрны и точны, и желающимъ ознакомиться съ ними могутъ служить для сравненія съ другими, напр. руническими буквами. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что не всѣ эти знаки руны, а что къ нимъ примѣшанъ, можетъ быть, другой родъ древнихъ парѳянскихъ буквъ. Сравни въ главѣ о «письменахъ, медаляхъ и іероглифическихъ знакахъ» извѣстіе, приведенное мною изъ соч. Делакруа, Hist. de Timur-Bek. Остается только пожалѣть, что время, вѣтеръ и непогоды уже уничтожили большую часть буквъ, и что вышеупомянутый г. Мессершмидтъ не имѣлъ времени и возможности остаться дольше въ этихъ мѣстахъ, гдѣ было еще много, что слѣдовало срисовать. Но дурныя распоряженія и недостаточная заботливость (для поддержанія такого важнаго путешествія и этого изслѣдованія) со стороны медицинской коллегіи, которая не оказала этому ученому достаточнаго содѣйствія (ибо на этомъ пути нашлось-бы вдоволь работы не для одного, а для десяти человѣкъ), по-видимому, какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ, мѣшали благопріятному исполненію порученія. О камнѣ, изображен. на табл. XII и найденномъ у р. Енисея, недалеко отъ городка и острога Абаканскаго, я говорилъ уже выше (см. стр. 34 и 40). Ср. также табл. II, на которой значатся планъ всей мѣстности и мѣсто, гдѣ находился этотъ камень. Послѣдній у подошвы имѣлъ 4 четверти ширины, вверху черезъ плечи три четверти, и 11 четвертей вышины; лицо было обращено на востокъ. По моему мнѣнію это Пріапъ. Всю заднюю сторону также покрываютъ письменные знаки, расположенные рядами, но они были большею частью уничтожены временемъ, вѣтромъ и непогодами. На этомъ-же мѣстѣ находились могилы, значащіяся на табл. II, подъ лит. L; по угламъ ихъ помѣщались изображенные на табл. XI руническіе камни, которые слѣдуетъ сравнить съ тѣмъ, что мною сказано въ главахъ о древнихъ могилахъ, письменныхъ знакахъ и медаляхъ.

шаго его коня, и наидражайшія вещи изъ его движимаго имѣнія, дабы ему могло сіе служить на томъ свѣтѣ; того ради и тогда не можно имъ было не погребать золотыхъ и серебреныхъ сосудовъ съ своими мертвыми, толь долго, пока у нихъ оные были, такъ что вся разность между вышеупомянутыми гробами, и гробами нынѣшнихъ Татаръ идолопоклонниковъ, состоитъ токмо въ семъ, что нынѣ, понеже у нихъ нѣтъ уже больше богатства, погребаютъ обыкновенно нѣкоторыя деревянныя чаши, и другія подобныя не дорогія вещи, которыя имъ за велико кажутся тѣмъ, что служили долго въ малой домовой ихъ потребѣ. Надлежитъ присовокупить къ сему, въ рассужденіи чрезвычайнаго почтенія, которое обще всѣ Татары идолопоклонники имѣютъ къ гробамъ своихъ предковъ, и сопротивленіе Калмыцкое тѣмъ, которые ходили искать помянутыхъ гробовъ, какъ неложный знакъ, что сіи гробы ихъ предковъ, потому что сіе токмо одно, которое могло возбудить толь любящихъ тишину людей, каковы съ природы Калмыки, къ дѣйствительному убивству въ таковомъ случаѣ» (Ред.).

X.

Изъ 1-й части соч. Белля (J. Bell of Antermony): Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 1—2. Glasgow, 1763. 4° [1]).

Стр. 192—194. Домъ, называемый Sedmy Palaty (Семь Палатъ), лежитъ по правую сторону, если спускаться внизъ по рѣкѣ (Иртышу). Поразительно видѣть среди степи такое правильное зданіе. Нѣкоторые изъ Татаръ говорятъ, что оно построено Тамерланомъ, котораго Татары называютъ Темиръ-Аксакомъ или Хромымъ Темиромъ, другіе же приписываютъ эту постройку Чингизъ-Хану. Зданіе, согласно лучшимъ свѣдѣніямъ, какія я могъ получить, сложено изъ кирпича или камня, хорошо отдѣлано и понынѣ остается въ цѣлости. Оно состоитъ изъ семи комнатъ подъ одною крышей, откуда и явилось названіе «Семь Палатъ». Нѣсколько комнатъ были наполнены свитками глянцевитой бумаги, прекрасно исписанными; на многихъ изъ нихъ золотыя буквы. Нѣкоторые свитки черные, но большая часть — бѣлые. Языкъ, на которомъ они писаны, тангутскій или калмыцкій. Когда я былъ въ Тобольскѣ, то встрѣтилъ тамъ на улицѣ солдата со связкою такихъ бумагъ въ рукѣ. Онъ просилъ меня купить ихъ, что̀ я и сдѣлалъ, заплативъ небольшую сумму. Я оставилъ ихъ у себя до прибытія моего въ Англію, гдѣ роздалъ ихъ моимъ друзьямъ, особенно же ученому антикварію, Hans Sloane, который оцѣнилъ ихъ очень высоко и далъ имъ мѣсто въ своемъ знаменитомъ музеѣ. Два такихъ свитка послано было, по приказанію императора Петра Перваго, въ Королевскую Академію въ Парижѣ. Академія возвратила переводъ ихъ, который я видѣлъ въ кунсткамерѣ въ С.-Петербургѣ [2]). Одинъ изъ нихъ содержалъ порученіе ламѣ или жрецу, другой форму молитвы къ Божеству. На сколько можно полагаться на этотъ переводъ, я не берусь опредѣлить. Татары считаютъ всѣ ихъ священными письменами, какъ это видно по заботѣ, прилагаемой ими къ сохраненію этихъ бумагъ. Быть можетъ, онѣ содержатъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ, особенно по древней исторіи. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Семи Палатъ внизъ по Иртышу, на западнемъ берегу его, стоитъ старая башня, извѣстная подъ именемъ Калбазинской башни [3]).

Стр. 209—211. Въ 8 или 10 дняхъ пути отъ Томска, на равнинѣ этой, найдено нѣсколько гробницъ и могилъ древнихъ героевъ, по всей вѣроятности павшихъ въ сраженіи. Могилы эти легко замѣтить по землянымъ и каменнымъ холмамъ, насыпаннымъ надъ ними. Когда или кѣмъ даны эти сраженія, на столь дальнемъ сѣверѣ, неизвѣстно. Татары Барабинской степи говорили мнѣ, что у Тамерлана или Тимуръ-Аксака, какъ они его называютъ, происходило нѣсколько стычекъ съ Калмыками, которыхъ онъ тщетно пытался покорить.

Много людей, изъ Томска и другихъ мѣстъ, каждое лѣто отправляются къ этимъ могиламъ, разрываютъ ихъ и находятъ среди праха покойника значительное количество золота, серебра и мѣди, драгоцѣнные камни, въ особенности же рукоятки мечей и оружіе. Находятъ также украшенія сѣдельныя и уздечныя и другіе конскіе уборы, равно какъ лошадиныя, а иногда и слоновыя, кости. Изъ этого видно, что когда хоронили вождя или знатное лицо, то вмѣстѣ съ нимъ клали въ туже

1) Извѣстія о Сибири взяты изъ второго отдѣла (Chapt. II) этой книги, который носитъ спеціальное заглавіе: Part of a journey to Pekin in China, throug Siberia, in the years 1719, 1720 and 1721. Есть также русское изданіе Беллева Путешествія, сдѣланное по французскому переводу и вышедшее въ Петербургѣ, въ 1776 году (Ред.).

2) Это тѣ извѣстныя, найденныя въ Аблайкитѣ, тангутскія рукописи, надъ объясненіемъ которыхъ тщетно трудились парижскіе ученые братья Фурмонъ. См. упомянутое выше (стр. 20) изслѣдованіе Г. Ф. Миллера: De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis. Ср. еще Родосл. Істор. о Татарахъ II, 151—154 (Ред.).

3) По мнѣнію Гр. Спасскаго (Сибир. Вѣстн. за 1820 годъ, ч. XI, стр. 135) Калбазинская башня (извѣстная у Калмыковъ подъ именемъ Джаликъ-Обо) получила свое названіе отъ урочища Кабанъ-гусанъ, о которомъ Ѳ. И. Байковъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи въ Китай въ 1654 году, говоря: «А въ Кабанъ-гусанѣ поставлена мечеть Калмыцкая: кирпичь жженой... А живетъ тутъ Калмыцкій Лама, подлѣ Иртыша на лѣвой сторонѣ. А поставлены у того Ламы двѣ палаты бурханные велики: кирпичь жженой». См. Сахарова: Сказ. Русск. народа, т. II, кн. 8, стр. 126 (Ред.).

могилу все его оружіе, его любимаго коня и слугу. Обычай этотъ существуетъ до сихъ поръ между Калмыками и другими Татарами и относится, кажется, къ глубокой древности. Судя по числу могилъ, на этихъ равнинахъ погибло, должно быть, нѣсколько тысячъ народу, потому что люди нѣсколько лѣтъ уже безпрерывно откапываютъ эти сокровища и все еще находятъ нетронутыя могилы. По временамъ, впрочемъ, нѣкоторые Калмыки, гнушающіеся нарушенія праха покойниковъ, нападаютъ на этихъ кладоискателей и отбираютъ у нихъ всю ихъ добычу.

Я видѣлъ разныя принадлежности вооруженія и другія любопытныя вещи, вырытыя изъ этихъ могилъ, особенно помню вооруженнаго всадника на конѣ, недурной отдѣлки, и фигуры звѣрей изъ чистаго золота, въ срединѣ просверленныя и служившія украшеніемъ колчана или лошадиной сбруи. Во время пребыванія нашего въ Томскѣ, одинъ изъ такихъ гробокапателей сообщилъ мнѣ, что однажды они наткнулись на сводчатый склепъ, гдѣ нашли костякъ человѣка съ его лукомъ, стрѣлою, копьемъ и другимъ оружіемъ, лежавшаго со всѣми этими вещами на серебряной пластинѣ (table). Остовъ, при прикосновеніи къ нему, обратился въ прахъ. Цѣнность пластины и оружія была очень значительна.

XI.

Изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, Томъ VI-й, № 3738.

Въ доношеніи въ Сенатъ Сибирскаго Губернатора Князя Черкасскаго написано: золото, которое въ могилахъ находятъ, на Его Царское Величество закупать-ли? И по Его Царскаго Величества указу и по Сенатскимъ приговорамъ велѣно: 1720 сентября 1 дня: золото, которое годится въ передѣлъ, покупать настоящею цѣною безъ передачи. 1721 февраля 16 дня: куріозныя вещи, которыя находятся въ Сибири, покупать Сибирскому Губернатору, или кому гдѣ надлежитъ, настоящею цѣною и не переплавливая, присылать въ Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегію, а въ оной, потому жъ не переплавливая, объ оныхъ докладывать Его Величеству.

XII.

Изъ Хронографа Императорской Публичной Библіотеки Л. F IV, № 165 (Толстовское Отд. I, № 61[1]).

«...а верхъ Томи же рѣки острогъ Кузнецкой, тамо варятъ желѣзо, желѣзо же земли тоя добро, а не дошедъ того острогу на краи рѣки Томи лежитъ камень великъ и высокъ, а на немъ писано звѣри скоти и птицы и всякія подобія, а егда по нѣкоему прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якоже и на краи»... «Есть же по тѣмъ рѣкамъ многіе грады каменные и великіе полаты по степнымъ мѣстамъ, а всѣ пусты, а иные отъ давныхъ лѣтъ осыпалися, а какіе люди сталися никто о семъ не вѣсть»...

1) См. А. Попова, Изборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. Москва 1869, стр. 403—404.

VII.

VIII

IX.

1/2

Imprimerie C de Tacte à S Petersbourg

X.

1/2

XI.

1 2 3 4 5 6 7

8

11

10 12

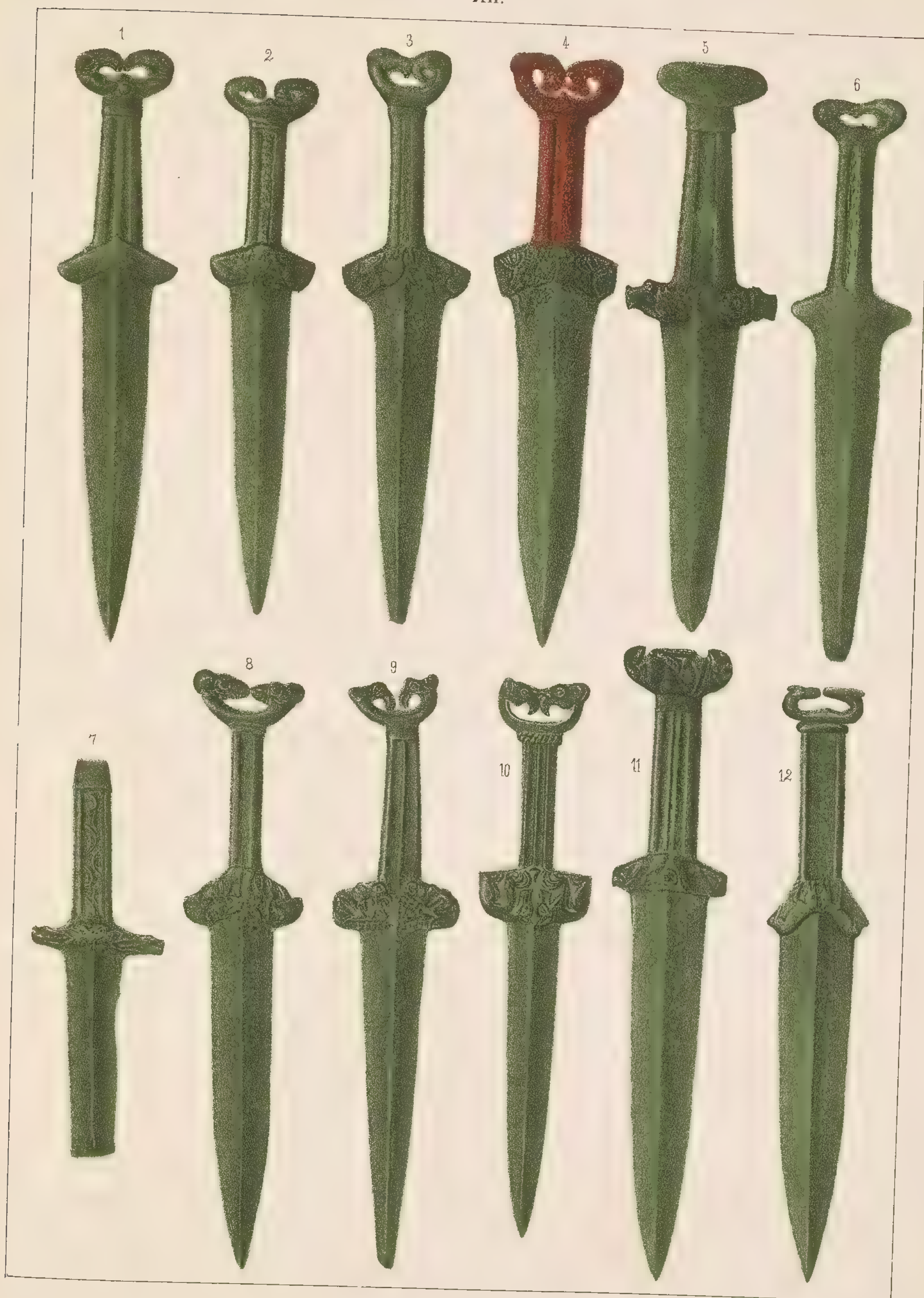
9

13

½

Лит. К. де Кастелли СПб.

XII.

½

Лит К де Кастелли СПБ

XIII.

½

XIV.

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 6-e. Recherches du professeur J. Koulakovsky concernant une catacombe chrétienne datant de l'année 491 et découverte en 1890 à Kertch sur le versant nord du mont Mithridate.

Sommaire.

Construction du caveau et son aspect intérieur. Inscriptions murales de ce caveau, tracés en rouge foncé sur la glaise; leur disposition et le contenu du texte. Notes générales sur ces inscriptions. Nature des caractères. Des croix et de leurs formes. Importance historique du monument. Données chronologiques sur les inhumations dans les catacombes. Analyse des noms. Etat du Bosphore au V-e siècle. Restauration des anciens souverains et leurs rapports avec l'empire byzantin. Relations de l'empereur Justinien avec le Bosphore. Témoignages sur l'existence du christianisme dans le Bosphore. Monuments chrétiens découverts à Kertch.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

КЕРЧЕНСКАЯ

ХРИСТІАНСКАЯ КАТАКОМБА

491 года.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ЮЛІАНА КУЛАКОВСКАГО,
ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра.

СЪ 4 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 4 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На сѣверномъ склонѣ горы Митридата, повыше Татарской Слободки, предмѣстья города Керчи, сдѣлана была весною 1890-го года, совершенно случайно, весьма интересная и важная находка. Люди, добывавшіе камень, наткнулись на катакомбу, стѣны которой были украшены фресками. Въ виду возможности нахожденія другихъ подобныхъ катакомбъ въ сосѣдствѣ съ этой, Императорская Археологическая Коммиссія поручила мнѣ произвести изысканія въ прилегающей мѣстности. Предпринятыя мною въ концѣ Іюля и началѣ Августа 1890-го года раскопки, хотя вообще и не были безплодны, не привели меня однако къ открытію того, чего непосредственно я искалъ. Мнѣ не удалось найти катакомбы съ фресками, но изъ числа нѣсколькихъ, вскрытыхъ мною, разоренныхъ катакомбъ на томъ-же склонѣ горы Митридата оказалась одна, также разоренная въ давнее время, которая однако представила собою, среди множества доселѣ открытыхъ памятниковъ этого рода, первый и единственный пока примѣръ христіанской погребальной пещеры съ опредѣленной хронологической датой. Описаніе этого памятника и историческое освѣщеніе самаго факта его нахожденія въ Керчи составятъ предметъ предстоящаго изслѣдованія.

I.

Мѣсто находки. Устройство пещеры и ея видъ. Надписи на стѣнахъ ея, ихъ расположеніе и тексты. Замѣчанія о нихъ въ совокупности. Характеръ письма. Кресты и ихъ форма.

§ 1. Мѣсто находки и внѣшнее описаніе пещеры.

Типъ погребальнаго сооруженія, къ которому относится открытый мною христіанскій памятникъ, извѣстенъ въ Керчи еще со времени начала производства раскопокъ на этой неистощимой въ археологическомъ отношеніи почвѣ. Сѣверный склонъ горы Митридата, начиная отъ западной ограды закрытаго нынѣ стараго керченскаго кладбища въ направленіи параллельномъ такъ называемымъ Пирамидальной и Долгой Скаламъ, представилъ въ разное время около двухсотъ погребальныхъ сооруженій этого типа[1]). Всѣ катакомбы, лежащія въ этой мѣстности, имѣютъ большое сходство въ своемъ устройствѣ. Онѣ вырыты, или высѣчены, въ слоѣ глины, который лежитъ ниже перваго каменнаго слоя материка. Такъ какъ слой насыпной земли и первый каменный слой материка (представляющій довольно рыхлую, слоящуюся, известковую формацію) имѣютъ различную толщину въ разныхъ мѣстахъ покатости горы, то и глубина, на которой устраивались пещеры, бываетъ различна. Однѣ изъ нихъ лежатъ на двѣ сажени ниже поверхности почвы, иныя оказываются на глубинѣ четырехъ, пяти и даже шести саженъ. Раскопки на горѣ Митридата не сопровождались обыкновенно точной съемкой мѣстности, въ которой онѣ были производимы, и вскрываемые курганы, гробницы и катакомбы не были наносимы на карту. Такъ какъ выборъ мѣста для раскопокъ имѣлъ въ большинствѣ случаевъ характеръ случайный, то на всемъ этомъ пространствѣ возможны и доселѣ интересныя и важныя археологическія находки. Одной изъ такихъ является катакомба, открытая мною 4-го Августа 1890-го года на усадьбѣ керченскаго жителя г. Коробки. Усадьба эта лежитъ по Госпитальной улицѣ, въ 20 саженяхъ вверхъ отъ угла Нагорной улицы, на правой сторонѣ подъема.

По своимъ размѣрамъ и устройству катакомба эта не отклоняется ни въ чемъ существенномъ отъ обычнаго типа этого рода сооруженій. Полъ ея приходится на глубинѣ 4 сажень ниже

---

[1]) Таково приблизительно число катакомбъ, о вскрытіи которыхъ помянуто въ отчетахъ Имп. Арх. Коммиссіи за годы съ 1859 по 1881.

теперешняго уровня пролегающей здѣсь улицы. Глина, въ которой она высѣчена, имѣетъ свѣтложелтый цвѣтъ и отличается большой плотностью. Стѣны пещеры, въ противоположность тому, что мнѣ приходилось видѣть въ другихъ, находившихся по близости, катакомбахъ, не выровнены, такъ что на нихъ ясно отпечатлѣны отдѣльные удары того остраго орудія, которымъ производилась работа. Отдѣльные обрѣзы имѣютъ гладкую, блестящую поверхность. Неровности и шероховатости между ними не сглажены. Углы въ пещерѣ измѣрены неточно, и, хотя въ общемъ она производитъ такое впечатлѣніе, что въ ея планѣ имѣлось въ виду достигнуть прямоугольности, но прямыми углы почти нигдѣ не оказались (см. прилагаемый планъ и разрѣзы, таблица I). У входа (V) пещера значительно уже, чѣмъ въ своей задней части: въ первомъ мѣстѣ она имѣетъ 2 аршина 5 вершковъ, во второмъ 3 арш. 6 верш. Вышина ея также не одинакова: у входа 2 арш. 4 верш., въ задней части — 2 арш. 8 вершковъ.

По тремъ стѣнамъ пещеры углублены большія четырехугольныя ниши во всю длину стѣнъ. Самая широкая и глубокая между ними та, которая пробита въ стѣнѣ противъ входа (II). Въ своей правой части она имѣетъ 2 арш. глубины, въ лѣвой—нѣсколько больше одного аршина. Вышина всѣхъ трехъ нишъ—около одного аршина. Между потолкомъ центральной части пещеры и потолкомъ нишъ есть небольшая разница въ высотѣ: первый приходится приблизительно на полтора вершка выше. Такимъ образомъ надъ нишами являются какъ-бы карнизы. Одинъ изъ нихъ, а именно приходившійся надъ средней нишей, обвалился; нѣсколько пострадалъ также въ своемъ правомъ концѣ карнизъ лѣвой отъ входа ниши.

Входъ въ пещеру пробитъ лишь приблизительно въ серединѣ стѣны: лѣвая сторона (для стоящаго внутри лицомъ ко входу) нѣсколько шире, чѣмъ правая. Вышина входа 1 арш. 8 верш. съ наружной стороны и 1 арш. 14 верш. съ внутренней. Разница эта происходитъ отъ двухъ ступенекъ, которыя прибиты въ толщѣ входной стѣны. Ширина входа въ верхней части 1 аршинъ, а внизу—1 арш. 4 верш. Верхняя поперечная линія представляетъ овальное закругленіе.

Таковъ внѣшній видъ пещеры. Входъ въ нее былъ закрытъ большимъ четырехугольнымъ камнемъ той породы, которую въ Керчи зовутъ «дикаремъ». Онъ гораздо тверже мѣстнаго камня; залежи его находятся близь селенія Булганакъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Оріентирована наша катакомба съ сѣвера на югъ; такая оріентировка обусловлена природой данной мѣстности, представляющей наклонъ къ сѣверу. Расположеніемъ входа на сѣверной сторонѣ сокращалась работа по устройству спуска въ пещеру, который шелъ въ видѣ отлогаго корридора со ступеньками. Въ данномъ случаѣ вскрывать этотъ спускъ не было ни интереса, ни возможности. Послѣднее потому, что онъ идетъ вдоль всей усадьбы г. Коробки, черезъ весь его дворъ, имѣя выходъ въ сосѣдней усадьбѣ—вѣроятно, подъ ея заборомъ. Катакомба была вскрыта, какъ то дѣлается здѣсь обыкновенно, путемъ очищенія колодца, каковой пробивался по отвѣсу до глубины входа при самомъ устройствѣ этого рода сооруженій. Этотъ способъ вскрытія былъ въ данномъ случаѣ причиной нѣкоторой археологической утраты. Большой камень, закрывавшій входъ въ пещеру, препятствовалъ окончанію работы. За невозможностью извлечь его цѣликомъ съ четырехсаженной глубины, пришлось разбить его на части. Впослѣдствіи оказалось, что на немъ былъ высѣченъ рельефомъ крестъ, обведенный по краямъ красной краской. Два куска этого камня, съ нижнимъ и однимъ изъ боковыхъ концовъ его, хранятся нынѣ въ Керченскомъ Музеѣ.

Въ заключеніе обзора внѣшняго вида катакомбы слѣдуетъ помянуть еще объ одной детали: на наружной стѣнѣ входа надъ дверью съ лѣвой стороны нацарапано острымъ орудіемъ на глинѣ два раза начало греческаго алфавита: въ верхней строкѣ буквы Α Β Γ Δ, а въ нижней — ΑΒΓΔЄΖ.

§ 2. Надписи.

Интересъ и важность даютъ нашей катакомбѣ надписи, которыми покрыты ея стѣны, и кресты, которыми онѣ украшены. Надписи исполнены непосредственно на глинѣ темнокрасной краской. Ихъ рядъ начинается на центральной стѣнѣ лѣвой (для входящаго) ниши и, продолжаясь на право, заканчивается на входной стѣнѣ надъ дверью. Такъ какъ въ пещерѣ три ниши, то всѣхъ площадей, покрытыхъ надписями, девять. Кромѣ того на трехъ помянутыхъ выше карнизахъ надъ нишами сдѣланы надписи въ одну строку. Вышина буквъ колеблется отъ двухъ вершковъ до одного.

Не предваряя дальнѣйшихъ замѣчаній о характерѣ письма, отмѣтимъ здѣсь только то, что всѣ надписи исполнены, очевидно, за одинъ разъ, хотя и писаны не съ одинаковой тщательностью. Эта послѣдняя ослабѣваетъ въ направленіи отъ начала ихъ ряда къ концу. На стѣнахъ правой (для входящаго) ниши письмо гораздо небрежнѣе, чѣмъ въ центральной нишѣ, что выражается какъ въ формѣ буквъ, такъ и въ неровности строкъ. Для большей наглядности представленія прилагаемъ здѣсь схему общаго распредѣленія надписей (см. прилагаемую таблицу А).

Переходимъ къ обозрѣнію надписей въ отдѣльности.

1. На центральной стѣнѣ лѣвой ниши красуется изображеніе креста съ подвѣшенными къ нему буквами Α и ω, а на право отъ него читаемъ:

ЄΝΤω ЄΤΙ
ΗΠΨ

ἐν τῷ ἔτ(ε)ι ηπψ', т. е. въ 788 году.
(См. таблицу II, 1).

Эра, годъ которой здѣсь приведенъ, есть несомнѣнно боспорская, утвердившаяся въ Пантикапеѣ со времени Митридата Великаго и ставшая затѣмъ туземной. Она начинается за 297 лѣтъ до Р. Х., а потому годъ, приведенный въ надписи, будетъ для насъ 491. Отъ конца V вѣка нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Боспора, что и придаетъ особенную историческую важность самой находкѣ, какъ то будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ. Самую дату можно съ равнымъ правомъ какъ отнести ко времени устройства этой погребальной пещеры, такъ и принять за годъ, когда погребены были въ ней христіане, имена которыхъ значатся въ надписи n. 6. Оба эти предположенія имѣютъ одинаковую вѣроятность.

2. На правой стѣнѣ той-же ниши вокругъ креста исполнена слѣдующая надпись во всю ширину стѣны.

п. 11. стихъ псалма 26-го				п. 13. стихъ псалма ?		
ЛѢВАЯ НИША			**ЦЕНТРАЛЬНАЯ НИША**			
центральная стѣна	правая стѣна		лѣвая стѣна	центральная стѣна	правая стѣна	
п. 1.	п. 2.		п. 3.	п. 4.	п. 5.	п. 6.
хронологическая дата.	молитва: χαρὰ μεγάλη.		Псаломъ 90-ый отъ начала до 12 стиха.			Славосл и имен

Таблица А (къ стр. 4).

	п. 12. стихъ псалма 26-го		
ПРАВАЯ НИША			ВХОДНАЯ СТѢНА
лѣвая стѣна	центральная стѣна	правая стѣна	
п. 7.	п. 8.	п. 9.	п. 10.
Псаломъ 90-ый отъ 13 стиха до конца.			7 и 8 стихи псалма 120-го.

ΧΑΡΑ ✝ ΜΕΓΑΛΗΓΕΝ
ΓΟΝΕΝ ΤΩΟΙΚΩΤΟΥ
ΤΩCΗ ΜΕΡΟΝΤ
ΩΝΑΓΙ Α Ω ΩΠΑΡΑ
ΓΕΝΟΜΕ ΝΩΝΤΩΝ
ΔΙΚΕΩΝ CΥΝΑΛΟΜΕ
ΝΩΝΚΑΙΤΩΝΠΑΝΤΩ
ΩΥΜΝΟΥΤΩCΕΕΛΕ C

Χαρὰ με‹ν›γαλη γέγονεν τῷ οἴκῳ τούτῳ σήμερον, τῶν ἁγιω[ν] παραγενομένων, τῶν δικ(αί)ων συναλ[λ]ομένων καὶ τῶν πάντων[1]) *ὑμνού[ν]τω[ν] σε · ἐλέ[η]σ[ον]* [2]).

Позволимъ себѣ представить переводъ этой молитвы на славянскій языкъ. «Радость велія бысть дому сему днесь, прибывшимъ святымъ, соликующимъ праведнымъ и всѣмъ воспѣвающимъ Тя: помилуй». Молитвы такого содержанія нѣтъ въ нашихъ Евхологіяхъ. По сужденію спеціалистовъ по литургикѣ, къ которымъ мы обращались за помощью, молитва эта имѣетъ характеръ стихиры. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть случай остановиться на ея текстѣ.

3. 4. 5. На всѣхъ трехъ стѣнахъ центральной ниши средину поля занимаютъ изображенія крестовъ, которые дѣлятъ соотвѣтственныя площади по поламъ. Строки надписи, начинаясь съ лѣвой стороны первой площади, тянутся непрерывно до креста, помѣщеннаго въ серединѣ третьей. Число строкъ на лѣвой стѣнѣ 8 и такое-же на лѣвой сторонѣ центральной стѣны. На двухъ остальныхъ поляхъ по 9 строкъ. Писавшій прибавилъ здѣсь 9-ую строку, чтобы довести свой текстъ до точки.

Надпись эта представляетъ первые 12 стиховъ 90-го псалма. Помѣстивъ ее на прилагаемой таблицѣ, предпосылаемъ греческому оригиналу переводъ его на славянскій языкъ. «Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него. Яко той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна. Плещма своима осѣнитъ тя, и подъ крилѣ его надѣешися; оружіемъ обыдетъ тя истина его. Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тьмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго. Падетъ отъ страны твоея тысяща и тьма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится. Обаче очима твоима смотриши и воздаяніе грѣшниковъ узриши. Яко ты, Господи, упованіе мое, вышняго положилъ еси прибѣжище твое.

---

[1]) Конечное ν, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть въ буквѣ, съ которой начинается послѣдняя строка. Краска расплывалась на неровной поверхности и буква потеряла свой обликъ.

[2]) Буква C, стоящая на право между 7 и 8 строками, выведена на сосѣдней стѣнѣ. Она относится, вѣроятно, къ недописанному слову: ἐλέησον.—См. таблицу III.

Не пріидетъ къ тебѣ зло, и рана не приближится тѣлеси твоему. Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою». (См. прилагаемую таблицу Б и IV, 1).

Отлагая до дальнѣйшаго вопросъ объ орѳографіи этой надписи, отмѣтимъ, что единственнымъ уклоненіемъ отъ текста, какъ онъ читается въ оригиналѣ, является прибавка словъ βοηθός μου во 2-мъ стихѣ. Три пропуска: καί и σέ въ 3-мъ стихѣ и предлогъ ἐν — въ 10-мъ, суть очевидные lapsus memoriae писавшаго. Весьма вѣроятно, что погрѣшностью того-же рода слѣдуетъ признать и указанную прибавку [1]).

6. Въ правой половинѣ правой стѣнки центральной ниши на право отъ креста, занимающаго середину поля, написано слѣдующее.

ΑΓΙΟCΟΘΕΟC
ΑΓΙΕΙΟCΕΙCΧΥΡΟC
ΑΓΙΕΙΟCΑΘΑΝΑ
ΤΟCΕΛΕΗCΟΝ
ΤΟΝΔΟΥΛΟΝCΟΥ
CΑΥΑΓΑΝ
ΚΑΙΦΑΕΙCΠΑΡΤΑΝ

Ἅγιος ὁ Θεός, | ἅγι<ει>ος (ἰ)σχυρός, | ἅγι<ει>ος ἀθάνατος, ἐλέησον | τὸν δοῦλόν σου | Σαυάγαν | καὶ Φαεισπάρταν.

(См. таблицу II, 2).

т. е. «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй раба Твоего Савагу и Фаиспарту». Трудность въ изъясненіи этой простой, повидимому, надписи состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ единственнаго числа τὸν δοῦλόν σου поставлено здѣсь два имени, которыя соединены союзомъ καί. Понять это можно такъ, что первоначально, при устройствѣ пещеры, стояло здѣсь одно имя того христіанина, который приготовилъ для себя здѣсь мѣсто упокоенія, а затѣмъ, позднѣе приписано было другое, которое носилъ, быть можетъ, какой-нибудь близкій родственникъ перваго. Но возможно понять и такъ, что отсутствіе согласованія въ числахъ есть только неправильность выраженія, которую легко можно допустить у людей, писавшихъ одно и тоже слово два раза къ ряду въ разныхъ формахъ: αγιος и αγιειος. Хотя населеніе Боспора говорило и въ ту пору по гречески, но, конечно, по своему и безъ живаго чувства грамматической правиль-

---

[1]) Начало псалма 90-го можно указать на двухъ эпиграфическихъ памятникахъ. Оно начертано, и притомъ довольно неисправно, на одной деревянной текѣ (θήκη), хранящейся въ Туринскомъ музеѣ (лишь первыя пять словъ псалма). Его-же, въ видѣ двухъ первыхъ стиховъ псалма, нашелъ Le Bas написаннымъ красной краской на притолкѣ двери одного древняго зданія въ Сиріи. Въ другомъ Сирійскомъ городѣ (El-Moudjeleye) нашелъ тотъ-же Le Bas отрывокъ изъ середины псалма, а именно вторую половину 9 стиха и весь 10-ый. Отрывки эти сопоставлены проф. Помяловскимъ въ его статьяхъ: «По поводу одной греческой христіанской надписи, найденной недавно въ Каирѣ» — Извѣстія Имп. Рус. Арх. Общества, томъ IX, 1880, стр. 300, и «Археологическая находка въ Пуатье» — Записки Имп. Рус. Арх. Общества, т. II, вып. II, стр. 27 отдѣльнаго оттиска. — Номера надписей у Le Bas — Voyage, III, 2672 и 2654.

✝ ΟΚΑΤΟΙΚѠΝЄΝ	ΒΟΗΘΙΑΤΟΥΥ	ΨΙϹΤΟΥΕΝϹΚЄΠΗΤΟΥΘΕΟΥ
ΜΟΥЄΙΚΑΙΚΑΤΑ	ΦΥΓΗΜΟΥ	ΟΘΕΟϹΜΟΥΒΟΗΘΟϹΜΟΥΚΑΙ
ΤѠΝΑΠΟΛΟ	ΓΟΥΤΑΡΑ	ΧΟΔΟΥϹЄΝΤΟΙϹΜΕΤΑΦΡΕΝΟΙϹ
ΟΠΛѠΚΥΚΛѠ	ϹΙϹΑΙϹΕΗΑ	ΛΗΘΙΑΑΥΤΟΥΟΥΦΟΒΗΘΗϹΑΙ
ΑΠΟΠΡΑΤΟϹЄΝϹΚΟ	ΤΙΔΙΑΠΟΡΕΥΟΜ	ЄΝΟΥΑΠΟϹΥΝΠΤѠΜΑΤΟϹΚΑΙΔΗΜΟ
ΕΚΔЄΞΙΟΝϹΟΥΠΡΟ	ϹϹΕΔΕΟΥΚΕΝΓΙΕΙ	ΠΛΗΝΤΟΙϹΟΦΘΑΛΜΟΙϹϹΟΥΚΑΤΑΝΟ
ΠΙϹΜΟΥΤΟΝΥΨΙϹ	ΤΟΝЄΘΟΥΚΑΤΑ	ΦΥΓΗϹΟΥΟΥΠΡΟϹЄΛЄΥϹЄΤΑΙΠΡΟϹ
ΤΟΙϹΑΝΓЄΛΟΙϹ	ΑΥΤΟΥΕΝΤЄΛΙ	ΤΑΙ ΠΕΡΙϹΟΥ

Ο κατοικῶν ἐν βοηθίᾳ[1]) τοῦ ὑ-
μου εἶ, καὶ καταφυγή μου
τῶν [καὶ] ἀπὸ λογου ταρα-
"Οπλῳ κυκλώσι[6]) σαι[7]) σε ἡ ἀ-
Ἀπὸ πρά[γμα]τος ἐν σκότι[13]) διαπορευομ-
ἐκ δεξιον[18]) σου, πρός σε δὲ οὐκ ἐνγιεῖ[19]).
πίς μου, τὸν ὕψιστον ἔθου κατα-
τοῖς ἀνγέλοις[23]) αὐτοῦ ἐντελῖ-

ψίστου, ἐν σκέπῃ τοῦ θεοῦ
ὁ θεός μου, βοηθος μου[3]) καὶ
χόδους[4]). Ἐν τοῖς μεταφρένοις
λήθια[8]) αὐτοῦ. Οὐ φοβηθήσαι[9])
ένου ἀπὸ συνπτώματος[14]) καὶ δημο-
Πλὴν τοῖς ὀφθαλμοῖς σου κατανο-
φυγή[ν] σου. Οὐ προσελεύσεται πρὸς
ται[24]) περὶ σοῦ,

---

[1]) βοηθείᾳ
[6]) κυκλωσει
[7]) σαι вмѣсто σε, второе σε диттографія.
[13]) σκότει
[18]) δεξιῶν
[19]) ἐγγιεῖ
[23]) ἀγγέλοις

[3]) этого выраженія нѣтъ въ оригиналѣ.
[4]) ταραχώδους
[8]) ἀλήθεια
[9]) φοβηθήσῃ
[14]) συμπτώματος
[24]) ἐντελεῖται

4

ΤΟΥΟΥΡΑΝΟΥΑΥΛΙCΘΗCΕΤΑΙΕΡΕΙΤѠΚΥ
ΕΛΠΙѠΕΠΑΥΤΟΝΟΤΙΑΥΤΟCΡΥCΕΤΑΙ
ΑΥΤΟΥΕΠΙCΚΙΑCΙCΟΙΚΑΙΥΠΟΤΑCΠΤ
ѠΑΠΟΦΟΒΟΥΝΥΚΤΗΡΙΝΟΥΑΠΟΒΕΛΟΥ
ΝΙΟΥΜЄCΕΜΒΡΙΝΟΥΠΕCΙΤΑΙЄΚΤΟΥΚΛΙΤΟΥ
ΗCΙCΚΑΙΑΝΤΑΠΟΔΟCΙΝΑΜΑΡΤΟΛѠΝ
CΕΚΑΚΑΚΑΙΜΑCΤΙΞΟΥΚΕΝΓΙΕΙΤΟCΚ
ΤΟΥΔΙΑΦΥΛΑΞΑΙCЄΕΝΠΑCΙΝΤΟΙC
ΑΡΟΥCΙΝCΕΜΕΠΟΤΕΠΡΟCΚΟΨΗCΠΡοC

τοῦ οὐρανοῦ αὐλισθήσεται. Ἐρεῖ τῷ Κυ-
ἐλπιῶ ἐπ᾽αὐτόν. Ὅτι αὐτὸς ῥύσεταί [σε]
αὐτοῦ ἐπισκιάσι [5]) σοι, καὶ ὑπὸ τὰς πτ-
ἀπὸ φόβου νυκτηρινοῦ [10]), ἀπὸ βέλου [11])
νίου [15]) μεσεμβρινοῦ [16]). Πεσῖται [17]) ἐκ τοῦ κλίτου[ς]
ήσις [20]) καὶ ἀνταπόδοσιν ἁμαρτολῶν [21])
σὲ κακά, καὶ μάστιξ οὐκ ἐνγιεῖ [ἐν] το [22]) σκ-
τοῦ διαφυλάξαι σε ἐν πᾶσιν τοῖς [25])
ἀροῦσίν σε, μέ [27]) ποτε προσκόψῃς πρὸς

---

[5]) ἐπισκιάσει
[10]) νυκτερινοῦ
[11]) βέλους
[15]) δαιμονίου
[16]) μεσημβρινοῦ
[17]) πεσεῖται
[20]) κατανοήσεις
[21]) ἁμαρτωλῶν
[22]) τῷ
[25]) πάσαις ταῖς
[27]) μή

5

ΡΙѠΑΝΤΙΛΗΜΠΤѠΡ
ΕΚΠΑΓΙΔΟCΘΗΡЄΥ
ЄΡΥΓΑCΑΥΤΟΥΕΛΠΙЄΙC
ΠΕΤΟΜΕΝΟΥCΗΜΕΡΑC
CΟΥΧΙΛΙΑCΚΑΙΜΥΡΙΑC
ΟΨΕΟΤΙCΥΚΥΡΙΕΗΕΛ
ΗΝѠΜΑΤΙCΟΥΟΤΙ
ΟΔΟΙCCΟΥЄΠΙΧΙΡѠΝ
ΛΙΘΟΝΤΟΝΠΟΔΑCΟΥ

ρίῳ, ἀντιλήμπτωρ [2])
ἐκ παγιδος θηρευ-
έρυγας αὐτοῦ ἐλπιεῖς.
πετομένους [12]) ἡμέρας.
σου χιλιὰς καὶ μυριὰς
ὄψε[ι]. Ὅτι συ, Κύριε, ἡ ἐλ-
ηνώματί σου. Ὅτι
ὁδοῖς σου. Ἐπὶ χιρῶν [26])
λίθον τὸν πόδα σου.

---

[2]) ἀντιλήπτωρ
[12]) πετομένου
[26]) χειρῶν

ности классическаго языка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя грамматическія погрѣшности въ боспорскихъ надписяхъ позднѣйшаго періода [1]). Не рѣшая между этими двумя предположеніями, замѣтимъ здѣсь, что катакомбы обыкновенно имѣли назначеніе быть семейными или родовыми склепами. Въ нихъ зачастую находили три, четыре, семь и даже двадцать гробовъ. Святость гроба не нарушалась тѣмъ, что его вскрывали для водворенія въ немъ праха, родственнаго почивавшимъ въ немъ издавна останкамъ. Понятія языческія и христіанскія не расходились въ этомъ отношеніи. Григорій Нисскій подробно описываетъ, какъ онъ водворилъ останки своей сестры, блаженной Макрины, въ гробъ, куда былъ положенъ много лѣтъ назадъ прахъ его отца, а черезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ и матери [2]). Катакомба наша подверглась ограбленію: всѣ три ея лежанки, обычное мѣсто гробовъ, были слегка покрыты мусоромъ, который былъ свâленъ кучами на полу. Въ немъ оказалось лишь нѣсколько перетлѣвшихъ и разбросанныхъ костей, такъ что ничто не даетъ намъ теперь возможности судить о числѣ почивавшихъ здѣсь нѣкогда христіанъ, устроившихъ для себя этотъ склепъ и начертавшихъ въ немъ святыя слова молитвъ и псалмовъ.

Славословіе, предшествующее именамъ, не встрѣчалось, сколько намъ извѣстно, доселѣ на христіанскихъ надписяхъ въ этомъ примѣненіи. Молитва эта, τὸ τρισάγιον, какъ ее называли, имѣла свою громкую исторію въ судьбахъ христіанскихъ пѣснопѣній. Введенная въ церковный обиходъ въ половинѣ V вѣка при патріархѣ Проклѣ, она подверглась дополненію въ антіохійской церкви. Въ ея текстѣ: Ἅγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος, ἐλέησον ἡμᾶς — сдѣлано было епископомъ Петромъ Фуллономъ добавленіе: σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς. Горячіе споры, вызванные этимъ измѣненіемъ принятаго въ Византіи текста, закончились постановленіемъ собора, запрещавшаго подъ страхомъ анаѳемы мѣнять что бы то ни было въ святомъ τρισάγιον, и съ тѣхъ поръ молитва эта живетъ въ церкви въ своей простой и краткой формѣ [3]). Въ извѣстномъ доселѣ эпиграфическомъ матерьялѣ имѣются три надписи съ текстомъ «трисвятаго». Онѣ изданы въ Корпусѣ греческихъ надписей Бёка (nn. 8916, 8917, 8918). По мѣсту нахожденія принадлежатъ онѣ: первая — Каріи, вторая — острову Андросу (XV вѣка), третья — Антіохіи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ славословіе заканчивается словами: ἐλέησον ἡμᾶς. Въ послѣднемъ текстъ его сохраненъ намъ съ прибавкой Фуллона σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς.

---

[1]) Латышевъ, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, vol. II. Index V, pp. 334—336.

[2]) Gregorii Episcopi Nysseni opera, tom. II, Parisiis, 1638, p. 201. Καὶ πῶς, ἔφην ἐγώ, ἔξω τοῦ τοιούτου γενήσομαι κρίματος, ἐν τοῖς τῶν γονέων σώμασι βλέπων τὴν κοινὴν τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως ἀσχημοσύνην, διαπεπτωκότων, ὡς εἰκός, καὶ διαλελυμένων, καὶ εἰς εἰδεχθῆ καὶ δυσάντητον ἀμορφίαν μεταβληθέντων; Ταῦτα δέ μοι λογιζομένῳ καὶ τῆς τοῦ Νῶε κατὰ τοῦ παιδὸς ἀγανακτήσεως ἐπιτεινούσης τὸν φόβον συμβουλεύει το πρακτέον ἡ ἱστορία τοῦ Νῶε.

Ἐπεκαλύφθη γὰρ σινδόνι καθαρᾷ, πρὶν ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν γενέσθαι τὰ σώματα τῇ τοῦ πώματος ἐπάρσει, καθ' ἑκάτερον ἄκρον τῆς σινδόνος ἀντεισιούσης καὶ οὕτως ὑποκρυφθέντων τῇ σινδόνι τῶν σωμάτων ἀράμενοι τῆς κλίνης τὸ ἱερὸν ἐκεῖνο σῶμα, ἐγώ τε καὶ ὁ μνημονευθεὶς τῶν τόπων ἐπίσκοπος, τῇ μητρὶ παρακατεκλίναμεν, κοινὴν ἀμφοτέραις πληροῦντες εὐχήν. Τοῦτο γὰρ παρὰ πᾶσαν τὴν ζωὴν συμφώνως ἀμφότεραι τὸν Θεὸν ᾐτοῦντο ἀνακραθῆναι μετὰ τὸν θάνατον ἀλλήλαις τὰ σώματα, καὶ τὴν κατὰ βίον ἐν τῇ ζωῇ κοινωνίαν μηδὲ ἐν τῷ θανάτῳ διαζευχθῆναι.

[3]) Исторія молитвы τρισάγιον, въ связи со спорными вопросами насчетъ древности ея употребленія въ церкви, разсказана у Du Cange, Glossarium med. et inf. graecitatis, s. voce (p. 1608 sq.). Позднѣйшая литература приведена у Lichtenberger'a: Encyclopédie des sciences religieuses, t. XII, p. 232 (1882 г.).

Въ нашей надписи славословіе примѣнено какъ молитва за опредѣленныхъ, названныхъ по имени въ ея текстѣ, рабовъ Божіихъ, которые начертали ея святыя слова, созидая себѣ мѣсто упокоенія.

7. 8. 9. Продолженіе псалма 90-го, отъ 13 стиха и до конца, написано въ правой нишѣ на трехъ ея стѣнахъ непрерывными строками. Письмо здѣсь поспѣшное, буквы выведены менѣе тщательно, чѣмъ на другихъ стѣнахъ, и самыя строчки идутъ не такъ ровно, какъ выведены онѣ въ центральной нишѣ. Изображеніе креста дано здѣсь только на одной лѣвой стѣнѣ, и самый крестъ нарисованъ очевидно уже тогда, когда писавшій вывелъ первую строчку въ длину всѣхъ трехъ стѣнъ.

Предваряя греческій текстъ, помѣщенный на прилагаемой таблицѣ В, приведемъ здѣсь славянскій переводъ соотвѣтственныхъ стиховъ псалма. «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія. Яко на мя упова, и избавлю и; покрыю и, яко позна имя мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его; съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его; долготою дній исполню его и явлю ему спасеніе мое».

10. На входной стѣнѣ въ верхней ея части надъ дверью написаны два послѣднихъ стиха 120-го псалма, 7 и 8. Надпись начинается большимъ крестомъ, идущимъ въ вышину трехъ строчекъ текста и заканчивается маленькимъ крестомъ. Письмо здѣсь также довольно поспѣшно и небрежно, какъ и въ предшествующей надписи. Въ 3, 4 и 5 строкахъ писавшій перешелъ на другую стѣну, два раза не дописаны слова, въ двухъ словахъ пропущено по одной буквѣ.

✝ ΚΥΡΙΟϹΦΥΛΑΞΙϹΕΑΠΟΠΑΤΟϹ
ΚΑΚΟΥΦΥΛΑΞΙΤΗΝΨΥΧΗΝϹΟΥ
ΟΚΥΡΟϹΚΥΡΙΦΥΛΑΤΗΝΕΙϹΟΔΟΝ | ϹΟΥ
ΚΑΙΤΗΝΕΞ ... ΟΔΟΝϹΟ | Υ
ΑΠΟΤΟΥΝ ... ΚΑΙΑΙΟϹ | ΤΟΥΕ
ΥΝ ... ΩΝΟϹ✝

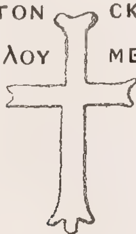
Κύριος φυλάξ(ει) σε ἀπὸ πα[ν]τὸς | κακοῦ, φυλάξ(ει) τὴν ψυχήν σου | ὁ κύρ[ι]ος.
Κύρι[ος] φυλά[ξει] τὴν εἴσοδόν σου | καὶ τὴν ἔξοδόν σου | ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ (ἕω)ς τοῦ (αἰ) ῶνος.
(См. таблицу IV, 2).

Въ славянскомъ переводѣ стихи эти читаются такъ: «Господь сохранитъ тя отъ всякаго зла, сохранитъ душу твою Господь; Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка». Среди греческихъ христіанскихъ надписей, открытыхъ въ Сиріи и изданныхъ у Le Bas, можно указать аналогію этой надписи[1]). Надъ дверьми одного зданія найдена была въ г. Эль-Барра слѣдующая надпись: ✝κύρ(ιος) φυλάξῃ τὴν ἴσοδόν σου καὶ τὴν ἔξοδον ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ

[1]) Le Bas Voyage, III, n. 2646.

7

†ЄΠΙΑϹΠΙΔΑΚΑΙΒΑϹΙΛΙϹΚΟΝЄΠΙΒΗϹΑΙ
ΑΥΤΟΝ ϹΚЄΠΑϹΩΑΥΤΟΝΟΤΙЄΓΝΩ
ЄΞЄΛΟΥ ΜΕΚΑΙΔΟΞΑϹΩΑΥΤΟΝ

Ἐπὶ ἀσπίδα καὶ βασιλίσκον ἐπιβήσαι [1])
αὐτόν, σκεπάσω αὐτόν, ὅτι ἔγνω
Ἐξελοῦμε [7]) [αὐτὸν] [8]) καὶ δοξάσω αὐτόν.

[1]) ἐπιβήσῃ
[7]) ἐξελοῦμαι
[8]) опущено въ надписи.

8

ΚΑΙΚΑΤΑΠΑΤΗϹΙϹΛЄΟΝΤΑΚΑΙ

ΤΟΟΝΟΜΑΜΟΥΚΑΙΚΡΑΞЄΤΑΙΠΡΟϹΜ
ΜΑΚΡΟΤΗΤΑΗΜΕΡΩΝΕΝΠΛΗϹΩΑΥΤΟ

καὶ καταπατήσις [2]) λέοντα καὶ δράκοντα. Ὅτι ἐπ'ἐμὲ
τὸ ὄνομά μου. Καικράξεται [4]) πρός με καὶ ἐπακούσομε [5]) αὐ
Μακρότητα ἡμερῶν ἐνπλήσω [9]) αὐτὸν καὶ διξω [10]) αὐτὸν [11])

[2]) καταπατήσεις
[4]) κεκράξεται
[5]) ἐπακούσομαι
[9]) ἐμπλήσω
[10]) δείξω
[11]) αὐτῷ

Текстъ псалма воспроизведенъ совершенно точно за исключеніемъ одного пропуска въ 15 стихѣ (слово: αὐτόν) и ошибки

[1]) Въ изданномъ эпиграфическомъ матерьялѣ можно указать на отрывокъ 13 стиха, нацарапанный на стѣнѣ катакомбъ въ А
воспроизведено у проф. Помяловскаго въ цитованной выше первой статьѣ.

Таблица В (къ стр. 8).

9

ΡΑΚΟΝΤΑΟΤΙЄΠΕΜЄ

ΚΑΙΕΠΑΚΟΥCΟΜΕΑΥΤΟΥ

ΝΚΑΙΔΙΖѠΑΥΤΟΝ

ΗΛΠΙCΕΝΚΑΙΡΥCΟΜΕ

ΨΙ
ΜΕΤΑΥΤΟΥЄΙΜΙЄΝΘΛΙ

ΤΟCѠΤΗΡΙΟΝΜΟΥ☧

ἤλπισεν καὶ ῥύσομε [3])
μετ' αὐτοῦ εἰμι ἐν θλίψι [6]).
τὸ σωτήριόν μου.

---

[3]) ῥύσομαι
[6]) θλίψει

въ стихѣ 16 — αὐτόν вмѣсто необходимаго здѣсь дательнаго падежа [1]).

ксандріи: ἐπ' ἀσπίδα καὶ βασιλίσκον ἐπιβήσῃ. Издано у Rossi, Bull. arch. Chr. I Ser. III p. 60;

ἕως τῶν αἰώνων. Ἀμήν. — Судя по написанію и орѳографіи, ее можно пріурочить приблизительно къ тому-же времени, какому принадлежитъ и наша пещера. Въ латинскомъ эпиграфическомъ матерьялѣ можно указать текстъ первыхъ четырехъ стиховъ псалма 120-го на обломкѣ мрамора, хранящемся въ музеѣ Брешіи [1]).

Къ приведеннымъ десяти надписямъ, размѣщеннымъ на стѣнахъ пещеры, остается присоединить три, начертанныя на карнизахъ надъ нишами.

11. На карнизѣ надъ лѣвой нишей, который лишь слегка пострадалъ въ своемъ правомъ концѣ, читаемъ:

┼ΚΥΡΙΟCΦωΤΙCΜΟCΜΟΥΚΑΙCωΤΗΡΜΟΥΤΙΝΑΦΟΒΘΘ

Κύριος φωτισμός μου καὶ σωτήρ μου, τίνα φοβηθ(ήσομαι); или въ славянскомъ переводѣ: «Господь просвѣщенье мое и спаситель мой; кого убоюся?» — Стихъ этотъ есть начало псалма 26-го.

12. На карнизѣ надъ правой нишей, который сохранился цѣликомъ, читается слѣдующее.

┼ΚCΥΠΕΡΑCΠΙCΤΗCΤΗCΖωΗCΜΟΥΑΠΟΤΙΝΟCΔΙΛΙΑCω

Κ[ύριο]ς ὑπερασπιστὴς τῆς ζωῆς μου, ἀπὸ τίνος δ(ει)λιάσω; или въ славянскомъ переводѣ: «Господь защититель живота моего; кого устрашуся?»—Стихъ этотъ составляетъ вторую фразу псалма 26-го, и надпись эта является какъ-бы продолженіемъ предшествующей.

13. Карнизъ надъ центральной нишей отвалился почти цѣликомъ. Онъ шелъ здѣсь не во всю длину ниши, а приблизительно до половины ея длины, и притомъ постепенно суживаясь. Заключить это можно изъ того, что писавшій задѣвалъ кистью потолокъ пещеры, и послѣднія сохранившіяся буквы, представлявшія, повидимому, конецъ надписи, выведены на половину на потолкѣ. Сохранилось слѣдующее:

┼Κ . . . . ΛΗCΜΟΥ

Протяженіе отъ **Κ** до **Υ** составляетъ 1 аршинъ 8 ½ вершковъ, отъ **Κ** до **Λ** — 1 аршинъ 3 ½ вершка. По общей величинѣ буквъ и указанному выше протяженію надписи можно утверждать, что исчезло приблизительно 15 буквъ. Весьма вѣроятно, что и на этомъ карнизѣ былъ начертанъ стихъ изъ псалма. По количеству буквъ сюда подходитъ начало 101-го псалма: —

Κύριε, εἰσάκουσον τῆς εὐχῆς μου, т. е. «Господи, услыши молитву мою».

Число буквъ: εἰσ . . . . . εὐ — 15. Нѣкоторое затрудненіе представляетъ то, что сохранившаяся часть пятой отъ конца буквы выдаетъ намъ скорѣе λ, нежели χ. Но такъ какъ писать приходилось на неровномъ мѣстѣ, то писавшій, выводя вверхъ штрихъ, быть можетъ, просто не довелъ лѣвый штрихъ буквы до должнаго конца.

---

[1]) Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule, II, p. 310.

§ 3. Общія замѣчанія о содержаніи текстовъ.

Приведенные въ предшествующемъ псалмы и молитвы связаны во едино самымъ мѣстомъ своего нахожденія въ погребальной пещерѣ. Уже это одно обстоятельство даетъ достаточный поводъ предположить, что данный комплексъ молитвословій имѣетъ отношеніе къ погребенію христіанъ, которые сами приготовили здѣсь себѣ мѣсто упокоенія и обильно украсили его символомъ побѣды надъ смертью, знаменіемъ креста. Большинство текстовъ взято изъ псалтири, этой древнѣйшей и исконной у христіанъ книги пѣснопѣній. Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ къ братіи насажденныхъ имъ церквей внушалъ послѣдователямъ вѣры Христовой вразумлять другъ друга «во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣснехъ духовныхъ»[1]). Искони, такимъ образомъ, утвердилась псалтирь въ обиходѣ церковномъ, и ея пѣсни стали неотъемлемой составной частью всякаго молитвеннаго собранія христіанъ[2]). Когда стали слагаться «послѣдованія» христіанскихъ службъ или «чины», псалмы были введены въ нихъ какъ интегральная часть ихъ состава.[3]) Псалмы пѣлись на гробахъ мучениковъ во время поминальныхъ собраній и всенощныхъ бдѣній надъ ними[4]). Отъ IV-го и V-го вѣковъ есть у насъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о псалмахъ, какъ составной части погребальнаго чина, и о самомъ чинѣ, какъ установившейся и опредѣленной службѣ. Не претендуя на полноту собраннаго нами матерьяла, укажемъ на слѣдующія данныя.

Въ источникѣ весьма важномъ и обильномъ свѣдѣніями по исторіи церковнаго ритуала, который пріурочивается въ его дошедшемъ до насъ видѣ къ IV вѣку, а именно «Постановленіяхъ Апостольскихъ», дано опредѣленіе о совершеніи поминанія усопшихъ въ третій, девятый и сороковой день по смерти и въ ея годовщину, причемъ содержаніе этой службы опредѣляется какъ псалмы (ψαλμοί) и молитвы (προσευχαί)[5]). Великій отецъ церкви, Григорій Богословъ, въ своей рѣчи противъ Юліана, упомянувъ о смерти императора Констанція, разсказываетъ о торжественности, которой сопровождалось его погребеніе. «Святыя всенощныя бдѣнія» съ возженіемъ факеловъ опредѣляетъ онъ, какъ обычное почитаніе блаженной кончины[6]). Среди твореній св.

---

[1]) Ep. ad Colossenses, 3, 16: διδάσκοντες καὶ νουθετοῦντες ἑαυτοὺς ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς, ἐν χάριτι ᾄδοντες ἐν τῇ καρδίᾳ ὑμῶν τῷ Κυρίῳ. Ср. Ep. ad Ephesios, 5, 19.

[2]) Ep. ad Corinthios, I, 14, 26: ὅταν συνέρχησθε, ἕκαστος ὑμῶν ψαλμὸν ἔχει.

[3]) Относительно примѣненія псалмовъ въ христіанскомъ богослуженіи въ IV вѣкѣ много живыхъ подробностей представляетъ недавно найденный интересный источникъ: Peregrinatio ad loca sancta (Палестинскій Сборникъ, томъ VII выпускъ второй, изданіе проф. Помяловскаго. Петербургъ. 1889), cap. 24 et passim. Нѣкоторыя новыя данныя по тому-же вопросу см. въ изданныхъ недавно проф. Узенеромъ новыхъ источникахъ: Der heilige Theodosios, Schriften des Theodoros und Kyrillos, herausgegeben von H. Usener. Leipzig. 1890. p. 45 и дальше.

[4]) S. Gregorius Nyssenus, vita S. Macrinae, см. ниже стр. 11 прим. 1.

[5]) Const. Apost. VIII, c. 42. Ἐπιτελείσθω δὲ τρίτα τῶν κεκοιμημένων ἐν ψαλμοῖς καὶ ἀναγνώσεσιν * καὶ προσευχαῖς διὰ τὸν διὰ τριῶν ἡμερῶν ἐγερθέντα, καὶ ἔννατα εἰς ὑπόμνησιν τῶν περιόντων καὶ τῶν κεκοιμημένων, καὶ τεσσαρακοστὰ κατὰ τὸν παλαιὸν τύπον (Μωσῆν γὰρ οὕτως ὁ λαὸς ἐπένθησεν), καὶ ἐνιαύσια ὑπὲρ μνείας αὐτοῦ · καὶ διδόσθω ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῦ πένησιν εἰς ἀνάμνησιν αὐτοῦ. — Приводимъ текстъ по изданію Achelis'a: Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Litteratur, von Hebhardt und Harnack. VI Band, Heft 4. Canones Hippolyti. Leipzig. 1891, p. 106. — О хронологіи памятника см. стр. 27 названнаго изслѣдованія.

[6]) Gregorius Theologus, oratio, V c. 16 (Migne, Patr. gr. t. 35, p. 684): ὁ μέν γε (Constantius) παραπέμπεται πανδήμοις εὐφημίαις τε καὶ πομπαῖς καὶ ταύταις δὴ ταῖς ἡμετέραις σεμναῖς ᾠδαῖς παννύχοις καὶ δᾳδουχίαις, αἷς χριστιανοὶ τιμᾶν μετάστασιν εὐσεβῆ νομίζομεν. Καὶ γίνεται πανήγυρις μετὰ πάθους ἡ ἐκκομιδὴ τοῦ σώματος.

Григорія Нисскаго есть одно, въ которомъ дается описаніе погребенія, совершеннаго со всей торжественностью при участіи двухъ епископовъ и многочисленнаго клира. Твореніе это — «Жизнь св. Макрины», сестры этого святаго. Изъ этого описанія явствуетъ, что, по кончинѣ блаженной, окружавшіе ее монахи и монахини провели цѣлую ночь въ пѣснопѣніяхъ [1]). Тройной хоръ пѣлъ псалмы во время несенія останковъ блаженной къ мѣсту отпѣванія и упокоенія [2]). Въ церкви пѣніе псалмовъ было прекращено, и священнослужители совершили «обычныя моленія» [3]).

Въ житіи св. Саввы Освященнаго, въ которомъ даны живыя описанія событій V вѣка ученикомъ этого святаго, въ упоминаніяхъ о погребеніи употребляется выраженіе: «свершивъ установленный чинъ» [4]). Историкъ церкви, Сократъ, въ разсказѣ о смерти одного епископа, случившейся въ 437 году, говоритъ, что тѣло его было несено къ мѣсту погребенія съ пѣніемъ псалмовъ [5]).

Приведенныя въ предшествующемъ данныя позволяютъ утверждать, что въ половинѣ IV вѣка существовалъ опредѣленный чинъ погребенія, въ которомъ псалмы занимали видное мѣсто. Распространеніе этой службы глубоко прочувствованными и поэтическими пѣснопѣніями, которыя составляютъ красоту нашей православной панихиды, относится къ половинѣ VIII и началу IX вѣковъ и связано съ именами Іоанна Дамаскина и Ѳеодора Студита [6]). Но они не были первыми авторами погребальныхъ стихиръ и каноновъ: извѣстно, что молитвы за усопшихъ сочиняли Аѳанасій Великій и Ефремъ Сиринъ, свѣтила Христовой церкви IV вѣка [7]), а также и знаменитый Романъ пѣснопѣвецъ [8]). Въ молитвѣ *χαρὰ μεγάλη* дана намъ, быть можетъ, одна изъ тѣхъ

---

[1]) S. Gregorii Nysseni opera. Parisiis. 1638. II, p. 177. Vita S. Marinae. p. 200. Τῆς οὖν παννυχίδος περὶ αὐτὴν ἐν ὑμνῳδίαις καθάπερ περὶ μαρτύρων πανηγύρεως τελεσθείσης, ἐπειδὴ ὄρθρος ἐγένετο, τὸ μὲν πλῆθος τῶν ἐκ πάσης τῆς περιοικίδος συρρυέντων ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν, ἐπεθορύβει ταῖς οἰμωγαῖς την ψαλμῳδίαν· ἐγὼ δὲ, καίτοι κακῶς τὴν ψυχὴν ὑπο τῆς συμφορᾶς διακείμενος, ὅμως ἐκ τῶν ἐνόντων ἐπενόουν, εἰ δυνατὸν, μηδὲν τῶν ἐπὶ τοιαύτῃ κηδείᾳ πρεπόντων παραλειφθῆναι. Ἀλλὰ διαστήσας κατὰ τὸ γένος τὸν συρρέοντα λαὸν καὶ το ἐν γυναιξὶ πλῆθος τῷ τῶν παρθένων συγκαταμίξας χορῷ, τον δὲ τῶν ἀνδρῶν δῆμον τῷ τῶν μοναζόντων τάγματι, μίαν ἐξ ἑκατέρων εὔρυθμόν τε καὶ ἐναρμόνιον, καθάπερ ἐν χοροστασίᾳ, την ψαλμῳδίαν γενέσθαι παρεσκεύασα διὰ τῆς κοινῆς πάντων συνῳδίας εὐκόσμως συγκεκραμένην.

[2]) P. 201. Τοῦ γὰρ λαοῦ περὶ τὴν κλίνην πεπυκνωμένου καὶ πάντων ἀπλήστως ἐχόντων τοῦ ἱεροῦ ἐκείνου θεάματος, οὐκ ἦν ἐν εὐκολίᾳ τὴν πορείαν ἡμῖν διανύεσθαι. Προηγεῖτο καθ' ἑκάτερον μέρος διακόνων τε καὶ ὑπηρετῶν οὐκ ὀλίγον πλῆθος στοιχηδον τοῦ σκηνώματος προπομπεῦον, τὰς ἐκ κηροῦ λαμπάδας ἔχοντες πάντες. Καὶ ἦν τις μουσικὴ πομπὴ το γινόμενον, ὁμοφώνως τῆς ψαλμῳδίας ἀπ' ἄκρων ἐπὶ ἐσχάτους, καθάπερ ἐν τῷ τριῶν παίδων ὑμνῳδίᾳ μελῳδουμένης.

[3]) Ἐπειδὴ οὖν ἐντὸς τοῦ οἴκου κατέστημεν, ἀποθέμενοι τὴν κλίνην, τὰ πρῶτα εἰς προσευχὴν ἐτρεπόμεθα. — ... σύγχυσις ἄτακτος τὴν εὔτακτον ἐκείνην καὶ ἱεροπρεπῆ ψαλμῳδίαν διέχεε. — Μόγις δέ ποτε ἡμῶν τὴν σιωπὴν διανευόντων, καὶ του κηρυκος εὐχὴν ὑφηγουμένου καὶ τας συνήθεις ἐκβοῶντος τῇ ἐκκλησίᾳ φωνὰς, κατέστη προς το σχῆμα τῆς εὐχῆς ὁ λαός. Καὶ ἐπειδὴ τὸ πρέπον ἡ εὐχη πέρας ἔλαβεν, ... (слѣдуетъ описаніе положенія останковъ въ родовой склепъ).

[4]) Житіе св. Саввы Освященнаго изд. Помяловскій, Петербургъ. 1890, стр. 112: καὶ προσκυνήσαντες καὶ κηδεύσαντες τὸ σῶμα, καὶ πληρώσαντες ἐπὶ αὐτῷ τὸν συνήθη κανόνα, ἐν αὐτῷ κατέθεντο τῷ σπηλαίῳ.— Ср. стр. 232, гдѣ употреблены тѣже самыя выраженія. — За указаніе на этотъ источникъ приношу благодарность профессору Кіевской Духовной Академіи А. А. Дмитріевскому.

[5]) Socrates, hist. eccles. VII, 46. Παῦλος ὁ τῆς Ναυατινῶν Ἐκκλησίας ἐτελεύτησεν ἐν ὑπατείᾳ τῇ αὐτῇ (an. 437). — Ὃς τῇ ἑαυτοῦ ἐκκομιδῇ πάσας τὰς διαφόρους αἱρέσεις τρόπον τινὰ μίαν Ἐκκλησίαν εἰργάσατο. Πᾶσαι γὰρ αὐτοῦ τὸ σῶμα ἄχρι τοῦ μνήματος σὺν ψαλμῳδίαις παρέπεμπον.

[6]) Филаретъ Черниговскій, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Черниговъ. 1864, стр. 293, 303.

[7]) Ibid., стр. 86, 96.

[8]) Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi parata ed. I. Pitra. Tom. I. Parisiis. 1876, p. 44 sqq. — Вопросъ о хронологіи творчества этого святаго см. у Krumbacher'a: Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München 1891. § 163.

*

древнѣйшихъ стихиръ, которыя были тогда въ обиходѣ церковномъ. Не возвращаясь здѣсь къ ея тексту, замѣтимъ, что она въ своемъ цѣломъ есть прославленіе христіанской смерти. Въ молитвахъ и пѣсняхъ, входящихъ въ нашъ православный чинъ погребенія, опредѣленно выражена идея смерти, какъ упокоенія въ средѣ праведниковъ и избранниковъ Божіихъ. Изъ множества мѣстъ, которыя можно-бы привести для сравненія съ текстомъ молитвы χαρὰ μεγάλη, ограничимся указаніемъ на слѣдующую молитву изъ чина погребенія іереевъ.

Σήμερον χωρίζομαι ἀπὸ τῆς συγγενείας μου καὶ πρὸς σὲ καταφεύγω τὸν μόνον ἀναμάρτητον. Ἐν σκηναῖς τῶν Δικαίων μετὰ τῶν Ἐκλεκτῶν σου ἀνάπαυσον [1]).

Упокоеніе съ праведными въ сѣняхъ святыхъ Божіихъ является, какъ молитвенное воззваніе за умершихъ, на древнѣйшихъ христіанскихъ эпитафіяхъ. Укажемъ на слѣдующіе примѣры:

Ὁ Θ(εὸ)ς ἀνάπαυσον τὴν ψυχ(ὴν) αὐτοῦ μετὰ τῶν ἁγίων σου. Ἀμήν. — C. I. G. n. 9122.
.. αὐτὸν ὁ Θ(εὸ)ς μετ(ὰ) τ(ῶν) ἁγίων σου δεξάμενος τὸ π(νεῦμ)α αὐτοῦ. — ibid. n. 9123.
.. ὁ Θ(εὸ)ς ἀναπαύσῃ τὴν ψυχὴν σου μετὰ τῶν δικαίων. Ἀμήν. — ibid. n. 9278.
.. ὁ Θ(εὸ)ς ἀναπαύσῃ τὴν ψυχ(ὴ)ν αὐτῆς ἐν (σ)κ(η)ναῖς ἁγίων. Ἀμήν. — ibid. n. 9112 [2]).

Молитва χαρὰ μεγάλη, слова эпитафій и текстъ многихъ мѣстъ современнаго православнаго чина погребенія сходятся, такимъ образомъ, какъ въ идеѣ, такъ и въ словесномъ ея выраженіи, что̀ и даетъ основаніе предположить принадлежность этой молитвы къ погребальному чину того давняго времени. Она не сохранила въ немъ своего мѣста и не уцѣлѣла въ церковномъ обиходѣ, какъ не уцѣлѣло въ немъ и многое другое отъ тѣхъ давнихъ временъ.

Принадлежность этой молитвы къ церковному ритуалу засвидѣтельствована внѣшней ея формой. Эта послѣдняя выдаетъ намъ ритмическое построеніе, въ какомъ слагались церковныя пѣсни на греческомъ Востокѣ. Текстъ молитвы можно раздѣлить на пять стиховъ и заключительный возгласъ.

Χαρὰ μεγάλη γέ<ν>γονεν
τῷ οἴκῳ τούτῳ σήμερον,
τῶν ἁγίω[ν] παραγενομένων,
τῶν δικέων συναλ[λ]ομένων
καὶ τῶν πάντων ὑμνοῦ[ν]τω[ν] σε·
ἐλέ[η]σ[ον].

Конструктивными признаками стиха являются: удареніе (accentus), число слоговъ и мѣсто ударенія въ концѣ стиха [3]). Первые два стиха нашей молитвы построены съ бо́льшимъ приближеніемъ къ законамъ древняго стихосложенія: они суть ямбическія диподіи. Между собою стихи эти тожественны какъ числомъ слоговъ, такъ и мѣстами ударенiй. Остальные три стиха не поддаются дѣленію на однообразныя стопы. Число слоговъ въ нихъ равно лишь приблизительно, а

---

[1]) Εὐχολόγιον τὸ Μέγα. Ἐνετίῃσιν. 1777, p. 364.
[2]) Проф. Помяловскій имѣлъ случай сопоставить надписи этого содержанія въ еще большемъ числѣ въ помянутой выше статьѣ своей: «По поводу одной греческой христіанской надписи». Изв. Рус. Арх. Общ., томъ IX. 1880, стр. 278.
[3]) Ср. Pitra, o. l. p. LXXXIX. § VIII. Rythmorum canones.

именно: 10, 9, 8; но количество и мѣсто удареній дѣлаютъ ихъ ритмически тожественными. Стихи 3 и 4 имѣютъ кромѣ того одинаковый кадансъ, такъ какъ удареніе стоитъ на второмъ отъ конца слогѣ, и притомъ на слогахъ, одинаковыхъ по звуковому составу.

Среди твореній древнехристіанскихъ пѣснопѣвцевъ аналогію нашей молитвѣ можно указать въ первыхъ четырехъ стихахъ слѣдующей пѣсни св. Андрея Критскаго [1]).

Μὴ πτήξας ὁ δεκάριθμος
χορὸς τῶν ἀθλοφόρων σου
τὰς ἀπειλὰς τῶν τυράννων,
Χριστὸν Θεον σε κηρύττει,
καθυπομείνας θάνατον,
στρεβλώσεις, πῦρ καὶ μάστιγας,
καθηγητὴν τὸν ἔνδοξον
Ἀθηνογένην πλουτήσας,
μεθ' ὧν σὺν σοὶ βασιλεύει.

Что касается до псалма 90-го, то онъ удержалъ свое мѣсто въ чинѣ погребенія: съ него начинается отпѣваніе [2]). Неотъемлемою частью этой службы является также и молитва «трисвятое»: она поется въ началѣ погребальнаго чина [3]), во время поднятія покойника изъ дома [4]) и во время несенія его изъ церкви къ могилѣ [5]).

Псаломъ 120 имѣетъ свое мѣсто въ чинѣ освященія дома, какъ правится эта служба по современнымъ требникамъ греческой церкви [6]). Но въ данномъ случаѣ помѣщеніе заключительныхъ его стиховъ надъ входомъ въ пещеру не нуждается въ другомъ изъясненіи кромѣ указанія на самое мѣсто, гдѣ они написаны. Послѣдній стихъ этого псалма найденъ былъ на притолкѣ двери одного древняго христіанскаго сооруженія въ Сиріи [7]).

Остается упомянуть, что первыя два предложенія начала псалма 26-го, надписи nn. 11 и 12, составляютъ прокименъ и стихъ къ нему, которые поются въ чинѣ крещенія [8]), малаго освященія [9]) и освященія храма [10]).

---

[1]) Ibid., p. 624.
[2]) Εὐχολόγιον τὸ Μέγα. 1777, p. 327. Ἀκολουθία νεκρώσιμος εἰς κοσμικούς, p. 328: Ὅταν δὲ ἔλθωσιν ἐν τῷ Ναῷ, τὸ μὲν λείψανον ἀποτίθεται ἐν τῷ Νάρθηκι καὶ ἄρχονται· Ὁ κατοικῶν...
[3]) Ibid., p. 327.
[4]) Ibid., p. 328.
[5]) Ibid., p. 348.
[6]) Въ старыхъ требникахъ: Euchologion Goar'a и Εὐχολόγιον τὸ Μέγα — нѣтъ такой службы, но я видѣлъ ее въ современномъ требникѣ у настоятеля греческой церкви св. Іоанна въ Керчи.
[7]) Le Bas, Voyage, III n. 2646, городъ El-Barra.
[8]) Εὐχολόγιον τὸ Μέγα, p. 124. Ἀκ. ἁγίου βαπτίσματος.
[9]) Ibid., p. 293. Ἀκ. τοῦ μικροῦ ἁγιασμοῦ.
[10]) Ibid., p. 263. Ἀκ. ἐγκαινίας Ναοῦ.

§ 4. Палеографическія замѣчанія.

Чтобы закончить изложеніе о надписяхъ, намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о характерѣ письма, формахъ буквъ и способахъ написанія отдѣльныхъ словъ. Въ предшествующемъ было не разъ указано, что всѣ приведенные тексты написаны на глинѣ стѣнъ пещеры. Но это условіе мало отразилось на характерѣ письма, который остался такимъ-же самымъ, какой намъ знакомъ на боспорскихъ надписяхъ, высѣченныхъ на камнѣ. Письмо — унціальное съ опредѣленной и ясной формой отдѣльныхъ буквъ, которыя имѣютъ равную вышину на всемъ протяженіи строки. Нѣтъ нигдѣ знаковъ препинанія, какъ нѣтъ и промежутковъ между отдѣльными словами. Тамъ, гдѣ письмо выведено старательно, буквы изображены почти совсѣмъ вертикально, какъ высѣкались онѣ на камняхъ; тамъ, гдѣ оно поспѣшнѣе, буквы имѣютъ замѣтный наклонъ слѣва на право. Мягкій, сравнительно съ камнемъ, грунтъ стѣнъ, какъ мѣсто письма, и краска, какъ его матерьялъ, оказали нѣкоторое вліяніе на форму отдѣльныхъ буквъ: онѣ не имѣютъ здѣсь въ большинствѣ той рѣзкости очертаній, какія онѣ естественно получаютъ на камнѣ, гдѣ каждый штрихъ долженъ быть высѣченъ отдѣльно; контуры отдѣльныхъ буквъ мягче, и кое-гдѣ встрѣчаются закругленія, какихъ нельзя встрѣтить въ надписяхъ, высѣченныхъ на камнѣ. Но въ общемъ ихъ видъ и форма тѣже, какія знакомы намъ на боспорскихъ эпиграфическихъ памятникахъ языческаго времени. Нѣкоторыя буквы имѣютъ по нѣскольку начертаній, но между ними нѣтъ ни одного такого, аналогіи которому нельзя было бы указать въ надписяхъ, высѣченныхъ на камнѣ. Эти послѣднія будемъ мы цитовать по II-му тому Сборника г. Латышева.

По нѣскольку различныхъ начертаній имѣютъ въ надписяхъ нашей пещеры слѣдующія буквы: α, δ, ε, μ, λ, ο, π, σ, ω.

Первая буква алфавита пишется въ слѣдующихъ трехъ видахъ: Α λ ᕱ. Первое изъ этихъ трехъ начертаній появляется на боспорскихъ надписяхъ еще въ I вѣкѣ до Р. Х. Древнѣйшій его примѣръ можно указать на надписи изъ временъ царя Асандра (47 — 17 до Р. Х.), n. 25 Сборника г. Латышева. Въ надписяхъ послѣ Р. Х. не попадается уже написаніе буквы Α, въ этомъ именно видѣ, съ горизонтальной черточкой посрединѣ. Второе начертаніе, съ протянутой вверхъ правой чертой, λ, является въ надписяхъ II и III вѣковъ нашей эры, n. 39 — 117 по Р. Х., n. 34 — 201 г., n. 451 — 238 г. Третій видъ, ᕱ, встрѣчается на надписяхъ еще болѣе позднихъ, — n. 312[1] изъ временъ послѣдняго царя боспорскаго (303 — 341 г.).

Четвертая буква алфавита пишется или въ видѣ трехугольника Δ, т. е. имѣетъ свой обычный видъ, или правая ея черточка получаетъ протяженіе вверхъ, Δ. Эту вторую форму можно указать на надписи 123 г. по Р. Х. — n. 27 (ср. n. 48 — 225 г.).

Буква Ε вообще сохраняетъ свой обычный видъ, т. е. написаніе изъ четырехъ черточекъ, на большинствѣ боспорскихъ надписей всѣхъ эпохъ. Но на позднѣйшихъ по времени, какъ, напримѣръ, n. 434 — 236 года, n. 367[1] — 345 года, встрѣчается и закругленный ея видъ. Этотъ послѣдній, а именно Є, преобладаетъ въ надписяхъ нашей пещеры, допуская притомъ нѣкоторое разнообразіе въ смыслѣ большаго протяженія и закругленія то верхняго, то нижняго конца, т. е. Є или Є.

Въ написаніи буквы **M** преобладаетъ именно эта обычная форма; но рядомъ съ нею нерѣдко является и такое начертаніе: **Ɱ**, имѣющее свою аналогію въ надписи 345 года — n. 367[1] и другой, вѣроятно, III вѣка, — n. 297.

Буква **Λ** имѣетъ въ большинствѣ случаевъ то начертаніе, какое дается ей въ позднѣйшихъ боспорскихъ надписяхъ, т. е. **λ**, напримѣръ, n. 43 — 223 года. Но тамъ, гдѣ письмо поспѣшнѣе, лѣвый конецъ буквы не доводится до нижней линіи строки, и буква получаетъ такое начертаніе: **λ**.

Различіе въ начертаніи **O** выражается въ большей и меньшей округлости этой буквы, причемъ иногда кружокъ не совсѣмъ закрытъ. Часто онъ по своимъ размѣрамъ меньше сосѣднихъ буквъ.

Буква **Π** въ преобладающемъ числѣ случаевъ сохраняетъ этотъ именно свой видъ; но иногда горизонтальная ея черта протягивается въ обѣ стороны дальше, и буква получаетъ такой видъ: **Π**. Аналогію этому начертанію даютъ надписи II и III вѣковъ, n. 50 — начала II вѣка, n. 438 — 155 года, n. 48—225 года, n. 54 — времени Савромата III (229 — 232 г.).

Буква **Σ** нигдѣ въ нашей пещерѣ не написана въ этомъ своемъ старинномъ видѣ. Чаще имѣетъ она округлую форму **C**, а изрѣдка — угловатую **Ϲ**. Первое изъ этихъ двухъ начертаній дано въ надписяхъ III и IV вѣковъ, nn. 448, 451 (228 г.), 367[1]; второе — въ надписяхъ III вѣка: n. 48 — 225 г., n. 452 —228 г., n. 434 — 236 г., n. 28 — 243 г.

Наконецъ относительно заключительной буквы греческаго алфавита **Ω** слѣдуетъ замѣтить, что это ея начертаніе незнакомо писавшему въ нашей пещерѣ. Преобладающей ея формой является то, какое ей обыкновенно дается на камняхъ и монетахъ, а именно **ω**. Изрѣдка написана она прямыми штрихами въ такомъ видѣ: **Ш**.

Касательно формы буквъ приходится, такимъ образомъ, замѣтить, что, хотя предъ нами памятникъ конца V вѣка, но письмо сохранило здѣсь свои старыя традиціонныя формы. Въ памятникѣ аналогичномъ нашему, но гораздо болѣе раннемъ, а именно: письмѣ Аѳанасія Александрійскаго отъ 330 года, дошедшемъ до насъ въ написаніи такого же рода, т. е. краской на камнѣ, формы буквъ гораздо свободнѣе отступаютъ отъ эпиграфическаго алфавита, нежели въ надписяхъ нашей пещеры 491 года[1]).

Переходимъ къ правописанію нашихъ текстовъ. Отступленія въ написаніи отдѣльныхъ словъ отъ тѣхъ формъ, какія были установлены для нихъ въ классическую пору жизни греческаго языка, довольно многочисленны. Большинство ихъ вызвано, какъ то очевидно, тѣми измѣненіями, которыя произошли въ самомъ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ и ихъ сочетаній. Сюда относится прежде всего уравненіе ει въ произношеніи съ гласнымъ ι, — фактъ, совершившійся еще во II вѣкѣ до Р. Х.[2]). Въ нашихъ надписяхъ довольно послѣдовательно проведена замѣна двугласнаго ει черезъ ι. Сюда относятся слѣдующіе 15 случаевъ: n. 1, стр. 1 — ἔτι, n. 3, стр. 1 — βοηθίᾳ, n. 3, 4 — κυκλῶσι, n. 3, 5 — σκότι, n. 4, 3 — ἐπισκιάσι, n. 4, 4 — ἀλήθια, n. 4, 5 — πεσῖται, n. 3, 8 — ἐντελῖται, n. 5, 8 — χιρῶν, n. 8, 1 — καταπατήσις, n. 8, 3 — δίξω, n. 9, 2 — θλίψι, n. 11, 1 и 2 — φυλάξι, n. 12, 1 — διλιάσω. — Наряду съ этимъ дано написаніе

---

[1]) Boeckh, Corpus Inscriptionum Graecarum, n. 8007; Gardthausen, Griechische Palaeographie, Leipzig. 1879. Taf. 1.

[2]) Blass, Aussprache des Griechischen. Berlin. 1888, p. 58.

ει вмѣсто ι въ трехъ мѣстахъ, а именно: εἰσχυρός — n. 6, стр. 2, и αγιειος — въ той-же надписи во 2 и 3 строкѣ. Вѣроятно, и въ томъ имени, которымъ заканчивается эта надпись: Φαεισπάρταν, ει имѣетъ значеніе ι[1]).

Гораздо позднѣе, нежели исчезновеніе двугласнаго ει, произошелъ въ греческомъ языкѣ переходъ двугласнаго αι въ ε. Первое прямое свидѣтельство объ этомъ относится ко II или III вѣку по Р. Х.[2]). Наши тексты писаны въ ту пору, когда не существовало болѣе двугласнаго αι. Доказывается это взаимной замѣной ε черезъ αι и αι черезъ ε. Случаевъ перваго рода — три, а именно: n. 3, стр. 4 — σαι, n. 7, стр. 2 — καικράξεται и n. 10, стр. 5 — αιος (= ἕως). Вторая замѣна дана пять разъ: n. 2, стр. 2 — δικέων, n. 7, стр. 3 — ἐξελοῦμε, n. 8, стр. 2 — ἐπακούσομε, n. 9, стр. 1 — ῥύσομε, n. 10, стр. 5 — ἐῶνος.

Что касается до произношенія буквы η, то она очевидно сохраняла свой древній звукъ. Доказывается это во 1) написаніемъ этой буквы вмѣсто αι въ словѣ — δημονίου, надпись n. 4, стр. 5, во 2) постановкой αι вмѣсто η въ двухъ мѣстахъ: φοβηθήσαι — n. 4, стр. 4 и ἐπιβήσαι — n. 7, стр. 1, въ 3) написаніемъ черезъ η слова — νυκτηρινοῦ, n. 4, стр. 4, и наконецъ въ 4) постановкой ε вмѣсто η въ словѣ: μεσεμβρινοῦ — n. 4, стр. 5, и въ отрицаніи μή, которое написано με — n. 4, стр. 9.

Послѣдняя неправильность правописанія, о которой слѣдуетъ упомянуть, есть замѣна ω черезъ ο въ слѣдующихъ пяти случаяхъ: δεξιον — n. 3, стр. 6, ταραχόδους — n. 4, стр. 3, ἁμαρτολῶν — n. 4, стр. 6, το (вм. τῷ) — n. 4, стр. 7 и αιος (вм. ἕως) — n. 10, стр. 5.

Относительно написанія согласныхъ можно отмѣтить лишь слѣдующее: ν не ассимилируется передъ γ и π, удерживая свое мѣсто передъ обѣими этими буквами: n. 3, стр. 6 — ἐνγιεῖ, n. 3, стр. 8 — ἀνγέλοις, n. 4, стр. 5 — συνπτώματος[3]). Въ двухъ мѣстахъ опущена буква ν: ὑμνούτω (вм. ὑμνούντων) — n. 2, стр. 7, и πα[ν]τός — n. 10, стр. 1. Неполное написаніе слова со знакомъ сокращенія на верху допущено только два раза по отношенію къ одному слову Κύριος. Въ надписи n. 12 поставлено въ началѣ $\overline{\text{КС}}$ и въ надписи n. 13 — $\overline{\text{К}}$. Безъ знака сокращенія по очевидной поспѣшности и по недостатку мѣста кое-гдѣ недописаны слова. Такъ, n. 2, стр. 8 — ἐλέ[η]σ[ον], въ надписи n. 10, стр. 3 — κυρος κυρι φυλα написано вмѣсто Κύριος. Κύριος φυλάξει.

Въ заключеніе остается отмѣтить ошибки и неправильныя формы. Такъ, въ 5 стихѣ псалма 90-го написано вмѣсто словъ: βέλους πετομένου — βέλου πετομένους; во 2 стихѣ того-же псалма слово ἀντιλήπτωρ является въ формѣ — ἀντιλήμπτωρ; въ надписи n. 2, стр. 1 дана форма γένγονεν вмѣсто γέγονεν. Варваризмомъ является мужескій родъ слова ὁδός: въ 11 стихѣ 90-го псалма (nn. 4 и 5, стр. 8) написано: ἐν πᾶσιν τοῖς ὁδοῖς σου. Касательно отмѣченнаго выше написанія слова ἅγιος, вслѣдъ за правильной его формой, въ видѣ αγιειος, которое повторено притомъ два раза, позволимъ себѣ сдѣлать предположеніе, что такое написаніе не есть описка, а, быть можетъ, объясняется протяжнымъ произношеніемъ звука ι въ этомъ словѣ при пѣніи этой молитвы.

---

[1]) Ср. Латышевъ, Insc. ant. or. sept. P. Eux. II, Index V, p. 334.
[2]) Blass, o. l., p. 67 сл.
[3]) Примѣры противнаго, а также и отсутствія ассимиляціи, см. Латышевъ, II, p. 335.

§ 5. Кресты и форма ихъ.

Такой-же существенный интересъ, какъ и надписи, имѣютъ въ нашей катакомбѣ изображенія креста. Пятнадцать разъ нарисованъ крестъ на глинѣ стѣнъ пещеры той самой красной краской, какой писаны надписи; шестнадцатое его изображеніе высѣчено на камнѣ, закрывавшемъ входъ въ нее. Изображенія эти можно раздѣлить на двѣ группы. Первую составятъ тѣ, гдѣ кресту дано значеніе самостоятельнаго украшенія христіанскаго памятника, вторую, — гдѣ крестъ является началомъ или заключеніемъ надписи. Къ первой относятся: крестъ, высѣченный на камнѣ, закрывавшемъ пещеру, и слѣдующія семь изображеній его внутри ея: 1) въ лѣвой нишѣ на центральной стѣнѣ впереди обозначенія года (табл. II, 1); 2) въ рединѣ надписи правой стѣны той-же ниши (табл. III); 3, 4, 5) три изображенія креста на стѣнахъ центральной ниши по серединѣ ихъ (n. 4 см. табл. IV, 1); 6) на потолкѣ той-же ниши ближе къ правому краю, параллельно длинѣ ниши; 7) на лѣвой стѣнѣ правой ниши. Въ четырехъ случаяхъ, а именно: 2, 3, 4, 5, надпись располагается по обѣ стороны креста, который дѣлитъ поле, для нея отведенное, на двѣ части и самую надпись на двѣ колонны[1]). Всѣ эти четыре изображенія креста исполнены раньше, чѣмъ писанъ текстъ надписи, какъ то слѣдуетъ заключить изъ расположенія буквъ около креста. Въ 3-ей и 7 строкахъ надписи n. 4 писавшій стѣснялъ и уменьшалъ буквы къ концу строкъ, желая дописать въ нихъ слово (μεταφρένοις и πρός). Тоже самое слѣдуетъ замѣтить относительно концовъ строкъ 1, 3, 4 и 5 въ надписи n. 5. Изображеніе креста на лѣвой стѣнѣ правой ниши, n. 7, сдѣлано, очевидно, уже послѣ того, какъ писавшій вывелъ первую строку въ длину всѣхъ трехъ ея стѣнъ. Помѣщенъ этотъ крестъ не точно по срединѣ поля, а ближе къ лѣвому краю. Самое изображеніе вышло значительно меньше, нежели тѣ, какими украшены стѣны лѣвой и центральной нишъ. Нижнему концу этого креста приданы три выступа, имѣющіе видъ какъ-бы корней дерева. Двумъ другимъ стѣнамъ правой ниши писавшій не придалъ вовсе этого украшенія.

По поводу креста на потолкѣ, помянутаго подъ n. 6, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, вѣроятно, приходился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли гробы покоившихся здѣсь нѣкогда христіанъ. Въ катакомбахъ, которыя удавалось открыть не разграбленными, находили обыкновенно гробы размѣщенными въ нишахъ.

Что касается до самой формы креста, то всѣ восемь изображеній имѣютъ то общее, что продольная полоса креста значительно длиннѣе поперечной. Разница — не менѣе трети и не болѣе половины. Вторая общая черта — расширеніе четырехъ полосъ, составляющихъ крестъ, къ соотвѣтственнымъ концамъ, причемъ самый конецъ обозначенъ вогнутой линіей. Образующіеся отъ этого углы въ семи нарисованныхъ изображеніяхъ закруглены, какъ то естественно при работѣ кистью на мягкомъ и неровномъ грунтѣ. На иномъ матерьялѣ крестъ этотъ долженъ-бы

---

[1]) Среди изданныхъ памятниковъ христіанскаго искусства аналогію такому употребленію креста можно указать на слѣдующихъ: боковая стѣнка мраморнаго саркофага 558 года, Garrucci, Storia dell'arte Christiana, tav. 393, 6.; мраморъ изъ Пицена съ датой консулата Базилія, годъ 463 или 541, — Rossi, Inscr. christ. Urbis Romae, praefatio, p. LXXII; обломокъ мрамора, хранящійся въ музеѣ Брешіи, изданъ у Le Blant, Inscr. chrét. de la Gaule, II, p. 310. Сохранилась только верхняя часть камня; высѣченная по бокамъ креста надпись есть начало 120 псалма (по латыни).

былъ получить нѣсколько иной видъ. Прототипомъ всѣхъ нарисованныхъ изображеній можно, кажется, считать ту форму, которая дана на камнѣ, закрывавшемъ пещеру. Полную аналогію этому виду креста даетъ изображеніе его на потолкѣ церкви Св. Креста въ Равеннѣ. Сооруженіе этой церкви относится къ тому-же вѣку, что и наша пещера, а именно: она построена раньше 449 года[1]). Крестъ такой-же формы держитъ въ рукахъ епископъ Максиминъ на мозаикѣ въ Равеннской церкви S. Vitale, относящейся ко времени Юстиніана[2]).

Четыре изъ семи нарисованныхъ изображеній креста, а именно: nn. 1, 2, 4 и 5, имѣютъ между собою то общее, что подъ горизонтальной полосой по обѣимъ сторонамъ креста помѣщены буквы Α и ω. Верхушки этихъ буквъ не приближены непосредственно къ полосѣ, а буквы представлены висящими, причемъ Α подвѣшена за свою верхушку, а ω притянута кверху за свою середину. Такимъ образомъ, ω являетъ собою какъ-бы изображеніе якоря, имѣвшаго, какъ то извѣстно, широкое распространеніе въ христіанской символикѣ.

По утвержденію Гарруччи, символическое употребленіе буквъ Α и ω восходитъ ко времени Константина Великаго[3]). На римскихъ надписяхъ Α и ω по обѣ стороны монограммы Христа являются впервые на надписи 354 года[4]). На христіанскихъ надписяхъ Галліи употребленіе этихъ буквъ въ качествѣ символа констатировано за періодъ времени отъ 377 до 547 года[5]). Обыкновенно буквы эти располагаются по обѣ стороны креста и не связаны съ нимъ, а стоятъ отъ него отдѣльно[6]). Древнѣйшая римская надпись, на которой буквы Α и ω изображены подвѣшенными, какъ и въ нашей катакомбѣ, относится къ 430 году[7]). Отмѣтимъ въ этой связи знаменитый и часто цитуемый памятникъ, гдѣ дано такое именно изображеніе креста: это—фреска въ катакомбахъ Понтіана въ Римѣ, расположенныхъ по via Portuensis. На ней изображенъ украшенный самоцвѣтными камнями крестъ, съ боковыхъ сторонъ котораго свѣшиваются на золотыхъ цѣпочкахъ буквы Α и ω. Памятникъ этотъ относится впрочемъ ко времени болѣе позднему, чѣмъ наша пещера, а именно: онъ принадлежитъ концу VI или началу VII вѣка[8]).

Два изъ семи нарисованныхъ крестовъ, nn. 1 и 5, отличаются отъ остальныхъ одной особенностью. На верхнемъ концѣ съ правой своей стороны имѣютъ оба эти изображенія придатокъ, въ которомъ слѣдуетъ признать монограмму Христа. На n. 1 сохранилось только небольшое закругленіе, представляющее часть кружка отъ буквы Ρ; на n. 5 кружокъ отъ буквы Ρ сохранился цѣликомъ, а внизу подъ нимъ идетъ отклоняющаяся въ сторону черта, которую, быть

---

1) Garrucci, Storia dell'arte Christiana, tav. 229.

2) Ibid., tav. 264. Другія аналогіи: ibid., tav. 241—на престолѣ церкви S. Maria in Cosmedin въ Равеннѣ tav. 387 — саркофагъ въ церкви S. Pietro Maggiore въ Равеннѣ.

3) Garrucci, Storia d. a. ch. I, p. 168. Древнѣйшими памятниками, на которыхъ являются въ качествѣ символа буквы Α и ω, Garrucci считаетъ двѣ надписи изъ времени Констанція (городовъ Sulmona и Anagnia).

4) Rossi, Inscriptiones Christianae Urbis Romae, n. 127.

5) Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule. Paris. 1856, préface, p. 12. Памятникъ, выходящій за эту дату, найденъ въ 1878 году,—ипогей съ значительнымъ числомъ надписей. Помяловскій, Археологическая находка въ Пуатье. Записки Имп. Рус. Арх. Общ., т. II, вып. II, стр. 60 — 100.

6) Le Blant, o. l. passim. Garrucci, o. l. tav. 481, n. 35 — монета Констанція съ Α и ω по обѣ стороны монограммы Христа. Rossi, Roma Sotterranea. passim.

7) Rossi, Inscr. Christ. U. R. n. 661.

8) Рисунокъ см. у Garrucci, o. l. tav. 86, 3. Относительно хронологіи этихъ фресокъ слѣдуемъ показанію Lefort'a, Chronologie des peintures des catacombes. Revue archéologique, 1880, fasc. 2, p. 48. У Lichtenberger'a, Encyclopédie des sciences religieuses, III (1878), p. 490, онѣ отнесены къ IX вѣку.

можетъ, слѣдуетъ истолковать какъ часть буквы **X** (табл. II, 1 и 2). Эти два креста подходятъ, такимъ образомъ, подъ терминъ crux monogrammatica. По утвержденію Гарруччи, эта форма креста появилась сначала въ Сиріи и была тамъ въ употребленіи еще въ III вѣкѣ [1]). Древнѣйшій римскій памятникъ, на которомъ она встрѣчается, относится къ 354 году [1]). Въ Галлію проникаетъ она нѣсколько позднѣе (первая датированная надпись съ крестомъ этой формы принадлежитъ 400 году) и получаетъ довольно широкое распространеніе въ V и VI вѣкахъ [3]).

Въ разсмотрѣнныхъ выше восьми изображеніяхъ крестъ имѣетъ значеніе самостоятельнаго украшенія христіанскаго памятника; въ остальныхъ восьми случаяхъ крестъ является, какъ придатокъ христіанской надписи. Въ этомъ ближайшемъ отношеніи къ тексту онъ имѣетъ мѣсто какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ надписей. Въ началѣ онъ является въ слѣдующихъ шести случаяхъ: 1, 2, 3) на карнизахъ всѣхъ трехъ нишъ, 4) въ центральной нишѣ на лѣвой стѣнѣ (предъ началомъ псалма 90-го), 5) въ правой нишѣ на лѣвой стѣнѣ (предъ 13 стихомъ 90-го псалма) и 6) на входной стѣнѣ (предъ псалмомъ 120). Въ двухъ мѣстахъ крестъ изображенъ въ концѣ надписи, а именно: 7) въ правой нишѣ въ концѣ 90-го псалма и 8) на входной стѣнѣ въ концѣ 120-го псалма.

Во всѣхъ перечисленныхъ восьми изображеніяхъ крестъ состоитъ изъ двухъ полосъ равной толщины, намѣченныхъ перпендикулярно одна къ другой. Въ шести изъ нихъ, а именно: nn. 1, 2, 3, 5, 7, 8, онъ умѣщается въ строку, и его полосы имѣютъ толщину буквъ текста. Остальныя два изображенія, nn. 4 и 6, исполнены болѣе тщательно, ихъ полосы толще нежели буквы текста, размѣры выходятъ изъ строки, и концамъ дано нѣкоторое расширеніе. Крестъ, заканчивающій собою 90-ый псаломъ, n. 7, и другой, помѣщенный въ началѣ строки на карнизѣ правой ниши, n. 3, суть cruces monogrammaticae.

Равноконечный крестъ той формы, какая здѣсь дана въ большинствѣ изображеній, является на христіанскихъ памятникахъ только съ конца IV вѣка. Древнѣйшій образецъ можно констатировать на монетахъ императора Аркадія (395—408) [4]). На Западъ эта форма креста начинаетъ проникать только съ начала V вѣка, какъ утвердилъ то въ своихъ изслѣдованіяхъ Rossi [5]).

Что же касается до появленія креста этой формы на христіанскихъ надписяхъ въ ближайшей связи съ текстомъ, то изданный понынѣ эпиграфическій матерьялъ даетъ основаніе предполагать, что обычай этотъ начался на Востокѣ и оттуда распространился на Западъ. Древнѣйшая, сколько

---

[1]) Garrucci, o. l. I, p. 162. Ora importa osservare che il monogramma ⳨ e non altro fa la prima apparizione nella Siria confinante colla Nabatea e colla Siria, patria di S. Efrem.—Crux monogrammatica дана на монетахъ Константина Младшаго отъ 335 года. Ibid., tav. 481, n. 23; отъ 337 340 гг. — tav. 481. n. 31.

[2]) Rossi, Inscr. Christ. U. R. n. 125 (cf. n. 647 отъ 425 года).

[3]) Le Blant, o. l., préface, p. XIII.

[4]) Garrucci, o. l., tav. 481, n. 41; Sabatier, Déscription génerale des monnaies byzantines. Paris. 1862. I, pl. IV n. 10 — мѣдная монета съ надписью: gloria Romanorum.

[5]) Rossi, Roma Sotterranea, II, p. 319. Della croce equilatera + le cripte di Lucina ci hanno dato un singolare esempio spettante ai sepolcri del secolo secondo o della prima metà del terzo. Ma le christiane iscrizioni ci mostrano l'uso frequente delle croci equilatere e delle così dette latine sui monumenti di Roma e di quasi tutto l'Occidente essere comminciato verso gli esordii del secolo quinto. Alla quale osservazione forniscono la loro parte i monumenti delle tre aree callistiane, ove di siffatte croci abbiamo trovato alquanti esempi graffiti sul secco nelle pareti, massime dai visitatori;... niuno nei tanti monumenti d'ogni genere spettanti al secolo terzo ed agli inizii del quarto; niuno nei medesimi marmi e adornamenti dell'età damasiana.

намъ извѣстно, надпись, въ началѣ текста которой поставленъ строчный крестъ, можетъ быть пріурочена къ 359 году [1]), а снабженная двумя крестами, въ началѣ и концѣ текста,—къ 363-му [2]). Древнѣйшая римская надпись съ крестомъ въ началѣ и концѣ строки принадлежитъ 450—455 годамъ, и текстъ ея греческій [3]). Первая по времени латинская надпись съ такимъ украшеніемъ, имѣющая точную дату, относится къ 496 году [4]).

II.

Историческая важность памятника. Хронологическія данныя о погребеніи въ катакомбахъ. Анализъ именъ. Положеніе Боспора въ V вѣкѣ. Возстановленіе трона древнихъ царей и связи съ Имперіей. Отношеніе имп. Юстиніана къ Боспору. Свидѣтельства о христіанствѣ на Боспорѣ. Найденные понынѣ христіанскіе памятники.

Въ предшествующемъ представлено было подробное описаніе открытой нами христіанской погребальной пещеры. Помимо своего непосредственнаго интереса, памятникъ этотъ имѣетъ высокую важность, какъ историческое свидѣтельство о судьбахъ Боспора въ концѣ V вѣка. Въ нашихъ литературныхъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Боспорѣ за это время. Самостоятельная жизнь Боспорскаго царства, схема которой возстановлена по монетамъ, заканчивается Рискупоридомъ VI, современникомъ Константина Великаго. Послѣдняя по времени монета этого боспорскаго царя относится къ 638 году боспорской эры, т. е. 341 г. по Р. Х. [5]). Скудныя свидѣтельства, которыя даютъ византійскіе историки и хронисты, начинаются со времени имп. Юстиніана. Нашъ памятникъ принадлежитъ предшествующему времени и является исключительнымъ въ своемъ родѣ свидѣтельствомъ *во первыхъ* о томъ, что на Боспорѣ, послѣ прекращенія царства въ половинѣ IV вѣка, продолжало жить туземное населеніе, хранившее старую культуру, а *во вторыхъ*,—что это населеніе было христіанскимъ. Разъясненіе этихъ двухъ положеній составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

§ 1. Погребеніе въ катакомбахъ и анализъ именъ.

Исходнымъ пунктомъ въ доказательствѣ перваго изъ двухъ указанныхъ положеній можетъ служить фактъ погребенія въ катакомбѣ. Этотъ типъ погребенія, какъ о томъ было помянуто выше, хорошо извѣстенъ на территоріи Боспорскаго царства. Въ разное время было открыто до 200 гробницъ этого рода. Катакомбы бывали находимы обыкновенно разграбленными. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ среди мусора, сваленнаго на полу и на лежанкахъ, удавалось находить

---

[1]) Le Bas, Voyage, III, n. 1912 (Bostra)=Boeckh, C. I. G. n. 8606. Надпись на базѣ статуи Сабиніана, о которомъ поминаетъ Амміанъ Марцеллинъ подъ 359 годомъ. Amm. Marc. 18, 5, 5 и 19, 3, 2.

[2]) Boeckh, C. I. G. n. 8608. Надпись съ острова Корциры на фронтонѣ церкви.

[3]) Rossi, Inscr. chr. U. R. n. 793.

[4]) Ibid., n. 916.

[5]) Правильность прочтенія даты на этой монетѣ оспаривается нѣкоторыми нумизматами, см. Латышевъ, Inscriptiones antiquae orae sept. P. Eux. II, p. LII.

монеты и тѣмъ установить приблизительную хронологію совершеннаго въ нихъ погребенія. Сопоставленіе свѣдѣній о подобныхъ находкахъ даетъ возможность прійти къ опредѣленному выводу о періодѣ времени, за какой существовалъ въ Пантикапеѣ этотъ типъ погребенія. Изъ Отчетовъ Императорской Археологической Коммиссіи и другихъ источниковъ можно извлечь слѣдующія данныя. Въ двухъ катакомбахъ, открытыхъ въ 1879 году, найдены были монеты Савромата I (92—124 г. по Р. Х.)[1]). Въ катакомбахъ, вскрытыхъ въ 1875 году, найдены были монеты Римиталька и Евпатора (131 — 153 — 170 г.)[2]). Въ катакомбѣ, открытой на Глинищѣ въ 1859 году, найденъ оттискъ монеты 264 года[3]). Въ одной изъ катакомбъ, открытыхъ въ 1867 году, найдены монеты Рискупорида V (262 — 275 г.) и Өеөорса (278 — 307 г.)[4]). Въ катакомбахъ, открытыхъ Ашикомъ въ 1833 году, найдены были монеты Рискупорида VI и Константина Великаго съ датой 326 года[5]). Въ первыхъ катакомбахъ, открытыхъ Дюбрюксомъ, оказались монеты 327 года[6]). Въ одной изъ катакомбъ, открытыхъ въ 1867 году, найдены были «монеты императоровъ Өеодосія или Аркадія»[7]).

Приведенныя данныя позволяютъ утверждать, что этотъ типъ погребенія существовалъ на Боспорѣ въ теченіе первыхъ вѣковъ нашей эры и вплоть до конца V вѣка, какъ свидѣтельствуетъ о томъ наша катакомба 491 года. Позднѣйшее существованіе этого типа погребенія засвидѣтельствовано находкой 1876 года. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ одной катакомбы на Митридатовой горѣ грабителями, найдена была вмѣстѣ съ обломкомъ стеклянной христіанской крещальной чаши монета имп. Юстиніана II (685 — 695 г.)[8]). Не касаясь здѣсь вопроса о происхожденіи этого типа погребенія, мы можемъ, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ, утверждать непрерывность въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ существованія его въ Пантикапеѣ на ряду съ другими, какъ-то: земляными гробницами съ каменнымъ покрытіемъ, а равно и погребеніемъ въ склепахъ, куда ставились саркофаги и деревянные гробы. Для времени, интересующаго насъ въ данномъ случаѣ, погребеніе въ катакомбахъ было туземнымъ способомъ преданія землѣ праха усопшихъ. Устройство подобныхъ пещеръ требуетъ, помимо знакомства съ качествомъ и толщиной слоевъ почвы въ данной мѣстности, выработки довольно сложныхъ техническихъ приспособленій. Этотъ продуктъ культуры мѣстнаго населенія существуетъ въ концѣ V вѣка. Христіане для своего погребенія устраиваютъ такія-же пещеры, въ какихъ погребало своихъ усопшихъ языческое населеніе Боспора уже въ I вѣкѣ нашей эры и въ послѣдующія затѣмъ времена. Отсюда мы въ правѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: въ концѣ V вѣка сидѣло на Боспорѣ то самое населеніе, которое его занимало при боспорскихъ царяхъ, носившихъ династическое имя Тиберія Юлія.

Къ этому общему археологическому аргументу можно присоединить другой, палеографическій. Въ разборѣ нашего памятника со стороны письма было указано, что всѣ начертанія отдѣль-

---

[1]) Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1880 годъ, стр. XIV.—Въ счетѣ боспорскихъ царей какъ здѣсь, такъ и повсюду, мы держимся нумераціи г. Латышева.

[2]) Отчетъ за 1875 годъ, стр. XXVI.

[3]) Отчетъ за 1859 годъ, стр. 15.

[4]) Отчетъ за 1867 г., стр. VI; ср. Отчетъ за 1880 г., стр. XVI.

[5]) Спасскій, Босфоръ Киммерійскій. Москва, 1846, стр. 130.

[6]) Муральтъ, Сборникъ Археологическо-нумизматическаго Общества, II. 1850, стр. 321.

[7]) Отчетъ за 1867 годъ, р. XII.

[8]) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, томъ XI, стр. 67 — 73. Древне-христіанская патера изъ Керченскихъ катакомбъ. Н. П. Кондаковъ.

ныхъ его буквъ имѣютъ свою аналогію въ надписяхъ на камняхъ изъ временъ боспорскихъ царей. Этотъ фактъ съ полной убѣдительностью утверждаетъ непрерывность культурной жизни населенія, обитавшаго на Боспорѣ съ тѣхъ временъ и до конца V вѣка.

Къ изложенному выше остается присоединить свидѣтельство, какое даютъ имена погребенныхъ въ пещерѣ христіанъ. Имена эти, читающіяся въ надписи n. 6, стоятъ по связи съ текстомъ въ винительномъ падежѣ. Формы именительнаго падежа будутъ—Σαυάγας и Φαειστπάρτας. Сборникъ греческихъ надписей черноморскаго побережья, изданный г. Латышевымъ, представляетъ великое обиліе варварскихъ именъ въ грецизованной формѣ. Второе изъ этихъ двухъ именъ не встрѣчается въ немъ ни разу, ему нѣтъ даже и болѣе или менѣе близкой аналогіи. Что же касается до перваго, то мы, расходясь съ почтеннымъ издателемъ Сборника, готовы прочесть его съ полной увѣренностью на двухъ изданныхъ имъ надписяхъ, а именно: II, n. 49[1] (Add.) и n. 389. Въ первой надписи онъ читаетъ: Σεαυάγου. Но на камнѣ, который мы имѣли возможность видѣть, благодаря любезности консерватора Императорскаго Эрмитажа г. Кизерицкаго, передъ слогомъ αυ въ этомъ имени, совершённо ясно читается Σ, а не Є, какъ прочелъ г. Латышевъ. Буква передъ этой Σ не достаточно ясна, но, повидимому, есть тоже Σ. Ее слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сочетанію τα, которое представляетъ конецъ слова (начало его стояло на обломанной части камня). Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь родительный падежъ имени Σαύαγος или Σαυάγας. Въ надписи n. 389 г. Латышевъ читаетъ: Σαυαγάσκο[υ?]. Въ этой надписи, дошедшей до насъ въ обломкѣ, перечисляются имена членовъ какой-то коллегіи, какъ слѣдуетъ заключить изъ слова συνθειασεῖται (въ 5 строкѣ). Камень сильно потертъ, и далеко не всѣ имена сохранились въ ясномъ видѣ. Намъ бы думалось, что буквы Κ Ο можно съ такимъ-же правомъ принять за начало слѣдующаго имени перечисленія туземцевъ, состоявшихъ въ этомъ обществѣ, и это тѣмъ болѣе, что вѣдь для имени Σαυάγασκος нѣтъ аналогіи въ извѣстномъ понынѣ эпиграфическомъ матерьялѣ, такъ что оно не имѣетъ за себя большей вѣроятности, нежели извѣстное намъ имя Σαυάγας.

Что касается до объясненія именъ Σαυάγας и Φαειστπάρτας по ихъ звуковому составу, то мы можемъ привести здѣсь мнѣніе двухъ нашихъ извѣстныхъ лингвистовъ, профессоровъ Вс. Ѳ. Миллера и Ѳ. Е. Корша. Оба спеціалиста совершенно согласны между собою въ томъ, что оба имени поддаются объясненію отъ корней иранскихъ нарѣчій, т. е. принадлежатъ къ тому типу, который представленъ въ большомъ множествѣ личныхъ именъ гражданъ Боспорскаго царства, извѣстныхъ намъ изъ надписей [1]). Имя Σαυάγας образовано при помощи иранскаго суффикса **ака,* который въ формѣ *агä* служитъ въ языкѣ осетинскомъ для образованія *nominum agentis.* Самое имя можетъ быть сближено съ осетинскимъ словомъ *цäуäгä* = ходокъ (отъ глагола *цäун,* что значитъ: идти [2]).

Относительно втораго имени Φαειστπάρτας, въ которомъ ει, вѣроятно, звучало какъ ι (что доказано выше), проф. Миллеръ полагаетъ, что его корень слѣдуетъ видѣть въ слогѣ παρ, т. е. *бар.* «Слогъ φα, замѣчаетъ онъ, есть обычная въ осетинскомъ языкѣ предложная глагольная приставка, извѣстная въ этомъ видѣ только въ осетинскомъ языкѣ; слогъ ειστ, т. е. ιστ, — другая

---

[1]) Всеволодъ Миллеръ, Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1886. Октябрь, стр. 232 — 283.

[2]) Въ своемъ письмѣ проф. Миллеръ замѣчаетъ: «Діалектически *ц* въ осетинскомъ переходитъ въ *с* въ южно-осетинскомъ говорѣ».

предложная приставка». Итакъ, *фа-іс-бар* есть глагольный корень, сложенный съ двумя предлогами. «Слѣдующее за корнемъ τ есть суффиксъ part. perfecti passivi. Въ современномъ осетинскомъ языкѣ глаголъ *бар-ун* значитъ: взвѣшивать, испытывать, такъ что part. perf. pass. значитъ, испытанный»[1]). Предложивъ такое объясненіе, проф. Миллеръ указываетъ затѣмъ на одно, весьма, по его мнѣнію, существенное затрудненіе, состоящее въ томъ, что иранское имя такого образованія должно-бы было идти по склоненію на ο, а не на α, какъ то однако оказывается въ данномъ случаѣ.

Проф. Коршъ, не входившій въ такія подробности объясненія, сближаетъ вторую часть этого имени, σπαρτα, съ персидскимъ *sipurdän* (неопр. накл., при настоящемъ *sipārām*), что значитъ — отдавать, передавать. Причастію прошедшаго врем. *sipurdä* могло-бы соотвѣтствовать осетинское * *спард*.

Какъ-бы ни стояло дѣло относительно частностей объясненія интересующихъ насъ именъ по ихъ звуковому составу, въ данномъ случаѣ для насъ имѣетъ существенную важность то, что оба имени могутъ быть изъяснены изъ иранскаго и тѣмъ обличаютъ сарматскую національность христіанъ, погребенныхъ нѣкогда въ нашей катакомбѣ[2]). Обиліе именъ того-же типа среди дошедшихъ до насъ въ эпиграфическомъ матерьялѣ именъ гражданъ Пантикапеи и особенно Танаиса, изъ временъ правленія царей съ именами Савроматовъ, Рискупоридовъ и Котисовъ, позволяетъ видѣть въ Савагѣ и Фаиспартѣ туземцевъ Боспора. Итакъ, объясненіе именъ, которыя носили погребенные въ катакомбѣ христіане, подтверждаетъ выводъ, основанный на свидѣтельствѣ археологическаго анализа памятника и палеографическаго разсмотрѣнія заключенныхъ въ немъ надписей. Такимъ образомъ, мы въ правѣ установить фактъ непрерывнаго существованія туземнаго населенія на Боспорѣ вплоть до конца V вѣка.

§ 2. Историческій выводъ и новыя свидѣтельства. Боспоръ при Юстиніанѣ.

Фактъ этотъ имѣетъ не малую важность для исторіи Боспора. Въ немъ дано свидѣтельство о томъ, что прекращеніе династіи боспорскихъ царей въ первой половинѣ IV вѣка было лишь прекращеніемъ царства въ его старыхъ предѣлахъ, но не сопровождалось разрушеніемъ города и искорененіемъ стараго его населенія. Городъ, очевидно, уцѣлѣлъ среди послѣдовавшихъ въ ту пору движеній варварскихъ племенъ, отъ которыхъ пострадало царство. Въ эпоху этихъ движеній утвердились въ предѣлахъ Крыма Готы[3]) и Гунны. Если первые въ началѣ VI вѣка нашей эры занимали лишь небольшую горную область на югѣ Крыма[4]), то послѣдніе свободно кочевали въ степныхъ пространствахъ и были въ глазахъ современныхъ византійцевъ главнымъ населеніемъ

---

[1]) Считаемъ своимъ долгомъ привести здѣсь также и слѣдующія замѣчанія проф. Миллера. «Предлогъ *фä* по значенію близокъ нашему *по*: *хäсс-ун* = нести, *фäх-хäссун* = понести (*х* въ *фäх* объясняется ассимиляціей, см. Осетинскіе Этюды, III, стр. 162), *кäн-ун* = дѣлать, *фäк-кäнун* = подѣлать. Предлогъ *іс* соотвѣтствуетъ нашему *воз*: *цäун* = идти, *іс-цäун* = взойти».

[2]) О принадлежности сарматовъ къ иранской группѣ арійскихъ племенъ см. Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды, III. Москва. 1887. стр. 83 и сл.

[3]) По вопросу о Готахъ въ Крыму въ первые вѣка нашей эры см. Брунъ, Черноморье, II и проф. Васильевскій, Житіе Іоанна Готскаго. Жур. Мин. Просв. 1878. Январь.

[4]) Procop. De aedif. III, 7, p. 262, 6 (ed. Bon.). Ἔστι δέ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ την παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ᾤκηνται... Αὐτὴ δὲ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται.

края[1]). Но городъ Боспоръ уцѣлѣлъ среди этихъ переворотовъ. Нашъ памятникъ относится къ тому времени, когда уже померкла слава Гунновъ и закончилась ихъ исторія на территоріи Европы. Если на Боспорѣ сидитъ въ ту пору исконное населеніе, съ издавна принятымъ греческимъ языкомъ, хранящее преданіе похоронныхъ обрядовъ стараго времени, удержавшее и самый шрифтъ своего письма; то отсюда съ полной увѣренностью можно сдѣлать заключеніе, что городъ Пантикапея пережилъ разрушеніе царства и не подвергался разгрому отъ Гунновъ, каковая судьба постигла пограничный городъ этой державы на сѣверѣ, Танаисъ[2]). Мы настаиваемъ на этомъ положеніи, такъ какъ въ недавнее время никто иной, какъ Моммзенъ, повторилъ съ полной увѣренностью старое воззрѣніе, будто Пантикапея была разрушена Гуннами[3]). Въ русской ученой литературѣ воззрѣніе это было высказано въ весьма авторитетномъ для своего времени и ученомъ трудѣ по исторіи Крыма, принадлежащемъ епископу Сестринцевичу-Богушу[4]). Въ работахъ послѣдующихъ ученыхъ воззрѣніе это повторялось затѣмъ часто въ болѣе или менѣе модифицированной формѣ[5]). Въ настоящее время мы можемъ съ полнымъ правомъ отрицать его справедливость, хотя бы на основаніи одной нашей катакомбы.

Одна недавно найденная надпись позволяетъ сдѣлать шагъ дальше, а именно утверждать, что на Боспорѣ былъ возстановленъ тронъ древнихъ царей и возобновлена была фактически, а быть можетъ фиктивно, старая династія. Текстъ ея таковъ.

† Ἀγ[αθῇ τύχ]η.
✠ Ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δοιπτούνο[υ]
βασιλ(έως) εὐσεβο[ῦ]ς φιλοκέσαρος καὶ
[φ]ιλορωμέου [ἀν]έστη ὁ πύργος οὗ-
[τος] καὶ ἐπὶ ἐπάρχο[υ] Εἰσγουδίου
[καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Ὀπαδίνου τοῦ [ἐ-
πὶ τῆς πι]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρω-
[τεύοντος? . . . . .]τας Σαυάγου καὶ ἐπὶ τοῦ
[ἐπιμελητο]ῦ? τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
[. . . . . μηνὸς Γο]ρπιαίου κο . .
. . . . ἐτ(ους) ϑ . . . [Латышевъ, II, n. 49[1]].

---

[1]) Procop. bel. Goth. IV, 5, p. 480 (ed. Bon.). Ἐκ δὲ Βοσπόρου πόλεως ἐς πόλιν Χερσῶνα ἰόντι, ἣ κεῖται μὲν ἐν τῇ παραλίᾳ, Ῥωμαίων δὲ καὶ αὐτὴ κατήκοος ἐκ παλαιοῦ ἐστι, βάρβαροι, Οὐννικὰ ἔθνη, τὰ μεταξυ ἅπαντα ἔχουσι. — Тоже самое утвержденіе повторено Прокопіемъ и въ другомъ мѣстѣ его сочиненій, bell. Pers. I, 12, гдѣ разсказано о томъ, какъ имп. Юстинъ пытался вербовать въ этихъ мѣстностяхъ Гунновъ для своихъ войнъ на Востокѣ.

[2]) Вѣроятность разрушенія Танаиса въ эпоху гуннскаго нашествія въ концѣ IV вѣка доказана Леонтьевымъ, см. Археологическія разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса. Пропилеи, кн. IV, стр. 438.

[3]) Mommsen, Römische Geschichte, V (изд. 1885 г.), стр. 289, прим. 2. Noch im I. 366 war der Bosporus im römischen Besitz (Ammian. 26, 10, 6); bald nachher müssen die Griechen am Nordufer des schwarzen Meeres sich selbst überlassen worden sein, bis dann Iustinian die Halbinsel wieder besetzte (Procopius, bell. Goth. 4, 5). In der Zwischenzeit ging Pantikapaeon in den Hunnenstürmen zu Grunde. — Позволимъ себѣ прибавить, что подъ 366 годомъ у Аммiана нѣтъ никакого упоминанія о Боспорѣ. Какое свѣдѣніе разумѣлъ Моммзенъ, остается неизвѣстнымъ.

[4]) Исторія царства Херсонскаго и Таврійскаго. СПб. 1806. томъ I, стр. 431.

[5]) Спасскій, Босфоръ Киммерійскій. Москва. 1846, стр. 108. — Кн. Сибирскій, Взглядъ на автономію и исторію Пантикапеи. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, VI (1867), стр. 170.

Итакъ, на Боспорѣ правитъ царь, носящій варварское имя: Диптунъ, Δοιπτοῦνος [1]). Помѣстивъ его на третьемъ мѣстѣ, онъ величаетъ себя именемъ Tib. Iulius, которое носили законные владѣтели боспорскаго трона въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры, принявъ его, вѣроятно, отъ своего родоначальника, ѳракійскаго царевича изъ дома Рискупоридовъ, Реметальковъ и Котисовъ [2]). Его первымъ носителемъ на боспорскомъ тронѣ былъ Рискупоридъ I, царствовавшій съ 71 (69 ?) по 92 годъ по Р. X.

Носитель стараго династическаго имени прилагаетъ къ нему искони принятые эпитеты φιλοκαῖσαρ, φιλορώμαιος и εὐσεβής. Два первые составляли неизмѣнное приложеніе къ имени правившаго на Боспорѣ царя изъ ѳракійской династіи и даны намъ на всѣхъ боспорскихъ надписяхъ оффиціальнаго характера. Титулъ εὐσεβής встрѣчается не такъ часто, какъ два помянутые выше; но и онъ засвидѣтельствованъ, съ очевиднымъ значеніемъ титула, на надписяхъ многихъ царей [3]). Особенностью въ титулатурѣ царя Диптуна является только постановка слова εὐσεβής на первомъ мѣстѣ, тогда какъ на надписяхъ царей предшествующаго времени оно является всегда на третьемъ. Эту перемѣну въ титулѣ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что царь Диптунъ— христіанинъ, а въ виду этого и самый титулъ получилъ иное содержаніе и новое значеніе.

Царь Диптунъ имѣетъ дворъ; одинъ изъ чиновъ этого двора, ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, извѣстный изъ временъ царя Тирана (275 — 279) [4]), помянутъ въ 7-ой строкѣ надписи. Но въ рангѣ высшемъ, судя по мѣсту упоминанія, названы въ этой надписи чины, не извѣстные по надписямъ болѣе ранняго времени, а именно: ἔπαρχος и κόμης. Этотъ послѣдній чинъ принадлежитъ къ имперской служебной іерархіи. Присутствіе византійскаго комиса на Боспорѣ указываетъ на ближайшее отношеніе его къ Имперіи. Собственныя имена этихъ чиновъ, Εἰσγούδιος, Ὀπαδῖνος и Σαυάγας, могутъ быть съ увѣренностью приняты за туземныя [5]), а послѣднее есть то самое, которое носилъ одинъ изъ погребенныхъ въ нашей катакомбѣ христіанъ.

Надпись заключала въ себѣ точное обозначеніе времени возведенія той башни, на стѣнѣ. которой была укрѣплена эта мраморная доска. Но отъ него сохранилось только обозначеніе мѣсяца Γορπιαῖος, засвидѣтельствованнаго на множествѣ боспорскихъ надписей, и конецъ двух- или трехзначнаго числа, цифра ϑ, т. е. 9. Изъ имени мѣсяца, а также обычнаго мѣста и порядка въ обозначеніи даты, можно съ полной увѣренностью заключить, что царь Диптунъ велъ счисленіе по

---

[1]) Г. Латышевъ читаеть это имя Διουπτούνης, но на камнѣ ясно разбирается иное начало слова.

[2]) Представители этой династіи, съ свидѣтельствами историковъ о нихъ, сопоставлены въ статьѣ Моммзена: Reges Thraciae inde a Caesare dictatore, помѣщенной въ Ephemeris Epigraphica, II, pp. 250 — 263 (1874). Болѣе древнія судьбы того-же дома см. въ статьѣ Höck'a: Odrysenreich in Thrakien im fünften und vierten Iahrhundert v. Chr. Hermes. 1891. XXVI, 1, pp. 76 — 117.

[3]) Савромата I - Сборникъ Латышева, nn. 26, 38, 39; Эвпатора — nn. 422, 438, 439; Савромата II — nn. 34, 37, 357: Рискупорида II — n. 41; Котиса III — n. 432, Ининѳимея — nn. 433, 434, 435; Рискупорида IV — nn. 44, 45, 46; Тирана - n. 29.

[4]) Латышевъ, n. 29. Тоть-же титулъ поминается на надписи n. 131, не заключающей точнаго указанія на хронологическую дату.

[5]) Проф. Кнауэръ, съ которымъ я совѣтовался по поводу этихъ именъ, отказался дать опредѣленныя и точныя этимологіи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; но, по его мнѣнію, всѣ они объяснимы изъ иранскихъ корней и каждому можно дать нѣсколько значеній. Такъ, Εἰσγούδιος можетъ значить: чистый, нескрываемый, таинственный; Ὀπαδῖνος — безполезный, несчастный, награждаемый; Δοιπτοῦνος — съ блестящимъ тѣломъ, съ прелестной наружностью. — Что до имени Σαυάγας, то оно объяснено выше.

боспорской эрѣ. Кресты, изображеніе которыхъ красуется въ началѣ двухъ первыхъ строкъ надписи, свидѣтельствуютъ, что въ ту пору христіанство было господствующей на Боспорѣ и оффиціально принятой тамъ религіей.

Итакъ, надпись на башнѣ, воздвигнутой при царѣ Диптунѣ, при участіи одного изъ боспорскихъ гражданъ, по имени Савага, свидѣтельствуетъ, что на Боспорѣ былъ возстановленъ старый порядокъ и строй государства, которое къ тому времени стало христіанскимъ и вновь находилось въ традиціонныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ Римской Имперіи. Вопросомъ остается точное, или хотя-бы приблизительное, опредѣленіе времени этого событія.

Помощь въ поискахъ за рѣшеніемъ этого вопроса можетъ, думается намъ, оказать слѣдующее мѣсто Прокопія. Въ 12 главѣ I книги сочиненія *De bello Persico* Прокопій сообщаетъ слѣдующее: οἱ δὲ Βοσπορῖται αὐτόνομοι μὲν τὸ παλαιὸν ᾤκουν, Ἰουστίνῳ δὲ βασιλεῖ ἔναγχος προσχωρεῖν ἔγνωσαν. Итакъ, при Юстинѣ Боспоръ, не состоявшій до того въ зависимости отъ Имперіи, или, правильнѣе сказать, разобщенный съ нею, вновь призналъ свою зависимость отъ нея. Годы правленія этого императора: 518 — 527. Годъ боспорской эры съ цифрой 9 на концѣ придется среди годовъ правленія этого императора на 522 по Р. Х., который соотвѣтствуетъ боспорскому 819. Быть можетъ это и есть дата сооруженія помянутой въ надписи башни.

Г. Латышевъ пріурочиваетъ надпись ко времени имп. Юстиніана, о которомъ тотъ-же Прокопій сообщаетъ, что онъ возстановилъ пришедшія въ ветхость стѣны Боспора [1]). Мы полагаемъ, что если бы предъ нами было свидѣтельство о возстановленіи стѣнъ Юстиніаномъ, то надпись имѣла-бы форму, близкую къ подобному свидѣтельству отъ 476 года, сохранившемуся въ Херсонесѣ [2]), или было-бы названо имя императора. Политика Юстиніана была возстановленіемъ завоевательныхъ тенденцій древней Имперіи, и то, что мы знаемъ изъ другихъ нашихъ источниковъ объ отношеніи этого императора къ Боспору, свидѣтельствуетъ не о приведеніи этого дальняго угла греко-римскаго міра въ вассальную зависимость отъ центра, а скорѣе о водвореніи на Боспорѣ непосредственной власти императора. Разумѣемъ эпизодъ, разсказанный совершенно тожественно у Малалы [3]) и Θеофана [4]) и повторенный у Ландульфа [5]). Помѣщается онъ у византійскихъ хронистовъ подъ первымъ годомъ правленія императора Юстиніана. Дѣло излагается такъ.

Гуннскій царевичъ изъ орды, кочевавшей въ мѣстахъ, близкихъ къ Боспору, по имени Гродъ (Γρώδ), какъ онъ названъ у Малалы, или Горда (Γορδᾶς), какъ именуетъ его Θеофанъ, явился въ Константинополь и принялъ тамъ христіанство. Императоръ щедро одарилъ его и отослалъ на Боспоръ блюсти тамъ имперскіе интересы. Съ нимъ вмѣстѣ отправленъ былъ на Боспоръ отрядъ римскаго войска. Θеофанъ сообщаетъ имя командира, то былъ трибунъ, по имени Дел-

---

[1]) Procop. De aedif. III, 7, p. 261 (ed. Bon.). Καὶ μὲν καὶ Βοσπόρου καὶ Χερσῶνος πόλεων... ἐν ἐσχάτῳ οἰκοῦνται τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς, πεπονηκότα παντάπασι τὰ τείχη εὑρὼν ἐς μέγα τι κάλλους τε καὶ ἀσφαλείας κατεστήσατο χρῆμα. — Διαφερόντως δὲ τὴν Βόσπορον τῷ ἐρύματι ἐκρατύνατο, ἥνπερ ἐκ παλαιοῦ βεβαρβαρωμένην καὶ ὑπὸ τοῖς Οὔννοις κειμένην ἐς τὸ Ῥωμαίων μετήνεγκε κράτος.

[2]) Böckh, C. I. G. IV, n. 8621. Надпись начинается съ имени и титула императора Зенона и заканчивается такими словами: ἀνενεώθη δὲ ὁ πύργος οὗτος πράττοντος τοῦ μεγαλοπρ(επεστάτου) Κόμ(ητος) | Διογένου ἔτους φιβ´ ἰνδ. ιδ´.

[3]) Malalae Chronogr. p. 430 (ed. Bon.).

[4]) Theophanis Chron. p. 175 (ed. de Boor).

[5]) Landulfus (= Historia Miscella), Monum. Germ. hist., auct. ant. t. II, p. 369.

матіи (Δελμάτιος). У Малалы дано имя отряда: онъ названъ испанцами. Гродъ и принявшіе съ нимъ христіанство Гунны стали переплавлять на монету своихъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ. Этотъ поступокъ вызвалъ неудовольствіе въ средѣ кочевниковъ, остававшихся вѣрными отцовской вѣрѣ. Они возмутились, убили Грода, поставили на его мѣсто царемъ его брата Мугеля (по Малалѣ), или Муагерія (по Өеофану), вторглись въ городъ, перебили имперскій отрядъ, убили и командовавшаго ими трибуна. Получивъ о томъ вѣсть, Юстиніанъ направилъ на Боспоръ войска какъ непосредственно изъ столицы, такъ и изъ Одессоса. Посланы были готскіе полки подъ командой комиса Эвксинскаго Понта, по имени Іоанна, и офицеровъ готской національности, Годилы и Вадуарія. Гунны не пытались удержать за собой Боспоръ, и прибывшія туда войска утвердили въ немъ власть императора. «И сталъ жить Боспоръ въ мирѣ подъ римской властью» — заключаетъ свой разсказъ Малала.

Если Юстиніанъ ввѣрялъ римскіе интересы на сѣверѣ Чернаго моря гуннскому царьку и поддерживалъ его власть военной силой, то, значитъ, на Боспорѣ въ ту пору не было своего царя, или онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто покровительствуемому императоромъ варвару изъ окрестныхъ кочевниковъ. Его соплеменники низвергли эту власть. При помощи бóльшихъ военныхъ силъ Юстиніанъ оградилъ отъ нихъ Боспоръ и вновь утвердилъ тамъ порядокъ и спокойствіе подъ своей властью.

Подводя итогъ изложенному выше, мы позволимъ себѣ утверждать, что возстановленіе царства на Боспорѣ можетъ быть съ вѣроятностью отнесено къ V вѣку и хронологически сближено съ датой нашей катакомбы.

§ 3. Христіанство на Боспорѣ и христіанскіе памятники.

Христіанская катакомба 491 года должна по праву занять видное мѣсто въ ряду не только христіанскихъ памятниковъ, какіе понынѣ открыты на Боспорѣ, но также и историческихъ о томъ свидѣтельствъ. Вопросы о томъ, когда и какимъ путемъ стало проникать на Боспоръ христіанство, остаются до сихъ поръ неразъясненными и, прибавимъ, они неуяснимы. Для ихъ рѣшенія нѣтъ свѣдѣній ни въ историческихъ источникахъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. Утвержденіе Бруна, будто «въ Боспорскомъ царствѣ съ давнихъ поръ (т. е. въ III вѣкѣ и раньше) существовали христіанскія общины», гдѣ поэтому и могли Готы «познакомиться съ обрядомъ христіанства» при первомъ своемъ проникновеніи на территорію Крыма[1]), — имѣетъ за себя только апріорную вѣроятность, но не основано ни на какомъ свидѣтельствѣ. Единогласныя свидѣтельства историковъ церкви указываютъ иной путь просвѣщенія Готовъ свѣтомъ христіанства: его внесли въ среду варваровъ христіанскіе плѣнные, уведенные Готами въ черноморскія степи, во время ихъ грабительскихъ походовъ въ Малую Азію[2]). Привилось христіанство въ средѣ западной части готскаго племени, у Тервинговъ. Тамъ впослѣдствіи дѣйствовалъ епископъ Ульфила, тамъ были гоненія на христіанъ, тамъ являлись исповѣдники и мученики.

---

[1]) Черноморье, II, статья: Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи, стр. 194.

[2]) Свидѣтельства эти сопоставлены и разъяснены въ помянутой выше статьѣ проф. Васильевскаго: Житіе Іоанна Готскаго. Жур. Мин. Просв. 1878. Январь, стр. 98 и слѣд. Болѣе подробное ихъ разсмотрѣніе см. у Бѣликова: Христіанство у Готовъ. I. Казань. 1887. — Ср. Макарій, Исторія Христіанства въ Россіи до князя Владиміра. 2 изд. 1868.

Первое свидѣтельство о существованіи христіанства на Боспорѣ относится къ эпохѣ перваго вселенскаго собора. Въ числѣ подписей подъ соборными актами на послѣднемъ мѣстѣ значится имя епископа Домна, Domnus Bosporensis[1]). Существованіе епископа и притомъ такого, который былъ призванъ на вселенскій соборъ, позволяетъ сдѣлать предположеніе, если не о преобладаніи христіанства въ средѣ туземнаго населенія, то во всякомъ случаѣ о томъ, что христіанство было въ ту пору терпимой религіей и имѣло тамъ болѣе или менѣе значительное распространеніе. Отъ половины IV вѣка есть у насъ другое свидѣтельство о существованіи боспорской епископіи. Въ 344 году назначенъ былъ соборъ въ Никомидіи. Раньше чѣмъ открыться его засѣданіямъ, случилось страшное землетрясеніе. Въ числѣ погибшихъ былъ между прочимъ и епископъ, прибывшій въ Никомидію съ Боспора[2]).

Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ столѣтія нѣтъ упоминанія о боспорскихъ епископахъ. Въ ту пору Боспоръ переживалъ тяжкую эпоху варварскихъ нашествій, положившихъ конецъ существованію династіи Тиберіевъ Юліевъ. Центръ царства, городъ Пантикапея, на который перешло имя Боспора, устоялъ среди этихъ нашествій и потрясеній, удержалъ онъ свое старое населеніе, сохранилъ и христіанское просвѣщеніе.

Катакомба 491 года даетъ о томъ ясное и опредѣленное свидѣтельство. Отъ времени нѣсколько болѣе ранняго, а именно: отъ половины V вѣка, извѣстенъ намъ опять боспорскій епископъ. Его имя Евдоксій. Онъ принималъ участіе въ Константинопольскомъ соборѣ 448 года и въ 449 году — въ соборѣ Ефесскомъ[3]). Быть можетъ, къ этой порѣ и слѣдуетъ относить возстановленіе боспорскаго трона. При царѣ Диптунѣ христіанство было уже несомнѣнно господствующей религіей на Боспорѣ, какъ то ясно изъ крестовъ, начинающихъ собою документъ о постройкѣ башни.

Именъ преемниковъ Евдоксія до насъ не дошло. Слѣдующій боспорскій епископъ, имя котораго сохранилось, принадлежитъ уже тому времени, когда возстановлена была зависимость Боспора отъ Имперіи. Это—Іоаннъ, участвовавшій въ борьбѣ съ еретическими ученіями при патріархѣ константинопольскомъ Іоаннѣ на соборѣ 519 года и засѣдавшій также на константинопольскомъ соборѣ 536 года[4]).

Мы не станемъ слѣдить дальше за судьбами боспорской епископіи; для насъ достаточно отмѣтить здѣсь несомнѣнный фактъ существованія христіанства на Боспорѣ, начиная съ IV вѣка. Однимъ изъ его памятниковъ является наша катакомба, которая занимаетъ видное мѣсто въ ряду немногихъ другихъ, ставшихъ доселѣ извѣстными за 50-лѣтіе раскопокъ въ Керчи. Памятниковъ этихъ, кромѣ нашей катакомбы, всего девять. Два изъ нихъ имѣютъ приблизительную хронологію и относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ наша катакомба. Оба они помянуты были въ предшествующемъ изложеніи, а именно: надпись царя Диптуна и обломокъ стеклянной чаши съ изображеніемъ монограмматическаго креста и фигуры Моисея. Эта послѣдняя находка сдѣланная въ 1876 году, подвергнута была изслѣдованію проф. Н. Н. Кондаковымъ[5]). Остальные

---

[1]) Le Quien, Oriens Christianus, I, p. 1328. — Ср. Васильевскій, o. l., p. 102.

[2]) Sozomen. IV, 16 (Migne, Patr. gr., p. 1156). Ἐπισκόπων δὲ μόνος Κεκρόπιος ὁ Νικομηδείας αὐτῆς καὶ ἄλλος ἀπὸ Βοσπόρου τῆς Ἐκκλησίας ἔξωθεν κατελείφθησαν. (Созоменъ подробно разсказываетъ какъ о самомъ событіи, такъ и о толкахъ вызванныхъ тѣмъ, что много христіанъ погибло въ церкви, обрушившейся во время землетрясенія).

[3]) Le Quien, Or. Chr. I, p. 1328.

[4]) Ibid.

[5]) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. XI, стр. 67 — 73.

семь памятниковъ не заключаютъ въ себѣ прямыхъ хронологическихъ указаній, но во всякомъ случаѣ ихъ можно съ полной увѣренностью отнести къ періоду отъ IV до VI вѣка. Памятники эти въ послѣдовательности времени ихъ находокъ, слѣдующіе: 1) Въ 1862 году найденъ былъ на горѣ Митридата въ могилѣ, сложенной изъ тесаныхъ плитъ известковаго камня, деревянный гробъ, съ прибитыми къ нему крестами изъ листоваго серебра[1]). Одна изъ плитъ, составлявшихъ покрытіе этой могилы, была мраморная доска съ надписью отъ 123 года по Р. Х. [2]). 2) Въ 1866 году найдено было въ мусорѣ одной катакомбы, открытой также на Митридатовой горѣ, блюдо красной глины съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ павлина, клюющаго кисть винограда. Вокругъ изображенія надпись слѣдующаго содержанія: ὁ θεὸς εἵλεώς μου[3]). 3) Въ 1875 году найдена была на Глинищѣ надгробная плита известковаго камня съ надписью, которая начинается и заканчивается крестомъ. Надпись такого содержанія: ἐνθάδε κατακῖτ|ε ὁ δοῦλο|ς τοῦ Θ(εο)ῦ | Γέννεος[4]). 4) Въ 1878 году найдена была въ насыпи на горѣ Митридата надгробная плита известковаго камня съ изображеніемъ креста въ формѣ crux monogrammatica и надписью, въ двѣ строки по обѣ стороны креста[5]). Первый издатель этого памятника, академикъ Стефани, не сдѣлалъ попытки разобрать эту послѣднюю[6]). Воспроизводя его снимокъ на слѣдующей страницѣ, мы полагаемъ, что не вызовемъ сомнѣній, читая два первыя слова такъ: ἔνθα κατακῖτε. Дальнѣйшія буквы даютъ, вѣроятно, имя почившаго. Формы буквъ помянутыхъ здѣсь подъ цифрами 3 и 4 памятниковъ позволяютъ хронологически сблизить ихъ съ надписями нашей катакомбы. 5, 6, 7). Въ самое недавнее время стали извѣстны еще три христіанскихъ памятника, найденные, по всей вѣроятности, въ Керчи и оставшіеся тамъ въ частномъ владѣніи, а именно: обломокъ пиксиды слоновой кости съ христіанскимъ сюжетомъ и два стеклянныхъ сосуда, на одномъ изъ которыхъ вытиснено изображеніе креста, а на другомъ вытравлена надпись: πίε ζήσῃς. По мнѣнію г. Айналова, публиковавшаго эти предметы, ихъ можно отнести къ IV—V вѣкамъ[7]).

Таковы девять христіанскихъ памятниковъ, найденныхъ на территоріи древней Пантикапеи. Къ нимъ присоединяется нынѣ десятый, наша катакомба. По обилію данныхъ и по ихъ важности этотъ новый, и пока послѣдній, памятникъ занимаетъ среди нихъ безспорно первое мѣсто.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ выразить надежду, что дальнѣйшія раскопки на богатой почвѣ Керчи вынесутъ на свѣтъ новыя данныя и послужатъ къ уясненію тѣхъ многихъ темныхъ пунктовъ позднѣйшей исторіи Боспора, на которые было лишь отчасти указано въ предыдущемъ, и сдѣлана попытка поставить наше о нихъ знаніе въ уровень современному состоянію данныхъ археологіи.

---

[1]) Отчетъ Арх. Ком. за 1862 годъ, p. IV.

[2]) Латышевъ, Insc. ant. or. sept. P. Eux. II, n. 27.

[3]) Отчетъ Арх. Ком. за 1867 годъ, стр. 204, гдѣ данъ и рисунокъ памятника. Ср. Отчетъ за 1866 годъ, p. VI.

[4]) Отчетъ Арх. Ком. за 1875 годъ, p. XXXIV и за 1876, стр. 216. — Среди надписей, найденныхъ на территоріи боспорскаго царства, аналогію этой эпитафіи можно указать на одномъ камнѣ изъ Тамани. Сборникъ г. Латышева n. 363. На плитѣ съ надписью 307 года по Р. Х. высѣчена внизу, очевидно много позднѣе чѣмъ первая, надпись такого содержанія: ἐνθάδε κα|ταχῦτε ὁ | δοῦλος τοῦ | Θ(εο)ῦ Κον|σταντῖ | νος ἱε|ρεὺς και...

[5]) Отчетъ Арх. Ком. за 1878 годъ, p. XXI.

[6]) Отчетъ Арх. Ком. за 1880 годъ, стр. 134.

[7]) Записки Имп. Рус. Археологическаго Общества, томъ V, выпускъ 1 и 2, новая серія. СПб. 1891. стр. 201 — 214.

Поясненіе къ таблицамъ I—IV.

Планъ и разрѣзы катакомбы составлены по рисунку, исполненному Я. И. Смирновымъ. По его-же фотографіямъ воспроизведены надписи: nn. 2, 4, 10 (табл. III и IV). Надписи nn. 1 и 6 (табл. II) исполнены по снятымъ мною на мѣстѣ калькамъ. Принося здѣсь искреннюю признательность г. Смирнову за его доброе участіе и помощь, я долженъ оговорить двѣ небольшія погрѣшности, оказавшіяся въ надписи n. 4, табл. IV, 1, помимо всякой вины какъ съ его, такъ и съ моей стороны. При цинкографическомъ воспроизведеніи снимка съ фотографіи, отъ буквы **K**, которая довольно ясно видна на фотографіи въ концѣ 7-ой строки, осталась только вертикальная черта и точка отъ конца праваго нижняго штриха. Другая неточность, гораздо болѣе существенная,—видъ буквы **E** въ девятой строкѣ въ словѣ με (=μή). Эта буква отъ прорисовки получила видъ ε, тогда какъ въ оригиналѣ она здѣсь совершенно тожественна съ предшествующимъ **E** въ словѣ σε и дальнѣйшимъ въ словѣ ποτε.

РАЗРѢЗЪ ПО С—D

ПЛАНЪ

C

D

A

B

I

II

III

IV

Входъ

V

Колодезь

РАЗРѢЗЪ ПО А——В

Колодезь

V

0 1 2 3 4 5 сажени

0 4 8 12 16 вершки

1.

Α Ω

ΕΝΤΩ
ΗΠΓΥ ΕΤΙ

1/11

2.

R
Α Ω

ΑΓΙΟCΟΘΕΟC
ΑΓΙΕΙΟCΕΙCΧΥΡΟC
ΑΓΙΕΙΟCΑΘΑΝΑ
ΤΟCΕΛΕΗCΟΝ
ΤΟΝΔΟΥΛΟΝCΟΥ
CΑΥΑΓΑΝ
ΚΑΙΦΑΕΙCΠΑΡΤΑΝ

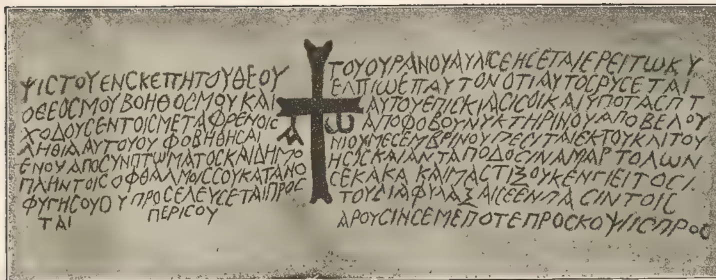
1/7

Таблица III.

ΧΑΡΑ ΜΕΓΑΛΗ ΓΕΝ
ΓΟΝΕΝ ΤΩ ΟΙΚΩ ΤΟΥ
ΤΩ Ο[illegible] ΜΕΡΟΝΤ
ΩΝ [illegible] ΩΠΑΡΑ
ΓΕΝΟΜΕ ΝΩΝ ΤΩΝ
ΔΙΧΕΩΝ ΣΥΝΑΛΩΜΕ
ΝΩΝ ΚΑΙ ΤΩΝ ΠΑΝΤΩ
Ω ΥΜΝΙ ΑΥΤΩ ΣΕΕΑ

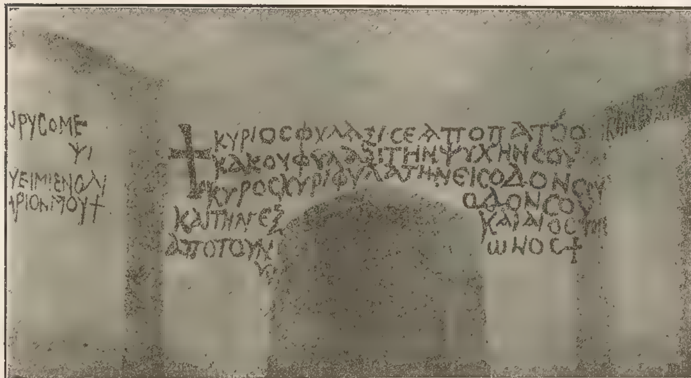
1/7

1.

1/18

2.

1/16

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie“ publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 7-e. Antiquités de la Russie Méridionale.

Sommaire.

Description par Mr V. Malmberg de quelques terres cuites modelées d'après d'anciens moules, trouvés à Chersonèse (planche I, II, III et pages 1—24) et énumerés dans le Compte-rendu de la Commission Archéologique pour les années 1882—1888, page CCXI. Fragments de quelques vases peints, statuettes en terre cuite etc. (planche IV, et pages 24—31).

Mr A. Orechnikoff (pag. 33—46) donne l'analyse des monnaies exhumées à Chersonèse pendant les fouilles de 1888 et 1889, soit: a) monnaies de Chersonèse, n'ayant pas été frappées dans cette ville; b) monnaies frappées à Chersonèse; c) monnaies à l'effigie des empereurs de Byzance, frappées à Chersonèse.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

I.

В. К. МАЛЬМБЕРГА

ОПИСАНІЕ КЛАССИЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ, НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ХЕРСОНЕСѢ ВЪ 1888 И 1889 ГОДАХЪ.

II.

А. В. ОРѢШНИКОВА

ОБОЗРѢНІЕ МОНЕТЪ, НАЙДЕННЫХЪ ПРИ ХЕРСОНЕССКИХЪ РАСКОПКАХЪ ВЪ 1888 И 1889 ГОДАХЪ.

СЪ 4 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 30 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ОПИСАНІЕ КЛАССИЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ,

НАЙДЕННЫХЪ

ВЪ ХЕРСОНЕСѢ ВЪ 1888 И 1889 ГОДАХЪ.

В. К. МАЛЬМБЕРГА.

На таблицахъ I, II и III помѣщаемъ фототипическіе снимки съ глиняныхъ оттисковъ, полученныхъ изъ формъ, которыя были найдены въ Херсонесѣ и перечислены въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 гг., стр. CCXI. Какъ указано въ упомянутомъ мѣстѣ, формы были открыты въ одной изъ комнатъ античнаго жилья, въ другой комнатѣ котораго помѣщалась гончарная печь. Итакъ въ древнемъ Херсонесѣ удалось открыть мастерскую античнаго коропласта. На важность такого рода находки указано уже въ Отчетѣ, поэтому мы не станемъ останавливаться на общихъ разсужденіяхъ, а обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ.

Во 1-хъ съ полной увѣренностью можно сказать, что предметы, съ которыхъ сняты формы, не были дѣломъ рукъ простаго гончара — нѣкоторые изъ нихъ отличаются высокою степенью художественности; во 2-хъ оригиналы нашихъ формъ принадлежали къ различнымъ отраслямъ пластики и, какъ увидимъ, были изваяны изъ различнаго матеріала; въ 3-хъ, какъ намъ сообщилъ художникъ Ѳ. Г. Беренштамъ, занявшійся изготовленіемъ оттисковъ, найденныя формы пригодны только для вылѣпленія глиняныхъ фигуръ, не обладая достаточною прочностью для отливки изъ металла. Слѣдовательно металлическіе оригиналы при посредствѣ нашихъ формъ могли быть воспроизводимы лишь въ глинѣ, а изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что служебная цѣль глиняныхъ воспроизведеній была иная, нежели ихъ металлическихъ оригиналовъ.

Херсонесскій гончаръ, безъ сомнѣнія, пользовался оттисками барельефовъ и масокъ для декоративныхъ цѣлей, украшая ими сосуды[1]) и другіе предметы изъ глины.

Обратимся теперь къ описанію важнѣйшихъ изъ полученныхъ оттисковъ, причемъ сосредоточимся сперва на тѣхъ, которые воспроизводятъ собою металлическіе оригиналы, а потомъ перейдемъ и къ другимъ, полученнымъ изъ формъ, снятыхъ съ каменныхъ и терракоттовыхъ издѣлій.

---

[1]) Хорошій примѣръ такой рельефной композиціи мы видимъ въ Gazette archéologique за 1880 г., табл. 30. Ср. также Отчетъ Имп. Археол. Комм. за 1869 г., табл. IV, рис. 21.

Таблица I.

1. Наилучшій по работѣ оттискъ (1), получаемый изъ формъ, представляетъ собою круглую плиту, украшенную барельефомъ. На лѣвой половинѣ изображена обнаженная женщина, обращенная вправо; она сидитъ на скалѣ, прикрытой плащемъ, конецъ котораго, спускаясь съ лѣваго плеча, закрываетъ часть бедра и лоно женщины; ея лѣвая нога въ колѣнѣ слегка согнута, правая выставлена впередъ, въ лѣвой нѣсколько вытянутой рукѣ она держитъ какой-то предметъ въ видѣ утолщающейся по рединѣ палочки съ неопредѣленными контурами. На этотъ предметъ женщина пристально смотритъ, голова ея поставлена въ профиль, волосы собраны узломъ.

Противъ описанной фигуры сидитъ юноша въ остроконечной шапкѣ (πῖλος); подъ нимъ подостланъ плащъ, кончикъ котораго совершенно аналогично лежитъ на его правомъ бедрѣ; правымъ локтемъ онъ опирается на ногу, поставленную на кусокъ скалы, рукою подпираетъ подбородокъ, лѣвая нога почти совсѣмъ протянута, въ лѣвой опущенной рукѣ покоится палица.

Обнаженность женщины и то вниманіе, съ которымъ юноша всецѣло погрузился въ созерцаніе женщины и ея занятія, выражающееся не только въ его взглядѣ, но и во всей осанкѣ, ясно доказываетъ, что эта пара связана между собою любовью.

На первый взглядъ можно было бы подумать, что мы имѣемъ предъ собою женщину, смотрящуюся въ зеркало и присутствующаго при этомъ юношу, какого рода сцены весьма часто встрѣчаются на росписныхъ вазахъ [1]). Исходя изъ убѣжденія, что данный барельефъ представляетъ собою не простой жанръ, а иллюстрируетъ какой либо миѳъ, мы скорѣе всего могли бы подумать, что здѣсь изображена Афродита въ гротѣ у Анхиса. Эта мысль была бы тѣмъ болѣе

---

[1]) См. Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи за 1860 г., табл. I, 3; Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства т. I, рис. 106. Весь рисунокъ состоитъ изъ сценъ женскаго туалета; среди этихъ женщинъ, позади кресла одной изъ нихъ, стоитъ юноша, оба очевидно погружены въ бесѣду; она собирается что-то вынуть изъ туалетной шкатулки, передъ ней другая женщина съ зеркаломъ въ рукѣ.

близка, что до насъ, какъ извѣстно, дошелъ прекрасный рельефъ съ крышки зеркала, трактующій упомянутое сказаніе [1]).

Въ нашемъ горельефѣ нѣтъ тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыми отмѣченъ рельефъ съ Афродитой и Анхисомъ: эроты, стоящіе за полуобнаженной женской фигурой, въ соединеніи съ варварскою одеждою, такъ называемою фригійскою шапкою юноши, и съ лежащей у ногъ его собакою, не позволяютъ сомнѣваться, что въ приведенномъ примѣрѣ изображенъ пастухъ Анхисъ и Афродита. Нашъ юноша, напротивъ того, не характеризованъ ни варваромъ, ни пастухомъ, на немъ нѣтъ фригійской шапки, его не сопровождаетъ собака — аксессуары Анхиса на указанной бронзѣ и пастуха — Париса на памятникахъ того-же времени [2]). На головѣ нашего юноши надѣтъ общегреческій πῖλος; въ рукѣ онъ держитъ не пастушескій посохъ, а палицу; послѣднее обстоятельство уже заставляетъ подозрѣвать въ немъ не пастуха, а героя. У женщины только одинъ аттрибутъ — предметъ, который она держитъ въ лѣвой рукѣ; но не трудно замѣтить даже мало опытному наблюдателю, что этотъ аттрибутъ имѣетъ громадную важность для пониманія всей сцены, вокругъ него все вертится. Женщина какъ будто-бы показываетъ и объясняетъ его значеніе, хотя, правда, юноша болѣе заинтересованъ соблазнительной учительницей, чѣмъ демонстрируемымъ предметомъ. Предметъ этотъ не можетъ быть зеркаломъ, въ которое любуется красавица, во-первыхъ потому, что контуръ его не достаточно опредѣленъ, а главнымъ образомъ такому толкованію противорѣчитъ его положеніе относительно лица женщины: зеркало всегда держатъ параллельно [3]) лицу, притомъ ближе, кромѣ того во всѣхъ почти извѣстныхъ намъ изображеніяхъ женщинъ, смотрящихся въ зеркало, онѣ убираютъ волосы рукою или, по крайней мѣрѣ, любуясь своимъ образомъ, сопровождаютъ свое занятіе кокетливымъ жестомъ руки [4]).

Если присмотрѣться ближе къ самому предмету и къ способу держанія его, то не трудно будетъ убѣдиться, что женщина держитъ въ рукѣ прялку съ намотанною на нее куделью. Подобныя прялки въ рукахъ женщинъ [5]) довольно часто встрѣчаются на вазовыхъ рисункахъ.

Если въ рукахъ женщины дѣйствительно прялка, а въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться,

---

[1]) См. Millingen, Ancient unedited monuments (statues, busts, bas-reliefs) XII. Снимокъ съ этой бронзы вошелъ во многія изданія; тотъ-же сюжетъ мы находимъ изображеннымъ на глиняномъ дискѣ, хранящемся въ Берлинскомъ музеѣ (Archäologische Zeitung 1847, табл. I). Форма для этого рельефа, надо думать, была снята съ крышки зеркала (см. тамъ-же, стр. 12).

[2]) См. изображенія Париса во фригійской шапкѣ съ собакою въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1861 г., I, 1; Overbeck, Die Bildwerke zum Thebischen и Troischen Heldenkreis, табл. X, 2; XI, 1; безъ собаки, но все-же въ восточномъ костюмѣ, въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1861 г., табл. III; Overbeck въ упомянутомъ мѣстѣ, табл. X, рис. 5.

[3]) Ср. напр. вышеприведенный рисунокъ (прим. 1) или Отч. Имп. Арх. Комм. за 1861 г., табл. III, 1. Всего лучше сходство и разницу между зеркаломъ и нашимъ предметомъ мы можемъ уяснить себѣ, сличивъ нашу фигуру съ Ирой, изображенной на вазовомъ рисункѣ въ Monumenti inediti IV, табл. XVIII.

[4]) См. указанные рисунки на вазахъ и терракоттовыя фигуры въ Sammlung Sabouroff, табл. XCVIII; Blümner, Leben und Sitten der Griechen, рис. 89.

[5]) См. напр. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1863 г., табл. I, 3; Stackelberg, Gräber. der Hellenen, табл. XXXIV, на право внизу; Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas, табл. LXXV, 5; Blümner, Leben u. Sitten der Griechen, томъ I, рис. 80.

то и вполнѣ ясно, кого хотѣлъ изобразить художникъ. Изъ цѣлаго ряда античныхъ источниковъ, подкрѣпляемыхъ примѣрами въ области изобразительнаго искусства, извѣстно, что Омфала заставила прясть Иракла[1]). Почти полная обнаженность женской фигуры не говоритъ противъ такого толкованія. Мы имѣемъ примѣры Иракла съ вполнѣ нагой женщиной, которую принято считать Омфалою[2]), а полуобнаженность, можно сказать, характерный признакъ молодой царицы, плѣнившей героя своею красотою. Что касается юноши, то противъ нашего объясненія можно было бы указать на отсутствіе львиной шкуры и непривычный головной уборъ, однако какъ разъ въ странствованіяхъ Ираклъ неоднократно является безъ львиной шкуры[3]), шапка тоже признакъ путешественника.

Нашъ памятникъ принадлежитъ къ лучшему періоду искусства, къ періоду, въ которомъ скульпторъ для характеристики своихъ лицъ не нуждался въ изображеніи всѣхъ аттрибутовъ, казавшихся необходимыми архаическому художнику и художнику римскаго времени.

Стройное и крѣпкое сложеніе, короткая, полная шея и палица въ рукахъ достаточно характеризуютъ Иракла. Мы знаемъ, что уже въ V вѣкѣ, рядомъ съ мощнымъ нѣсколько неуклюжимъ типомъ Иракла въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ, начинаетъ появляться и другой юный, болѣе эластичный и стройный[4]).

Правда, какъ разъ въ дошедшихъ до насъ изображеніяхъ Иракла у Омфалы встрѣчается первый типъ, но это потому, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ художники хотѣли представить Иракла въ обстановкѣ, совершенно неподобающей этому герою-труженику, совершившему рядъ исполинскихъ подвиговъ: онъ или является въ женской юбкѣ, съ прялкою[5]) въ рукахъ, или въ полной нѣгѣ среди различныхъ наслажденій[6]). Надо помнить, что всѣ эти примѣры относятся ко времени болѣе позднему, когда искусство свою прелесть находило не въ простомъ и естественномъ, а въ искусственномъ и манерномъ, чрезвычайно часто прибѣгая къ рѣзкимъ контрастамъ и логическимъ противорѣчіямъ[7]).

---

[1]) Ср. Senec. Hippol. 322; Stat. Theb. X, 641; Propert. IV, 11, 16; V, 47 и др. Изъ числа памятниковъ изобразительнаго искусства упомянемъ здѣсь мраморную группу въ Неаполѣ (Museo Gregoriano IX, табл. XXVII, Clarac, Musée de sculpture, табл. 793, рис. 1995); отдѣльную статую (тамъ-же, табл. 802 E, рисун. 1995 A) и мозаику въ Капитолинскомъ музеѣ (Museo Capitolino IV, табл. XIX); картину Helbig, Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens, № 1136; Millin, Gallerie mythologique, табл. CXVII, рис. 484). Изъ изслѣдованій укажемъ на Стефани, Отч. Имп. Арх. Комм. за 1870—71 г., стр. 187 и слѣд., за 1881 г., стр. 114; Rochette, Choix de peintures de Pompei, стр. 239 и сл.; Jahn, Berichte der Sächs. Gesell. der Wissenschaften. 1885, стр. 215 и слѣд.

[2]) См. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1881 г., табл. V, 16, текстъ стр. 115. Ср. также Омфалу въ статуарной группѣ, упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи, ошибочно названную у Кларака Іолой.

[3]) См. примѣры, приведенные въ статьѣ Фуртвэнглера у Рошера Ausführliches Lexikon der griechischen u. römischen Mythologie, стр. 2183.

[4]) См. тамъ-же, стр. 2156.

[5]) См. памятники, приведенные выше въ прим. 1.

[6]) Helbig тамъ-же № 1837 и 1833; вторая картина издана у Рошетта. Choix, de peint, табл. XIX.

[7]) Намъ кажется, что знаменитый Бельведерскій торсъ тоже когда-то представлялъ прядущаго Иракла. Насколько намъ извѣстно, это мнѣніе еще не было высказываемо, всѣ же предлагаемыя реставраціи оказывались неудовлетворительными; къ числу самыхъ неудачныхъ попытокъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести недавно появившійся опытъ Бреславскаго профессора анатоміи Hasse, Wiederherstellung antiker Bildwerke. Jena 1888, табл. V—VII; текстъ, стр. 10 и слѣд.

На нашемъ рельефѣ представлена завязка этого эпизода въ жизни Иракла. Омфала показываетъ ему, какъ надо прясть, а не самъ онъ прядетъ, тяготясь этой работой. На нашемъ слѣпкѣ незамѣтно также той черты, бьющей на чувственность, которая столь беззастѣнчиво проявляется въ серебряномъ рельефѣ изъ Смирны [1]); на немъ изображенъ массивный, бородатый Ираклъ, сидящій на львиной шкурѣ въ совершенно опьяненномъ видѣ, передъ нимъ голая женщина, старающаяся привлечь его въ свои объятія. (Хотя этотъ рельефъ очень хорошъ, все-же онъ, безъ сомнѣнія, уступалъ оригиналу нашего оттиска по тонкости и граціозности работы). Отсутствіе аттрибутовъ, а главнымъ образомъ циничность женщины, не позволяетъ намъ назвать ее Омфалой, де-Виттъ называетъ ее Метой, Фуртвэнглеръ просто Вакханкой.

Нашъ художникъ не считалъ нужнымъ прибѣгнуть къ парадоксальнымъ эффектамъ или воспользоваться пикантными чертами, а представилъ сцену въ видѣ чистой идилліи. Уже это обстоятельство говоритъ въ пользу болѣе ранняго происхожденія нашего рельефа, сравнительно съ другими произведеніями на ту-же тему [2]). Стройныя пропорціи Иракла, его свободная осанка, трактовка мускуловъ конечностей и живота всего болѣе напоминаютъ намъ извѣстнаго Апоксіомена Лисиппа. Изъ Ираклова, носящихъ характеръ этого художника, для сравненія особенно рекомендуется бронзовая статуя Британскаго музея [3]).

Тонкость и опредѣленность всего рельефа вообще и въ особенности такихъ деталей, какъ волосы женщины, складки плащей (причемъ у женскаго плаща показаны даже маленькія, круглыя подвѣски, вшиваемыя въ концы платья для болѣе красивой и удобной драпировки), наконецъ слѣды орнаментальной рамки, окружавшей оригиналъ, несомнѣнно доказываютъ, что оригиналъ нашего оттиска былъ изваянъ изъ какого-нибудь металла. Мы имѣемъ рядъ подобныхъ рельефовъ изъ бронзы, но, какъ уже упомянуто выше, есть и серебряные. Первые, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою верхнюю крышку складнаго зеркала [4]), назначеніе вторыхъ менѣе опредѣленно; де Виттъ принимаетъ за болѣе вѣроятное, что

---

[1]) Gazette archéologique за 1880 г., табл. XXIII, стр. 138 и сл. На другомъ серебряномъ рельефѣ, помѣщенномъ рядомъ, изображена спящая женщина и сатиръ, сдергивающій съ нея плащъ, который закрываетъ нижнюю часть туловища. Такого рода сцены неоднократно встрѣчаются въ скульптурѣ, а въ помпеянской живописи въ сценахъ, которыя представляютъ Діониса, находящаго спящую Аріадну, непремѣнною чертою является эротъ или силенъ, который старается показать Діонису обнаженныя прелести Аріадны. Очевидно и сцена даннаго рельефа подчеркиваетъ животные инстинкты, по-этому мнѣніе де Витта, утверждающаго, что изданные имъ рельефы связаны между собою принадлежностью къ вакхическому кругу, намъ кажется не вполнѣ точнымъ. Мы думаемъ, что художникъ въ томъ и другомъ случаѣ желалъ особенно ясно выставить половыя влеченія: въ одномъ случаѣ мы видимъ женщину, насильно привлекающую къ себѣ опьяненнаго Иракла, въ другомъ сатира, воспользовавшагося сномъ женщины, чтобы насладиться лицезрѣніемъ ея наготы.

[2]) Изображенъ-ли на вазѣ конца IV-го вѣка въ Берлинскомъ музеѣ № 3291 Ираклъ у Омфалы, это вопросъ открытый, но если это такъ, то и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ еще никакихъ пикантныхъ чертъ.

[3]) Specim. of ancient sculpt. II, табл. XIX; Clarac, табл. 785, рис. 1966.

[4]) Стефани въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1865 г., на стр. 159 и сл. перечислилъ извѣстныя въ то время крышки металлическихъ зеркалъ и въ Отчетахъ за 1869 г. дополнилъ этотъ списокъ. Въ сравнительно недавнее время греческій археологъ Μυλωνας составилъ каталогъ всѣмъ извѣстнымъ ему подобнымъ памятникамъ Κάτοπτρα ἑλληνικά; тѣмъ не менѣе совершенно полнаго списка еще нѣтъ. На памятникахъ изобрази-

они служили украшеніемъ фіалъ [1]), опираясь при этомъ на памятники, изданные въ Monumenti inediti I, табл. XIV A. Но кажется, что они точно такъ-же могли служить украшеніемъ туалетныхъ коробочекъ, хотя, правда, на сколько намъ извѣстно, такія серебряныя коробки греческой работы не были найдены, однако гравированныя этрусскія (обыкновенно болѣе крупныя) цисты съ одной стороны и глиняныя росписныя греческія коробки (πύξις) [2]) съ другой стороны не исключаютъ той возможности, что оригиналъ описываемаго слѣпка служилъ крышкою подобной вещицы. Принимая во вниманіе, что число бронзовыхъ зеркальныхъ крышекъ довольно велико, и что крышки коробокъ обыкновенно снабжены пуговкой или кольцомъ по серединѣ, мы въ силу вѣроятности съ большимъ основаніемъ можемъ считать нашу форму снимкомъ съ такого рода крышки.

2. Половина формы снятой очевидно съ подобнаго-же предмета (2), какъ и предыдущая; однако рельефъ оттиска значительно выпуклѣе. На право мы видимъ мужскую фигуру, у которой не достаетъ только большей части головы и почти всего лица. Наконецъ отбито правое плечо и попорчена вся правая рука, за исключеніемъ кисти. Если тщательно присмотрѣться къ тому предмету, который прикрываетъ все лѣвое предплечіе, то не трудно въ немъ узнать львиную шкуру: ясно видны лапа пониже лѣвой руки, отверстіе глаза и уши на сгибѣ руки. Это обстоятельство, въ связи съ мускулистою, нѣсколько неуклюжею фигурою бородатаго мужчины, убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ предъ собою Иракла. Рядомъ съ Иракломъ стояло четвероногое животное средней величины. Отъ него сохранилась только часть туловища, шеи и лѣвая передняя нога. Чрезвычайно тонкая, нѣжная, слегка согнутая въ колѣнкѣ ножка, заканчивающаяся продолговатымъ копытцемъ и стройная шея ясно свидѣтельствуютъ, что это животное — лань.

Уже одно сопоставленіе Иракла и лани доказываетъ, что здѣсь изображена сцена нахожденія Иракломъ Телефа, питаемаго ланью. Исходя изъ этого убѣжденія, не трудно признать въ неясныхъ остаткахъ, сохранившихся подъ ланью, спину и задъ младенца — Телефа; по своему положенію онъ, повидимому, всего ближе подходилъ къ изображенію его-же на терракоттовой плиткѣ, изданной у Кампаны [3]).

Лань нашего рельефа по размѣрамъ, сравнительно съ Иракломъ, тоже наиболѣе близка къ лани той-же плитки — въ другихъ, дошедшихъ до насъ, античныхъ изображеніяхъ даннаго эпизода это животное чрезвычайно мало.

Голова Иракла, какъ видно, была нѣсколько наклонена и обращена влѣво (отъ зрителя): онъ смотрѣлъ на Телефа, палицу онъ, должно быть, держалъ на правомъ плечѣ. И голова животнаго была повернута въ томъ-же направленіи, но, судя по положенію шеи, оно не лизало мла-

---

тельнаго искусства, правда, въ рукахъ женщинъ чаще изображаются круглыя зеркала съ ручкой въ родѣ тѣхъ, которыя собраны Гергардомъ (Etruskische Spiegel) и теперь продолжаютъ издаваться Клюгманомъ и Кёрте, встрѣчаются также и складныя зеркала, напр. въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1861 г., табл. I, 1; Sammlung Sabouroff, табл. LXXXVII, CXXXI. Прекрасный примѣръ въ Antike Denkmäler, т. I, выпускъ II, табл. 21.

[1]) Gazette archéologique за 1880 г., стр. 139.

[2]) Ср. напр. Sammlung Sabouroff, табл. LXI, LXIII, LXIV, LXV.

[3]) Campana, Antiche opere in plastica, табл. XXV.

денца, какъ это мы видимъ на картинѣ изъ Геркуланума [1]) и на монетѣ Антонина Пія [2]). Намъ кажется не лишеннымъ вѣроятности предположеніе Вейцзэкера, думающаго, что приблизительно въ серединѣ III вѣка до Р. Хр. въ Пергамѣ находилась изображающая этотъ миѳъ статуарная группа, отъ которой, въ большей или меньшей степени, зависятъ всѣ прочія изображенія, трактующія ту-же сцену [3]). Если это такъ, то въ отбитой части, по всей вѣроятности, была изваяна скала, а на ней орелъ, какъ на упомянутой монетѣ.

Что касается исполненія оригинала, то онъ значительно уступалъ изданному нами выше рельефу. Наиболѣе неудовлетворительно исполнены ноги Иракла. Впрочемъ нѣкоторыя грубости нашего оттиска слѣдуетъ приписать не оригиналу, а формѣ, снятіе которой затруднялось высотою рельефа. Типъ этого Иракла тоже совершенно иной, нежели перваго. Какъ уже упомянуто, съ V-го вѣка типы бородатаго и безбородаго Иракла начинаютъ существовать параллельно: весьма естественно, что художникъ перваго рельефа, задавшійся цѣлью изобразить пылкаго, влюбленнаго Иракла, остановился на моложаво-стройномъ типѣ, между тѣмъ какъ художникъ втораго, представляя намъ отца миѳическаго родоначальника пергамскихъ царей, выбралъ вполнѣ возмужалый типъ.

Мы думаемъ, что время происхожденія этихъ двухъ рельефовъ опредѣляется съ значительною долею вѣроятности, а слѣдовательно и періодъ дѣятельности нашего таврическаго гончара.

Первый рельефъ, носящій, какъ уже сказано выше, несомнѣнный отпечатокъ стиля Лисиппа, не можетъ быть отдѣленъ продолжительнымъ временемъ отъ дѣятельности этого художника; рельефъ слѣдовательно относится къ концу IV-го, или началу III-го вѣка до Р. Хр. Второй рельефъ, по сюжету своему, не могъ явиться раньше возвышенія пергамской династіи. Но такъ какъ формы съ того и другаго рельефа нашлись у одного и того-же мастера, то вѣроятнѣе будетъ, если мы для перваго рельефа примемъ наиболѣе позднее, для втораго наиболѣе раннее время происхожденія, не выходя, конечно, изъ предѣловъ вышеуказанной хронологіи.

На основаніи втораго рельефа слѣдуетъ, что нашъ гончаръ работалъ еще во второй половинѣ III-го в., а первый рельефъ въ свою очередь не позволяетъ отнести періодъ его дѣятельности къ слишкомъ отдаленному времени отъ начала III-го вѣка. Такимъ образомъ мы, кажется, не ошибемся, если отнесемъ время дѣятельности нашего мастера къ серединѣ III-го вѣка, причемъ съ увѣренностью можемъ добавить, что онъ работалъ еще въ началѣ второй половины того-же вѣка. Такой хронологіи не противорѣчатъ и остальныя формы, найденныя въ той-же мастерской.

Врядъ-ли можно сомнѣваться, что оригиналы нашихъ формъ находились когда-то въ Херсонесѣ, а можетъ быть тотъ или другой изъ нихъ и теперь еще покоится въ землѣ и сдѣлается достояніемъ счастливыхъ раскопокъ будущихъ лѣтъ, но спрашивается откуда явились оригиналы?

---

[1]) Museo Borbonico, томъ XIII, табл. XXXVIII и XXXIX.

[2]) См. Archäol. Zeitung за 1882 г., стр. 264.

[3]) См. тамъ-же, стр. 262. Намъ кажется, что со времени нахожденія пергамскаго рельефа, имѣющаго своимъ предметомъ туже тему, споръ о томъ: представляетъ-ли извѣстный фарнесскій Ираклъ по своему назначенію изолированную статую (Stephani, Helbig) или часть группы (duc de Luynes, O. Iahn) долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ послѣднихъ, какъ это дѣлаетъ Вейцзэкеръ въ приведенной статьѣ; поэтому выраженіе Фуртвэнглера: «für verkehrt halte ich die Schlüsse, welche Arch. Zeit. 1882, S. 255 ff. gezogen werden», кажется намъ лишеннымъ основанія.

Что касается оригинала только-что описаннаго оттиска, то сюжетъ говоритъ въ пользу происхожденія, если и не изъ самаго Пергама, то, по крайней мѣрѣ, изъ Малой Азіи[1]). Труднѣе сказать въ этомъ отношеніи что-либо опредѣленное объ оригиналѣ перваго слѣпка: изъ лисипповскаго стиля этого рельефа нельзя сдѣлать заключенія о мѣстѣ происхожденія его, такъ какъ вліяніе этого придворнаго художника Александра Македонскаго было очень широко и произведенія его всюду разсѣяны. Тема очень распространенная, ее нельзя пріурочить съ опредѣленностью къ какому-либо мѣсту, но она не противорѣчитъ происхожденію изъ Малой Азіи, а скорѣе говоритъ за таковое. Въ виду родственности съ упомянутыми выше серебряными барельефами въ Revue archéologique, происходящими изъ Смирны[2]), мы и нашему рельефу склонны приписать происхожденіе изъ Малой Азіи, не останавливаясь, однако, на точно опредѣленной мѣстности. Надо думать, что вообще греческія колоніи южной Россіи, съ самаго своего основанія, поддерживали живыя сношенія съ еллинскимъ востокомъ, которыя только на время высшаго процвѣтанія Аѳинъ смѣнились преобладаніемъ аттическаго вліянія.

3. Форма (3) тоже, очевидно, снятая съ подобнаго-же предмета. Слѣпокъ, получаемый изъ нея, на поверхности своей утратилъ тонкости оригинала, тѣмъ не менѣе, какъ по композиціи, такъ и по опредѣленности и тонкости нѣкоторыхъ деталей, а въ особенности драпировки, видно, что форма снята съ металлическаго оригинала высоко-художественнаго достоинства. Изъ формы выбитъ небольшой кусокъ и прилегающая часть попорчена, представляя въ настоящее время въ оттискѣ выпуклость, которая врядъ-ли была присуща оригиналу. Рельефъ значительно выше, чѣмъ на первомъ оттискѣ, походя въ этомъ отношеніи на большинство дошедшихъ до насъ металлическихъ крышекъ отъ зеркалъ.

Въ срединѣ, обращенный вправо, стоитъ обнаженный крылатый мальчикъ — Эротъ; онъ собирается пустить стрѣлу (тетива лука, какъ и нитка на первомъ оттискѣ, не была показана). Предметъ, въ который онъ цѣлитъ, не былъ изображенъ, но направленіе стрѣлы показываетъ, что цѣль находилась довольно высоко. Позади Эрота стоитъ окрыленная женская фигура—Ника; взоры ея обращены вверхъ, т. е. на цѣль Эрота, одной рукой она устанавливаетъ лукъ мальчика, а другой дотрогивается праваго плеча его, направляя такимъ образомъ его руку. Ника одѣта въ тонкій, рукавчатый хитонъ; кромѣ того, внизу она задрапирована въ болѣе грубый плащъ.

Композиція совершенно ясна. Ника учитъ Эрота стрѣлять изъ лука[3]). Хотя передъ Эротомъ на землѣ лежитъ такъ называемый коринѳскій шлемъ, все-таки остается слишкомъ много

---

[1]) Группа, подобная нашей, изображена на пергамской монетѣ (см. Eckhel, Doctr. numm. II, 468), а также на монетахъ сосѣдняго города Гермы (см. Stephani: Der ausruhende Herakles, № 62, 67).

[2]) Укажемъ здѣсь еще на терракоттовую группу, тоже вѣроятно изъ Смирны (Sammlung Sabouroff, табл. CXXXVI), изображающую *жанровую* любовную сцену. Rayet (Gazette des beaux arts II, стр. 364), какъ уже замѣтилъ Фуртвэнглеръ въ текстѣ къ этой таблицѣ, безъ всякаго основанія принимаетъ фигуры за Иракла и Омфалу.

[3]) До насъ дошелъ прекрасный бронзовый рельефъ (Monumenti inediti II, табл. XLVII), изображающій Афродиту со стрѣляющимъ Эротомъ. Еще ближе къ нашему рельефу стоитъ древній отпечатокъ изъ Селинунта (см. Sallinas, Stud. sulla Sicilia, X, 80; Engelmann, Bilderatlas zu Ovid's Metamorphosen № 55).

Стрѣльбу въ цѣль см. Schreiber, Kulturhistorischer Bilderatlas LXXX, 7; Engelmann, Bilderatlas zum Homer XVIII, 103.

свободнаго мѣста, заставляющаго думать, что тутъ было изображено еще кое-что. Всего вѣроятнѣе трофей или просто столбъ, на выходящей изъ рамки верхушкѣ котораго слѣдуетъ предположить цѣль Эрота.

4. Форма изломана, кромѣ того при сниманіи она сдвинулась, такъ что контуры фигуры, получаемые на слѣпкѣ, чрезвычайно неясны; можно только сказать, что изображенъ нагой сидящій мужчина (см. прилагаемый рис. въ натур. велич.). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ голова соединяется съ туловищемъ, въ формѣ изломъ. Голова въ слѣпкѣ, вслѣдствіе этого, приставлена не совсѣмъ правильно. На головѣ надѣтъ шлемъ съ развѣвающимся гребнемъ. Весь оттискъ имѣетъ нѣкоторую выпуклость и въ связи съ внѣшними очертаніями, правда сильно пострадавшими, весьма похожъ на нащечникъ металлическаго шлема [1]).

5. На этой-же таблицѣ (4) помѣщаемъ еще маленькій бюстъ Аѳины, исполненный горельефомъ. Голова Аѳины повернута нѣсколько вправо, глаза показаны рѣзцомъ, изъ-подъ шлема виднѣются волосы, прикрывающіе верхнюю часть ушей и ниспадающіе длинными локонами на плечи. Коринѳскій шлемъ, покрывающій голову Паллады, украшенъ по серединѣ и съ боковъ завернутымъ крыломъ [2]), на груди замѣтна часть чешуйчатой эгиды съ двумя змѣйками и съ головою Медузы. Въ нижней части горельефа оттиснутъ небольшой кусокъ орнаментальнаго бордюра, безъ сомнѣнія кругомъ обрамлявшаго оригиналъ. Оригиналъ отличался изяществомъ формъ и тонкостью гравировки.

---

[1]) Ср. въ особенности Jahrbuch des kais. deutsch. arch. Inst. 1887, табл. I, а также Древности Босфора Киммерійскаго, табл. XXVIII, 1.

[2]) Похожее украшеніе на шлемахъ встрѣчается и въ другихъ изображеніяхъ Аѳины, найденныхъ въ южной Россіи, см. Древн. Босф. Кимм., табл. XV, 15; XIX, 3; Отч. Имп. Арх. Комм. за 1859 г., табл. I.

Таблица II.

1. Бюстикъ юнаго сатира (5). Поворотъ плечъ нѣсколько вправо, а голова, закинутая слегка назадъ, поставлена почти въ профиль. Ясно видны рожки и козлиныя уши, голова увѣнчена плющемъ, на плечи накинута козлиная шкура, ножки которой завязаны на груди узломъ, изъ-за лѣваго плеча виднѣется ѳирсъ или—что̀, судя по оставшимся слѣдамъ, вѣроятнѣе—дубинка (pedum).

2. Бюстикъ (6), повидимому, тоже молодаго сатира, а не вакханки, какъ можно было бы подумать на первый взглядъ, ибо замѣтны слѣды рожковъ, сдвинутыхъ ближе, чѣмъ у предыдущаго. Поворотъ бюста à trois quarts, вся голова покрыта плющемъ, на плечи накинута шкура въ томъ-же родѣ, какъ и у перваго, на правомъ плечѣ ѳирсъ. По размѣрамъ и характеру эти два рельефа такъ близки, что мы въ правѣ полагать, что оригиналы служили для украшенія одного и того-же предмета. Сохранились слѣды рамокъ.

3. Два горельефныхъ бюстика, мужской и женскій, на общемъ фонѣ (см. прилаг. рис. въ натур. велич.). Грудь у обѣихъ фигуръ, на сколько это видно, не покрыта платьемъ. Формы сильно попорчены — лучше сохранилась мужская головка, помѣщенная на описывае-

мой таблицѣ (2) въ профиль; она по типу напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго или точнѣе Аполлона Штейнгэйзера, такъ какъ прическа нашей головки гораздо проще, чѣмъ у пресловутой Ватиканской статуи; у женщины высокая прическа съ локонами, спускающимися на плечи. Не смотря на значительную попорченность формы, всетаки по оттиску можно судить о высокомъ достоинствѣ работы и миловидной красотѣ головокъ.

4. Нѣсколько другимъ характеромъ отличается бюстъ бородатаго силена (4), повидимому хмѣльнаго, снятый также съ металлическаго оригинала. Судя по найденной формѣ, бюстъ этотъ не былъ окруженъ рамкою, но помѣщался на отдѣльномъ дискѣ, который въ свою очередь, конечно, былъ прикрѣпленъ къ болѣе крупному предмету. Лысая голова силена украшена вѣнкомъ изъ хмѣля, изъ-подъ котораго виднѣется лѣвое козлиное ухо; кромѣ вѣнка на головѣ у него еще повязка, концы коей ниспадаютъ на лѣвое плечо, на правомъ замѣтны лапы звѣриной шкуры, позади головы высунулся конецъ ѳирса, очевидно лежащій древкомъ на правомъ плечѣ. Оттискъ въ общемъ получается хорошій, несомнѣнно доказывающій, что оригиналъ былъ тщательно и характерно моделированъ; неясно выходитъ только носъ, получая въ оттискѣ приплюснутый видъ; надо думать, что это результатъ того, что форма при сниманіи нѣсколько сдвинулась. Однако подобные недостатки легко могли быть исправляемы стекой, такъ какъ оттиски выходятъ изъ формъ еще сравнительно въ мягкомъ видѣ, допускающемъ устраненіе такихъ недостатковъ.

5. Присоединимъ сюда еще двѣ маски или, точнѣе говоря, два лица силеновъ. Что касается этихъ двухъ слѣпковъ, то мы затрудняемся съ увѣренностью сказать изъ какого матеріала были оригиналы. Первый оттискъ (см. прилаг. рис. въ натур. вел.) по рѣзкимъ и опредѣленнымъ конту-

рамъ скорѣе указываетъ на металлическій оригиналъ, второй (3) напротивъ, гораздо мягче и нѣжнѣе: оригиналъ, по всей вѣроятности, былъ не изъ металла, но мы рѣшились отнести его къ этой

группѣ предметовъ, по близкому родству его съ другими головками силеновъ. Наконецъ тутъ-же нашлась половинка формы, снятой съ оригинала весьма похожаго на предыдущій.

Теперь обратимся къ формамъ, снятымъ съ каменныхъ и терракоттовыхъ оригиналовъ.

6. Слѣпокъ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ въ натуральную величину, повидимому, снятъ съ круглаго предмета и въ этомъ отношеніи походитъ на №№ 1, 2 и 3 на I-й

таблицѣ; онъ имѣетъ нѣкоторую выпуклость, притомъ не отмѣченъ характерными чертами металлической работы, почему мы и не отнесли его къ первой группѣ. Оригиналъ, можетъ быть, помѣщался на мраморной вазѣ, украшенной рельефными медальонами, во всякомъ случаѣ не на металлической крышкѣ зеркала или туалетной коробочки. Въ лѣвой половинѣ изображена обращенная вправо женщина, сидящая на табуреткѣ, подъ которой какъ-будто замѣтна змѣя. Лѣвой рукой женщина отводитъ покрывало, въ которое задрапирована ея голова; фигура имѣетъ матрональный характеръ; передъ ней стоитъ юноша, опирающійся лѣвымъ локтемъ на какой-то неясный предметъ: жертвенникъ или треножникъ; туловище юноши обнажено, а ноги, начиная съ бедеръ, закрыты плащемъ, спускающимся съ праваго плеча. Между этими фигурами стоитъ

дерево, всего болѣе напоминающее условное изображеніе пальмы[1]). Сидящая женщина и змѣя, этотъ символъ мудрости[2]), наводятъ на мысль, что здѣсь изображена прорицательница Пиѳія. Если эта догадка вѣрна, то въ такомъ случаѣ юноша — или смертный, испрашивающій совѣтъ у оракула, или, можетъ быть, самъ Аполлонъ. Считаемъ нужнымъ прибавить, что это объясненіе мы высказываемъ какъ предположеніе, не имѣя аналогичныхъ примѣровъ или достаточныхъ данныхъ въ самомъ предметѣ, чтобы доказать справедливость предлагаемаго толкованія.

Судя по слѣпку, оригиналъ врядъ-ли отличался отчетливостью и художественнымъ достоинствомъ исполненія.

7. Форма оббита (1) со всѣхъ сторонъ, она снята съ плоскаго предмета, украшеннаго рельефами — можетъ быть, съ вотивной плитки; хотя работа очень тонкая, все-таки кажется, что оригиналъ былъ изваянъ не изъ металла, а изъ камня, по всей вѣроятности изъ мрамора.

Середину обломка, получаемаго въ оттискѣ, занимаетъ фигура, напоминающая Апол-

[1]) Такое-же дерево мы находимъ на вазовомъ рисункѣ, изображающемъ посѣщеніе Аполлона Діонисомъ въ Дельфахъ, см. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1861 г., табл. IV. Рисунокъ этотъ повторенъ въ Wiener Vorlegeblätter, выпускъ II, табл. VII.

[2]) Змѣя позади кресла часто встрѣчается и на могильныхъ рельефахъ, но въ такомъ случаѣ никогда нѣтъ дерева, такъ какъ сцена изображаетъ жилое помѣщеніе.

лона Киѳарида, однако, судя по очень длиннымъ волосамъ, трактовкѣ шеи, груди, а въ особенности живота, эта фигура — женская и притомъ, какъ слѣдуетъ изъ ея спутниковъ — мэнада. Она восторженно откинула назадъ голову, играя на киѳарѣ, въ правой рукѣ держитъ плектронъ, лѣвою, по всей вѣроятности, касалась струнъ; впрочемъ слѣды пальцевъ здѣсь весьма неясны. На ней надѣтъ хитонъ съ длинными рукавами, какъ на нѣкоторыхъ изъ Ніобидъ, позади развивается плащъ, застегнутый на груди. За мэнадой виднѣются половина лица и часть груди бородатаго мужчины съ довольно грубыми чертами. Черезъ лѣвую, поднятую руку перекинута барсовая шкура. Въ этой фигурѣ не трудно признать сатира. Впереди мэнады сохранились часть головы и лица юноши, обращеннаго къ ней, и кисть правой руки съ ѳирсомъ, украшеннымъ лентой. Принимая во вниманіе ѳирсъ и благородныя, какъ кажется, черты, мы склонны считать эту фигуру за Діониса. По драпировкѣ видно, что фигуры двигались вправо. Итакъ мы имѣемъ предъ собою часть рельефа, изображавшаго вакхическое шествіе — *θίασος*. Рельефъ носитъ характеръ эллинистическаго періода.

8. Какъ и предыдущая, эта форма представляетъ только обломокъ снимка, снятаго также съ плитки (см. прилаг. рис. въ натур. велич. на стр. 15). На слѣпкѣ получается голова юноши съ частью груди и съ сохранившеюся лѣвою рукою, опирающеюся на копье. На немъ остроконечная шапка, изъ-подъ которой спускаются волнистые волосы, черты лица тонкіе и благородные, шея трактована весьма характерно, плечи и грудь, насколько ихъ видно, задрапированы въ плащъ.

Таблица III.

Большинство формъ тѣхъ слѣпковъ, къ описанію которыхъ мы теперь приступимъ, какъ видно по незначительности размѣровъ и сравнительной грубости отдѣлки нѣкоторыхъ изъ нихъ, сняты съ терракоттовыхъ оригиналовъ.

1. Передняя часть юношеской фигуры по колѣна (1), фигура почти совершенно обнажена, она опоясана только развѣвающимся кускомъ матеріи.

2. Передняя часть юноши безъ рукъ въ головномъ уборѣ (см. прилаг. рис. въ натур. вел. на стр. 17).

Можетъ быть эти двѣ фигуры изображали Атиса [1]).

3. Передняя часть старухи. Фигура имѣетъ нѣсколько карикатурный характеръ и, очевидно, относится къ разряду такъ называемыхъ гротесковъ (см. прилаг. рис. въ $^2/_3$ натур. велич. на стр 17). Этотъ слѣпокъ грубѣе двухъ предыдущихъ, но при этомъ не лишенъ характеристичности.

4. Обнаженная спина и задрапированная въ платье нога женской фигуры (см. прилаг. рис. въ $^1/_2$ натур. вел.). Не отличаясь тщательностью исполненія, оттискъ заслуживаетъ вниманія по мягкости и жизненности обнаженнаго тѣла.

[1]) О культѣ Атиса неоднократно упоминаетъ Стефани, см. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1880 г., табл. VI, 6, текстъ стр. 124 и слѣд., гдѣ въ примѣчаніи 4-омъ указаны и прочія мѣста, въ которыхъ говорится объ Атисѣ. Ср. также Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden, Heft XLVI, табл. III, стр. 17; Müller-Wieseler, Denkmäler der Kunst, табл. LXIII, рис. 811; Рошеръ, Lexicon, стр. 726.

Формы описанныхъ предметовъ, какъ упомянуто выше, очевидно, сняты съ терракоттовыхъ фигуръ. Къ сожалѣнію во всѣхъ четырехъ случаяхъ сохранилась только та или другая половинка формы, такъ что мы изъ оттисковъ не можемъ возстановить оригиналовъ, состоявшихъ, какъ вообще терракоттовыя фигурки, изъ двухъ половинъ.

5. Лицо и шея сравнительно крупныхъ размѣровъ (см. прилаг. рис. въ $^2/_3$ натур. вел. стр. 18). Эта голова въ Отчетѣ Арх. Комм. приписывается Аполлону, но кажется, что прическа, а главнымъ образомъ характерная трактовка полной, мягкой шеи говоритъ въ пользу того, что эта головка женская; работа не особенно высокаго достоинства.

6. Передняя часть маленькой, весьма изящной головки (2). Голова нѣсколько наклонена въ сторону, губы слегка открыты, волосы обработаны весьма мягко, на лицѣ лежитъ отпечатокъ симпатичности и миловидности. Въ Отчетѣ головка именуется Афродитой; кажется, что съ этимъ можно вполнѣ согласиться.

7. Подобный-же слѣпокъ другой женской головки (3), но съ совершенно инымъ выраженіемъ. Голова откинута назадъ, внутренніе углы бровей и глазъ приподняты вверхъ, углы рта опущены внизъ—лицо выражаетъ страданіе; положеніе головы и выраженіе лица напоминаютъ извѣстную Ніобу. Очень можетъ быть, что форма представляетъ собою часть, снятую со статуэтки, изображавшей Ніобу. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ цѣлый рядъ найденныхъ въ южной Россіи терракоттовыхъ фигуръ, изображающихъ Ніобу и ея погибающихъ дѣтей [1]). Наша головка въ художественномъ отношеніи стоитъ гораздо выше всѣхъ прочихъ терракоттъ этого цикла. Что касается оттиска, то не совсѣмъ хорошо выходитъ лѣвая половина носа; волосы показаны болѣе жестко, нежели у предыдущей головки, но въ общемъ эта головка мало уступаетъ той.

8. Весьма характерно изваянное лицо и часть груди силена (4).

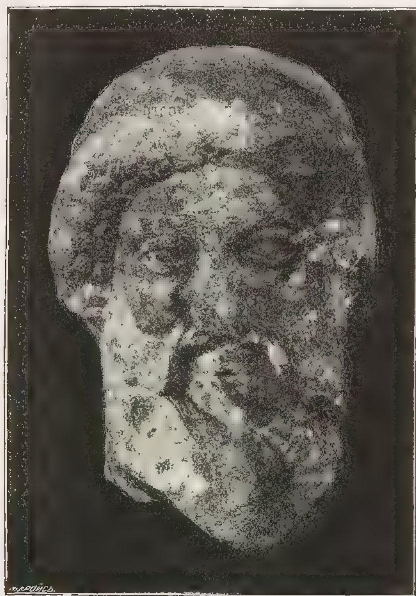
Надо думать, что эти половинки головокъ сняты съ цѣльныхъ фигуръ, въ пользу чего говоритъ наклонъ ихъ, мало пригодный для орнаментальныхъ цѣлей, а также и неправильное очертаніе бюстовъ.

9. Самая крупная по размѣрамъ форма въ оттискѣ даетъ довольно хорошо исполненное лицо Діониса, обрамленное локонами, и большой, волнистой бородой, лицо, принадлежащее къ типу такъ называемаго Индійскаго Діониса. Хотя это лицо со своими мягкими, спокойными чертами, полными губами и подвитыми локонами не лишено прелести, его главный интересъ, однако же, заключается совершенно въ иномъ: дѣло въ томъ, что въ 1890 г. въ Херсонесѣ-же, но въ другомъ мѣстѣ, найдена мраморная головка Діониса, уже на первый взглядъ весьма похожая на полученный изъ формы оттискъ (см. прилаг. рис. въ уменьшенномъ видѣ на стр. 20). На разительное сходство мраморной головки и терракоттовой маски обратилъ наше вниманіе профес-

---

[1]) См. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1863 г., табл. III, IV; за 1868 г., табл. II; за 1875 г., табл. I.

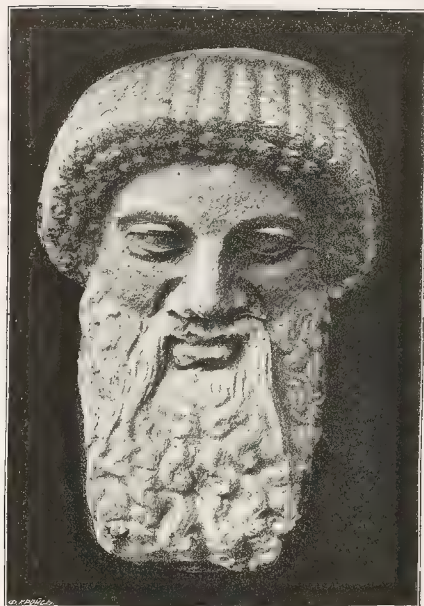
соръ Н. П. Кондаковъ. Тщательное сличеніе мраморной головки и глинянаго оттиска убѣдило насъ, что найденная форма снята была именно съ даннаго мрамора; доказательствомъ этого для насъ послужила случайная черта, присущая какъ мраморному оригиналу, такъ и терракот-

товому оттиску, а именно около лѣваго уса замѣтна волнистая прядь бороды, которая въ томъ и другомъ случаѣ представляетъ собою какъ-бы развѣтвленіе уса.

Терракоттовый оттискъ меньше, чѣмъ соотвѣтствующая часть мраморной головы, но это объясняется тѣмъ, что во-первыхъ обжигается форма, снятая съ оригинала, а во-вторыхъ тому-же подвергается и слѣпокъ. Слѣдовательно терракоттовая копія, подвергаясь двукратному усыханію, всегда будетъ меньше своего оригинала.

Но мы не удовлетворились этимъ теоретическимъ разсужденіемъ. Художникъ Беренштамъ, по нашей просьбѣ, снялъ форму съ мраморной головки и обжегъ ее, а затѣмъ оттиснулъ. Оказалось, что оттискъ, получаемый изъ формы античнаго коропласта, и форма г. Беренштама по размѣрамъ своимъ совершенно равны и что ихъ полной тождественности препятствуетъ только то обстоятельство, что первая форма снята была тогда, когда поверхность головы не подверглась еще порчѣ, вторая, напротивъ, когда она значительно пострадала. Помѣщаемъ здѣсь снимки съ обоихъ оттисковъ (см. прилаг. рис. въ $^2/_3$ натур. вел. на стр. 21).

Такимъ образомъ эта головка подтверждаетъ то, что нами высказано было выше, т. е. доказываетъ, что коропластъ не самъ лѣпилъ фигуры, съ которыхъ затѣмъ заготовлялъ формы для своихъ издѣлій, а что онъ снималъ съ оригиналовъ, имѣющихъ то болѣе, то менѣе художественной цѣны; оригиналы принадлежали не ему, но надо думать, что они всѣ находились по близости отъ мѣста его жительства. О разсматриваемомъ слѣпкѣ это можно сказать съ непоколебимою точностью; наконецъ, съ значительною долею вѣроятности, о большинствѣ оригиналовъ можно сказать, что они служили херсонесскому гончару для вылѣпленія фигуръ, имѣвшихъ въ его рукахъ служебно-декоративную цѣль.

Найдено еще нѣсколько формъ, снятыхъ съ мелкихъ, женскихъ головокъ, не имѣющихъ художественнаго достоинства и потому не изображенныхъ здѣсь.

10. Большая часть лица и правая рука силена, служившаго, повидимому, украшеніемъ на верхнемъ краѣ сосуда (см. прилаг. рис. въ $^{2}/_{3}$ натур. вел. на стр. 22.).

11. Хорошо изваянная львиная головка (5.)

12. Маленькая комическая маска, надъ ней орнаментъ.

13. Головка, окруженная листьями.

Формы сняты, какъ полагаемъ, съ орнаментальныхъ частей сосудовъ. Первая, можетъ быть, служила оправою отверстія, вторая украшала мѣсто прикрѣпленія ручки [1]).

14. Женская головка, помѣщенная среди довольно крупной пальметки. Голова, увѣнчанная діадемою въ видѣ кокошника, поставлена en face. На правомъ плечѣ видна застежка плаща, а изъ-за плеча высовывается цилиндрическій предметъ съ коническою крышкою, заканчивающеюся круглымъ набалдашникомъ. Этотъ предметъ всего болѣе похожъ на колчанъ, у лѣваго плеча другой предметъ, по всей вѣроятности, факелъ (см. прилаг. рис. въ $\frac{1}{4}$ натур. велич.). Если аттрибуты опредѣлены вѣрно, то мы имѣемъ предъ собою Артемиду, божество издавна чтившееся въ Херсонесѣ.

---

[1]) Похожій орнаментъ см. въ соч. гр. Толстаго и проф. Кондакова, Русск. Древн. въ памятн. искусства, вып. I, рис. 70; Museo Borbonico XIII, табл. XLIII.

15. Оттискъ половины пальметки приблизительно тѣхъ же размѣровъ. Такія пальметки служили, какъ извѣстно, акротеріями.

16. Формы, снятыя съ орнаментальныхъ бордюровъ. Помѣщаемъ здѣсь слѣпокъ одного изъ бордюровъ (см. прилагаем. рис. въ натур. вел.).

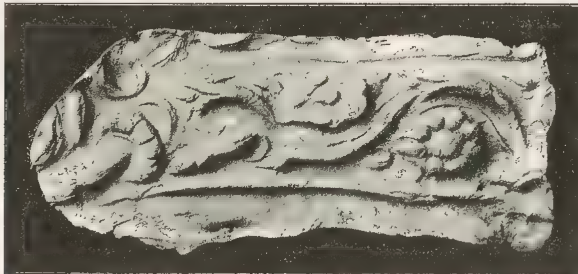

Таблица IV.

Черепки вазъ.

1. Маленькій обломокъ сосуда съ черными фигурами. Различить можно только изображеніе юноши, оглядывающагося назадъ; рядомъ съ нимъ сохранились еще слѣды другой фигуры. Рисунокъ небреженъ, гравировка груба. Сосудъ принадлежитъ къ тому распространенному классу чернофигурныхъ вазъ, который явился поздно, сравнительно съ тщательно-росписанными сосудами той-же техники.

2. Верхняя часть чернолаковаго сосудика (1), покрытая изображеніемъ мужской головы съ взъерошенными волосами и бородой. Рельефъ хорошо заполняющій кругъ, по выраженію своему, характеренъ, глина обыкновенная — красноватая, употребляемая для греческихъ сосудовъ.

3. Небольшой черепокъ изъ сѣроватой глины, покрытый матовымъ лакомъ и украшенный рельефными изображеніями: сохранились лапы и часть туловища животнаго—льва (?), подъ нимъ эротъ, повидимому несущій сосудъ; кромѣ того еще замѣтны слѣды другихъ фигуръ. Можетъ быть, звѣрь былъ окруженъ эротами; сосудъ, надо думать, имѣлъ видъ плоской чаши.

4. Чернолаковая вазочка о двухъ ручкахъ на ножкѣ, покрытая въ нижней части своей канелюрами [1]).

Описанные здѣсь фрагменты, за исключеніемъ перваго, относятся ко времени римскаго періода.

Перейдемъ теперь къ описанію обломковъ краснофигурныхъ вазъ.

5. На лучшемъ изъ фрагментовъ (2) изображенъ юноша, отъ котораго сохранились лицо,

---

[1]) Сосуды, подобные этому и предыдущему фрагменту, были и раньше находимы, см. Древн. Босф. Кимм., табл. XLVII.

почти вся правая рука и ноги пониже колѣнъ. Юноша идетъ вправо, правая рука его опущена, лѣвая, черезъ которую перекинута хламида, была поднята. Фигура нарисована твердою рукою, но въ общемъ рисунокъ скорѣе можетъ быть названъ смѣлымъ, нежели тщательнымъ, хотя слѣды предварительнаго наброска по мягкой еще глинѣ совершенно ясны; деталей, показанныхъ разжиженнымъ лакомъ, мало. Фонъ какъ лицевой стороны, такъ и обратной покрытъ хорошимъ чернымъ лакомъ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, особенно замѣтнымъ на первой. По рисунку черепокъ относится къ «изящному стилю», представляющему переходъ отъ «строгаго» къ «роскошному»; по времени слѣдуетъ отнести еще къ V в. до Р. Х.

6. Къ тому-же періоду, или нѣсколько болѣе позднему, относится маленькій фрагментъ (3) изъ такой-же хорошей глины, покрытый отличнымъ лакомъ. Не смотря на то, что обломокъ очень малъ—(на немъ сохранились только средняя часть женскаго туловища, да предплечіе правой руки съ кистью)—тщательность и изящество рисунка тотчасъ бросаются въ глаза: положеніе руки граціозно, складки платья показаны весьма тонко, предварительный набросокъ особенно замѣтенъ въ рисункѣ руки. Около этого торса сохранился еще слѣдъ другой фигуры или какого-то предмета. Черепокъ этотъ тоньше предыдущаго, потому что, очевидно, принадлежалъ къ сосуду меньшихъ размѣровъ.

7. Приблизительно въ серединѣ черепка (4) помѣщается окошко, въ которое смотритъ женщина; плечи ея, голова и лицо почти до самыхъ глазъ закутаны въ покрывало. На лѣво отъ окна замѣтны слѣды головы силена (?). Женщина въ общемъ написана не дурно, хотя въ складкахъ покрывала выражаются какая-то мелочность и путанность, далекія отъ простой и осмысленной трактовки драпировокъ на лучшихъ образцахъ вазовой живописи, напр. на «вазѣ съ Кодромъ». Лакъ хорошъ, тонъ глины блѣднѣе, чѣмъ у предыдущихъ черепковъ. Ваза относится ко времени не раньше IV в. до Р. Хр.

8. Два обломка изъ болѣе грубой глины, покрытые слишкомъ жидкимъ лакомъ, вслѣдствіе чего фонъ ихъ скорѣе можно назвать буровато-зеленымъ, нежели чернымъ. На одномъ сохранилась мужская головка въ бѣлой повязкѣ, на другомъ женская, съ широкою красною повязкою. Рисунокъ небреженъ.

9. Маленькій черепокъ съ головою и переднею ногою барса и частью собачьей (?) морды. Обломокъ этотъ, безъ сомнѣнія, примыкалъ къ горлышку небольшаго сосуда, рисунокъ, слѣдовательно, помѣщался на плечахъ его. Данный фрагментъ отъ всѣхъ прочихъ отличается тѣмъ, что съ внутренней стороны онъ не покрытъ лакомъ.

10. Далѣе найденъ осколокъ вазы, на которомъ сохранились двѣ пары ногъ приблизительно отъ колѣнъ до ступней; фигуры двигались вправо; отъ второй виденъ еще кусокъ плаща, между фигурами щитъ, нарисованный въ ракурсѣ, подъ ними часть волюты. Глина сѣроватая, лакъ довольно грубый. По характеру рисунокъ болѣе близокъ къ произведеніямъ Великой Греціи, нежели Аттики.

11. Верхніе, расписанные лиственнымъ орнаментомъ, края сосудовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Судя по радіусу всѣ о́ни принадлежали къ сосудамъ большаго объема.

12. Къ числу сосудовъ можно отнести еще двѣ лампочки: на одной грубое рельефное изображеніе эрота, на другой олень.

13. Кромѣ этого, найдено большое число амфорныхъ ручекъ со штемпелями, которыя будутъ описаны въ другой разъ. Здѣсь упомянемъ только объ одной, на которой весьма отчетливо оттиснута голова сатира, съ надписью вокругъ σάτυρος; рядомъ съ головой еще другой штемпель съ надписью ἐπὶ σατύρο[υ] (см. прилиг. рис.).

Остатки терракоттовыхъ фигуръ.

14. Прекрасная головка статуэтки (5a, 5b). Голова наклонена къ лѣвому плечу, взоръ нѣсколько обращенъ вверхъ, губы немного открыты, волосы, украшенные повязкою, убраны просто. Этотъ образчикъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ ко времени высшаго процвѣтанія терракоттовыхъ издѣлій. Помѣщаемъ головку en face и въ профиль.

15. Часть маски очень характернаго сатира (6). Внѣшніе углы бровей высоко приподняты, глаза выпучены, ротъ широко раскрытъ, выраженіе лица испуганное; въ волосахъ около уха круглое отверстіе, служившее, очевидно, для прикрѣпленія этой маски къ какому-либо предмету.

16. Наконецъ найдено еще два лица, мужское и женское: первое, менѣе попорченное, отмѣчено патетическимъ выраженіемъ, второе очень сильно пострадало и не отличается какими-либо характерными чертами.

17. Туловище и ноги женщины, одѣтой въ хитонъ съ отворотомъ; драпировка красива, просвѣчиваніе тѣла показано хорошо. На нѣкоторомъ разстояніи отъ этой фигуры замѣтны остатки платья другой. Можетъ быть двѣ фигуры стояли рядомъ, что мы часто встрѣчаемъ среди терракоттъ.

18. Два женскихъ торса посредственной работы.

19. Ноги человѣческой фигуры. Рядомъ съ ногами сохранился плинтусъ, надъ которымъ возвышается жертвенникъ (?). Нижніе углы этого слѣпка еще цѣлы; видно, что композиція состояла только изъ одной фигуры и указаннаго предмета рядомъ съ нею.

Раскопки 1889 года не представляютъ того высокаго интереса, какимъ богатъ предыдущій, благодаря открытію античной гончарной мастерской съ многочисленными формами, найденными въ ней.

20. Черепки небольшой чаши, покрытой чешуйчатымъ орнаментомъ (см. прилаг. рис.). На днѣ вытѣснено имя мастера, поставленное въ родительномъ падежѣ Μενεμάχου; донышко такой-же чаши съ тѣмъ-же именемъ уже раньше было найдено въ Пантикапэѣ [1]).

21. Изъ остатковъ краснофигурныхъ вазъ первое мѣсто занимаетъ фрагментъ сосуда, состоящій изъ трехъ кусковъ (см. прилагаем. рисун. въ натур. велич.). Посреди этого фрагмента сохранилась верхняя часть юноши, одѣтаго въ азіатскій, узко-прилегающій костюмъ, маленькій плащъ и фригійскую шапку. Руки его распростерты, взоръ

[1]) Ср. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1874 г., стр. 110. Чаша, покрытая такою-же орнаментальною чешуею, но безъ надписи, издана въ Древн. Босф. Кимм., табл. XLVIII, рис. 8, 9.

устремленъ вверхъ, гдѣ повыше его влѣво изъ-за черты, обозначающей гору (?), виднѣются части квадриги и окрыленной возницы, по всей вѣроятности изображающей утреннюю зарю (Ἕως). Позади юноши сидитъ бородатый мужчина, туловище его по поясъ обнажено, ноги задрапированы въ плащъ; въ правой рукѣ онъ, очевидно, держитъ скипетръ. Эта фигура, вѣроятно, изображаетъ Зевса. По обѣ стороны юноши, нѣсколько выше его, два деревца. Надо думать, что представленная сцена имѣла какое-либо миѳическое значеніе, однако сохранилось слишкомъ мало, чтобы опредѣлить значеніе рисунка. Тонъ глины и лакъ высокаго достоинства, рисунокъ вполнѣ свободный. Фрагментъ принадлежитъ къ такъ называемому «роскошному стилю» и относится къ IV-му вѣку до Р. Хр.

22. Два черепка того-же стиля, но менѣе тщательнаго рисунка. На первомъ (см. прилаг. рис.) сохранились голова и туловище (не достаетъ большей части лѣвой руки и четырехъ пальцевъ правой) молодаго мужчины, съ вѣнкомъ и бѣлою повязкою на головѣ. Онъ, очевидно, сидѣлъ влѣво, а голова его обращена назадъ; правою рукою онъ опирался на палицу. Передъ нимъ видны женская рука съ чашею о двухъ ручкахъ (σκύφος) и край крыла. За нимъ замѣтенъ остатокъ руки. По аналогіи съ другими рисунками, надо думать, что здѣсь были изображены Ираклъ, Ника, подающая ему чару вина, и побочныя фигуры. На другомъ фрагментѣ сохранились плечи и голова юноши въ такомъ-же положеніи, какъ у предыдущаго. Въ волосахъ у него бѣлыя украшенія, изъ-за праваго плеча виднѣется плоская шляпа (πέτασος). На лѣво отъ юноши, нѣсколько выше, изображена женщина, отъ которой остались только нижняя часть отъ колѣнъ до пояса, кисть правой руки и лѣвая рука до локтя, украшенная двумя бѣлыми браслетами [1]).

[1]) На вазахъ IV-го в. довольно часто встрѣчается юноша, сидящій въ такомъ-же положеніи, какъ на нашихъ двухъ черепкахъ, съ палицей въ рукахъ; въ большинствѣ случаевъ безъ бороды, но бываетъ и съ

23. Кромѣ того найдена нижняя часть ручки съ красивымъ орнаментомъ.

24. Миніатюрный кувшинчикъ.

25. Лампочки съ рельефнымъ изображеніемъ эрота.

26. Верхняя часть лампочки съ бѣгущимъ эротомъ.

27. Амфорная ручка съ оттиснутою на ней головою Иракла (см. прилаг. рис. стр. 29). №№ 23—27 принадлежатъ ко времени болѣе позднему, нежели предыдущіе фрагменты.

28. Маленькая статуэтка, изображающая комическаго актера въ роли Иракла. Точно такая же статуэтка издана въ Древн. Босфора Киммерійскаго (табл. LXX^{a}, рис. 6) и въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1869 г., стр. 146. Обѣ статуэтки произошли изъ одной и той-же формы, только слѣды красокъ на нашемъ экземплярѣ сохранились хуже.

29. Женская головка en face съ длинною шеею. Головка не отбита отъ статуэтки, а изваяна самостоятельно; она, по всей вѣроятности, относится къ числу вотивныхъ предметовъ. Работа грубая [1]).

30. Наконецъ найденъ рядъ глиняныхъ фигуръ въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ съ поперечнымъ отверстіемъ въ верхней части, служившихъ для погруженія рыболовныхъ сѣтей, или натягиванія основы [2]). На одномъ изъ такихъ грузилъ (см. прилаг. рис. въ нату. вел.) оттиснута

бородой, какъ на берлинской вазѣ № 2404 (см. Sammlung Sabouroff, табл. LXVII и текстъ къ ней). На берлинской вазѣ позади мужчины стоитъ Аѳина, а передъ нимъ женская фигура съ чашею въ рукахъ; надъ нимъ Ника. Очевидно здѣсь изображенъ, какъ думаетъ Фуртвэнглеръ, Ираклъ на Олимпѣ, разговаривающій съ своей покровительницей Аѳиною и подчиваемый виномъ своей божественной супругою Ивою (Ἥβη). Навѣрное и на тѣхъ сосудахъ, отъ которыхъ дошли наши черепки, за Иракломъ стояла Аѳина; на первомъ изъ нашихъ фрагментовъ роль виночерпія, какъ видно изъ сохранившихся слѣдовъ, приняла на себя Ника, которая и въ берлинскомъ экземплярѣ изображена съ кувшинчикомъ въ рукахъ. Въ музеѣ искусствъ Имп. Дерпт. Унив. имѣется вполнѣ сохранившаяся ваза такой-же формы, какъ и берлинская, со сценою, тоже весьма похожею. Ираклъ безъ бороды, какъ на нашихъ черепкахъ.

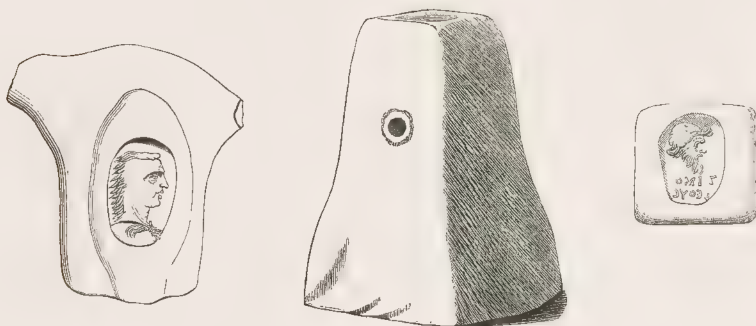
[1]) Очень похожая головка, но только покрупнѣе нашей, издана въ Отч. Имп. Арх. Комм. за 1877 г., табл. IV, 2, стр. 264.

[2]) Такія грузила изображены на краснофигурномъ вазовомъ рисункѣ изящнаго стиля, изображающемъ стоящаго Телемаха и Пенелопу, сидящую у ткатскаго станка; см. Monumenti inediti IX, табл. XLII. Рисунокъ повторенъ во многихъ изданіяхъ.

Подобная же пирамидка съ изображеніемъ пѣтуха помѣщена въ новомъ изданіи раскопокъ въ Олимпіи: Olympia, die Ergebnisse der vom deutschen Reich veranstalteten Ausgrabungen. Bd. IV herausgegeben von E. Curtius und F. Alder, Berlin. 1890, на табл. LXX, рис. 1331, ср. текстъ стр. 206.

О находкахъ такихъ грузилъ подробнѣе всѣхъ писали Потье и Рейнахъ въ Nécropole de Myrina, стр. 246 и слѣд., далѣе см. Bulletin de correspondence hellénique за 1887 г., стр. 416 и за 1888 г., стр. 37; Notizie degli Scavi di Antichità за 1888 г., стр. 168.

сверху головка сатира. См. прилаг. рис. Подъ ней надпись Τιμο[κ]λέους, т. е. родительный падежъ собственнаго имени Τιμοκλῆς; надпись читается справа налѣво. Въ виду маловажности предмета врядъ-ли можно думать, что штемпель принадлежалъ какому-либо должностному лицу, вѣроятнѣе всего, что онѣ оттиснуты самимъ мастеромъ.

Было-ли это грузило предназначено для употребленія или принадлежало къ числу тѣхъ, которыя, какъ полагаетъ Пари[1]), были посвящаемы божеству, за недостаткомъ данныхъ врядъ-ли можно рѣшить. Что касается надписи, то странно то обстоятельство, что со сравнительно позднею формою буквъ ε и σ поставлено древнее начертаніе буквы λ. Однако, кажется, мы не ошибаемся, если, судя по общему впечатлѣнію, производимому надписью и головкою, отнесемъ эту вещицу ко времени не ранѣе III-го в. до Р. Хр. [2]).

Чаша съ именемъ гончара и комическая статуэтка заслуживаютъ еще особаго интереса именно потому, что фрагменты такой-же чаши и съ тѣмъ-же именемъ художника найдены были въ Пантикапэѣ и дублетъ нашей статуэтки уже давно извѣстенъ. Эти двѣ вещицы, слѣдовательно, доказываютъ намъ распространенность одной и той-же культуры въ различное время, такъ какъ

---

[1]) Bull. de corr. hell. 1888, стр. 417: «Il me semble, pourtant, que la réponse est toute simple, nous avons essayé de montrer comment une infinie variéte de choses, par exemple les instruments de toilette feminine, épingles, broches, spatules, boites à fard, ont pris un sens religieux par la seule intention des dévots qui les consacraient à la divinité; pourquoi n'en serait-il pas exactement de même des cônes, pyramides ou disques en terre-cuite? Il suffit qu'un tisseraud ou un pêcheur ait déposé dans un temple, en ex-voto, un des instruments de son travail, pour que l'habitude s'en soit répandue, pour que les coroplastes, par la suite, aient tenu dans leur boutique des objets de la même nature à la disposition des dévots. De plus, le grand nombre de ces objets que l'on trouve dans les tombeaux ou dans les temples s'expliquent par leur manque absolu de valeur; ils devaient être à si vil prix, que les plus pauvres pouvaient se les procurer».

[2]) О формѣ буквъ ср. изслѣдованіе Рейнаха: Traité d'épigraphie greeque, стр. 204 и 208.

статуэтка, безъ сомнѣнія, значительно старше чаши. Гдѣ жили мастера этихъ предметовъ, въ Херсонесѣ-ли, или въ Пантикапэѣ, этого мы пока рѣшить не можемъ, но во всякомъ случаѣ они жили въ греческихъ колоніяхъ южной Россіи: это и безъ того вѣроятное заключеніе теперь краснорѣчиво подтверждается фактомъ счастливаго открытія античной мастерской древняго коропласта.

ПОПРАВКА. При изготовленіи I-ой таблицы рисунковъ произошла слѣдующая ошибка въ нумераціи изображенныхъ на ней предметовъ: вмѣсто № 1, чит. № 3, вмѣсто № 3, чит. № 1.

ОБОЗРѢНІЕ МОНЕТЪ,

НАЙДЕННЫХЪ

ВЪ ХЕРСОНЕСѢ ПРИ РАСКОПКАХЪ

въ 1888 и 1889 годахъ.

А. В. ОРѢШНИКОВА.

А. Монеты, найденныя въ Херсонесѣ, но не чеканенныя въ немъ.

		Æ	Æ
	а) *Острова Родоса* (Rhodus).		
1	Женская голова. Обр. Цвѣтокъ роза; слѣва видны буквы ΡΟ. Описана у Mionnet, III, № 238	—	1
	б) *Византіи* (Byzantium).		
2	Лицевая сторона стерлась. Обр. BVZANT. . . . Звѣзда въ полумѣсяцѣ. Монеты подобнаго типа чеканены въ императорскую эпоху въ III в. по Р. X.; см. Mionnet, II Suppl. 309.	—	1
	в) *Пантикапеи* (Panticapaeum).		
3	Плохой сохранности, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ головы Діониса, на обратной треножника и надписи (имя города). Монета времени Миѳрадата Эвпатора. См. Giel, Kleine Beiträge etc., табл. IV, 10	—	1
	г) *Воспорскаго царя Ѳоѳорса* (Thothorses) 279—308 по Р. X.		
4	Бюстъ царя на лицевой и императора на обратной; годъ ϚϘΦ (596). .	—	1
	д) *Вѣроятно послѣдняго воспорскаго царя Рескупорида, начала IV в. по Р. X.*		
5	Изъ четырехъ экземпляровъ только на одномъ видны буквы ...ΚΟΥΠ...	—	4
	е) *Амиса* (Amisus).		
6	Монета, сильно стертая; замѣтны слѣды изображенія колчана	—	1

		Æ	Æ
	ж) *Римскихъ императоровъ.*		
	NB. Большая часть монетъ очень обыкновенна и неудовлетворительной сохранности, поэтому я подробно на каждой останавливаться не буду.		
	Коммода (180—192).		
7	Денаръ очень плохой сохранности	1	—
	Геты (211—212).		
8	P.SEPTIMIVSGETACAES.		
	Обр. Минерва съ копьемъ ... ERV—SANCT		
	Денаръ плохой сохранности	1	—
	Александра Севера (222—235).		
9	Обломокъ денара	1	—
	Лицинія, отца (307—323).		
10	IMPLICINIVSPFAVG. Бюстъ Лицинія.		
	Обр. IOVICONSERVATORIAVGGNN. Юпитеръ съ Побѣдою; подъ чертою T·S·Г(?).		
	Cohen, VII, № 123, но безъ буквъ подъ чертою	—	2
11	Обломокъ монеты того-же императора	—	1
	Константина Великаго (306—337).		
12	DVCONSTANTI .... Голова императора въ покрывалѣ.		
	Обр. IVSTVENNEM. Правосудіе; подъ чертою SMKЄ.		
	Схожа у Cohen'a, № 314	—	1
13	DNCONSTANTINVSPFAVG. Голова императора.		
	Обр. VOT·XX·MVLT·XXX среди лавроваго вѣнка; внизу SMAN.		
	Cohen, № 737	—	3
14	Монеты того-же императора, разныхъ типовъ, плохой сохранности	—	4
	Монеты той-же эпохи.		
15	VRBSROMA. Бюстъ Ромы (Рима).		
	Обр. Волчица, кормящая Ромула и Рема.		
	Cohen, VII, стр. 330, № 17	—	2
	Криспа (326).		
16	Полустертый экземпляръ.		
	Cohen, № 115	—	1
	Констанція II-го (335—361).		
17	Мелкая монета, типа, описаннаго у Cohen'a, VII, № 92 и слѣд.	—	1
	Валентиніана I-го (364—375).		
18	Обломанная монета	—	1

		Ꭿ	Æ
	Граціана (375—383).		
19	Монета попорченная ржавчиною	—	1
	Гонорія (395—423).		
20	Полустертый экземпляръ	—	1
	Аркадія (395—408).		
21	Монеты плохой сохранности, типа, описаннаго у Sabatier, I, №№ 30 и 45.	—	3
	Θеодосія II-го (408—450).		
22	Монеты плохой сохранности. См. Sabatier, № 24	—	2
	Льва I-го (457—474).		
23	Монеты, описанныя у Sabatier, I, № 13	—	4
	Анастасія (491—518).		
24	Съ буквами ЄΔ; Sabatier, № 27	—	1
	Юстиніана I-го (527—565).		
25	Съ буквою ЄΔ. Sabatier, № 121	—	1
26	» » Є+ » № 120	—	1
27	» » Є неясныхъ	—	13
28	» фигурою человѣка	—	9
	Фоки (602—610).		
29	Монета, описанная у Sabatier, № 12	—	1
	Льва V-го и *Константина VII-го* (813—820).		
30	Монеты, описанныя у Sabatier II, № 10	—	4
	Іоанна Цимисхія (969—976).		
31	Монета, описанная у Sabatier, стр. 142, № 6	—	1
	Никифора Вотаніата (1078—1081).		
32	Монета плохой сохранности. Sabatier, II, № 9	—	1
33	Монеты плохой сохранности римскихъ и византійскихъ императоровъ IV—VII вѣковъ	—	283
34	Монеты съ восточными легендами *)	—	5
	Серебряныхъ 3 экз.		
	Бронзовыхъ 356 »		
	359 экз.		

*) Всѣ 5 монетъ сильно потерты. Двѣ изъ нихъ, безъ означенія мѣста и года чекана, по-видимому аббасидскія, содержащія лишь обычные символы мусульманской вѣры и какое-то имя, начинающееся, кажется, съ слова عبد. Двѣ монеты сельджукскія, чеканенныя, одна, судя по упомянутымъ на ней именамъ султана Санджара и халифа المقتدى لأمر الله въ 532—535 г. гиджры, а другая съ именемъ Кейхосроя, сына Кейкауса, въ 634—643 гг. Наконецъ золотоордынская, битая въ Крыму, въ 757 году, т. е. при ханѣ Джанибекѣ.

Вл. Т—нъ.

В. Монеты, чеканенныя въ Херсонесѣ.

		Æ	Æ
35	Æ. 6,5 мм. 0,4 гр. Женская голова (Артемиды?) влѣво. Обр. Рыба, подъ нею палица Геракла, обѣ вправо; внизу ΧΕΡ. Подобный экземпляръ описанъ, но безъ рисунка, у Кёне, Музей кн. Кочубея I, стр. 141, № 29. Судя по стилю, монета можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Х.	1	—
36	9 мм. Обѣ стороны схожи съ предыдущею монетою. Ib. № 30	—	2
37	19—20 и 20—23 мм. Артемида, присѣвшая на правое колѣно—вправо. Обр. ΧΕΡ. Грифонъ, бѣгущій влѣво. Три плохо сохранившихся экземпляра. Подобный типъ см. Бурачковъ, Общій каталогъ, табл. XIV.	—	3
38	15 мм. Человѣкъ въ колесницѣ, вправо. Обр. Барсъ или левъ съ копьемъ (или ѳирсомъ) въ пасти влѣво; вверху ·Α (ΓΑ или ΣΑ), подъ чертою ΧΕΡ. Бурачковъ, Общ. кат., табл. XV, № 69	—	2
39	13 мм. Женская голова вправо. Обр. Палица, подъ нею ΧΕΡ, кругомъ всего вѣнокъ. Ib. табл. XIV, № 28	—	1
40	Æ 22,5 мм. 10,55 гр. Безбородая голова Геракла въ львиной шкурѣ влѣво; внизу палица. Обр. Сидящая на тронѣ влѣво Артемида со стрѣлою въ правой рукѣ, опершись локтемъ лѣвой руки на спинку трона; на ногахъ высокіе башмаки; слѣва ΝΑΝ—ΩΝΟΣ, справа ΧΕΡ.		

		Ꜳ	Æ
	Монета не издана. До сихъ поръ серебряныя монеты этого типа извѣстны были съ изображеніемъ головы Геракла вправо. Имя Νάνων написанное вполнѣ, встрѣчается впервые не только на монетахъ, но, кажется, и вообще: по крайней мѣрѣ въ словарѣ собственныхъ именъ Pape-Benseler'а оно не упомянуто. Въ сокращеніи NAN или NANΩ оно встрѣчается на серебряныхъ монетахъ Херсонеса меньшей величины (см. Кёне, Музей кн. Кочубея I, стр. 138, № 21, съ рисункомъ). Въ послѣднее время въ Херсонесѣ были найдены клейменыя ручки отъ глиняныхъ амфоръ съ именемъ Нанона. Вѣсъ монеты 10,55 гр., судя по превосходной сохранности монеты, долженъ приближаться къ нормальному вѣсу монетъ Херсонеса этого типа; извѣстные мнѣ подобные экземпляры, нѣсколько потертые, вѣсили 8,19 гр., 9,1 гр. и 9,21 гр. Мнѣ кажется, что вѣсъ этихъ монетъ сходенъ съ вѣсомъ серебряныхъ статеровъ (статеръ = 2 драхмамъ) Гераклiи Понтiйской, метрополiи Херсонеса; въ свою очередь монетная система Гераклiи (также и Синопы) сходна съ Эгинскою (см. Head, Historia numorum, стр. 441). Стиль монеты допускаетъ отнести ее не далѣе половины III в. до Р. X.	1	—
41	15—17,5 мм. Голова Артемиды вправо. Обр. Бодающiйся влѣво быкъ; вверху ΧΕΡ, внизу ΑΓΑΞΙΚ. Бурачковъ, Общ. кат. табл. XIV, № 20	—	1
42	Тѣ-же изображенія, но надпись ΗΡΩΙΔΑ. Id., № 21	—	1
43	10,5 мм. Голова быка впрямь. Обр. Повидимому палица (эта сторона стерта).	—	1
44	9,5—10,5 мм. Дельфинъ или рыба вправо. Обр. ΧΕΡ. Колосъ. Бурачковъ, табл. XV, № 77	–	1
45	9,5—10 мм. Львиная голова впрямь. Обр. Звѣзда о 6 лучахъ, буквы неясны. Бурачковъ, табл. XV, № 70	—	3
46	11,5 мм. Голова Артемиды вправо. Обр. ΧΕ.; колчанъ отверстiемъ вправо, внизу ΣΙ. . . . Монета этого типа съ именемъ чиновника, начинающимся съ ΣΙ, не издана.	—	1
47	19—20,5. ΧΕΡ. Артемида, поражающая копьемъ оленя. Обр. Быкъ влѣво; (Δ)ΙΑΓΟ. . . Бурачковъ, табл. XIV, № 38	—	1

		Æ	PL
48	15,5 и 19 мм. Экземпляры плохой сохранности подобные предыдущему типу, но болѣе грубой работы	3	—
49	16 мм. Бюстъ Артемиды съ колчаномъ сзади, вправо. Обр. Пасущійся вправо олень, подъ чертою ΑΡΧΕΡ. Кёне, «Изслѣдованія» табл. I, № 7. Обратная сторона монеты очень сходна съ тетрадрахмами Миѳрадата Эвпатора съ типомъ оленя, изъ чего можно заключить, что монета чеканена въ ту-же эпоху . .	1	—
50	20—21,5 мм. Бюстъ Артемиды съ колчаномъ за плечами вправо. Обр. (Χ)ΕΡ. Орелъ, сидящій на молніи впрямь, слѣва ΑΡ. Бурачковъ, табл. XVI, № 97.	1	—
51	17 мм. Безбородая голова въ вѣнкѣ вправо, передъ нею змѣя. Обр. Олень, бѣгущій вправо, вверху монограмма ΑΡ, внизу ΟΓ. Бурачковъ, табл. XVI, № 92. Буквы ΟΓ означаютъ, вѣроятно, годъ 73 эры Херсонеса, начало которой считаютъ въ 36 г. до Р. Х., слѣдовательно монета относится къ 37 г. по Р. Х.	1	—
52	16,5 мм. Тѣ-же изображенія, годъ ΘΔ (74). Koenigl. Mus. zu Berlin. Beschreib. d. ant. Münzen, стр. 7, № 34. Монета 38 г. Сохранность неудовлетворительная	1	—
53	16 и 18 мм. Та-же голова, сзади (Χ)ЄΡ, внизу на одномъ экземплярѣ (другой плохой сохранности) ΟЄ, т. е. 75 г. эры Херсонеса = 39 г. по Р. Х. Обр. Крылатая Ника; монограмма ΑΚ.	2	—
54	21,5; 22,5 мм. Задрапированный бюстъ Аполлона съ лирою; слѣды надписи ЄΛЄVΘЄΡΑϹ. Обр. Артемида съ копьемъ и олень; надписи стерлись. Бурачковъ, табл. XVI, № 108.	3	—
55	18 и 19 мм. То-же изображеніе; надпись стерлась. Обр. Артемида; надпись стерлась. Ib., № 113	2	—

		Æ	PL
56	15,5 мм. ΧΕΡ. Бородатая голова. Обр. Артемида; монограмма стерлась. Ib. № 115	1	—
57	PL. 14 мм. Голова Гермеса въ петасѣ. Обр. Голова быка впрямь. Ib., XV, № 83	—	2
58	PL. 10,5—13,5 мм. Голова быка впрямь. Обр. Дельфинъ вправо. Ib., № 87	—	1
59	Херсонесскія монеты плохой сохранности	2	—
60	Свинцовыя печати изъ Херсонеса плохой сохраннности; 2 изъ нихъ византійскаго періода	—	6

Серебряныхъ 2 экз.
Бронзовыхъ 34 »
Свинцовыхъ 9 »
45 экз.

C. Монеты византійскихъ императоровъ, чеканенныя въ Херсонесѣ.

		AR	Æ
	Юстиніана (527—565).		
61	Бюстъ императора; надпись (D.N.IVSTINIANVSP.P.AVG) на большей части экземпляровъ не сохранилась.		
	Обр. Монограмма имени города.		
	Кёне, Муз. кн. Кочубея I, стр. 203, № 1.	—	15
62	17—19 мм. То-же.		
	Обр. Монограмма $\overset{P}{X}_{e}$; находящаяся буква слѣва стерлась.		
	Бурачковъ, т. XVII, № 123	—	1
	Флавія Тиверія Маврикія (582—602).		
63	Императоръ и его супруга Константина; надпись неясна.		
	Обр. Изображеніе святаго (Евгенія?) и буква Δ (4), между ними, вверху, крестъ.		
	Кёне, Муз. кн. Коч. I, стр. 211, № 14. Плохой сохранности. .	—	3
	Михаила III-го и Василія I-го (866—867).		
64	Буквы MB во все поле монеты.		
	Обр. П̊Х.		
	Кёне. ib., стр. 220 и 221 №№ 2 и 3. 6 экз. большаго и 2 меньшаго размѣра	—	8
	Василія I-го (867—886).		
65	Буква B.		
	Обр. Крестъ на ступеняхъ между 2 шариками.		
	Ib., стр. 223, № 1.	—	57
66	Буква B между 2 шариками.		
	Обр. Какъ на предыдущей монетѣ.		
	Ib., № 2.	—	6
67	Буква B+.		
	Обр. П̊.		
	Ib. № 4.	—	10

		Æ	PL
68	Буква Я + (въ обр.). Обр. П̊. Варіантъ съ буквою В въ обратную сторону не изданъ	1	—
69	Буква В +. Обр. П̊ +. Ib. № 5	21	—
	Василія I-го и Константина IX-го (868—879).		
70	кВω. Обр. Крестъ на ступеняхъ. Ib. стр. 224 № 1	15	—
	Льва VI-го (886—912).		
71	Бюстъ императора впрямь. Обр. Крестъ на ступени, по сторонамъ Λ — Є. Ib. стр. 226, № 1	1	—
72	Буквы ΛЄ. Обр. Крестъ на ступеняхъ между 2 шариками. Ib., № 2	6	—
	Льва VI-го и Александра (886—912).		
73	PL. Буквы ΛA. Обр. Крестъ между 2 шариками. Ib. стр. 227 № 1	—	3
74	Тотъ-же типъ, но изъ бронзы. Кёне бронзовыхъ монетъ этого типа не описываетъ.	1	—
75	Крестъ, по сторонамъ его A—A. Обр. Какъ на предыдущей монетѣ. Ib., № 2	3	—
	Александра (912—913).		
76	14—15 мм. Буква A во все поле монеты. Обр. П̊X. Монеты Александра, чеканенныя въ Херсонесѣ, до сихъ поръ не были описаны.	1	—

		Æ	PL
	Романа I-го (920—944).		
77	Монограмма [illegible] или [illegible]. Обр. Крестъ на ступеняхъ между 2 шариками. Ib., стр. 230 и 231.	130	—
	Константина X-го (944—959).		
78	Бюстъ императора впрямь. Обр. К ω Ib., стр. 234, № 1.	13	—
79	К ω Обр. Крестъ на ступени между 2 шариками. Ib., № 2	11	—
	Константина X-го и Романа II-го (948—959).		
80	Монограмма имени Константина. Обр. Монограмма имени Романа. Ib., стр. 235, № 2.	28	—
	Романа II-го (959—963).		
81	Бюстъ императора впрямь. Обр. Монограмма имени Романа. Ib., № 236 № 1. Плохой сохранности.	2	—
82	Монограмма имени Романа. Обр. Крестъ между 2 шариками. Ib., № 2	43	—
83	Тоже, но въ монограммѣ Р изображено въ обратную сторону (ꟼ). Ib. № 3	2	—
84	19—20 мм. Крестъ на ступеняхъ между двумя шариками. Обр. Крестъ, но безъ шариковъ. Надписи и монограммы монета не имѣетъ, по этому сказать трудно, при которомъ императорѣ она чеканена; общій характеръ монеты позволяетъ ее отнести ко времени Романа II. Не описана.	1	—

		Æ	PL
	Никифора Фоки (963—969).		
85	Монограмма имени императора. Обр. Монограмма его титула (Δεσπότης). Кёне, стр. 239	3	—
	Іоанна Цимисхія (969—975).		
86	Монограмма имени Іоанна. Обр. Монограмма его титула. Ib., стр. 243.	1	—
	Василія II-го (975—1025).		
87	Монограмма имени Василія. Обр. Монограмма его титула. Ib. стр. 248, № 1.	14	—

		Æ	PL
	Василія II-го и Константина XI-го (975—1025).		
88	18—19 мм. Буквы ΒΑ, подъ ними три шарика; ободокъ изъ точекъ. Обр. Буквы ΚΤΩ, подъ ними ∴; ободокъ изъ точекъ. Бурачковъ, Общ. кат., табл. XVII, № 136, но безъ шариковъ подъ буквами ΒΑ.	1	—

Всѣхъ монетъ византійскихъ императоровъ чеканенныхъ въ Херсонесѣ:

Свинцовыхъ	3
Бронзовыхъ	398
	401 экз.

Сильно окислившіяся и поврежденныя огнемъ монеты въ перечень не вошли.

Перечисленныя монеты (800 слишкомъ экз.) изъ Херсонесскаго городища раздѣляются на три группы:

I. Монеты Херсонеса, чеканенныя въ то время когда городъ былъ свободнымъ.

II. Монеты, чеканенныя внѣ Херсонеса, попавшія туда путемъ сношеній и, вѣроятно, обращавшіяся тамъ (римскихъ и византійскихъ императоровъ IV—VII в. по Р. Х.).

III. Монеты византійскихъ императоровъ (VI—XI в.), чеканенныя для Херсонеса.

Такъ какъ городище Херсонесское относится къ позднеримскимъ и византійскимъ временамъ, то и главная масса монетъ приходится на IV—XI вв., и, дѣйствительно, монетъ Херсонеса времени его самостоятельности найдено менѣе $^1/_{20}$ части всего количества.

Недостаточность историческихъ и археологическихъ данныхъ не позволяетъ съ достовѣрностью сказать, когда Херсонесъ прекратилъ чеканить собственную монету, но если судить по стилю самыхъ позднихъ монетъ, то, мнѣ кажется, II-ой или III-ій вѣка по Р. X. можно назвать предѣломъ чекана Херсонесскихъ монетъ. Нумизматическія данныя показываютъ, что съ VI в. (со времени Юстиніана I) византійскіе императоры начинаютъ чеканить для Херсонеса монету. Въ промежутокъ времени съ III по VI вѣкъ, по всей вѣроятности, тамъ обращалась римская монета, что и доказываетъ большое количество (немного менѣе половины) найденныхъ на городищѣ монетъ этого времени.

Между монетами особый интересъ представляютъ неизданный серебряный статеръ съ именемъ Нанона и 2 бронзовыя монеты императоровъ Александра и Василія II и Константина XI.

Монетою Александра дополняется рядъ монетъ византійскихъ императоровъ, далеко еще не полный (напр. промежутокъ между царствованіями Ф. Т. Маврикія и Михаила III 250 лѣтъ), а монета Василія и Константина завершаетъ собою извѣстный до сихъ поръ рядъ херсоно-византійскихъ монетъ — дальнѣйшихъ императоровъ монеты еще не найдены, — и совпадаетъ со временемъ похода Владиміра Кіевскаго на Корсунь.

I.

4.

1.

3.

2.

²/₃ настоящей величины.

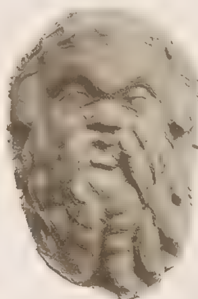
Худож. фототипія А. И. Вильборгъ

С.-Петербургъ, Мойка 19.

II.

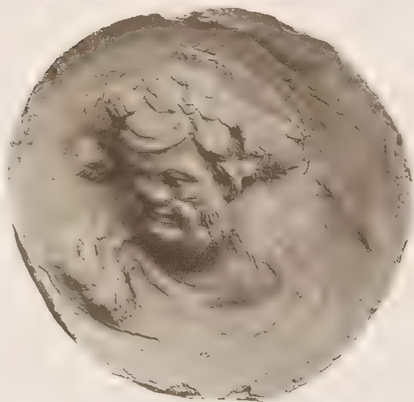
1.

3.

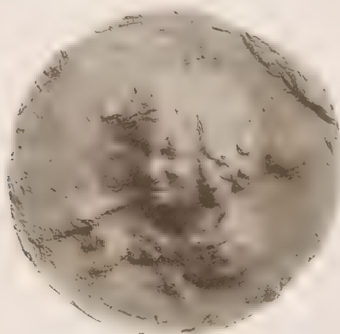
2.

4.

5.

6.

Натуральная величина.

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ. С.-Петербургъ, Мйг. 19.

III.

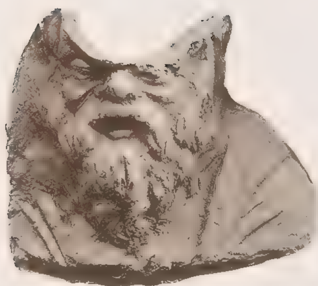
2.

3.

1.

4.

5.

$^{2}/_{3}$ настоящей величины.

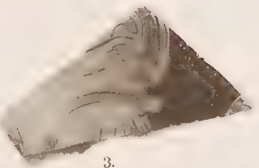
Худож. фототип. А. И. Вильборгъ

С.-Петербургъ. Мойк. 19.

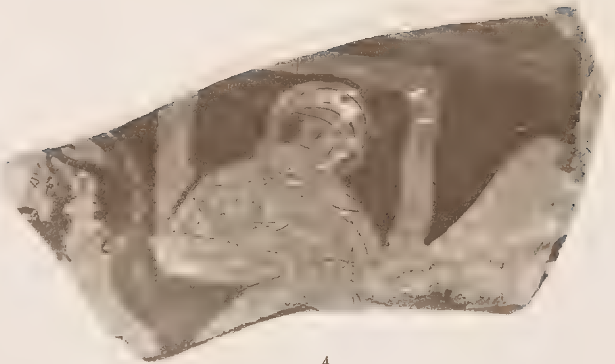
IV.

2.

3.

4.

1.

5 a.

5 b.

6.

Натуральная величина.

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ.
С.-Петербургъ, Мѣд. 19.

Extrait des „Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique (№ 8.)

Etude sur un monument byzantin par M. M. Strzygowski et Pokrowsky.

Le monument historique publié dans le présent fascicule des Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie, a été trouvé dans un hypogée de Kertch, au versant nord-est de la montagne de Mithridate. Sur le plan, dressé par le comte A. Bobrinskoy et reproduit à la page 3., l'endroit de la trouvaille est indiqué par la lettre Z. L'objet en question (pl. I) est en argent et a la forme d'un plat; son poids est de 659,576 gr. et son diamètre de 0,25 mètre. Mr. Jos. Strzygowski, professeur à Graz, le range parmi les clipei d'argent, dont nous connaissons plusieurs spécimens, p. ex. celui de Paris, trouvé en 1656, représentant Antiloque qui amène Briséis à Apollon; un autre, conservé à Paris et trouvé en 1714, représentant un lion sous un palmier; le bouclier d'argent d'Agrippa, du museé impérial des beaux-arts de Vienne; celui de Valentinien du musée de Genève; le bouclier d'argent de Théodose à Madrid (pl. V); le bouclier d'argent d'Aspar du Palazzo degli Uffizi à Florence et celui de Pérouse, trouvé en 1717. C'est surtout du dernier que se rapproche le bouclier de Kertch et cela tant par l'éxécution que par le dessin. L'empereur victorieux qui y est figuré présente le même type iconographique que celui de Justinien sur les mosaïques de S. Vital et de la chapelle «Tutti santi» dans S. Apoll. nuovo (pl. II) de Ravenne. Le monogramme sur le bouclier du satellite est aussi le même que sur la dite mosaïque de Saint-Vital (voy. p. 14 et pl. III.). Cette coïncidence est certainement de nature à suggérer l'idée que c'est l'empereur Justinien que représente le bouclier de Kertch. Quant au type de Justinien-cavalier, il ne ressemble aucunement à la statue équestre de Justinien qui se trouvait autrefois sur l'Augusteum de Constantinople, se rapprochant plus au type correspondant de l'empereur-cavalier sur le diptyque de la bibliothèque Barberini à Rome (pl. IV). Pourtant notre cavalier porte un costume différent: l'empereur n'a pas de chlamyde et n'est vêtu que d'un court et étroit habit, richement orné, ce qui paraitrait étrange, si l'ouvrage de Constantin Porphyrogénète «De cerimoniis» ne contenait pas la mention que les empereurs se faisaient souvent voir publiquement vêtus de pareilles robes, sans chlamydes. Anastase portait ce costume (διβητή-

στιον), quand il monta sur le cathisme de l'hippodrome et fut élevé sur un bouclier devant le peuple rassemblé. Dans ce costume l'empereur byzantin retournait d'une grande procession à Sophie au κοιτών de Daphné, se rendait à des festins et prenait part à des marches triomphales. Les autres détails du bouclier de Kertch, tels que l'épée, le cheval, le spathaire, sont d'un caractère purement byzantin. On voit, donc, que le bouclier de Kertch présente, sous tous les rapports, un monument très précieux et de grand intérêt, appartenant à la première époque florissante de l'art byzantin.

Le professeur N. Pokrovsky procède en analysant d'abord les formes des figures représentées sur le bouclier de Kertch et constate leur ressemblance avec les formes correspondantes d'autres monuments historiques conservés jusqu'à nos jours. Selon lui, l'ensemble de la composition répète le type généralement en usage dans l'antiquité du cavalier-vainqueur, dont le plus beau modèle se voit sur la partie sculptée du diptyque de la bibliothèque Barberini. L'époque du monument est déterminée par les indications fournies a) par l'iconographie et b) par le style. Du nombre des premières la plus importante est le monogramme sur le bouclier du courtisan (v. page 31.) qui, comme il appert des monuments d'art et de la littérature, indique la période entre Constantin le Grand et Constantin III. La forme du diadème marque une époque antérieure à Justin II. Le fait que l'empereur-cavalier est représenté imberbe est une preuve que notre bouclier ne pourrait être postérieur à Héraclius. Une détermination chronologique plus précise est fournie par les indications du style artistique et du type iconographique de l'empereur. Par son style le monument se rapporte au VI-e s., et le caractère de l'empereur ressemble beaucoup à celui de Justinien, autant qu'il nous est connu par les mosaïques (Ravenne), les monnaies et les médailles. D'autre part, les historiens byzantins semblent aussi confirmer ceci, dans leurs descriptions de l'extérieur de Justinien; on n'a qu'à voir Procope, J. Malalas et la Chronique Alexandrine. L'antiquité nous fournit maintes preuves que les représentations équestres de Justinien étaient connues au VI-e s. (la statue équestre devant Ste Sophie à Constantinople; le médaillon d'or, publié par Pinder et Friedlaender); le poète du VI-e s. Corippe relate aussi que les images de Justinien et de ses triomphes ornaient les vases métalliques dans le palais de Justinien le Jeune.

Le monument figurant le triomphe de Justinien pouvait être intimement lié à Panticapée, car les exploits militaires et la gloire de cet empereur avaient plus d'un rapport avec le Bosphore Cimmérien.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

по

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

Лит. де Кастелли СПБ Вас Остр 11 лин 22.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПАМЯТНИКЪ,

найденный

ВЪ КЕРЧИ ВЪ 1891 ГОДУ.

изслѣдованія

ІОС. СТРЖИГОВСКАГО,
профессора Университета въ Грацѣ

и

Н. В. ПОКРОВСКАГО,
профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

СЪ 5 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 9 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Перечень таблицъ.

Перечень политипажей въ текстѣ.

Въ январѣ 1891 г. въ г. Керчи, на сѣверо-восточномъ склонѣ горы Митридатъ, на землѣ, принадлежащей М. Гордиковой, случайно открыта была древняя катакомба. Не смотря на явные слѣды ея разграбленія кладоискателями въ очень отдаленное время, въ ней найдено нѣсколько предметовъ, представляющихъ археологическую важность, и въ числѣ ихъ серебряное блюдо безъ поддона, напоминающее древніе коммеморативные, или подносные щиты, образцы которыхъ извѣстны не только по описаніямъ древнихъ авторовъ, но и по сохранившимся до насъ памятникамъ. Діаметръ его 0,25 м; вѣсъ 1 фунтъ, 58 золотниковъ, 60 долей. На вогнутой поверхности его изображена сцена императорскаго тріумфа, на выпуклой, возлѣ верхняго края, прикрѣплено кольцо. Памятникъ этотъ, немедленно по его открытіи, доставленъ былъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, которая и признала его заслуживающимъ особеннаго вниманія и подробнаго обслѣдованія. Но такъ какъ Коммиссія въ то время не имѣла еще точныхъ свѣдѣній ни о мѣстѣ находки, ни объ условіяхъ, при которыхъ найденъ памятникъ, а между тѣмъ свѣдѣнія эти существенно необходимы для рѣшенія главнаго вопроса о подлинности его и для устраненія всѣхъ сомнѣній, которыя могли быть вызваны случайнымъ характеромъ находки и всегда возможными предположеніями объ имитаціи, то и рѣшено было предварительно изданія и обслѣдованія памятника произвесть точныя развѣдки по этому предмету на самомъ мѣстѣ находки. Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи графъ А. А. Бобринской, въ бытность свою въ Керчи въ іюлѣ 1891 года, тщательно осмотрѣлъ катакомбу, начертилъ планъ ея съ указаніемъ пунктовъ всѣхъ находокъ и показаніями лицъ, частію производившихъ раскопки въ катакомбѣ, частію достовѣрно знавшихъ о подробностяхъ и результатахъ этой раскопки, установилъ несомнѣнную достовѣрность главной находки и подробно сообщилъ о томъ Коммиссіи. Оказалось, что въ землѣ подъ усадьбами Гордиковой и ея сосѣдей находится значительное количество древнихъ катакомбъ, устроенныхъ въ рядъ, одна подлѣ другой, и давно уже разграбленныхъ.

Наша катакомба въ своемъ общемъ устройствѣ не представляетъ какихъ-либо оригинальныхъ особенностей по сравненію съ обычнымъ типомъ керченскихъ катакомбъ. Длинный ходъ, выкопанный въ грунтѣ на протяженіи около 6 метровъ, при широтѣ около 1 метра, расположенный по направленію отъ СВ къ ЮЗ, ведетъ въ катакомбу (см. на планѣ *аб*). Здѣсь высѣчены въ грунтѣ 6 ступеней. Предъ самымъ входомъ въ катакомбу въ сѣверо-западной стѣнѣ находится выкопанная въ грунтовой глинѣ могила, въ которой найдены кости лошади, разбросанныя въ безпорядкѣ (*бб*). Входное отверстіе катакомбы (*е*) закрыто небольшою плитою, вытесанною изъ мѣстнаго дикарнаго камня; оно имѣетъ видъ свода съ заостренною вершиною; высота его 1,32 м. Находящаяся за этимъ входомъ катакомба представляетъ собою довольно обширное помѣщеніе длиною около 5 метровъ, шириною около $3^1/_2$ метровъ и высотою около 1,66 м. Въ ней устроены три ложа: одно прямо противъ входа (*Б*), другое на правой сторонѣ (*А*) и третье на лѣвой (*В*); высота ихъ около 1 метра. Во внутреннихъ стѣнкахъ катакомбы устроены три полукруглыя ниши (*р. с. т.*). Такъ какъ катакомба неоднократно была уже разорена кладоискателями, то содержимое ея, при осмотрѣ графомъ А. А. Бобринскимъ, оказалось въ полномъ безпорядкѣ. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ въ полной сохранности въ сѣверо-западной части ложа (*А*), гдѣ открытъ нашъ памятникъ, небольшое круглое углубленіе (*Z*), вполнѣ соотвѣтствующее формѣ и размѣрамъ нашего памятника и, очевидно, служившее для него пряткою. Затѣмъ, въ катакомбѣ найдены графомъ Бобринскимъ разбросанныя въ безпорядкѣ человѣческія кости, обломки дерева и черепки, а на ложахъ морскія раковины. По словамъ мѣстнаго

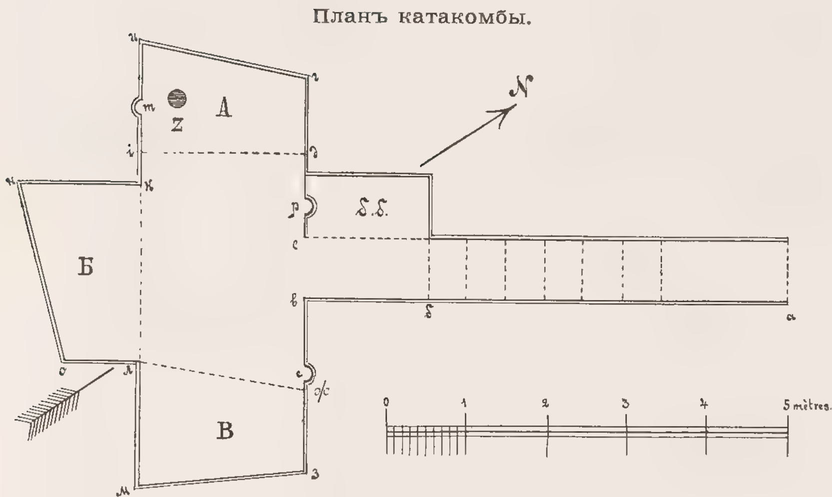

Рис. 1 (1/2).

Рис. 2 (1/2).

обывателя Гордикова, производившаго раскопку катакомбы, серебряное блюдо лежало въ упомянутомъ мѣстѣ вверхъ дномъ и прикрывало собою небольшой серебряный сосудъ (рис. 1) и серебряную ложечку (рис. 2), а на ложѣ *В* найденъ былъ стекляный флаконъ (рис. 3).

Рис. 3 (1/3).

Планъ катакомбы.

Объясненіе знаковъ.

А. Б. В. — три ложа.
Z углубленіе, въ которомъ найденъ нашъ памятникъ.
p. c. m. ниши въ стѣнахъ.

Измѣренія.

аб	4,05	*иі*	1,35
бв	1,58	*ік*	0,41
гд	0,93	*кн*	1,52
де	1,04	*кл*	2,02
ев	0,77	*ло*	0,96
вж	1,14	*жл*	2,16
жз	1,04	*лм*	1,56
ді	2,06		

Такъ какъ вновь найденный и издаваемый въ этомъ выпускѣ Матеріаловъ по археологіи Россіи памятникъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ и по всей вѣроятности будетъ представлять немаловажный интересъ не только для археологовъ и художниковъ, но и для историковъ, то Императорская Археологическая Коммиссія, въ видахъ возможно полной и разносторонней его оцѣнки, признала полезнымъ обратиться за объясненіемъ его одновременно къ двумъ лицамъ— профессору университета въ Грацѣ Іосифу Стржиговскому и профессору С.-Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскому. Оба съ живѣйшимъ сочуствіемъ отнеслись къ этому предложенію и не замедлили доставить свои отзывы, которые и помѣщаются ниже. Изслѣдованіе перваго изъ нихъ, составленное на нѣмецкомъ языкѣ, печатается вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ.

I.

DER SILBERSCHILD AUS KERTSCH,

von

Prof. **Jos. Strzygowski.**

СЕРЕБРЯНЫЙ КЕРЧЕНСКІЙ ЩИТЪ.

Проф. **Іос. Стржиговскаго.**

Auf der concaven Innenseite der Schale (Taf. I) sehen wir in der Mitte einen nach rechts sprengenden Reiter, dem eine Nike vorauseilt und ein Krieger folgt. Der Reiter ist durch Nimbus und Diadem als Kaiser gekennzeichnet. Er blickt aus dem Bilde heraus, hat ein volles, längliches Gesicht, grosse Augen, lange Nase, aufgeworfene Lippen und ein stark markirtes Kinn. Das in den Nacken herabhängende Haar ist rund geschnitten. Seine Kleidung besteht aus einem kurzen Rock, eng anliegenden Hosen und Schuhen. Der Rock zeigt reiche Bordüren an Brust, Schultern, Ärmeln und am unteren Rand und ist um die Hüften gegürtet. Die Gestalt hält in der rechten Hand einen Speer, die linke ist nicht sichtbar. Über die rechte Schulter läuft ein Band, an dem ein Schwert hängt, dessen Gefäss noch sichtbar ist. Schuhe, Gürtel, Schwertband und ebenso die Zäumung des Rosses sind edelsteinbesetzt. Die vorauseilende Nike erhebt, indem sie sich dem Reiter zuwendet, mit der Rechten eine *corona triumphalis* und hält in der Linken einen Palmzweig. Sie trägt einen doppelt gegürteten ärmellosen Chiton, dazu im vorn

На вогнутой внутренней сторонѣ блюда (табл. I) по срединѣ изображенъ скачущій вправо всадникъ, впереди котораго выступаетъ Ника, а позади идетъ воинъ. Всадникъ, судя по нимбу и діадемѣ, императоръ. У него полное, продолговатое лицо, обращенное къ зрителю, большіе глаза, длинный носъ, вздернутыя губы и рѣзко очерченный подбородокъ. Ниспадающіе на затылокъ волоса острижены въ скобку. Одежда его состоитъ изъ короткаго кафтана, плотно прилегающихъ къ тѣлу штановъ и башмаковъ. Кафтанъ украшенъ роскошными прошивками на груди, плечахъ, рукавахъ и по подолу; на чреслахъ поясъ. Въ правой рукѣ всадникъ держитъ копье; лѣвой не видно. Черезъ правое плечо идетъ перевязь; на ней виситъ мечъ, рукоятка котораго выглядываетъ сбоку. Башмаки, поясъ, перевязь и уздечка коня украшены драгоцѣнными каменьями. Выступающая спереди Ника, обращенная къ всаднику, приподнимаетъ правою рукою вѣнокъ (corona triumphalis), а въ лѣвой держитъ пальмовую вѣтвь. На Никѣ вдвойнѣ опоясанный, безрукавный хитонъ и накинутая на

geknoteten Haar ein Diadem, einen Reif um den rechten Oberarm und eine Chlamys, die über den linken herabfällt. Der dem Reiter nachfolgende Krieger ist wie der Kaiser bartlos und hat rund geschnittenes, voll herabhängendes Haar. Die Kleidung ist, soweit sich erkennen lässt, der des Kaisers ähnlich, nur fehlen die Edelsteine an den Schuhen und das Schwertgehänge. Am Halse bemerkt man ein an Schnüren hängendes Medaillon. Die Bewaffnung besteht aus der Lanze und einem Schilde, welcher mit einem einfachen Randornamente versehen ist und im Felde das Monogramm Christi zeigt. Unter den Füssen des Pferdes liegen ein gebuckelter Schild und Blätter.

Die Darstellung zeigt somit einen triumphirenden Kaiser, dem eine krönende Nike vorauseilt, ein Leibwächter folgt. Derartige Reiterbilder gehören zu den häufigeren römischen Münztypen. Das Pferd ist dort bald springend, bald schreitend dargestellt. Im ersteren Falle liegt unter seinen Vorderfüssen zumeist ein niedergeworfener Feind. Die Begleitung der Nike und eines oder mehrerer Soldaten ist auf derartigen Münzen mit der Umschrift *Adventus* oder *Victoria Augusti* ebenfalls häufig nachweisbar. Immer eilt die Nike voraus und der Krieger folgt, wie in unserem Rundbilde. In nachconstantinischer Zeit erhält sich der Reitertypus, sowol der mit dem springenden Pferde und dem niedergeworfenen Feinde, wie der des ruhig schreitenden Thieres bis etwa auf Theodosius II. Dagegen kommt die Begleitung von Nike und Krieger nur noch sehr vereinzelt vor z. B. auf einer Münze des Jovianus vom J. 363 [1]). Hier aber ist der Typus doch etwas variirt: statt des springenden ist das schreitende Pferd verwendet, statt der Nike geht der Krieger mit dem Labarum voraus und die Nike folgt. Die Silberschale von Kertsch greift wieder auf den altrömischen Typus zurück. Für die Composition

лѣвую руку хламида; правая рука ея въ верхней части украшена кольцомъ, а на скрученныхъ спереди въ узелъ волосахъ діадима. Слѣдующій за всадникомъ воинъ изображенъ, подобно императору, безбородымъ, съ густо ниспадающими волосами, остриженными въ скобку. Одежда его, по-видимому, похожа на облаченіе императора; недостаетъ только перевязи и драгоцѣнныхъ камней на башмакахъ. На шеѣ виденъ висящій на шнурахъ медальонъ. Вооруженіе состоитъ изъ копья и щита; послѣдній украшенъ по краю простымъ орнаментомъ, а по срединѣ монограммою Христа. Подъ ногами коня лежатъ выпуклый щитъ и листья.

Такимъ образомъ предъ нами изображеніе побѣдоноснаго императора, которому предшествуетъ увѣнчивающая его Ника и позади котораго слѣдуетъ тѣлохранитель. Подобныя изображенія всадниковъ принадлежатъ къ довольно часто встрѣчающимся римскимъ монетнымъ типамъ; на нихъ конь является то скачущимъ, то спокойно выступающимъ. Въ первомъ случаѣ подъ передними ногами обыкновенно лежитъ низверженный врагъ. Изображеніе всадника въ сопровожденіи Ники и одного или нѣсколькихъ воиновъ также часто является на такихъ монетахъ вмѣстѣ съ надписью Adventus или Victoria Augusti. Обыкновенно спереди выступаетъ Ника, а сзади идетъ воинъ, какъ на нашемъ блюдѣ. Послѣ Константина какъ типъ всадника на скачущемъ конѣ и съ поверженнымъ непріятелемъ, такъ и типъ всадника на спокойно выступающемъ конѣ, удерживается приблизительно до временъ Θеодосія II-го. Сопровождающіе же всадника Ника и воины являются уже только изрѣдка, какъ напр. на монетѣ Іовіана 363-го года [1]), но здѣсь типъ все-таки нѣсколько измѣненъ: скачущій конь замѣненъ спокойно выступающимъ, спереди идетъ воинъ съ хоругвью (labarum), Ника же слѣдуетъ сзади.

1) Ducange, familiae byz. p. 52.

also haben wir nicht weit nach der Tradition zu suchen: sie wiederholt einfach einen alten Münztypus. Anders was die Durchbildung der einzelnen Gestalten, insbesondere ihr Costüm anbelangt. Dafür bieten die Denkmäler keine so einfach nachweisbare Analogie. Um diese Frage zu lösen, forschen wir zunächst nach der Bedeutung des Denkmals und seiner Datirung.

Die Silberschale von Kertsch steht nicht vereinzelt da. Sie bildet das neue Glied einer Reihe von Denkmälern, die alle concave Kreisform haben, aus Silber bestehen und unter dem Namen *clipei*, *clipei votivi* oder Silberschilde bekannt sind. Bisher waren deren im Ganzen sieben bekannt:

1. Paris, 1656 bei Avignon in der Rhone gefunden. Relief: Antilochus führt dem Achill Briseis zu.

2. Paris, 1714 in der Dauphiné gefunden. Relief: ein unter einer Palme schreitender Löwe.

3. Wien, Kunsthistorisches Hofmuseum. Der bekannte Silberschild des Agrippa. Vergl. für 1—3 Arneth, Die antiken Gold- und Silbermonumente in Wien S. 67 ff.

4. Der Silberschild des Valentinian (364—75), 1721 bei Genf in der Arve gefunden, stark abgerieben, jetzt im Genfer Museum, mit 10 franz. Zoll Durchmesser. Auf der concaven Innenseite die Reliefdarstellung: der Kaiser mit Nimbus, im Panzer, das Schwert an der Seite, steht in Vorderansicht da, hält in der rechten Hand die Weltkugel, auf der Nike ihm zuschwebt, in der linken das Labarum. Zu beiden Seiten je drei Soldaten mit grossen Schilden und Lanzen. Das unterste Kreissegment ist mit Schild, Schwert und Helm gefüllt.

Керченское серебряное блюдо представляетъ поворотъ къ древне-римскому типу. Такимъ образомъ традиціонный сюжетъ, легшій въ основу композиціи, у насъ подъ рукою: это просто воспроизведеніе древняго монетнаго типа. Иное представляетъ намъ детальная отдѣлка каждой фигуры, особенно же костюма ихъ. На это памятники не даютъ намъ столь-же легко указываемыхъ аналогій. Для разрѣшенія этого вопроса разсмотримъ сначала значеніе памятника и датировку его.

Керченское серебряное блюдо не представляетъ единичнаго явленія: оно является лишь новымъ звеномъ цѣлаго ряда памятниковъ, которые всѣ имѣютъ круглую вогнутую форму, изъ серебра и извѣстны подъ именемъ clipei, clipei votivi или серебряныхъ щитовъ. Такихъ памятниковъ до сихъ поръ извѣстно было всего семь:

1. Въ Парижѣ, найд. въ 1656 году близь Авиньона въ Ронѣ, съ рельефнымъ изображеніемъ Антилоха, подводящаго Бризеиду къ Ахиллу.

2. Въ Парижѣ, найд. въ 1714 году въ Дофинé, съ рельефнымъ изображеніемъ выступающаго подъ пальмою льва.

3. Въ Вѣнскомъ дворцовомъ музеѣ изящныхъ искусствъ, извѣстный серебряный щитъ Агриппы. Ср. относительно № 1—3 соч. Arneth'a, Die antiken Gold-und Silbermonumente in Wien, стр. 67 и слѣд.

4. Серебряный щитъ (сильно потертый) Валентиніана (364—375), найд. въ 1721 году близь Женевы, въ р. Арвѣ; теперь находится въ Женевскомъ музеѣ. Имѣетъ въ поперечникѣ 10 франц. дюймовъ. На вогнутой внутренней сторонѣ его слѣдующее рельефное изображеніе: императоръ, обращенный прямо къ зрителю и украшенный нимбомъ, въ латахъ и съ мечомъ при бедрѣ, стоя держитъ въ правой рукѣ земной шаръ, на которомъ къ нему подлетаетъ Ника, а въ лѣвой хоругвь. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ по три

Umschrift: *Largitas D N Valentiniani Augusti.* C. I. L. XII 5697,5.

5. Der Silberschild des Theodosius vom J. 388 in Madrid, 1847 in Estremadura gefunden, mit $0{,}74^{m}$ Durchmesser. Relief: In einer dreiteiligen Arkade throut Theodosius mit seinen beiden Söhnen, alle drei durch Nimbus und Diadem ausgezeichnet und mit der, auf der Schulter durch eine reiche Agraffe zusammengehaltenen Kaiserlichen Chlamys bekleidet. Zu beiden Seiten je zwei Soldaten mit langem Haar, ohne Kopfbedeckung, mit einem grossen Schilde und der Lanze ausgerüstet. Theodosius übergiebt dem Chef einer Provinz das *liber mandatorum.* Im unteren Kreissegement eine im Grün gelagerte Frauengestalt mit Füllhorn und schwebenden Genien. Umschrift: D N *Theodosius perpet. Aug. ob diem felicissimum X*[1]). C. I. L. II 483.

6. Der Silberschild des *Aspar* vom J. 434 in den Uffizj zu Florenz, mit $0{,}41^{m}$ Durchmesser. Auf der Innenseite die Reliefdarstellung: In der Mitte sitzt auf einer Estrade der Consul, neben ihm steht sein Sohn, zu beiden Seiten Roma und Constantinopolis personificirt. Oben erscheinen in zwei Medaillons zwei Verwandte des Consuls. Das untere Kreissegement ist von Blättern, Schilden und einer viereckigen Tafel ausgefüllt. Umschrift: † Fl. *Ardabur Aspar vir illustris com. et mag. militum et consul ordinarius*[2]). C. I. L. XI 3637.

7. Der Silberschild von *Perugia*, 1717 zusammen mit Goldmünzen Justin's und Justinian's gefunden, heute verschollen, 2 *palmi* Durchmesser. Die Darstellung der Innenseite ist nach Vermiglioli[3]) «*travagliata a cesello*» d. h. eingeritzt. Innerhalb eines breiten glatten Randes und

воина, съ большими щитами и копьями. Нижній сегментъ круга занимаютъ щитъ, мечъ и шлемъ. Круговая надпись: *Largitas D N Valentiniani Augusti.* См. Corp. Inscr. Lat. XII, 5697,5.

5. Серебряный щитъ Θеодосія (388 г.) въ Мадридѣ, найд. въ 1847 г. въ Эстремадурѣ, 0,74 м. въ поперечникѣ. На немъ слѣдующее рельефное изображеніе: подъ трехсводчатой аркадой возсѣдаетъ на престолѣ Θеодосій съ двумя сыновьями своими; каждый изъ нихъ украшенъ нимбомъ и діадимой и облаченъ въ императорскую хламиду, которую на плечѣ сдерживаетъ роскошный аграфъ. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ по два воина длинноволосыхъ, съ непокрытыми головами, вооруженные копьями и большими щитами. Θеодосій передаетъ одному изъ областныхъ правителей liber mandatorum. Въ нижнемъ сегментѣ изображена лежащая на травѣ женская фигура съ рогомъ изобилія и парящими геніями. Надпись: *D N Theodosius perpet. Aug. ob diem felicissimum X* [1]). C. I. L. II, 483.

6. Серебряный щитъ Аспара (434 г.) въ флорентійскомъ Palazzo degli Uffizj, 0,41 m. въ поперечникѣ. По срединѣ изображенъ сидящій на эстрадѣ консулъ; рядомъ съ нимъ стоитъ сынъ его, по обѣ стороны помѣщены олицетворенныя Roma и Constantinopolis. Сверху, въ двухъ медальонахъ, изображены два родственника консула, а нижній сегментъ круга занимаютъ листья, щиты и четыреугольная плита. Надпись: † *Fl. Ardabur Aspar vir illustris com. et mag. militum et consul ordinarius*[2]). C. I. L. XI, 3637.

7. Серебряный щитъ Перуджійскій (нынѣ неизвѣстно гдѣ находящійся), найд. въ 1717 году вмѣстѣ съ золотыми монетами Юстина и Юстиніана, и имѣвшій 2 пяди [palmi] въ поперечникѣ. Рисунокъ на внутренней поверхности, по словамъ Вермильоли[3]) «travagliata a cesello», т. е. грави-

---

1) Delgado, Mem. hist. sopra el disco de Theodosio. Madrid 1819 a. a. O.
2) Bracci, Dissertazione sopra un clipeo votivo. Lucca 1771.
3) Vermiglioli, Antiche iscriz. Perugine (1834) II C. 608 ff. Taf. VII, 2.

der Umschrift sieht man einen in römischer Rüstung ohne Helm nach rechts sprengenden Reiter, der seine Lanze nach einem vor ihm gebückt fliehenden Feinde stösst und in der linken Hand das Schwert hält. Hinter ihm ein Baum. Umschrift: † *de donis dei et domni Petri utere felix cum gaudio*. C. I. L. XI 2088. De Rossi Bull. crist. 1873 p. 152 ff glaubt, dass der Schild ein Geschenk des Pabstes Vigilius an Belisar sei, als derselbe 537 Rom von den Gothen befreite.

Zu dieser Reihe von Silberschilden gesellt sich nun als achter derjenige von Kertsch. Er gehört nach Technik und Typus der Darstellung zusammen mit dem zuletzt aufgeführten von Perugia. Der Technik nach, denn auch seine Darstellung ist im Gegensatz zu den älteren, die im Relief gearbeitet sind, in den Grund eingeritzt, der Darstellung nach, denn, während der Schild des Valentinian den Kaiser wie häufig auf Münzen in statuarischer Haltung von seinen Leibwachen umgeben zeigt und die beiden Schilde aus den Jahren 388 und 434 sich an die Darstellungen der Consulardiptychen anlehnen, ahmt der Schild von Perugia, angeblich vom J. 537, wie derjenige von Kertsch, den Reitertypus älterer Münzen nach. Beide zeigen den vorwärts sprengenden Reiter mit Lanze und Schwert, ohne Helm. Der Schild von Perugia hält sich strenger an die Münztypen, sowol im Costüm, als in der Figur des unterliegenden Feindes. Der Baum ist wol nur raumausfüllend beigefügt. Der Schild von Kertsch zeigt eine mehr selbständige Umbildung des nachgewiesenen Münztypus. Dürften daher beide Denkmäler auch gleichzeitig entstanden sein, so muss sich immerhin ein triftiger Grund dieser Verschiedenheit geltend machen lassen. Er wird sich finden.

Es entsteht nun die Frage: lässt sich der auf unserem Schilde dargestellte Kaiser ohne Berücksichtigung der aus der Zusammenstellung

рованъ. Внутри широкой гладкой каймы и надписи изображенъ скачущій вправо всадникъ въ римскихъ доспѣхахъ, безъ шлема, направляющій копье свое въ бѣгущаго передъ нимъ наклонившагося врага и держащій въ лѣвой рукѣ мечъ. Позади всадника дерево. Надпись гласитъ: † *de donis dei et domni Petri utere felix cum gaudio*. См. C. I. L. XI, 2088. Де-Росси (Bull. crist. 1879, стр. 152 и слѣд.) полагаетъ, что щитъ этотъ подаренъ папою Вигиліемъ Велисарію, когда послѣдній въ 537 году освободилъ Римъ отъ Готовъ.

Къ этому ряду серебряныхъ щитовъ присоединяется теперь восьмой, Керченскій, который и по техникѣ и по типу изображенія принадлежитъ къ одному разряду съ Перуджійскимъ. По техникѣ потому, что помѣщенное на немъ изображеніе, въ противоположность болѣе древнимъ щитамъ, исполненнымъ рельефомъ, врѣзано въ поверхность, по типу же изображенія на томъ основаніи, что на щитѣ Валентиніана императоръ, какъ и на многихъ монетахъ, является въ статуйномъ видѣ, среди тѣлохранителей своихъ, а два щита 388 и 434 годовъ примыкаютъ къ изображеніямъ консульскихъ диптиховъ, тогда какъ на щитахъ Перуджійскомъ (его относятъ къ 537 году) и Керченскомъ мы видимъ подражаніе типу всадника древнихъ монетъ. На томъ и на другомъ изображенъ скачущій всадникъ съ копьемъ и мечомъ, безъ шлема. Перуджійскій щитъ строже придерживается монетныхъ типовъ, какъ въ отношеніи костюма, такъ и въ отношеніи фигуры поверженнаго на землю врага. Дерево вѣроятно прибавлено лишь для пополненія пустого пространства. Керченскій щитъ отличается большею самостоятельностью въ видоизмѣненіи указаннаго монетнаго типа. Если оба памятника, можетъ быть, и появились одновременно, то все-таки должно будетъ найти убѣдительную причину такого различія. Она и окажется.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: возможно-ли опредѣлить императора, изображеннаго на нашемъ щитѣ, не принимая въ соображеніе время

mit den anderen Silberschilden resultirenden Entstehungszeit bestimmen und wenn nicht, lässt sich die Entstehungszeit des Schildes noch nach anderen Merkmalen der Darstellung feststellen? Ich glaube wir dürfen es wagen den Kaiser ikonographisch zu bestimmen. Das lange volle Oval des Gesichtes, Augen, Mund, Nase, insbesondere auch das stark markirte Kinn kehren genau so wieder in den bekannten Mosaikbildern des Justinian in Ravenna. In dem einen, dem Dedicationsbilde im Chor von *S. Vitale* (Taf. II, 1) ist Justinian jünger und dem Typus unseres Schildes entsprechender aufgefasst, in dem zweiten, einem Mosaikfragmente der *Capella tutti Santi in S. Apollinare nuovo* (Taf. II, 2) welches sich ehedem neben dem Restaurator der Kirche Erzbischof Agnellus an der Innenseite der Eingangswand der Basilica befand, ist Justinian älter gegeben. Dieses letztere Bild fällt denn auch in die Zeit 553—65, das Mosaik von *S. Vitale* dagegen dürfte älter sein als das J. 547, in welchem die Kirche geweiht wurde. Somit wäre der Silberschild aus Kertsch innerhalb der Jahre 527—547 entstanden.

Ich gebe gern zu, dass diese ikonographische Datirung nicht über allen Zweifel erhaben ist. Immerhin aber möchte ich daran erinnern, dass schon Crowe und Cavalcaselle[1]) auf die in den Mosaikbildern angestrebte Portraitähnlichkeit hingewiesen haben: «Justinians dünne Nase», sagen sie zu dem Kopfe von *S. Vitale*, «sein übellauniger Mund, die eckigen Brauen und die mit losem Haar bedeckte breite Stirn sprechen deutlich für Nachahmung der Natur»[5]). Doch wir sind glücklicherweise bei dem Versuche die Schale zu datiren nicht auf den Kopftypus des Kaisers allein angewiesen. Es kommt dabei vor Allem noch der Leibwächter in Betracht.

изготовленія Керченскаго памятника, указываемое сопоставленіемъ его съ другими серебряными щитами; если же это невозможно, то нельзя-ли опредѣлить время изготовленія щита на основаніи еще другихъ данныхъ изображенія? Мнѣ кажется, что мы можемъ попытаться опредѣлить императора иконографическимъ способомъ. Длинный полный овалъ лица, глаза, ротъ, носъ, въ особенности же рѣзко очерченный подбородокъ являются въ такомъ-же точно видѣ на извѣстныхъ мозаичныхъ изображеніяхъ Юстиніана въ Равеннѣ. На одномъ изъ нихъ, посвятительномъ изображеніи въ церкви св. Виталія (табл. II, 1) Юстиніанъ является болѣе молодымъ и болѣе соотвѣтствуетъ типу нашего щита, на другомъ, мозаичномъ фрагментѣ капеллы tutti Santi въ S. Apollinare nuovo (табл. II, 2), прежде находившемся возлѣ реставратора церкви архіепископа Агнелла на внутренней сторонѣ входной стѣны базилики, Юстиніанъ изображенъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Это послѣднее изображеніе относится къ 553—565 годамъ, мозаика же S. Vitale можетъ быть древнѣе 547 года, въ которомъ церковь была освящена. Такимъ образомъ Керченскій щитъ могъ быть изготовленъ въ теченіи 527—547 годовъ.

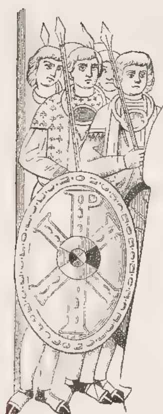
Охотно готовъ согласиться, что эта иконографическая датировка не можетъ считаться несомнѣнною, но все-таки не могу не напомнить при этомъ, что уже Кроу и Кавалькaзелле указали на портретное сходство, котораго художники пытались достигнуть въ мозаичныхъ изображеніяхъ. «Юстиніановъ тонкій носъ», разсуждаютъ они о головѣ въ S. Vitale, «угрюмое выраженіе рта, угловатыя брови и широкій, покрытый распустившимися волосами, лобъ ясно свидѣтельствуютъ о подражаніи природѣ»[1]). Но при попыткѣ опредѣлить дату блюда, намъ къ счастью не приходится ограничиваться лишь типомъ головы императора. Главнымъ образомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе еще и тѣлохранителя.

1) Gesch d. ital. Malerei ed. Jordan I, S. 25.

Werfen wir einen Blick auf die Münze des Jovianus. Der dort dem Kaiser voranschreitende Krieger hat den Helm auf dem Haupte, trägt wahrscheinlich den Harnisch und die Chlamys, hat nackte Beine und hält in der Linken das Labarum. Er ist wie auch auf allen römischen Münzen ein Vertreter des siegreichen Heeres. Anders auf unserem Schilde. Hier folgt er dem Kaiser ohne Harnisch nach und ist unbedeckten Hauptes. Genau so findet er sich wieder auf dem Fragment eines Diptychons in der K. Staatsbibliothek zu München aus Julian's Zeit[1]) auf dem oben erwähnten Silberschilde des Valentinian, auf dem Obelisken des Theodosius, der heute noch den Atmeidan zu Konstantinopel schmückt,[2]) auf dem oben erwähnten Silberschilde desselben Kaisers vom J. 388, auf einem undatirten Diptychon zu Halberstadt[3]), auf dem Dedicationsbilde des Justinian in *S. Vitale* und ebenso noch in mittelbyzantinischer Zeit z. B. wiederholt in dem zur Zeit des Basilius Macedo zwischen 879—86 geschriebenen Gregorios Theologos der pariser Nationalbibliothek (fonds gr. 510), wo zwei dieser Krieger fol. 215^{v} neben dem Throne des Salomo und fol. 374^{v} neben dem, einem Opfer beiwohnenden Julian[4]) auftreten. In allen diesen Fällen ist der Krieger ein kaiserlicher Leibwächter, *domesticus* oder *protector* genannt[5]). Seine Tracht besteht immer aus einem kurzen Leibrocke mit Stickereien und einer Halskette mit Bulla, das Zeichen seiner vornehmen Geburt[6]). Sein Haupt ist stets unbedeckt. Seine Ausrüstung bildet immer ein grosser Schild und die Lanze. Einen solchen *protector* stellt nun auch Zug für Zug der Krieger unseres Schildes dar und das Merkmal, welches für die engere Datirung herangezogen werden kann, ist die Ausstattung seines Schildes. Für gewöhnlich

Взглянемъ на монету Іовіана. Выступающій тамъ передъ императоромъ воинъ, съ шлемомъ на головѣ, изображенъ по-видимому въ латахъ и хламидѣ, съ босыми ногами, и держитъ въ лѣвой рукѣ хоругвь. Какъ и на всѣхъ другихъ римскихъ монетахъ, онъ является представителемъ побѣдоноснаго войска. Не то мы видимъ на нашемъ щитѣ. Здѣсь онъ слѣдуетъ за императоромъ безъ латъ и съ непокрытой головой. Въ такомъ-же точно видѣ онъ является на фрагментѣ диптиха Юліанова времени въ королевской Мюнхенской государственной библіотекѣ[1]), на вышеупомянутомъ серебряномъ щитѣ Валентиніана, на обелискѣ Θеодосія, нынѣ украшающемъ Константинопольскій Атмейданъ[2]), на указанномъ выше серебряномъ щитѣ того-же императора (388 года), на недатированномъ складнѣ въ Гальберштадтѣ[3]), на посвятительномъ изображеніи Юстиніана въ S. Vitale; затѣмъ воспроизведенъ и въ средневизантійское время, напр. въ писанномъ при Василіи Македонянинѣ (между 879—886 год.) кодексѣ Григорія Богослова парижской національной библіотеки (fonds gr. 510), гдѣ два такихъ воина на оборотѣ 215-го листа являются возлѣ престола Саломонова, а на оборотѣ 374-го листа рядомъ съ присутствующимъ при жертвоприношеніи Юліаномъ[4]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ воинъ—императорскій тѣлохранитель, называвшійся domesticus или protector[5]). Костюмъ его всегда состоитъ изъ короткаго съ шитьемъ кафтана и шейной цѣпочки съ буллой, знакомъ его знатнаго происхожденія[6]). Голова его всегда непокрыта. Вооруженіе его состоитъ постоянно изъ копья и большого щита. Такого-то protector'а вполнѣ изображаетъ воинъ нашего щита, и отличительною чертою, которою можно восполь-

1) W. Meyer, Zwei antike Elfenbeintafeln d. K. Staatsbibl. zu München. Tafel III.
2) d'Agincourt, Sculptur pl. X.
3) W. Meyer a. a. O., S. 63, № 4.
4) Abg. bei Bordier, Description des peintures etc., p. 85.
5) W. Meyer a. a. O., S. 47.
6) Vgl. Ficoroni, la bolla d'oro. Roma 1732 und Pauly Realencyclopädie s. v.

hat derselbe Schild nämlich in der Mitte einen einfachen Buckel; das Monogramm Christi, wie es auf unserem Schilde vorkommt, lässt sich nur noch in dem Mosaik Justinian's, in *S. Vitale* nachweisen u. zw. ist die Form genau dieselbe mit dem geschlossenen P. (Taf. III u. d. beif. Zinkogr.) Auch das Randornament ist fast das gleiche. Somit bestätigt dieses Detail die oben versuchte Datirung. Fassen wir zusammen, so weisen alle geltend gemachten Merkmale auf die ersten Regierungsjahre des Justinian: die Ähnlichkeit der Technik und des Bildtypus mit dem Schilde von 537, die Übereinstimmung des Kopftypus und des Protectors mit dem Mosaik von *S. Vitale*.

зоваться при датировкѣ, служитъ украшеніе его щита. Обыкновенно на срединѣ щита является простая выпуклость; монограмма же Христа, помѣщенная на щитѣ нашего воина, встрѣчается еще только на Юстиніановой мозаикѣ въ S. Vitale, на которой притомъ мы находимъ точно такое-же вставленное P. (см. табл. III и прил. цинкогр.) Да и орнаментъ, идущій по краю щита, почти такой-же. Эта деталь подтверждаетъ, слѣдовательно, вышепредложенную датировку. Такимъ образомъ всѣ вышеприведенныя данныя указываютъ на первые годы царствованія Юстиніана: сходство техники и типа изображенія съ щитомъ 537 года, и соотвѣтствіе типа головы и протектора мозаикѣ въ S. Vitale.

Wir wenden uns nun der Besprechung der Hauptfrage, welche die Betrachtung des Silberschildes von Kertsch anregt, der nach dem Costüm zu. Zunächst könnte man auf den Gedanken kommen, dass das Reiterbild einem berühmten Standbilde Justinian's auf dem *Augusteum*, jenem imposanten Platze nachgebildet sei, welcher inmitten der kaiserlichen Paläste zwischen Sophien-Kirche und Hippodrom lag. Dort stand auf einer, wie die Vendômesäule in Paris, mit Erz bekleideten Säule, die Reiterstatue Justinian's, der *Augusteos* genannt, von der Prokopius und spätere Schriftsteller ausführliche Beschreibungen hinterlassen haben[1]). Daraus ergibt sich, dass die Darstellung unseres Schildes von dem Typus des Standbildes völlig abweicht. Das Pferd gleich war dort schreitend, hier ist es springend darge-

Займемся теперь обсужденіемъ главнаго вопроса, возникающаго при разсмотрѣніи Керченскаго серебрянаго щита, т. е. вопроса о костюмѣ. Прежде всего можно бы было подумать, что фигура всадника воспроизводитъ знаменитую статую Юстиніана на Augusteum'ѣ, величественной площади, лежавшей посреди императорскихъ дворцовъ между Софійскимъ соборомъ и ипподромомъ. Тамъ, на окованной мѣдью колоннѣ (въ родѣ Вандомской въ Парижѣ), возвышалась конная статуя Юстиніана, такъ называемая Augusteos, подробно описанная Прокопіемъ и позднѣйшими писателями[1]). Изъ этихъ описаній оказывается, что изображеніе нашего щита совершенно отличается отъ типа этой статуи. На послѣдней конь выступаетъ спокойно, на нашемъ же щитѣ онъ скачетъ. Но что и такой типъ не былъ чуждъ

---

1) Procop de aedif. I, 2, ed. Bonn., III, p. 181. Alle Berichte zusammengestellt bei Unger, Quellen S. 137 ff.

stellt. Dass aber auch dieser Typus den byzantischen Bildhauern nicht fremd war, zeigt die prächtige Elfenbeinschnitzerei der barberinischen Bibliothek zu Rom, ein Kaiserdiptychon, in dessen Mittelfelde der Kaiser zu Pferd dargestellt ist (Taf. V)[1]. Das Costüm des Reiterbildes des Justinian bezeichnet Prokopius als das des Achilleus d. h. gepanzert, mit Helm, Schuhen und nackten Knieen, während der Reiter unseres Schildes Diadem, Rock und Hosen trägt. Werfen wir auch hier einen vergleichenden Blick auf das barberinische Kaiserrelief, so zeigt sich, dass der Kaiser dort zwar antikes Costüm wie der *Augusteos*, dafür aber das Diadem, wie auf dem Silberschilde von Kertsch hat. Und zu diesen zarten Fäden, welche die beiden Werke der Kleinkunst verbinden, gesellen sich noch andere. Wie auf unserem Schilde sitzt der Kaiser auch auf der Elfenbeintafel im Profil und hält den Kopf in Vorderansicht; zur Bewaffnung gehört in beiden Fällen die Lanze in der rechten Hand. Wir überzeugten uns oben, dass die Composition unserer Darstellung—der Kaiser zu Pferd in der Mitte, die Nike voraus, ein Krieger folgend—nichts anderes als die Nachbildung eines Münztypus sei. Werfen wir nun einen Blick auf die Barberini-Tafel, so zeigt sich, dass auch dort dem Kaiser die Nike vorausschwebt und ein Krieger folgt. Somit müssen wir zwar jeden Bezug der Silberschale auf das Reiterstandbild des Justinian läugnen, dafür aber in dem barberinischen Diptychon eine wertvolle ältere Analogie unserer Darstellung anerkennen.

Nur das Costüm auf der Silberschale weicht völlig sowol von dem des *Augusteos* wie von dem des Kaiserdiptychons ab. Das muss um so mehr auffallen, als der *Augusteos* doch ungefähr gleichzeitig mit unserer Schale entstanden ist. Dieser Umstand leitet auf wesentliche Charaktereigenschaften der byzantinischen Kunst. Während nämlich die Architektur des Ostreiches, wie es

1) Abg. bei Gori, Thes. vet. dipt. II, tav. 1.

византійскимъ ваятелямъ, это доказываетъ прекрасно исполненная по слоновой кости рѣзьба въ Барберинской библіотекѣ въ Римѣ, на императорскомъ диптихѣ (табл. V), на средней части котораго изображенъ императоръ верхомъ[2]). Костюмъ конной статуи Юстиніана Прокопій называетъ Ахиллесовымъ, т. е. разумѣетъ подъ этимъ латы, шлемъ, башмаки и обнаженныя колѣна, тогда какъ на всадникѣ нашего щита діадима, кафтанъ и штаны. Если мы и тутъ бросимъ взглядъ на барберинскій рельефъ, то увидимъ, что хотя тамъ на императорѣ и античный костюмъ, какъ на Augusteos'ѣ, но въ тоже время на немъ и діадима, какъ на Керченскомъ щитѣ. Къ этимъ тонкимъ нитямъ, связующимъ оба произведенія мелкаго искусства, присоединяются еще другія. Какъ на нашемъ щитѣ, такъ и на складнѣ барберинскомъ, императоръ изображенъ въ профиль, но обратившимъ лицо прямо къ зрителю; и тутъ и тамъ оружіемъ является копье въ правой рукѣ. Мы убѣдились выше, что сюжетъ нашего изображенія— императоръ на конѣ по срединѣ, съ Никою впереди и воиномъ позади—не что иное, какъ воспроизведеніе монетнаго типа. Взглянувъ на барберинскій складень, мы видимъ, что и на немъ предъ императоромъ паритъ Ника, а позади его идетъ воинъ. Такимъ образомъ мы должны отвергнуть всякую связь серебрянаго сосуда съ конной статуей Юстиніана, но, взамѣнъ этого, признать въ барберинскомъ складнѣ драгоцѣнную, болѣе древнюю аналогію нашего изображенія.

Одинъ только костюмъ на Керченскомъ серебряномъ сосудѣ рѣшительно не сходится съ костюмомъ ни Augusteos'а, ни императорскаго складня. Это тѣмъ поразительнѣе, что Augusteos вѣдь почти современенъ нашему сосуду. Это обстоятельство указываетъ на существенныя характерныя особенности византійскаго искусства. Дѣло въ томъ, что архитектура Восточной импе-

scheint, vornehmlich von Künstlern geleitet wird, die aus den asiatischen und africanischen Provinzen stammten, blieb die statuarische Plastik während ihres Bestandes in altbyzantinischer Zeit im Zusammenhange mit Westrom. Antike Bildwerke wurden in solcher Masse nach Constantinopel geschafft, dass, wie Eusebius sich ausdrückt, die Stadt völlig angefüllt wurde mit dem, was im ganzen Heidentume durch kunstvolle Bearbeitung des Erzes geheiligt war. Diese Überschwemmung durch den Import behinderte die Entwicklung einer kräftigen byzantinischen Plastik und es ist begreiflich, wenn z. Z. Justinians ein Eustathius von Rom als Verfertiger einer Justiniansstatue im Hippodrom genannt wird. So mag auch der *Augusteos*, allen Fabeleien zum Trotz, vielleicht auf denselben Eustathius zurückgehen. Und wenn dies auch nicht der Fall wäre d. h. wenn das Achilleuscostüm desselben auch nicht auf die Rechnung des Römers zu setzen wäre, so beweisen die Münztypen und z. B. die Miniatur der Marciana, in der Kaiser Basilius II (963—1025) verherrlicht wird, dass der römische Panzer in Byzanz nie ganz bei Darstellung der Kaiser abgekommen ist.

Im Allgemeinen aber hört die Darstellung der Kaiser im Achilleus-Costüm schon im 5. Jahrh. auf. An seine Stelle treten neue zum Teil schon von den römischen Kaisern, insbesondere von Diocletian vom Orient übernommene Trachten auf, die dann auch wieder die Ausstattung der alten römischen Gewänder beeinflussen, so dass die Kleidung zur Zeit des Theodosius in Byzanz einen völlig eigenartigen, eben den byzantinischen Charakter angenommen hat. An Stelle der Toga ist als Modekleid die Chlamys getreten, an deren Einsatz, Farbe und Fiebel man die Rangklassen erkennen konnte. In ihr erscheinen schon Valens und Valentinian auf ihren Goldmedaillons[1]), Theodosius mit seinen Söhnen sowol auf dem Silber-

dіи, повидимому, находилась въ рукахъ преимущественно такихъ художниковъ, которые были родомъ изъ азіятскихъ и африканскихъ областей, тогда какъ статуйная пластика въ древне-византійскія времена оставалась въ связи съ западно-римскою. Античныя изваянія привозились въ Константинополь въ такомъ количествѣ, что, по словамъ Евсевія, городъ былъ переполненъ искуснѣйшими мѣдными изваяніями, которыя почитались священными во всемъ языческомъ мірѣ. Такое изобиліе ввозныхъ произведеній затрудняло развитіе могучей византійской пластики, и намъ становится понятнымъ, почему во времена Юстиніана какой-то Евстаѳій римскій называется изготовителемъ Юстиніановой статуи на ипподромѣ. Такимъ образомъ, можетъ быть, и Augusteos, на перекоръ всѣмъ побасенкамъ, произведеніе того-же самаго Евстаѳія. Но если бы этого даже и не было, т. е. если бы Ахиллесовъ костюмъ его и нельзя было отнести на счетъ Римлянина, то все-таки монетные типы и напр. миніатюра Марціаны, прославляющая императора Василія II-го (963—1025), доказываютъ, что въ Византіи римскія латы, при изображеніи императоровъ, никогда вполнѣ не выходили изъ употребленія.

Вообще же изображеніе императоровъ въ Ахиллесовомъ костюмѣ прекращается уже въ 5-мъ столѣтіи. Взамѣнъ его начинаютъ появляться новые (отчасти заимствованные уже римскими императорами, въ особенности Діоклетіаномъ) восточные костюмы, которые затѣмъ опять повліяли на убранство древнихъ римскихъ одеждъ, такъ что во времена Ѳеодосія одежда въ Византіи приняла совершенно своеобразный, т. е. византійскій характеръ. Вмѣсто тоги моднымъ платьемъ является хламида, по прошивкѣ, цвѣту и фибулѣ которой можно было различать классы должностныхъ лицъ. Въ ней появляются уже Валентъ и Валентиніанъ на золотыхъ медальонахъ[1]), Ѳеодосій съ своими сыновьями какъ на

1) Jahrbuch der Kunstsammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses XI, № 354 — 56, Taf. III und IV; Fröhner, Les médaillons de l'empire romain p. 328 ff.

schilde vom J. 388, wie auf dem Fussgestell des Obelisken vom J. 391, und so auch Justinian in beiden ravennatischen Mosaiken. Unter der Chlamys nun wird vom Kaiser und den obersten Hofchargen dasjenige Gewandstück getragen, welches Justinian auf unserem Silberschilde anhat. Man kann es sehr deutlich schon auf einem Goldmedaillon des Valens und Valentinian im Wiener Kunsthistorischen Hofmuseum [1]) und auf dem Silberschilde des Theodosius an Honorius und Arkadius erkennen. Die Kaiser lassen dadurch, dass sie die Chlamys mit der linken Hand zurückschieben, das Untergewand hervortreten. Wie auf unserem Schilde besteht der Schmuck desselben aus einer Bordüre am Ärmel, einem kreisrunden Stück auf der Schulter und, soweit erkennbar, den beiden die Brust, wie der alte *clavus*, herablaufenden Streifen. Wie auf unserem Schilde tragen auch Valens und Valentinian und die Söhne des Theodosius darüber einen reichen Gürtel [2]). Nicht minder deutlich tritt wenigstens an Ärmeln, Schultern und am unteren Gewandsaume der gleiche Schmuck, dazu der Gürtel, an den ravennatischen Mosaiken hervor. Ich könnte die Beispiele sehr zahlreich beibringen, beschränke mich aber, da uns die Literatur überzeugendes Beweismaterial zuführen wird, darauf, auf das Reiterbild des Valens auf einem der oben citirten Medaillons und eine Art Replik des Reiters unseres Schildes in dem Gregor von Nazianz der Pariser Bibliothek aus der Zeit des Basilius Macedo hinzuweisen. Dort sieht man auf Fol. 440ʳ oben die Schlacht an der milvischen Brücke dargestellt. Konstantin ist wie unser Justinian auf dem nach rechts hin sprengenden Pferde (Schimmel) dargestellt, die Krone auf dem Haupte, mit Rock, Hosen, Schuhen und Chlamys bekleidet, in der rechten Hand die Lanze, in der linken die Zügel haltend.

серебряномъ щитѣ 388-го года, такъ и на пьедесталѣ обелиска 391-го года, наконецъ Юстиніанъ на двухъ равеннскихъ мозаикахъ. Подъ хламидою императоръ и старшіе придворные чины носятъ ту одежду, которую мы видимъ на Юстиніанѣ нашего серебрянаго щита. Она очень ясно видна уже на золотомъ медальонѣ Валента и Валентиніана въ Вѣнскомъ дворцовомъ музеѣ изящныхъ искусствъ [1]) и на серебряномъ щитѣ Өеодосія на Гоноріи и Аркадіи. Отодвигая хламиду лѣвою рукою, императоры обнаруживаютъ свою исподнюю одежду. На ней, какъ на нашемъ щитѣ, украшеніе состоитъ изъ оторочки на рукавѣ, круглой фигуры на плечѣ и, какъ кажется, двухъ полосокъ, спускающихся по груди, на подобіе древняго clavus'а; поверхъ ея, какъ на нашемъ щитѣ, у Валента и Валентиніана, равно какъ и у сыновей Өеодосія, повязанъ роскошный поясъ [2]). Столь-же ясно видны, по крайней мѣрѣ на рукавахъ, плечахъ и нижнемъ краѣ одежды, подобныя-же украшенія и поясъ на равеннскихъ мозаикахъ. Я могъ бы привести еще множество другихъ примѣровъ, но, въ виду болѣе доказательныхъ матеріаловъ литературныхъ, ограничусь указаніемъ на конную статую Валента, изображенную на одномъ изъ вышеприведенныхъ медальоновъ, и на изображеніе въ родѣ повторенія всадника нашего щита въ соч. Григорія Назіанзена (въ Парижской библіотекѣ), временъ Василія Македонина. Тамъ на лиц. сторонѣ 440-го листа вверху изображена битва у Мильвійскаго моста. Константинъ представленъ, подобно нашему Юстиніану, на скачущемъ вправо (бѣломъ) конѣ, съ короною на головѣ, въ кафтанѣ, штанахъ, башмакахъ и хламидѣ, и держитъ въ правой рукѣ копье, въ лѣвой поводья. Хламида развѣвается позади его и позволяетъ видѣть почти всю исподнюю одежду. Видны еще коймы на рукавахъ, clavus и полосы на нижнемъ краѣ одежды; пле-

1) Jahrbuch a. a. O., № 356; Fröhner S. 329.
2) Vgl. die Detailzeichnung bei Weiss, Kostümkunde II, S. 87 ff.

Die Chlamys flattert hinter ihm her und lässt das Untergewand fast vollständig hervortreten: die Armbordüren, der *clavus* und die Streifen am unteren Rande sind noch da, der Schulterschmuck ist in eine mit dem *clavus* verbundene Rosette übergegangen [1]).

Weiter als die Denkmäler führen uns die litterarischen Nachrichten. Ich finde augenblickilch weder in meiner Erinnerung, noch in den Notizen ein Denkmal, in dem ein Kaiser in diesem reichverzierten Rocke, aber ohne die Chlamys erschiene. Das könnte auffallen, wenn uns das Ceremonialbuch des Konstantin Porphyrogenitus nicht darüber belehrte, dass die Kaiser öfter, sogar öffentlich in diesem Rocke ohne Chlamys auftreten. Einige Beispiele.

Nachdem die Kaiserin Ariadne im J. 491 den Anastasius zum Kaiser erwählt und dieser den Eid geleistet hatte, begab er sich in das Triklinium des Hippodroms. Hier nun, heisst es, ἐφόρεσεν στιχάριν διβητήσιν αὐροκλαβον καὶ ζωνάριν καὶ τουβία καὶ καμπάγια βασιλικά. So bestieg er das Kathisma des Hippodroms und wurde vor allem Volk auf den Schild erhoben, wobei ihm der καμπιδούκτωρ τῶν λαγκιαρίων τὸ ἴδιον μανιάκιν, sein eigenes Halsband, auf's Haupt legte. Dann erst, nachdem er wieder in das Triklinium zurückgekehrt war, legte ihm der Bischof die kaiserliche Chlamys um [2]). Dargestellt sind solche Scenen der Schilderhebung öfter, am besten im Cod. Reg. 1 der Vaticana Fol. 281[5] aus dem 9. Jahrh. — Es kann kein Zweifel sein, dass das Dibitision, welches Anastasius dabei trug, das rockartige Gewand Justinian's auf unserem Schilde ist; dazu passen zu genau die Zusätze στιχάριν, das eng am Körper liegende, und vor Allem αὐρόκλαβον, dem der Silberarbeiter auf dem Schilde dadurch einen besonderen Nachdruck gab, dass er die Ornamentstücke tatsächlich am Rande vergoldete. Auch im Übrigen war Anastasius wie der Justinian

чевое украшеніе перешло въ соединенную съ clavus'омъ розетку [1]).

Ближе, чѣмъ памятники, знакомятъ насъ съ дѣломъ литературныя свѣдѣнія. Въ данную минуту я не припоминаю и не нахожу въ своихъ замѣткахъ памятника, на которомъ императоръ былъ бы изображенъ въ такомъ разукрашенномъ кафтанѣ, но безъ хламиды. Это могло бы показаться страннымъ, если бы сочиненіе Константина Порфиророднаго о церемоніяхъ не сообщало намъ, что императоры довольно часто, даже публично, являлись въ такомъ кафтанѣ, безъ хламиды.

Такъ напр., въ 491 г., когда императрица Аріадна избрала императоромъ Анастасія, послѣдній, по принесеніи присяги, отправился въ триклиній ипподрома. Здѣсь-то, говоритъ историкъ, ἐφόρεσεν στιχάριν διβητήσιν αὐρόκλαβον καὶ ζωνάριν καὶ τουβία καὶ καμπάγια βασιλικά. Въ такомъ видѣ онъ взошелъ на каѳисму ипподрома и предъ всѣмъ народомъ былъ поднятъ на щитъ, при чемъ καμπιδούκτωρ τῶν λαγκιαρίων τὸ ἴδιον μανιάκιν, свое собственное ожерелье, возложилъ ему на голову. Затѣмъ, лишь по возвращеніи его въ триклиній, епископъ облекъ его въ императорскую хламиду [2]). Подобныя сцены поднятія на щитѣ изображены довольно часто, лучше всего въ относящемся къ 9-му стол. Ватиканскому Cod. Reg. 1, на 281-мъ листѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что διβητήσιον, который при этомъ былъ на Анастасіи, та кафтанообразная одежда, въ какой Юстиніанъ изображенъ на нашемъ щитѣ. Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ добавленія στιχάριν (плотно прилегавшее къ тѣлу) и, болѣе всего, αὐρόκλαβον, которому изготовитель нашего сосуда придалъ особенное значеніе тѣмъ, что орнаменты по краю въ самомъ дѣлѣ позоло-

1) Vgl. eine gute Abbildung bei A. C. Уваровъ «Византійскій альбомъ» I, I (1890), таб. XXI.

2) Konst. Porph. de cer. ed. Bonn. I, p. 423.

des Schildes gekleidet: er trug das ζωνάριον den Gürtel, τουβία Hosen und καμπάγια βασιλικά d. h. purpurne und edelsteinbesetzte Schuhe. Dazu den μανιάκης auf dem Haupte.

Auch der *Caesar* und *Nobilissimus* sind nur mit dem *Dibitision* und den καμπότουβα bekleidet, wenn sie zur Promotion vor den Kaiser treten, der ihnen dann ihre neuen Abzeichen umlegt[1]). Erst der Kuropalata erhält mit der Chlamys auch das Dibitision als Abzeichen seines Ranges[2]). Caesar, Nobilissimus und Kuropalata bilden die 16., 17. und 18. d. h. die obersten Rangsclassen am byzantinischen Hofe[3]). Den folgenden kommt das eigentliche Dibitision überhaupt nicht mehr zu. Der Magister z. B., die 14. Rangsklasse—die 15. nimmt die ζώστη πατρικία ein — erhält als Abzeichen ein στιχάριον und βαλτίδιον[4]).

Der Kaiser nun trägt das Dibitision auch sonst während seiner Regierung öfter ohne die Chlamys. Es scheint, dass das Dibitision das eigentliche Hauskleid war, wenigstens trägt der Kaiser nur diesen Rock, wenn er sich z. B. bei der grossen Procession in die Sophia in den Koiton der Daphne zurückzieht oder wenn er sich nach der Feier seines Geburtstages zum Gastmahl begibt[5]). Weiter aber trägt der Kaiser das Dibitision ohne Chlamys auch bei Triumphzügen. Am Tage Christi Himmelfahrt begibt er sich mit dem Skaramangion bekleidet zum goldenen Thore, gürtet dort sein Schwert um, legt ein Halsband an und begiebt sich so, reitend jedenfalls, nach der Kirche der Theotokos τῆς πηγῆς, die er im weissen Dibitision betritt[6]). Der Kaiser Nikephoros

тилъ. Да и остальная одежда на Анастасіи была такая-же, какая на Юстиніанѣ нашего щита, какъ то: ζωνάριον поясъ, τουβία штаны и καμπάγια βασιλικά, т. е. пурпуровые съ драгоцѣнными камнями башмаки. Кромѣ того, на головѣ μανιάκης.

Caesar и Nobilissimus также одѣты лишь въ διβητήσιον и καμπότουβα, являясь для повышенія въ чинѣ предъ императоромъ, который затѣмъ возлагаетъ на нихъ новые знаки отличія[1]). Только куропалатъ вмѣстѣ съ хламидой получаетъ и διβητήσιον, какъ знакъ отличія своего чина[2]). Caesar, Nobilissimus и Kuropalata составляютъ 16-ый, 17-ый и 18-ый, т. е. высшіе чины при византійскомъ дворѣ[3]). Слѣдующимъ чинамъ вообще уже не дается настоящій διβητήσιον. Магистръ, напр., принадлежавшій къ 14-му классу (15-ый занимаетъ ζώστη πατρικία), получаетъ въ знакъ отличія στιχάριον и βαλτίδιον[4]).

Императоръ, во время своего царствованія, носитъ διβητήσιον и при другихъ случаяхъ довольно часто безъ хламиды. Повидимому διβητήσιον былъ настоящею домашнею одеждою. По крайней мѣрѣ императоръ является только въ этомъ кафтанѣ, когда онъ напр., при большой процессіи въ Софію, возвращается въ κοιτών Дафны, или когда послѣ празднованія дня своего рожденія отправляется на пиршество[5]). Затѣмъ однакоже императоръ носитъ διβητήσιον, безъ хламиды, и при тріумфальныхъ шествіяхъ. Въ день праздника Вознесенія Господня онъ въ скарамангіонѣ отправляется къ Золотымъ воротамъ, опоясывается тамъ мечомъ, надѣваетъ на себя ожерелье и въ такомъ видѣ, во всякомъ случаѣ верхомъ, ѣдетъ въ церковь Богоматери Живоноснаго источника, въ которую входитъ въ бѣломъ διβητήσιον'ѣ[6]). Императоръ Никифоръ

1) Ebenda, p. 219 und 227.
2) Ebenda, p. 230.
3) Ebenda, p. 711 ff.
4) Ebenda, p. 233 und 235.
5) Ebenda, p. 21 und 277.
6) Ebenda, p. 188 ff.

Phokas (963—969) ritt bei seinem Einzuge vom goldenen Thore nach der Kirche der Muttergottes am Forum, legte dort τὸ διβητήσιον καὶ καμπάγια καὶ χαμπότουβα [1]), also das Costüm unseres Schildes an und schritt dann in feierlicher Procession weiter nach der Sophienkirche.

Ich denke diese Belege genügen um zu beweisen, dass das Costüm, welches Justinian auf dem Silberschilde von Kertsch trägt, nur insofern etwas Auffallendes hat, als es auf Denkmälern selten vorkommt. Der Silberschild von Kertsch ist deshalb nur um so wertvoller. Vielleicht wird sich auf Grund des Costüms sogar feststellen lassen, zu welcher festlichen Gelegenheit er verfertigt wurde. Der Silberschild des Theodosius feiert den 10. Jahrestag der Thronbesteigung des Kaisers, der des Aspar das Consulat desselben, der von Perugia wurde nach De Rossi vielleicht dem Belisar im J. 537 für die Befreiung Rom's verliehen. Bei irgend einem festlichen Anlasse mag auch der Silberschild des Justinian entstanden sein.

In jedem Falle ist der Silberschild von Kertsch von einem byzantinischen Silberarbeiter wol in Konstantinopel gefertigt. Es ist dem gegenüber auch hier auf das Gesetz Konstantin's vom J. 337 hinzuweisen, durch das einer Reihe von Gewerben, darunter den Silberarbeitern, Befreiung von allen Ämtern zugesichert wird, damit sie mit Musse ihre Kunst erlernen und danach streben sollten geschickter zu werden und ihre Söhne zu unterrichten [2]). Die Silberschilde beweisen die Übung der Technik bis auf Justinian's Zeit, nur zeigt sich auch hier der charakteristische Wechsel von der Antike zum Byzantinismus, das Auf-

Фока (963—969) при своемъ вступленіи въ городъ тотчасъ отправился верхомъ отъ Золотыхъ воротъ въ церковь Божіей Матери на форумѣ, облачился тамъ въ τὸ διβητήσιον καὶ καμπάγια καὶ χαμπότουβα [1]), т. е. въ тотъ костюмъ, который изображенъ на нашемъ щитѣ и затѣмъ, въ торжественной процессіи, отправился далѣе въ Софійскій соборъ.

Эти данныя достаточно, полагаю, доказываютъ, что костюмъ, въ которомъ Юстиніанъ изображенъ на Керченскомъ серебряномъ щитѣ, нѣсколько страненъ только въ томъ отношеніи, что на памятникахъ встрѣчается изрѣдка. Вотъ почему Керченскій серебряный щитъ въ моихъ глазахъ особенно драгоцѣненъ. Можетъ быть, на основаніи костюма удастся даже опредѣлить, по какому торжественному случаю щитъ этотъ былъ изготовленъ. Серебряный щитъ Θеодосія отмѣчаетъ 10-ую годовщину восшествія императора на престолъ; щитъ Аспара—консульство его; щитъ Перуджійскій, по мнѣнію Де-Росси, можетъ быть, былъ поднесенъ Велисарію въ 537 году за освобожденіе Рима. По случаю какого-нибудь торжества появился, вѣроятно, и серебряный щитъ Юстиніана.

Во всякомъ случаѣ Керченскій серебряный щитъ изготовленъ византійскимъ серебренникомъ, можетъ быть въ Константинополѣ. Въ виду этого и тутъ слѣдуетъ указать на Константиновъ законъ 337 года [2]), которымъ разные ремесленники, въ томъ числѣ и серебренники, освобождались отъ всякой службы съ тѣмъ, чтобы на досугѣ изучать свое искусство, добиваться въ немъ усовершенствованія и обучать ему сыновей. Серебряные щиты свидѣтельствуютъ о развитіи техники до Юстиніановыхъ временъ, но здѣсь характерный переходъ отъ античнаго направленія къ византинизму и замѣна рельефа плоскостною техникою

1) Ebenda, p. 439.
2) Cod. Theod. XIII, 4, 2.

geben des Reliefs zu Gunsten einer Flachtechnik darin, dass die beiden Schilde aus Justinian's Zeit nicht mehr im Relief, sondern wie die antiken Spiegel eingeritzt gearbeitet sind. Recht verständlich wird nun auch, warum der in Italien gefertigte Schild von Perugia sich eng an die Antike anlehnt, der Silberschild von Kertsch die Umbildung im byzantinischen Geiste zeigt: in Konstantinopel hatte die Kunst eben schon zu Theodosius Zeit neue, eigenartige Formen angenommen, die gerade in der Zeit des Justinian sich zum vollendeten altbyzantinischen Stile entwickelt hatten.

Was die übrigen Details des Silberschildes von Kertsch anbelangt, so schliessen sie sich ebenso wie das Kostüm des Kaisers genau dem byzantinischen Geschmack an. Das Schwert ist nicht mehr wie auf römischen Denkmälern und noch z. B. auf dem Diptychon zu Monza, welches angeblich Galla Placidia, Valentinian III und Aëtius darstellt [1]), umgegürtet, sondern nach byzantinischer Art umgehängt, wie schon auf dem Diptychon des Honorius zu Aosta vom J. 406 [2]) und in so vielen Denkmälern der späteren Zeit [3]). Der Schwertgriff ist noch in der Grundform römisch, wie er es auch bei den Byzantinern bleibt, d. h., mit Knauf, Griff und Schwertansatz [4]), nur hat ihn der Silberarbeiter seiner Technik entsprechend geschmückt. Das Pferd ist, wie mir nach den Kreisen auf der Brust scheinen will, schon hier der bei den Byzantinern so beliebte Eisenschimmel [5]), die reiche Zäumung bietet durchaus nichts, was sich nicht sonst nachweisen liesse oder ohne Schwierigkeit zulässig erschiene [6]). Das Thier ist jedenfalls in seiner lebendigen Bewegung nach guten Vorbildern gearbeitet. Der Protector

проявляются въ томъ, что оба щита Юстиніанова времени уже не исполнены рельефомъ, а гравированы на подобіе античныхъ зеркалъ. Теперь становится также яснымъ, почему Перуджійскій щитъ, сдѣланный въ Италіи, тѣсно примыкаетъ къ античному искусству, а Керченскій серебряный щитъ отзывается духомъ византійскаго искусства: въ Константинополѣ уже во времена Θеодосія искусство приняло новыя своеобразныя формы, изъ которыхъ именно въ Юстиніаново время развился окончательно древневизантійскій стиль.

Что касается остальныхъ деталей Керченскаго серебрянаго сосуда, то онѣ, подобно костюму императора, вполнѣ соотвѣтствуютъ византійскому вкусу. Мечъ уже не виситъ на поясѣ, какъ на римскихъ памятникахъ и еще напр. на складн Монцскомъ, на которомъ, какъ полагаютъ, изображены Галла Плакидія, Валентиніанъ III-ій и Аэцій [1]), а на перевязи, по византійскому способу, какъ напр. уже на складнѣ Гонорія 406-го года въ Аостѣ [2]) и на многихъ памятникахъ позднѣйшаго времени [3]). Рукоятка меча имѣетъ еще основную римскую форму, какую она сохраняетъ и при византійцахъ, т. е. мы видимъ на ней шляпку, ручку и надставку [4]), но серебренникъ украсилъ ее сообразно своей техникѣ. Конь, какъ я полагаю, судя по кругамъ на груди, принадлежитъ къ столь любимымъ у Византійцевъ лошадямъ стальнаго цвѣта [5]); роскошная сбруя его не представляетъ рѣшительно ничего такого, чего бы нельзя было указать и на другихъ памятникахъ, или что не могло бы быть допущено безъ всякаго затрудненія [6]). Во всякомъ случаѣ конь, съ своимъ жи-

---

1) Labarte, hist. des arts ind. pl. 2 u. a. O.
2) Garrucci, Storia Tav. 449 u. a. O.
3) Vgl. z. B. Bordier, Description p. 76; Fleury, La sainte Vierge I, pl. XXIX; Уваровъ, l. c. Альбомъ № 8; Agincourt, Peint. pl. XXXI; Gori, Thes. vet. dipt. III, tab. 24 u. a. O.
4) Vgl. die oben citirten Stellen.
5) Vgl. Repertorium für Kunstwissenschaft XIII (1890) und Уваровъ, таб. XXI.
6) Vgl. die oben citirten Reiterbilder, besonders auch das Goldmedaillon des Valens.

entspricht, wie oben gezeigt wurde, durchaus dem sonst nachweisbaren Typus, sein Costüm, wie es scheint, ebenfalls das Dibitision, aber ohne Vergoldung, kommt, wie den obersten Hofchargen, auch den vornehmsten Militärs und der Leibwache zu. Dass der Spartharier ein Adeliger ist, beweist ohnedies die Bulla an seinem Halse. Die Nike erscheint so, wie wir sie hier sehen, unzählige Male auf Münzen und anderen Denkmälern, z. B. genau so im Kalender des Chronographen vom J. 354 [1]). Der Schild und die Blätter, welche das untere Kreissegment füllen, finden sich an derselben Stelle schon auf dem Silberschilde des Valentinian, besser noch auf dem des Aspar und so häufig auf Elfenbeindiptychen und spielen immer auf die Freigebigkeit des Dargestellten an.

So stellt denn der Silberschild von Kertsch ein in jeder Beziehung höchst werthvolles und überaus interessantes Denkmal aus der ersten Blüteperiode der byzantinischen Kunst dar. Er ist ein neuer Vertreter einer Reihe von Silberarbeiten, die sich bis in die altgriechische Zeit verfolgen lassen. In späterer byzantinischer Zeit werden ähnliche Arbeiten für kirchliche Zwecke angefertigt, wie die in Sibirien gefundene Silberschale bezeugt [2]), welche auf der concaven Innenseite ein von zwei Engeln flankirtes Kreuz hat, etwa dem VII Jahrh. angehört und demselben Zwecke gedient haben dürfte, wie die Schalen in den Händen von Justinian und Theodosia in den Dedicationsmosaiken von S. Vitale in Ravenna.

вымъ движеніемъ, исполненъ по хорошимъ образцамъ. Protector вполнѣ соотвѣтствуетъ, какъ указано было выше, типу, встрѣчающемуся и въ другихъ случаяхъ; костюмъ его, повидимому также διβητήσιον, но безъ позолоты, составляетъ принадлежность какъ главнѣйшихъ придворныхъ чиновъ, такъ и важнѣйшихъ военныхъ лицъ и тѣлохранителей. Что спаѳарій дворянинъ, это доказываетъ, кромѣ того, булла на его шеѣ. Ника въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена здѣсь, является чрезвычайно часто на монетахъ и другихъ памятникахъ, напр. въ точно такомъ-же родѣ въ календарѣ хронографа 354 года [1]). Щитъ и листья, наполняющіе нижній сегментъ круга, оказываются на такомъ-же мѣстѣ уже на серебряномъ щитѣ Валентиніана, а еще лучше на щитѣ Аспара, и очень часто на складняхъ изъ слоновой кости; они всегда намекаютъ на щедрость изображеннаго лица.

Такимъ образомъ Керченскій сер. щитъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ весьма цѣнный и чрезвычайно интересный памятникъ, относящійся къ первому цвѣтущему періоду византійскаго искусства. Онъ является новымъ представителемъ цѣлаго ряда сер. издѣлій, который можно прослѣдить до древнегреческихъ временъ. Въ позднѣйшее византійское время такія произведенія изготовлялись для церковныхъ нуждъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ найденный въ Сибири сер. сосудъ [2]) съ изображеніемъ, на внутренней вогнутой сторонѣ, креста между двумя ангелами, относящійся приблизительно къ VII-му стол. и вѣроятно игравшій такую-же роль, какъ сосуды въ рукахъ Юстиніана и Ѳеодоры на равеннскихъ мозаикахъ въ S. Vitale.

1) Strzygowski, Die Calenderbilder des Chronographen vom J. 354, Taf. VIII.
2) De Rossi, Bull. di arch. crist. 1871; Garrucci 460,10.

II.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ЩИТЪ,

НАЙДЕННЫЙ ВЪ КЕРЧИ.

Проф. **Н. В. Покровскаго.**

Находка 1891 года, обслѣдованію которой посвящаются настоящія строки, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ древней Пантикапеи. Своею общею формою она напоминаетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ серебряныхъ блюдъ съ изображеніями, какихъ не мало находится въ Эрмитажѣ и въ собраніи гр. Строганова[1]). Но керченское блюдо не имѣетъ никакихъ признаковъ поддона; задняя сторона его совершенно гладкая, выпуклая, неудобная для постановки его на столѣ; сверхъ того оно имѣетъ вверху кольцо для привѣшиванія[2]); наконецъ и характеръ находящагося на немъ изображенія не позволяетъ думать, что оно предназначалось для обычнаго бытового употребленія. Представляется болѣе вѣроятнымъ, въ виду этого, отнести его къ числу тѣхъ коммеморативныхъ, подносныхъ, или же декоративныхъ щитовъ, которые извѣстны по письменнымъ и вещественнымъ, дошедшимъ до насъ, памятникамъ[3]). На внутренней вогнутой поверхности его награвировано довольно сложное изображеніе. Художникъ не пользовался ни циркулемъ, ни линейкою; онъ сперва намѣчалъ посредствомъ грабштихеля фигуры, въ видѣ пунктира, слѣды котораго ясно замѣтны во многихъ мѣстахъ, а

---

1) О нихъ: Köhler's Gesammelte Schriften Bd. VI, S. 39 ff. S. Petersburg 1853. Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1879 — 1880 г. Стефани, Кормленіе Змѣй. Зап. Импер. Акад. наукъ, т. 25, прилож. № 3. Ср. гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русск. древности вып. 3, стр. 72 и слѣд. СПБ. 1890. De Linas, Les orig. de l'orfévrerie cloisonnée, t. II, p. 45 sq. Paris 1878.

2) На блюдахъ Эрмитажа и гр. Строганова дырочки, пробитыя для привѣшиванія, не современны первоначальному изготовленію блюдъ.

3) О значеніи термина см. Du Cange, Glossar. lat. s. v. Clypeus. Cf. Constant. Porphyrogen. De cerim. II, 15. Ed. Niebuhrii, Bonnae 1829, p. 585. Reiskii Commentar. p. 694 — 695. Указанія на памятники: Delgado, Memoria historico-critica sobre el gran disco de Theodosio. Madrid 1849. Sitzungsberichte d. philosoph. histor. Classe d. Kaiserl. Wien. Acad. d. Wissenschaften II Bd. 1849; IX Heft, S. 220 ff. (Ст. Арнета). Didron, Annales archéol. vol. XXI, p. 309. Cahier, Nouveaux mél. d'archéol. I, 65.

потомъ уже проводилъ по пунктиру линіи. Всѣ фигуры носятъ на себѣ ясные слѣды позолоты,[1]) фонъ же серебряный: тотъ-же пріемъ разцвѣчиванія фигуръ видимъ на двухъ блюдахъ Эрмитажа №№ 954 и 1420; а на одномъ сассанидскомъ блюдѣ изъ собранія гр. Строганова позолочены не только фигуры, но и фонъ; на всѣхъ остальныхъ блюдахъ названныхъ коллекцій позолота, если она есть, является лишь въ фонѣ, а не въ фигурахъ. Нѣкоторыя части главной фигуры, особенно голова и туника, также сбруя коня, отдѣланы, повидимому, металлическимъ сплавомъ (niello) темно-зеленаго цвѣта, довольно глубоко пущеннымъ въ серебряную поверхность. Но главнѣйшій интересъ представляетъ находящаяся на нашемъ блюдѣ иконографическая композиція. Обращаясь къ ея разсмотрѣнію, мы первоначально опишемъ ея формы и при этомъ отмѣтимъ аналогичныя явленія въ другихъ памятникахъ древности,—откуда будетъ видно, что наше изображеніе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, передаетъ не случайныя и вымышленныя, но дѣйствительныя формы, бывшія въ обращеніи среди древнихъ художниковъ и имѣвшія близкое отношеніе къ самой жизни. Затѣмъ опредѣлимъ основную идею иконографической композиціи, эпоху, къ которой относится нашъ памятникъ, и въ заключеніи представимъ попытку опредѣленія личности изображеннаго на немъ всадника.

Главная фигура — всадникъ. Голова его украшена золотымъ нимбомъ и діадимою въ видѣ золотого обруча съ драгоцѣннымъ камнемъ на челѣ; позади головы видны, какъ кажется, завязки діадимы. Овалъ лица нѣсколько удлиненный; черты лица строгія, выразительныя: большіе округлые глаза съ большими зрачками; брови очерчены рѣзко, но повидимому онѣ не густы; прямой довольно длинный носъ. Вообще типъ лица не отличается красотою, но и не принадлежитъ къ числу совсѣмъ некрасивыхъ. Одежда — короткая и узкая туника, съ узкими рукавами, съ клавами. Подобныя одежды извѣстны по изображеніямъ сассанидскихъ царей-всадниковъ[2]) и по памятникамъ византійскимъ[3]). Онѣ украшались перлами и богатыми золотыми вышивками, о которыхъ, помимо памятниковъ вещественныхъ, свидѣтельствуетъ поэтъ VI вѣка Кориппъ[4]). Онѣ входятъ въ употребленіе византійскихъ императоровъ не позднѣе V в. и въ эпоху сильнаго распространенія восточныхъ вліяній въ Византіи (VI в.) становятся обычными. Вóротъ и подолъ туники обшивались широкими узорчатыми коймами; около плечъ вышивались овальныя или круглыя клавы, какъ можно видѣть напр. на щитѣ Θеодосія)[5] и многихъ другихъ памятникахъ[6]); на груди двѣ вертикальныя полосы[7]), иногда отъ ворота до подола, иногда только до пояса: послѣднія — на томъ-же щитѣ Θеодосія, также въ одной изъ миніатюръ греческаго кодекса Григорія Богослова въ національной библіотекѣ въ Парижѣ (№ 510), гдѣ изображены — Импе-

---

1) Позолота исполнена не вездѣ съ одинаковою аккуратностью, какъ можно видѣть и на нашемъ точномъ снимкѣ.

2) Примѣры: Texier, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, passim. Paris 1852. Готтенротъ, Исторія внѣшней культуры, т. I, табл. XXII, 5. LXXVII, 1. СПБ. 1885.

3) Готтенротъ LXVI, 13, 16. Zeitschr. f. christl. Archäol. 1858. Bd. II, Taf. 17 и др.

4) Corippi, De laud. Iustini minoris l. II, v. 100—101 (рѣчь о туникѣ Юстина младшаго). Edit. Bonnae 1836, p. 178.

5) Рис. у Дельгадо, въ Анналахъ Дидрона, у Кайе и въ Христ. древн. Прохорова. См. также табл. V.

6) Weiss, Kostümkunde II Bd. S. 38, Fig. 23 c; S. 39, Fig. 24 a. b; S. 40, Fig. 25 a. b. и др. Zweite Aufl. Stuttgart 1883.

7) Отсюда названіе туники: paragauda diloris.

раторъ Константинъ и его воины[1]), въ миніатюрахъ вѣнскаго кодекса Бытія[2]), въ ватиканскомъ кодексѣ Козьмы Индикоплова[3]), въ нѣкоторыхъ византійскихъ мозаикахъ, фрескахъ и въ шитьѣ [4]). Украшеніе это восходитъ своими корнями къ античной древности и повторяется часто въ живописяхъ христіанскихъ катакомбъ[5]). Искусство византійское довело до высшей степени роскошь этого украшенія: полосы и обшивки здѣсь украшены, по обычаю востока, перлами; обшивка ворота слилась въ нераздѣльное цѣлое съ вертикальными полосами. Такъ это и на нашемъ памятникѣ, хотя, какъ кажется, нашъ художникъ, изображая украшеніе ворота въ связи съ клавами, нѣсколько отступилъ отъ дѣйствительности въ подробностяхъ перваго. Есть въ нашемъ изображеніи и другое отступленіе отъ обычнаго типа изображеній этого рода, именно: нашъ всадникъ, по всѣмъ признакамъ, есть царственная особа, точнѣе, какъ будетъ показано ниже, византійскій императоръ; но одну изъ важнѣйшихъ одеждъ византійскихъ императоровъ составляла хламида, застегнутая фибулой на правомъ плечѣ (Χλαμὺς βασιλική). Хламида надѣвалась на императора при коронаціи[6]); въ хламидѣ онъ присутствовалъ при торжественныхъ церемоніяхъ, въ ней изображается онъ въ мозаикахъ, на медаляхъ и монетахъ. Было бы вѣрнѣе, повидимому, и въ данномъ случаѣ, по аналогіи съ другими однородными памятниками, представить императора въ хламидѣ. Чѣмъ объясняется это отступленіе — сказать трудно; однако мы не можемъ, на основаніи одного этого признака, притомъ не совсѣмъ опредѣленнаго, заподозрить подлинность нашего памятника. Византійскіе императоры, подобно властелинамъ востока, для разныхъ случаевъ имѣли особыя одежды. Несомнѣнно, что иногда они являлись предъ народомъ и въ одной туникѣ безъ верхней хламиды. Поэтому на нѣкоторыхъ монетахъ, напр. Юстиніана, гдѣ императоръ изображенъ въ парадномъ костюмѣ, хламиды нѣтъ. Поясъ всадника украшенъ драгоцѣнными камнями, какъ на нѣкоторыхъ памятникахъ персидскихъ[7]) и какъ свидѣтельствуетъ о поясѣ Юстина младшаго современный поэтъ Кориппъ, называя его драгоцѣннымъ, украшеннымъ геммами[8]). У лѣваго бедра — мечъ, рукоять котораго видна возлѣ лѣвой стороны груди; рукоять обвита ремнемъ или металломъ и снабжена головкою, какъ на диптихѣ Онорія въ соборѣ въ Аосто[9]). Мечъ прикрѣпленъ не къ поясу, но къ портупеѣ, перекинутой чрезъ правое плечо, украшенной, согласно съ описаніемъ Кориппа, драгоцѣнными камнями[10]) и извѣстной по памятникамъ греческимъ, персидскимъ и фригійскимъ[11]). Штаны узкіе, плотно прилегающіе къ тѣлу, какъ у фригійцевъ, но безъ всякихъ украшеній. Башмаки съ острыми

---

1) Визант. альбомъ гр. А. С. Уварова, т. I, вып. 1, табл. XXI. Москва 1890. Ср. Schlumberger, Un empereur byzant. p. 185.

2) Lambecii Commentar. de bibl. caes. vindobon. l. III. Ed. Kollarii 1776, tab. XVI, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLII и др. Garrucci, Storia dell'arte crist. tav. CXX, 4.

3) Garrucci tav. CXLIII, 1. CXLVIII, 1.

4) Weiss, Kostümkunde S. 39, Fig. 24. Древности росс. госуд. Кіево-соф. соб. табл. 53, 54. Garrucci tav. CDXXIV, 1.

5) Для примѣра: Aringhi Roma subterr. t. II, p. 109, 117, 119, 123, 167, 185, 209, 255, 329. Edit. Romae 1651. Garrucci tav. XV, 2. LXIX, 1.

6) Goar, Εὐχολόγιον sive rituale graecorum, p. 925. Edit. 1647. Const. Porphyr. De cerim. I, 96. Ed. Bonn. p. 440. Cf. Reiskii Commentar. p. 469, 471 и др.

7) Готтенротъ, табл. LXXVI — LXXIX.

8) Corippi, De laud. l. II, v. 8: pretiosaque cingula gemmis.

9) Garrucci, tav. CDXLIX, 3.

10) Corippi, De laud. II, v. 115: Balteus effulgens lumbos praecinxit heriles.

11) Готтенротъ, табл. XXII, 5. XXXI, 22, 24. XXXII, 4. XXV. 2.

носками, какіе видимъ въ памятникахъ персидскихъ и фригійскихъ [1]). Красные башмаки составляли одну изъ самыхъ важныхъ принадлежностей костюма византійскихъ императоровъ [2]) и потому ихъ видимъ въ изображеніяхъ Константина В. въ кодексѣ Григорія Б. (№ 510), Θеодосія на упомянутомъ щитѣ (табл. V), Юстиніана въ мозаикахъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ (табл. III) [3]), того-же (?) императора и Юстина младшаго на диптихахъ, изданныхъ Гори [4]), императрицы Θеодоры въ мозаикахъ равенскихъ [5]), Льва Мудраго (?) въ мозаикахъ Софіи константинопольской [6]) и императора въ мозаикахъ собора св. Марка въ Венеціи [7]). Въ правой массивной рукѣ всадника длинное копье. Ретивый конь съ круто поднятою головою, сильно выпуклою грудью, въ роскошномъ убранствѣ съ фаларами, напоминающемъ собою тѣ дорогіе конскіе наборы, какіе иногда попадаются въ числѣ крымскихъ древностей. На налобникѣ уздечки видна фигура полумѣсяца; изъ подъ сѣдла выступаетъ попона съ бахромою. Подъ ногами коня поверженный щитъ обычнаго византійскаго типа [8]), съ большою выпуклостію (ὀμφαλός) по срединѣ, окруженною овалами и кругами [9]), высѣченными пунктиромъ. Такіе-же щиты и на щитѣ Θеодосія и въ мозаикахъ равенскихъ. Къ этой-же категоріи, со стороны общей формы, относится и другой щитъ въ рукѣ царедворца, стоящаго позади всадника; но на выпуклой сторонѣ его находится такъ называемая константиновская монограмма. Царедворецъ этотъ, какъ можно судить по его роскошному костюму, принадлежитъ къ высшему служебному рангу; принимая же въ соображеніе относящіяся къ этому предмету указанія Константина Порфиророднаго, который щиты и копья въ рукахъ относитъ къ числу отличій спаθаріевъ [10]), мы должны причислить его именно къ этой категоріи дворцовой стражи. Стража эта, по персидскому обычаю, носила узкое короткое платье съ драгоцѣнными клавами и обшивками; голова ихъ была открыта; на ногахъ башмаки; на шеѣ металлическая гривна, примѣненіе которой извѣстно по памятникамъ египетскимъ (Быт. XLI, 42) и персидскимъ [11]), откуда она, по всей вѣроятности, перешла въ Византію и стала украшеніемъ не только вельможъ, но и самихъ императоровъ [12]). Передъ всадникомъ стоитъ женщина въ длинной золотой туникѣ, дважды опоясанной (tunica succincta); на головѣ ея золотой вѣнокъ; изъ-за плечъ ея выступаютъ золотыя крылья, въ родѣ павлиньихъ перьевъ; на правой рукѣ ея возлѣ плеча золотой браслетъ, — обычное украшеніе древнихъ

---

1) Тамъ-же, табл. XXIV, 3. LXXVI — LXXIX.

2) Const. Porphyr. De cerim. I, 96 (p. 434). Cf. Reiskii Commentar. p. 453. Notae (Figginii) in libr. II Corippi De laud. p. 366 — 367.

3) Изъ многочисленныхъ изданій этой мозаики укажемъ: Revue archéol. vol. VII, pl. 145. Garrucci, tav. CCLXIV, 1. Weiss, Taf. II (2 Aufl.).

4) Gori, Thesaur. vet. diptich. t. II, tab. VIII, XI.

5) Weiss, Taf. III. Garrucci, tav. CCLXIV, 2.

6) Salzenberg, Altchristl. Baudenkm. v. Constantinopel. Taf. XXVII.

7) Weiss, S. 33.

8) Готтенротъ LXV, 9, 18, 21; LXVI, 2, 8, 16. LXVII, 8. Ср. Древн. росс. госуд. Кіево-Соф. соб. табл. LV, 14. LII.

9) Ср. замѣчанія Вейсса на стр. 35.

10) Οἱ βασιλικοὶ σπαθάριοι τὰ βασιλικὰ αἴρουσιν ἅρματά τε καὶ σκουτάρια καὶ τὰ δῶρατα. Const. Porph. De cerim. I, 1. Ed. Bonn. p. 7. Cf. Reiskii Commentar. p. 47.

11) Примѣры у Texier, Descr. de l'Arménie, Perse etc.

12) Corippi, De laud. II, v. 130 — 131. Ср. примѣч. Барта на стр. 369: persarum moribus inter insignia regia erat torques aureus.

гречанокъ; на лѣвую накинутъ плащъ. Въ правой рукѣ она держитъ высоко поднятый золотой вѣнокъ, въ лѣвой пальмовую вѣтвь. Значеніе этой фигуры легко опредѣляется ея аттрибутами: это олицетвореніе побѣды—Νίκη, столь хорошо извѣстное по памятникамъ античной и христіанской древности. Представителемъ ея въ Керчи служитъ найденный здѣсь мраморный рельефъ съ надписью, въ которой обозначено имя Евпатора и 8-й индиктъ: здѣсь двѣ фигуры Νίκη въ туникахъ съ двумя поясами, съ крыльями; обѣ онѣ опираются правыми ногами на глобусы; въ правыхъ рукахъ держатъ вѣнки, въ лѣвыхъ пальмовыя вѣтви[1]).

Таковы иконографическія формы нашего памятника. Посмотримъ теперь на цѣльную композицію изображенія и опредѣлимъ ея основную идею.

Изображеніе всадника — явленіе обычное въ древнемъ искусствѣ. Иногда всадникъ этотъ поражаетъ хищныхъ звѣрей, какъ на памятникахъ сассанидскихъ и арабскихъ; иногда онъ является побѣдителемъ народовъ, иногда злыхъ духовъ. Изображенія свв. Георгія, Арх. Михаила, Ѳеодора Стратилата, апокалипсическихъ всадниковъ указываютъ на широкое распространеніе этого типа въ христіанской иконографіи. Однимъ изъ наглядныхъ подтвержденій близости христіанскаго типа къ греко-римскому служитъ фактъ превращенія послѣдняго въ первый на одномъ изъ памятниковъ московскаго Успенскаго собора: здѣсь находится мраморный рельефъ съ изображеніемъ всадника, поражающаго чудовище, съ латинскою надписью, указывающею на то, что этотъ всадникъ есть Константинъ Великій; но этотъ всадникъ, при помощи весьма незатѣйливыхъ поправокъ, превращенъ догадливымъ русскимъ иконописцемъ въ св. Георгія[2]). Очевидно, близкое сходство двухъ типовъ внушило иконописцу мысль приспособить частности перваго типа къ привычному для русскаго народа представленію о св. Георгіи. И намъ кажется, что если иконографическій типъ св. Георгія долженъ имѣть свои прототипы, то ихъ нужно искать въ греко-римской иконографіи, а не въ изображеніи Горуса, поражающаго тифона, какъ склоненъ думать Клермонъ-Ганно[3]). Наиболѣе распространенный въ искусствѣ типъ всадника выражаетъ идею побѣды и тріумфа. Побѣдитель-царь вооруженный сидитъ на конѣ; у ногъ его коня лежатъ побѣжденные; предъ побѣдителемъ — олицетвореніе побѣды въ видѣ женщины съ побѣднымъ вѣнкомъ въ рукѣ. Къ этому типу относятся изображенія на монетахъ и медаляхъ[4]): Траяна, Галерія Максиміана[5]), Константина Великаго, Константина II, Констанція II, Магненція, Валента (См. рис. прилож. на стр. 30)[6]). Сюда-же принадлежатъ—щитъ Перузы[7]) и миніатюра

---

1) Оригиналъ въ Эрмитажѣ подъ № 104. Изданія: Dubois de Montpéreux, Voyage au Caucase. Atlas, série IV, pl. XXVI, fig. 6. Ашикъ, Воспорское царство, ч. I, рис. 12. Древн. Босфора киммер., т. II, надпись № 21.

2) Снегиревъ, Пам. моск., древн., стр. 17 — 18. Москва 1842.

3) Horus et St. Georges.... par Clermont — Ganneau. Paris 1877.

4) Froehner, Les médaillons de l'empire romain pp. 23, 266, 279 (Cf. 282, 283), 296, 309, 315, 328. Paris 1878. Sabatier, Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles rom. byz. et celt. XCIV, 43. XCV, 36 — 37. XCVI, 3 — 4. Pl. supplém. IV, 6. St.-Petersbourg 1847.

5) Императоръ поражаетъ находящихся внизу персовъ; вверху крылатая побѣда съ вѣнкомъ; надпись: victoria persica. sis.

6) Императоръ въ нимбѣ на конѣ; предъ нимъ геній востока; подъ ногами коня поверженная женщина, олицетворяющая собою покоренные азіатскіе города или, по выраженію Арнета (Die Antiken Gold- und Silber-Monumente d. k. k. Münz- und Antiken Cabinettes in Wien; beschrieb. v. Jos. Arneth. Taf. G. XVI, 10, 11. Wien 1850), геній Антіохіи. Надпись: Gloria Romanorum.

7) Cahier, Nouveaux mél. d'archeol., t. I, p. 83.

греческой псалтири Лобкова[1]) съ изображеніемъ Константина Великаго, поражающаго Максентія. Въ искусствѣ персидскомъ отраженіе его встрѣчается на скалѣ Шапура, гдѣ изображенъ царь Шапуръ I, побѣдитель на конѣ; предъ нимъ стоитъ на колѣнахъ римскій императоръ Валеріанъ съ простертыми умоляющими руками; позади Валеріана стоятъ римляне съ подарками; вверху предъ Шапуромъ маленькій геній съ рогомъ изобилія; подъ ногами коня — поверженный воинъ, означающій побѣжденную армію[2]). Замѣчательнѣйшій образецъ этой композиціи представляетъ извѣстный барбериновъ диптихъ (Ἐπινήκιον[3]) (Табл. IV). Средину его занимаетъ всадникъ императоръ въ бронѣ и хламидѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ, поддерживаемымъ царемъ-варваромъ. На землѣ подъ ногами коня сидитъ женщина съ распущенными волосами, съ фруктами въ туникѣ; она поддерживаетъ правою рукою ногу императора и означаетъ побѣжденный народъ. Предъ императоромъ вверху — Νίκη съ крыльями, съ пальмою въ лѣвой рукѣ и съ вѣнкомъ (отломанъ) въ правой. Она опирается лѣвою ногою на глобусъ, означающій, по словамъ Гори, orbem terrarum imperio Romano subjectum. Позади императора стоитъ юноша въ бронѣ и хламидѣ, съ мечемъ при бедрѣ и съ статуею Νίκη въ рукѣ. Первый издатель и изслѣдователь памятника рѣшилъ съ блестящимъ остроуміемъ вопросъ о личности изображеннаго здѣсь императора: это Констанцій, побѣдитель Тунгровъ, Квадовъ и Сарматовъ. На такихъ именно варваровъ, — cornutos et braccatos, по выраженію Амміана Марцеллина, и указываютъ находящіяся внизу изображенія рогатыхъ юношей. Лицо, поддерживающее императорское копье, означаетъ, вѣроятно, Шапура персидскаго, побѣжденнаго Констанціемъ. Юноша—Константинъ Августъ младшій, или Криспъ Августъ — братья Констанція. Гори съ полною вѣроятностію полагаетъ, что этотъ диптихъ

Медальонъ импер. Валента.

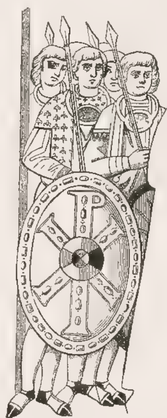
1) Н. П. Кондаковъ, Мин. греч. рукоп. псалт. IX в.; табл. XIV. Труды моск. Археол. Общ., т. VII. Москва 1878.

2) Texier, Descr. de l'Arménie, Perse.... vol. II, pl. 147; та же композиція на табл. 146; ср. также табл. 129. Kugler, Handb. d. Kunstgesch. I Bd. S. 295. Stuttgart 1856. Weiss, Kostümkunde II Bd. S. 97, Fig. 68.

3) Gori, Thes. t. II, pars secunda, tab. I, p. 163 sq. Agincourt, Denkm. d. Sculpt. Taf. III, 15.

былъ поднесенъ Констанцію сенатомъ въ 357 году въ IV день апрѣльскихъ календъ, когда императоръ вошелъ въ Римъ, какъ побѣдитель, и послѣ торжественной встрѣчи сенатомъ, представителями сословій, народомъ и войскомъ, отправился въ Капитолій и Палатинъ. — Если мы сопоставимъ наше изображеніе съ разсмотрѣннымъ типомъ композиціи, столь широко распространеннымъ въ древнемъ искусствѣ, то будетъ вполнѣ ясно и несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою сцену императорскаго тріумфа. Здѣсь тѣ-же составныя части, въ той-же комбинаціи, что и въ обычной композиціи. Императоръ изображенъ въ торжественный моментъ побѣднаго шествія: онъ въ нимбѣ, служащемъ атрибутомъ величія и даже апоѳеоза[1]), въ блестящей императорской діадимѣ и драгоцѣнныхъ одеждахъ, съ мечемъ и копьемъ, на роскошно убранномъ конѣ; брони нѣтъ на немъ: она не нужна, потому что военный подвигъ оконченъ, мечъ вложенъ въ ножны; враги побѣждены и ихъ силы ниспровергнуты; конь побѣдителя попираетъ ихъ, въ образѣ поверженнаго щита, своими ногами. Геній побѣды, съ обычными символами побѣды — вѣнкомъ и пальмовою вѣтвію, привѣтствуетъ возвращеніе императора съ поля битвы; путь побѣдителя усѣянъ цвѣтами. Блестящій представитель дворцовой стражи, но не воинъ строевой службы, сопровождаетъ императора. Побѣду надъ врагами и торжество мира представляетъ разсматриваемая сцена; иное объясненіе ея невозможно. — Кто же именно этотъ императоръ? Прежде, чѣмъ подойти къ рѣшенію этого вопроса, необходимо опредѣлить вообще эпоху, къ которой относится нашъ памятникъ.

Признаки, характеризующіе эпоху памятника, двоякаго рода: одни иконографическіе, другіе стилистическіе. Въ ряду первыхъ преимущественное значеніе имѣютъ: монограмма на щитѣ и отсутствіе бороды у Императора; они опредѣляютъ собою крайнія границы времени изготовленія памятника. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію то, что монограмма, представляющая соединеніе буквъ X и P, появляется на щитахъ не ранѣе Константина Великаго. Послѣ извѣстнаго видѣнія, Константинъ Великій повелѣлъ изобразить эту монограмму на знаменахъ, а потомъ и на своемъ шлемѣ[2]). По свидѣтельству Пруденція, монограмма изображена была на воинскихъ щитахъ, а на шлемахъ—крестъ[3]). Съ тѣхъ поръ монограмма эта становится явленіемъ обычнымъ и дошла до насъ въ довольно многочисленныхъ памятникахъ. Правда, изъ числа древнихъ щитовъ мы имѣемъ пока единственный памятникъ, гдѣ эта монограмма изображена точно въ указанной формѣ: это извѣстная мозаика въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, изображающая Юстиніана и его свиту, гдѣ протоспаѳарій держитъ въ рукѣ щитъ, украшенный именно этою монограммою (см. прил. рис.); но она встрѣчается нерѣдко на монетахъ императоровъ—Магненція, Констанція Галла, Юстина I и Юстиніана I. Послѣ Юстиніана I изъ области нумизматики можемъ указать лишь

Мозаика въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.

1) Du Cange Glossar. lat. Ed. 1887, t. X: Dissert. de infer. aevi numism. p. 128.

2) Eusebii Pamph. De vita Const. l. I, c. XXXI. Ed. Valesii 1720, p. 516. Cf. l. IV, c. XXI, p. 636. Sozomeni Hist. eccles. l. I, c. 8. Ed. Vales. p. 20. Niceph. Call. Eccles. hist. l. VII, c. XLVI. Ed. Migne Patrol. c. c. s. gr. t. CXLV, col. 1320.

3) Aurel. Prudentii Carmina l. I, contr. Symmachum v. 487 — 489. Migne s. l. t. LX, col. 159.

на монеты Маврикія Тиверія, Ираклія и сына его Константина съ этимъ изображеніемъ[1]). Послѣ 641 года монограмма эта на византійскихъ монетахъ уже не встрѣчается. Итакъ, на основаніи этого признака, границами изготовленія нашего памятника слѣдуетъ признать съ одной стороны эпоху Константина Великаго, съ другой — Ираклія и Константина III-го, а можетъ быть даже и Юстиніана I-го. На тотъ-же періодъ времени указываетъ и форма діадимы на нашемъ императорѣ. Допустимъ даже, что діадима съ драгоцѣнными камнями вошла въ употребленіе въ римской имперіи не со временъ Константина Великаго[2]), а съ Геліогабала[3]): положеніе дѣла отъ этого не измѣняется, такъ какъ отнести нашъ памятникъ ко времени до Константина Великаго въ виду вышеуказаннаго признака — монограммы, невозможно. Діадима наша не имѣетъ еще привѣсокъ (ἐνώτια, κρεμαστάρια) изъ перловъ, которыя впервые, насколько намъ извѣстно, появляются на монетахъ Юстиніана I-го и въ мозаикахъ св. Виталія и становятся обычными на монетахъ, начиная съ Юстина II-го. Но на монетахъ послѣдняго изъ названныхъ сейчасъ императоровъ, а затѣмъ Тиверія, Маврикія и Фоки діадима уже украшается, сверхъ того, крестомъ, какого нѣтъ на нашемъ изображеніи. Такимъ образомъ по формѣ діадимы нашъ памятникъ относится ко времени отъ Константина Великаго до Юстина II (566—578). Что онъ не позднѣе Ираклія, это подтверждается отсутствіемъ бороды у императора. Принято думать, что византійцы до Ираклія не носили бородъ; а со временъ этого послѣдняго всѣ, въ томъ числѣ и императоры, стали ревниво оберегать неприкосновенность бороды[4]). Памятники нумизматическіе въ общемъ подтверждаютъ это положеніе. Исключеніе составляютъ — одна мѣдная монета Льва I (457—473[5]) и нѣкоторыя изъ монетъ Тиверія II (578—582) и Фоки (602—610), на которыхъ эти императоры изображены съ бородами. Въ частности по отношенію къ Юстиніану дошло до насъ свидѣтельство Александрійской хроники, — что этотъ императоръ имѣлъ бритый подбородокъ ὡς οἱ Ῥωμαῖοι[6]). Ираклій чаще съ бородою, чѣмъ безъ оной: послѣдній изъ этихъ типовъ находитъ подтвержденіе въ словахъ Кедрина, который говоритъ, что Ираклій, сдѣлавшись императоромъ, остригъ свои длинные волосы и обрилъ широкую бороду, по императорскому обычаю[7]). Ираклій стоитъ, такимъ образомъ, на границѣ, отдѣляющей одинъ обычай отъ другаго. Его преемники обычно уже изображаются съ бородами. Итакъ, признакъ этотъ намѣчаетъ одинъ изъ хронологическихъ предѣловъ нашего памятника *согласно* съ другими признаками.

Однако, періодъ времени въ три столѣтія все-таки очень великъ. Попытаемся теперь точнѣе опредѣлить время происхожденія нашего памятника. Живая реальная сцена, представляющая собою повтореніе сцены искусства греко-римскаго, проблески античной красоты въ фигурахъ, энергичныя

---

1) Sabatier, Iconogr. pl. XCV, 31 — 32. XCVI, 7; pl. III, 17 — 19 (byzant.). Supplém. byzant. IV, 3. Cf. Description génér. das monnaies byzant. frappées sous les empereurs d'orients pl. XII, 17. XVII, 2. XXVI, 12. Paris — Londres 1862.

2) Du Cange, Glossar. lat. Ed. 1887, t. X; Dissert. de numism. p. 130. Sabatier, Descr., p. 29.

3) Ciampini, Vet. mon. I, 110.

4) Du Cange l. c.

5) Sabatier, Descr. pl. VI, 19; VII, 1. Ср. стр. 30, гдѣ авторъ замѣчаетъ, что еще импер. Юліанъ носилъ бороду, но его преемники не удержали этого нововведенія.

6) Du Cange p. 151, § LXXV (LXXVII).

7) Ὁπηνίκα δὲ πρὸς τὸ τῆς βασιλείας ἦλθεν ἀξίωμα, εὐθέως ἐκείρατο τὴν κόμην καὶ τὸ γένειον τῷ βασιλικῷ σχήματι. Cedren. Histor. compend. ad ann. 1 Heracl. Ed. Bonn., t. I, p. 714.

движенія коня, достаточная свобода контуровъ позволяютъ думать, что нашъ памятникъ стоитъ не далеко отъ эпохи греко-римской. Но его нельзя отнести ни къ IV-му, ни даже къ V-му вѣку. Въ немъ уже довольно явственно выступаютъ тѣ признаки условности и нѣкоторой тяжеловатости формъ, которыми характеризуется эпоха перваго разцвѣта византійскаго искусства: онъ ближе къ эпохѣ Юстиніана, нежели Константина Великаго. Сравнимъ его съ барбериновымъ диптихомъ, передающимъ ту-же самую композицію (табл. IV). Тамъ и здѣсь — всадникъ; но, не говоря уже объ отличіяхъ костюма, между ними — крупное различіе въ фигурахъ: барбериновъ всадникъ свободно и естественно сидитъ на конѣ: поворотъ его головы, положеніе рукъ, ногъ и всего корпуса гораздо ближе къ природѣ и античной отдѣлкѣ формъ, чѣмъ на нашемъ памятникѣ. Не столь легки и граціозны на нашемъ памятникѣ формы и движенія коня, фигуры ники и спаѳарія. Съ этой стороны нашъ памятникъ ближе къ золотому медальону Юстиніана (см. рис. на стр. 34)[1]), чѣмъ къ барберинову диптиху, не смотря даже на то, что спокойныя и вялыя движенія коня на этомъ медальонѣ, очевидно, уже обнаруживаютъ склоненіе къ иному типу изображенія, между тѣмъ какъ конь нашего всадника представляетъ еще прямое подражаніе типу древнѣйшему. Насъ не должно удивлять то, что одни изъ элементовъ нашей композиціи носятъ на себѣ ясные слѣды классической древности, каковы — ники и конь, другіе, особенно же Императоръ, передаютъ сполна формы византійскія, съ едва лишь замѣтными штрихами классической старины. Историческая смѣна художественныхъ воззрѣній и понятій, видоизмѣненія въ формахъ искусства, прогрессъ и упадокъ естественно отражаются на главныхъ фигурахъ скорѣе и явственнѣе, чѣмъ на второстепенныхъ, долго сохраняющихъ традиціонныя формы. Извѣстно, какъ рано переработанъ былъ въ искусствѣ античный типъ І. Христа; между тѣмъ какъ античныя олицетворенія пережили всѣ средніе вѣка. Въ извѣстномъ россанскомъ кодексѣ VI вѣка стилистическія различія отдѣльныхъ фигуръ въ разсматриваемомъ смыслѣ несравненно болѣе замѣтны, чѣмъ на нашемъ памятникѣ; укажемъ для сравненія съ одной стороны на изображенія І. Христа, молящагося въ саду Геѳсиманскомъ и возлежащаго на вечери, а съ другой на классическія фигуры мудрыхъ и неразумныхъ дѣвъ и Пилата[2]). Однакожъ несомнѣнно, что всѣ миніатюры этого кодекса составляютъ нераздѣльныя части одного цѣлаго и относятся къ одному и тому-же времени, т. е. къ VI столѣтію. Къ этому-же столѣтію относится и нашъ памятникъ. Мы рѣшаемся пойти еще далѣе и представить попытку опредѣленія личности всадника — императора. Здѣсь къ намъ приходитъ на помощь иконографическій типъ его, отличающійся достаточною опредѣленностію. Сравнивая этотъ типъ съ монетными типами императоровъ византійскихъ VI в. мы находимъ, что онъ ближе всего подходитъ къ типу Юстиніана. Монетные типы — не портреты, однакожъ они и не вымыслы праздной фантазіи и должны отражать на себѣ по крайней мѣрѣ наиболѣе характерныя черты изображаемыхъ лицъ; такими чертами по отношенію къ Юстиніану слѣдуетъ признать большой овалъ лица, прямой и довольно большой носъ, выпуклые глаза. Черты эти проходятъ не только въ памятникахъ нумизматическихъ и на нашемъ памятникѣ, но также и въ извѣстной мозаикѣ св. Виталія въ Равеннѣ[3]), на золотомъ медальонѣ, изданномъ

---

1) M. Pinder u. Fridländer, Die Münzen Justinians. Taf. II. Berlin 1843. R. Jacquemin, Supplém. à l'iconogr. génér. du costume du IV au XIX siècle, tab. 201.

2) Gebhardt u. Harnack, Evangel. cod. gr. purpur. Rossan. Taf. XI, VIII, VII, XVI. Leipzig 1880.

3) Ср. также мозаич. изображ. Юстиніана въ равеннской ц. Аполлинарія Новаго (Capella tutti i Santi). Richter, Die Mos. v. Ravenna S. 71. Wien 1878.

Пиндеромъ и Фридлендеромъ (см. прилаг. рис.) и даже на серальской копіи XIV в. съ знаменитой конной статуи Юстиніана, поставленной предъ входомъ въ константинопольскій храмъ Софіи[1]). Византійскіе историки въ своихъ описаніяхъ внѣшняго вида Юстиніана не противорѣчатъ сказанному. По словамъ Прокопія, Юстиніанъ былъ средняго роста, не совсѣмъ сухопарый, но умѣренно полный; имѣлъ продолговато-округлое не некрасивое лицо[2]). Малала говоритъ, что Юстиніанъ имѣлъ округлое лицо (στρογγίλοψις), большой носъ (εὔρινος), обритый подбородокъ[3]). Тоже округлое лицо, круглые глаза и бритый подбородокъ отмѣчаетъ и хроника александрійская[4]). Столь полное согласіе памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ относительно глазъ и носа не можетъ быть объяснено простою случайностію: очевидно, черты эти—суть характерные признаки Юстиніанова лица, весьма опредѣленно и даже рѣзко выраженныя скульпторомъ нашего памятника, знавшимъ, вѣроятно, Юстиніана лично, или же пользовавшимся въ своей работѣ руководствомъ точнаго

Медальонъ Импер. Юстиніана.

портрета. Едва ли слѣдуетъ признать простою случайностію и то, что какъ на нашемъ памятникѣ, такъ и въ равенской мозаикѣ, щитъ въ рукахъ спаѳарія украшенъ одною и тою-же монограммою. Повидимому, повтореніе этой формы свидѣтельствуетъ о постоянномъ примѣненіи ея къ украшенію воинскихъ щитовъ въ эпоху Юстиніана: явленіе вполнѣ понятное, если мы вспомнимъ о преданности христіанству императора Юстиніана,—этого μεγαλοψυχὸς χριστιανός, по выраженію Малалы, и о разнообразныхъ формахъ внѣшняго проявленія этой преданности. Пользуясь аналогіею памятни-

1) Revue de l'art chr.; novembre 1891, p. 471.
2) Procopii Hist. arc. 8. Ed. Bonn. t. III, p. 54 — 55.
3) I. Malalae Chronogr. l. XVIII. Migne s. gr., t. XCVII, col. 628.
4) Du Cange, Gloss. lat.; ed. 1887. Dissert. p. 151, § LXXV (LXXVII). То же мѣсто въ комментаріяхъ къ бонскому изданію Прокопія, т. III, стр. 376.

ковъ, не можемъ, далѣе, не обратить вниманія и на то, что изображенія Юстиніана въ видѣ всадника и его трофеевъ были довольно распространены въ древности. Сюда относятся прежде всего уже упомянутый нами золотой медальонъ (см. прил. рис. на стр. 34), на которомъ изображенъ Юстиніанъ сидящимъ на конѣ, въ нимбѣ, съ каскою на головѣ, въ бронѣ и хламидѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ; возлѣ головы его находится звѣзда; предъ нимъ крылатая викторія съ трофеями въ рукѣ (шлемъ и броня); конь украшенъ перлами, равно какъ и облаченіе императора; надпись кругомъ: Salus et gloria romanorum. conob. — Конная статуя Юстиніана предъ главнымъ входомъ въ храмъ Софіи общеизвѣстна. Снимокъ съ нея (см. прил. рис.), сдѣланный въ 1340 году и сохранившійся въ библіотекѣ сераля, вполнѣ соотвѣтствуетъ описаніямъ историковъ, которые говорятъ, что императоръ изображенъ былъ здѣсь съ сферою въ лѣвой рукѣ, украшенною крестомъ и означающею земной шаръ, просвѣщенный свѣтомъ христіанской вѣры; правая рука его была поднята вверхъ въ знакъ властной угрозы персамъ [1]); на головѣ его вѣнецъ, украшенный павлиньими перьями, на подобіе коронъ мексиканскихъ властелиновъ; это и есть та самая «τοῦφα съ огромнымъ перомъ, напоминающая хвостъ павлина», о которой говорятъ и византійскіе историки и испанскій посланникъ Клавихо. Надпись на изображеніи коня «Theodosi» относится не къ статуѣ, но къ колоннѣ Θеодосія, стоявшей, по словамъ Зонары, на этомъ мѣстѣ, и объясняется тѣмъ, что рисунокъ предназначался для плана Константинополя: рисовальщикъ обозначилъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ плана и статую и колонну [2]). Факты эти показываютъ, что наше изображеніе Юстиніана въ видѣ всадника-побѣдителя не стоитъ одиноко, но прямо примыкаетъ къ другимъ однороднымъ изображеніямъ этого Императора. Памятники литературные здѣсь также идутъ навстрѣчу памятникамъ вещественнымъ. Поэтъ Кориппъ удостовѣряетъ, что во дворцѣ Юстина младшаго находились, между прочимъ, металлическіе сосуды съ изображеніями Юстиніана и его трофеевъ.

Конная статуя Юстиніана.

Aurea purpureis apponunt fercula mensis
Pondere gemmarum plus gravia; pictus ubique
Justinianus erat; dominis pictura placebat,
Gaudebantque sui genitoris imagine visa
Felices gentili; veras ibi cernere posses
Sacras effigies, vivasque adstare putares
....

1) Georg. Codini De signis CB. Bonn., p. 28 — 29.
2) Revue de l'art chr. 1891, t. II, 6-me livr., p. 471 — 472.

Ipse triumphorum per singula vasa suorum
Barbarico historiam fieri mandaverat auro,
Tempore quo captis injecit vincla tyrannis
Jutisnianus, ovans quarto cum consule princeps
Alta triumphali tereret Capitolia pompa [1]).

Но если изображеніе Юстиніана въ видѣ побѣдителя-всадника стоитъ въ полной гармоніи вообще съ памятниками искусства и письменности VI столѣтія, то остается еще вопросъ: какимъ образомъ такой памятникъ могъ появиться въ Керчи, имѣлъ ли онъ для этой мѣстности какое-либо историческое значеніе, или по крайней мѣрѣ былъ ли понятенъ для Пантикапеи его внутренній смыслъ? Что Пантикапея въ V — VI вв. стояла на довольно высокой ступени культурнаго развитія и поддерживала оживленныя сношенія съ Византіею, это вполнѣ удостовѣрено какъ археологическими находками [2]), такъ и древними историками; а потому и памятникъ трофеевъ византійскаго императора не могъ быть для нея совершенно чуждымъ. Въ частности въ этихъ сношеніяхъ невольно обращаютъ на себя вниманіе военныя мѣры и дѣйствія Юстиніана, предпринятыя и блестящимъ образомъ оконченныя въ интересѣ обитателей Воспора. Прокопій упоминаетъ о возстановленіи Юстиніаномъ I пришедшихъ въ ветхость воспорскихъ стѣнъ [3]). І. Малала и Өеофанъ разсказываютъ, что царь гунновъ Гродъ или Гордасъ, царствовавшій близъ Воспора (ὁ πλήσιον Βοσπόρου ῥήξ), посѣтилъ однажды Константинополь, просвѣщенъ былъ здѣсь крещеніемъ и получилъ отъ Юстиніана богатые подарки съ тѣмъ, чтобы охранять Воспоръ и оберегать здѣсь византійскіе интересы. Гордасъ возвратился домой и въ порывѣ христіанской ревности сталъ сплавлять языческихъ идоловъ и превращать ихъ въ монету. Гунны язычники возмутились, убили Гордаса и поставили вмѣсто него брата его Мугела или Муагера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь римлянъ, они пришли въ Воспоръ и избили его защитниковъ. Императоръ Юстиніанъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ туда военные карабли и сухопутныя войска. . . . . . Варвары въ страхѣ убѣжали; въ Воспорѣ былъ возстановленъ миръ, и городъ снова занятъ римлянами [4]). Мы не можемъ утверждать, что именно эти событія и послужили поводомъ къ изображенію Юстиніана побѣдителя на нашемъ памятникѣ, хотя бы молодой типъ его и соотвѣтствовалъ до извѣстной степени хронологіи событій, происшедшихъ въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана; но указываемъ на нихъ, какъ на фактическое подтвержденіе общеизвѣстности въ Воспорскомъ царствѣ военной славы Юстиніана. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что военная слава арміи и полководцевъ Юстиніана легко могла быть перенесена на личность императора. Отсюда понятно, что изображеніе Юстиніана, прославившагося доблестями своей арміи, могло найти весьма легкій доступъ къ обитателямъ Воспора, какъ памятникъ общеизвѣстныхъ дѣяній дружественнаго императора.

---

1) Corippi De laud. III, v. 111 — 125. Bonn. p. 190 — 191.
2) Перечень у Ю. А. Кулаковскаго: Керч. христ. катакомба 491 года, стр. 28—29. Матѐр. по Археол. Россіи, изд. Археол. комм. № 6. СПБ. 1891.
3) Procop. De aedif. III, 7. Ed. Bonn. p. 261. Cf. Koene, Beiträge zur Gesch. u. Archäol. v. Chersonesos in Taurien III: byzant. Zeit. А. А. Куникъ, о запискѣ готск. топарха, стр. 71. Зап. Акад. наукъ, т. XXIV.
4) I. Malalae Chronogr. Migne s. gr., t. XCVII, col. 637. Theoph. Chronogr. Migne s. gr. t. CVIII, col. 405.

Было бы важно знать, гдѣ изготовленъ нашъ памятникъ, — въ Пантикапеѣ, или въ Византіи, но въ настоящее время мы еще не имѣемъ прочныхъ данныхъ для точнаго рѣшенія этого вопроса. Извѣстно, что художники Пантикапеи, какъ показываютъ дошедшіе до насъ памятники, были очень искусны въ изготовленіи металлическихъ вещей[1]); но нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что здѣсь болѣе или менѣе были распространены художественныя произведенія a niello, къ числу которыхъ относится и нашъ памятникъ; а потому представляется вѣроятнымъ, что и этотъ послѣдній идетъ изъ Константинополя, — этого скопища художественныхъ мастерскихъ и художниковъ, снабжавшихъ своими разнообразными произведеніями востокъ и западъ. Несомнѣнно лишь то, что памятникъ этотъ дополняетъ собою небольшое число памятниковъ V—VI в., найденныхъ въ Керчи, и свидѣтельствуетъ о близости художественной культуры Воспора къ Византіи.

---

1) Сабатье, Керчь и Воспоръ 115. СПБ. 1851.

Портретъ Юстиніана изъ ц. св. Виталія.
Portrait Justinians aus S. Vitale.

Портретъ Юстиніана изъ ц. св. Аполлинарія.
Portrait Justinians aus S. Apollinare nuovo.

худож. фотогип. А. И. Вильборгъ. спб. мѣщ. 19.

III.

Мозаичное изображеніе въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.
Dedications-Mosaik aus S. Vitale in Ravenna.

худож. фототип. А. И. Вильборгъ. спб. мѣщ 19.

Складень Барберин. библ. по фотограф. снимку I. Стржиговскаго.
Diptychon d. barberin. Bibl. nach einer phot. Aufn. v. J. Strzygowski.

худож. фототип. А. И. Вильборгъ. спб. мѣщ. 19.

Щитъ импер. Θеодосія 388 г.
Silberschild des Theodosius v. J. 388.

